1990

2

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АРМИЯ ЗАЩИЩАЕТ НАС, А КТО ЗАЩИТИТ АРМИЮ?

1990 2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

80 коп.

Индекс 70544

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ

К 70-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ

1990
2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Герой Советского Союза А. В. РУЦКОЙ.
Композиция А. Егорова.

Четвертая страница обложки журнала:
памятник ополченцам. Фотоэтюд Ю. Леонова.

«Молодая гвардия», 1990, № 2, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-28; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

М. ЛЮБОМУДРОВ

ПОДНЯТЬ РОССИЮ ИЗ РУИН

ЗАМЕТКИ УЧАСТНИКА ВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Написал в заголовке «Россию» и вспомнил, что год назад в одном московском журнале слово «великоросс» (в другой моей статье) у сотрудницы редакции вызвало истерический протест...

Но времена меняются стремительно, и я не сомневаюсь, что редакция, для которой я пишу, уважая авторское право, не сократит моей первой фразы. Впрочем, этого я и не позволил бы... Речь пойдет именно о России и еще — о выборах. Тех, что происходили повторно весной 1989 года в Ленинграде, когда на оставшиеся свободными депутатские вакансии в Верховный Совет СССР баллотировались десятки новых претендентов.

К выборам в Верховный Совет СССР, которые были назначены и проходили 26 марта 1989 года, я отнесся, признаюсь, индифферентно. Сказалась инерция недоверия к предыдущим подобным кампаниям, когда в итогах «голосования» всегда значилось стереотипное: 99,99 процента избирателей. Все эти многочисленные «выборы» утратили всякие жанровые признаки, перестали восприниматься и как фарс, а стали смертельно тоскливой повинностью...

Отрезвление, а с ним и тревога родились позднее... Когда корпус депутатов нового Совета стал прорисовываться во всех своих ипостасях. Злые языки вновь вспомнят нашу поговорку — русский мужик задним умом крепок, — я привожу ее здесь в утешение тем «цензорам», которым слово «русский» ненавистно... Становилось все более очевидным, что выборы 26 марта мы (говорю о своих единомышленниках — радетелях национального возрождения России, восстановления ее равноправия в рамках СССР) безнадежно проиграли.

Предложение баллотироваться на повторных выборах по Ленинградскому городскому национально-территориальному избирательному округу № 19 РСФСР (такова официальная формула) было для меня неожиданным. Хотя я всегда занимался не только чисто профессиональной, литературной деятельностью, но и нередко активно участвовал в общественной борьбе, но депутатство — стезя политиков, иная дорога, иное призвание. Ведь всем давно уже стало ясно, что «кухарка» может управлять государством только в мечтательных фантазиях утопистов или в заклинаниях демагогов-популистов... Короче, я долго не соглашался на настойчивые уговоры и нажим, который на меня оказывали друзья. И главным своим контраргументом выдвигал то обстоятельство, что среди баллотирующихся значится выдающийся ученый, публицист, общественный деятель Фатей Яковлевич Шипунов — следовательно, моя гражданская позиция будет в списке кандидатов представлена... Подписал я свое согласие участвовать в выборах поздно ночью, накануне последнего дня регистрации, когда мне сообщили, что Шипунову, как москвичу, избирательная комиссия отказала в регистрации (лишь позднее это решение было изменено, и Фатей Яковлевич участвовал в выборах).

Конечно, с первых шагов у меня не было и минуты сомнений в том, что победить в предстоявшем предвыборном марафоне нельзя. И главная моя цель — впрочем, я этого и не скрывал — получить возможность трибуны в средствах массовой информации, то есть возможность обратиться со своими мыслями и идеями к широким слоям народа. Надо заметить, что в нашем, хорошо «осажденном» городе почти все средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение) находятся под жестким контролем одной узкогрупповой общественной силы. И пробиться в них национально — по-русски — мыслящему человеку — дело совершенно безнадежное. Иное дело — предвыборная кампания, здесь предполагаются — по закону! — равные возможности для выступлений в прессе всем кандидатам. Конечно, монополисты из господствующей группировки и здесь ставили палки в колеса. Однако в этой, достаточно изнурительной и тяжелой, борьбе кое-каких результатов все же удалось добиться: маленький полуподвальчик в газете «Смена» с выдержками из моей программы, три минуты по ленинградскому радио и минут десять телевизионного экрана в трехдневных теледебатах накануне выборов. Если вспомнить, что действие происходит в «осажденном» городе, поверьте, дорогой читатель, результат не столь уж мизерен.

В избирательном округе № 19 имелась одна депутатская вакансия. На нее претендовали... тридцать четыре кандидата, таково было число зарегистрированных. Этот, неслыханный по соотношению претендентов на одно место, избирательный эшелон свидетельствовал и о том, что ленинградцы не только проснулись, но и азартно ринулись в гущу политической борьбы.

В списке зарегистрированных были представлены едва ли не все городские слои и профессии: рабочий Игорь Красавин, инженер Анатолий Пыжов, певица Ирина Богачева, уволенный из милиции за участие в забастовке капитан Николай Аржанников, директор производственного объединения Валентин Занин, секретарь райкома Виктор Ефимов, экономист и политолог Михаил Попов, военный врач Анатолий Белоусов... Были и москвичи: Фатей Шипунов, юрист Борис Куркин, наконец, следователь по особо важным делам Николай Иванов.

Подавляющее большинство кандидатов действовали в одиночку, независимо друг от друга. Но сразу же обозначилась и группа, выступавшая единым блоком, поначалу заявленным как сторонники общества «Мемориал»: заместитель генерального директора научно-технического объединения на кооперативной основе «Инсэт» Сергей Андреев, руководитель неформальной молодежной группы «Спасение» Алексей Ковалев, телевизионный журналист (организатор видеоканала «Пятое колесо») Бэлла Куркова, сотрудница Института геологии АН СССР Марина Салье, бывший врач-психиатр, ставший литератором, Михаил Чулаки. Загадочным для меня образом к этой группе оказался причисленным и бывший милиционер Аржанников. Этот блок выступал под лозунгами: «Против сталинизма, за демократию, за обновление, за необратимость перемен»...

Первая задача любого выдвинутого в депутаты кандидата — сформулировать свою избирательную программу. Программа — это политическое, гражданское кредо кандидата, его убеждения, система взглядов и, разумеется, конкретные предложения. Признаюсь, мне здесь не пришлось ничего придумывать — необходимость патриотического пробуждения русского народа, духовного, культурного возрождения России я с давних пор утверждал и пропагандировал в своих книгах, статьях, выступлениях. Видимо, именно это и привлекло внимание тех общественных кругов, которые предложили мне участвовать в избирательной кампании.

Мне казалось важным — выборы проходили по национально-территориальному округу — акцентировать в программе национально-патриотический аспект. Моим программным лозунгом стали слова: «Возродим Россию!» Побудительные мотивы были изложены во вступлении. Процитирую: «Дорогие соотечественники! Россия — наш общий дом — приведена в состояние крайнего разорения, развала и одичания. И никто, кроме нас самих, не выведет Родину из кризиса.

Многолетняя, последовательная дискриминация интересов РСФСР привела к тому, что почти во всех отношениях — общественно-политическом, социально-экономическом, демографическом, в сфере образования и культуры — русский народ отброшен на одно из последних среди других республик мест. Общесоюзный бюджет формируется преимущественно за счет РСФСР. Именно Россия стала ареной многих сомнительных и вредоносных экономических и научно-технических экспериментов, подрывавших ее экономику, разрушавших экологию (гидроэнергетика, уничтожение «неперспективных» деревень, атомные станции вблизи крупнейших городов, хищническое вычерпывание недр и т. п.). Дискриминация простирается и на сферы политической жизни, науки, культуры:

отсутствие российских представителей в ООН, Академии наук, телевизионного и радиоканалов, общественно-политической газеты («Советская Россия», как известно, орган ЦК КПСС), национального театра, компартии, профсоюзов, союза журналистов и т. п. На требования общественности предоставить России равные с другими республиками права правительство и ЦК КПСС молчат.

В основании кризиса лежат политические, внешние причины. Но не только они. Разрушение природы, общества, культуры — отражение, следствие и духовных болезней народа, нравственного распада человека, разложения его внутреннего миропорядка, его души.

Стратегия возрождения России и должна исходить из необходимости оздоровить политическую систему, экономику и одновременно мобилизовать духовно-нравственные силы народа, опираться на решение задач, связанных с воспитанием, образованием, подъемом культуры и искусства.

Вся деятельность Человека должна сообразовываться с его духовно-нравственной сущностью, с его призванием Созидателя. От всех нас требует внимания не только экология природы, но прежде всего — экология человеческой души, его духовной природы».

А вот и «пакет» предложений, обнародованный перед избирателями-ленинградцами в мае 1989 года: «Принять срочные законодательные меры против снижения жизненного уровня населения РСФСР, и без того самого низкого среди всех республик страны.

Вернуть политическую власть под контроль народа.

Справедливые законы и высокие качества политических лидеров — залог подъема страны.

Неотложная задача — радикальное кадровое обновление государственно-управленческого аппарата. Все лидеры, чьи программы — военно-политические, экономические, культурные и пр. — обанкротились, должны немедленно увольняться, уходить в отставку.

Упорядочить, сделать гласным и подконтрольным механизм отбора и назначения на руководящие должности в ключевых сферах: в правительстве, средствах массовой информации, экономике, армии и т. п.

Непременные условия выдвижения в лидеры — нравственная безупречность, компетентность, патриотизм, воля и мужество, подтвержденные фактами биографии.

Государственное управление — в руки лидеров, избранных прямым тайным голосованием всего народа. Исключить из закона все непрямые формы выборов (от профессиональных корпораций, творческих союзов и пр.).

При составлении госбюджета обеспечить первоочередное и оптимальное финансирование программ народного просвещения, медицинского обслуживания и развития культуры в стране.

Провести общенародные референдумы по важнейшим вопросам — развитие атомной энергетики, гидроэнергетики, проекты рытья каналов и поворота рек, продажи сырья за границу (золото, алмазы, нефть, руда, лес, меха и пр.).

Провести общественное, публичное расследование деятельности учреждений: Госплана, Минфина, Госкомстата, Госкомцен СССР. Пресечь фальсификацию и сокрытие статистики, деление ее на гласную и тайную.

Объявить общенациональный поход против мафий и бандократий во всех сферах общества — политической, экономической, социально-культурной.

Все принадлежавшие православной церкви храмы и монастыри вернуть верующим (в Ленинграде: главные соборы, Валаамский монастырь и др.). Специальным законом оградить церковь от всех форм (гласных и негласных) вмешательства государственной власти. Сделать реальной свободу вероисповедания. Разрешить факультативное изучение основ православного вероучения в русских школах и в вузах.

Остановить нравственное разрушение народа, которое ведется через прогнившую систему школьного образования. Возродить классические традиции русской школы, повысить удельный вес гуманитарных предметов в школьных программах. Усилить патриотическое воспитание молодежи. Ввести в РСФСР с начальных классов преподавание отечествоведения, курса истории своего народа, родного края, как это имеет место в других республиках. Восстановить раздельное (по половому составу) обучение в школах. В Ленинграде в порядке эксперимента в ряде школ с 1989 года организовать обучение по программам, приближенным к программам классических гимназий.

Принять меры к сохранению нормального естественного прироста населения РСФСР путем проведения принципа обеспечения жильем в зависимости от состава семьи и количества детей, оказания финансовой помощи, упорядочения борьбы с алкоголизмом и курением.

Прочность семьи — залог демографического, нравственного возрождения России. Каждой женщине — материально обеспеченные и социально защищенные семью и материнство. В государственном масштабе разработать и реализовать социально-оздоровительную программу «Совершенная семья». Всем матерям оплачивать отпуск в течение трех лет после рождения ребенка.

Никаких повышений цен на товары народного потребления массового спроса. По примеру развитых европейских стран регулярно публиковать индекс цен (показатели меняющейся стоимости товаров и их совокупное влияние на общую стоимость жизни), ввести денежные компенсации пропорционально росту инфляции — по крайней мере для тех слоев населения, зарплата которых ниже среднего по стране уровня.

Исправить все перекосы в национальной политике. Воспитывать уважение народов друг к другу. Соблюдать принцип пропорционального представительства наций на всех уровнях, начиная от низкооплачиваемых физически тяжелых работ и кончая сферой управления. Восстановить справедливое, пропорциональное представительство наций в органах массовой информации (газеты, журналы, радио, ТВ), при приеме на учебу, в сферах культуры и искусства, в области формирования научных и творческих кадров, их подготовке и аттестации.

Противодействовать открытой и завуалированной пропаганде русофобии, прикрывающейся лозунгом «борьбы с национализмом и шовинизмом».

Ввести в Конституцию СССР дополнительную статью о том, что палата национальностей Верховного Совета СССР должна следить за фактическим равенством республик в области экономической и кадровой политики.

Средства массовой информации — в руки патриотических сил (необходимы российские каналы радио и телевидения, российский общественно-политический журнал-еженедельник и пр.).

Пересмотреть практику искусственного перемещения народов, в частности, административно-командное заселение коренных русских областей в центральной и северо-западной России представителями южных и среднеазиатских республик, что отрицательно сказывается на жизни и коренных жителей, и переселенцев.

За спокойный, уважительный, научно взвешенный диалог русского народа со всеми другими — большими и малыми — народами страны, на основе справедливости и равных гражданских прав. Предоставить возможность создания и развития центров культуры, творческих союзов, секций и объединений для всех населяющих Россию народов (в том числе в Ленинграде и Москве)».

Таков был основной круг проблем, выдвинутых в моей программе. Вместе с тем ряд предложений имел местный, региональный характер, и касались они впрямую Ленинграда и его жителей. В этом смысле мне представлялось наиболее злободневным и неотложным решение следующих наболевших и даже кричащих социальных и экологических противоречий:

«Прекратить политику создания городов-супергигантов, страдающих от перенаселенности. Остановить искусственный приток населения в Ленинград, прекратив строительство новых заводов, фабрик, любых новых производств, — издать для этого специальные законы.

По Ленинграду: полную чистоту водам Ладоги и Невы, закрыть все производства, сбрасывающие в них вредные отходы, прекратить строительство и разобрать дамбу в Финском заливе.

Запретить строительство новых промзон вблизи Ленинграда, в частности в районе поселка Всеволжский.

Запретить все новостройки в исторических границах города.

Атомную станцию в поселке Сосновый Бор не модернизировать (как объявлено), а законсервировать.

Нет — строительству развлекательного центра в Лисьем Носу.

Сделать гласными все засекреченные показатели состояния окружающей среды — воздуха, воды, почвы, продуктов и т. п. Организовать производство — для широкого пользования — счетчиков определения радиоактивного фона. Законодательно укрепить права и ответственность санитарно-эпидемиологической и других контрольных служб.

Нет — политике захоронения зарубежных радиоактивных топливных отходов в нашей стране».

Перечитав свою программу спустя полгода, я не нашел в ней ничего, что бы мне захотелось радикально пересмотреть или от чего стоило бы отказаться.

Итак, к 22 апреля 1989 года было зарегистрировано 34 кандидата. По сообщениям из ленинградской окружной комиссии их могло оказаться и больше. Пять человек, ранее выдвинутых избирателями, сами сняли свои кандидатуры. Среди них — главный редактор журнала «Огонек» В. Коротич, первый секретарь Смольнинского райкома КПСС А. Чаус.

Из представителей государственно-партийного аппарата в окончательном списке остался только секретарь Ленинского райкома КПСС В. Ефимов. И это вполне объяснимо. На основных выборах 26 марта правящая городом номенклатура понесла серьезное поражение. Не прошли в народные депутаты все «отцы» города: первый секретарь обкома КПСС Ю. В. Соловьев, первый секретарь горкома А. Н. Герасимов, председатель облисполкома Н. И. Попов, председатель горисполкома В. Я. Ходырев, командующий войсками Ленинградского военного округа В. Ф. Ермаков, второй секретарь обкома А. М. Фатеев, председатель плановой комиссии горисполкома А. А. Большаков и другие. Никем не прогнозировавшееся, прямо-таки невероятное поражение верхнего эшелона власти потрясло всех. Выборы обнаружили, сколь низки его популярность и авторитет у народа. И избиратели вдруг осознали, что кончились пресловутые 99,99 процента...

Все это подхлестнуло второй этап избирательной кампании — по дополнительным выборам на вакантные депутатские места. Горожане наконец поверили в возможность повлиять на их исход. Именно на этом этапе в большей мере проявились и гражданская активность населения, разнообразие программ, разброс, широта точек зрения, свобода их изложения. Конечно, возросли и острота полемики, и напряженность столкновений взглядов, позиций. Нередко они приобретали непримиримый, ожесточенный характер.

На всю предвыборную кампанию по национально-территориальному округу № 19 от момента регистрации кандидатов до голосования по подсчету председателя окружной комиссии В. Н. Фомина пришлось одиннадцать календарных рабочих дней. Срок ничтожно малый. Вот почему — объяснял Фомин — невозможно организовать полноценную агитационно-предвыборную кампанию. К тому же, по его словам, многие кандидаты до последнего дня не имели сколько-нибудь четких программ. Фомин призывал кандидатов самих «за оставшееся время найти путь к сердцу избирателей, показать, чего вы стоите... сам не плошай» («Ленинградская правда», 1989, 26 апреля).

Таким образом каждый кандидат оказался предоставленным самому себе. Городские газеты публиковать программы и сведения о кандидатах отказались. Круговую оборону от претендентов на «сердце избирателей» заняли редакции радио и телевидения — лишь некоторым удалось пробить в ней бреши... Главным средством агитации стали листовки, плакаты, выступления на собраниях и митингах.

Самыми горячими точками, где кипели особенно жаркие споры, завязывались бескомпромиссные идеологические поединки, стали площадки у станций метрополитена. До позднего вечера толпились люди у станций «Площадь Восстания», «Парк Победы», «Василеостровская», «Чернышевская», «Площадь Мужества» и других. Городским «Гайд-парком» стала площадь у Казанского собора, каждодневно собиравшая громадные толпы людей. Как грибы выросли стенды, стойки с плакатами, сотни листовок и призывов были наклеены всюду — на дверях и заборах, на афишных тумбах и просто на стенах, в вагонах трамваев и метро...

Довольно быстро стало очевидным, что в предвыборном марафоне важно не только, «что» утверждает каждый в своей программе, но и каким числом он сумел ее размножить и распространить. А это обстоятельство непосредственным образом зависело от кредитоспособности. Деньги и выборы — нас приучили к мысли, что их взаимозависимость существует лишь на дальнем Западе, в Штатах, в буржуазном «растленном» мире. Однако на

ленинградских выборах в марте — мае 1989 года, насколько мне известно, никто даром листовок не печатал.

Недостаточно было найти типографию, которая бы отпечатала вашу листовку или плакат, главное — чтобы нашелся меценат, покровитель, спонсор (как угодно назовите), который бы эти расходы оплатил. Больше платишь — больше тираж. И конечно, деньги, как говорится, «на бочку»... Вот здесь и проявилось резче всего неравенство условий, в которых оказались разные кандидаты. Один из поддержавших мою программу кооперативов помог отпечатать небольшой плакат с выдержками из нее тиражом три с половиной тысячи экземпляров. Признаюсь, такого тиража в не встречал в выходных данных на листовках моих конкурентов. Для сравнения — попавшиеся мне на глаза варианты листовок имели тиражи: С. Андреева — 50 тысяч, Б. Курковой, М. Чулаки — по 10 тысяч, Ю. Савельева и В. Неплоха — по 100 тысяч и т. д. Вскоре я уже был твердо убежден, что не только не «гнилом» Западе, но и в «передовом» СССР победить на выборах гораздо больше шансов имеет тот, кто богаче.

Тридцать четыре депутатские программы составили достаточно пеструю мозаику. Большинство из них, как мне показалось, были погружены в толщу житейски-бытовых избирательских чаяний. «Реально улучшить жизнь малоимущих слоев, решить проблему жилья, обеспечить прилавки товарами», — предлагал С. Андреев, требуя: «Вся власть Советам...» «Полная информация по всем вопросам, милосердие как норма жизни, борьба против привилегий аппарата, культурное и экологическое возрождение Ленинграда» — тезисы Б. Курковой... «Многопартийность, свобода творчества, сохранение памятников архитектуры, новая Конституция и свобода от диктата Москвы» — это из листовок М. Чулаки, в которых сообщалось также, что он является автором романа «Что почем?», живет в коммунальной квартире и «способствует нравственному возрождению — в обществе «Милосердие» и обществе защиты животных»... За то, чтобы советские органы «занимались своим делом, партийные — своим... крестьяне должны получить землю... за уменьшение разводов, увеличение рождаемости, за семью... за раскрепощение вашей мамы, жены, сестры, дочери, подруги от кабалы очередей и беготни за дефицитом», — призывала бороться М. Салье.

Эта причудливая смесь из коммунально-жэковских и расхожих общеполитических лозунгов была типичной для программ названных депутатов, которые объявили себя представителями ленинградского «Народного фронта». Группа, которую возглавили Чулаки и Салье, действовала с агрессивной напористостью, руководствуясь выдвинутой целью: коренной вопрос — это вопрос о власти, а «власть не дают, ее берут!» (из обращения М. Салье к ленинградцам). Листовки были густо оснащены соответствующей терминологией: борьба против монополизма... нужен плюрализм неограниченный... борьба с Административной Системой... радикальное преобразование... сломать существующий механизм власти... саботаж номенклатуры ввергает страну в пучину... ликвидация всевластия коррумпированной бюрократии... и т. д.

Сквозь этот лексикон, типичный для либерально-интеллигентских настроений всех времен и народов (не исключая и Россию начала XX века), просвечивала характерная идеология рвущихся к власти архитекторов новой политической системы, которая наконец должна осчастливить массы. Их избирательные программы могли бы послужить еще одной, весьма убедительной иллюстрацией к мировоззрению так называемого «Малого Народа» — термин введен французским историком О. Кошеном и развит применительно к российской современности И. Шафаревичем в недавно опубликованном трактате «Русофобия» («Наш современник», 1989, № 6, 11; «Кубань», № 5—7). «Малый Народ» — наиболее сплоченная и энергично наступающая сегодня внутри нашей страны группировка. Ленинградский «Народный фронт» (это, конечно, фронт «Малого Народа») — лишь один из авангардных ее отрядов. Поясним, что речь идет об определенном социально-духовном слое, уверенном в своей элитарности, избранности, в своем праве и способности определять судьбы страны. Для него характерны убежденность в том, что все разумное следует заимствовать извне (например, копирование чужой политической системы), стремление порвать все связи с историческими традициями: все, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни русской нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни — все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезан начисто от духовной связи с народом, этот слой смотрит на него лишь как на материал, в на его обработку — как чисто техническую проблему. Таково истолкование (по И. Шафаревичу) категории «Малый Народ». Что касается естественно рождающегося вопроса о соотношении социального и этнического внутри этой универсальной категории, то оно требует уточнений, которые определяются и эпохой, и конкретно-историческими обстоятельствами в стране. «По-видимому, — пишет И. Шафаревич, — в жизни «Малого Народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «Малого Народа» (в том числе и в избирательских программах. — **М. Л.**) пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего формирование «Малого Народа». Однако сама категория «Малого Народа» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше».

Это небольшое отступление я сделал ради того, чтобы обнажить корни названных политических тенденций, которые в горячке и чаду предвыборной кампании были скрыты или остались без внимания у многих простосердечных и политически неискушенных избирателей, завороженных фейерверком обещаний учредить «народовластие»...

Выборы были объявлены по национально-территориальному округу в городе, принадлежащем России и имеющем в составе значительную часть русского населения. Однако в программах представителей ленинградского «Народного фронта» безнадежно искать предложений, которые бы обозначили российские национальные интересы. Самая униженная, самая ограбленная и истерзанная среди всех других республик, Россия так и осталась стоять с протянутой о помощи рукой... Зато сколько было разглагольствований о «приоритете общечеловеческих ценностей в идео-

логии» (М. Чулаки), «непосредственном самоуправлении граждан... равноправии любых общественных организаций» (М. Салье) и т. п.

Не прикрывала ли эта либеральная, псевдоинтернационалистская фразеология популистски-демагогических антинациональных тенденций? Из «национальных» проблем бдительное око С. Андреева высмотрело лишь одну: «Остановить поднимающуюся волну национализма».

Характерно, что ни в одной листовке «Малого Народа» вы не обнаружите даже самих слов «Россия», «русский». По причине ли того, что в сознании они заместились привычной «Малому Народу» терминологией: территория, регион (Нечерноземье!), население, человеческий фактор... Или потому, что генштабисты «Малого Народа» продлили на эти слова свое семидесятилетнее табу?

Впрочем, были исключения. Михаил Михайлович Чулаки в своих листовках почему-то назойливо обозначал свою национальность: «русский». Или он надеялся, что уже немногие помнили его действительного отца — покойного ленинградского композитора Абрама Ашкенази? Зачем этот маскарад? Случай, однако, распространенный. Чего только не сделаешь из любви к «народовластию» и «нравственному возрождению»... Вспомнилось в этой связи размышление москвича Танкреда Голенпольского, словно для Чулаки предназначенное: «Антисемитом может быть и еврей, спешащий сменить свою фамилию, свое отчество, свою национальность. Я знаю, что найдутся желающие их оправдать, но я убежден: человек, способный предать своего отца, может пойти и на более страшное предательство для спасения своей шкуры» («Советская культура», 1988, 15 октября, с. 6).

Я убежден, что родина у человека — малая или большая — всегда одна, а не две; как у всех нас лишь одна мать. Если человек искренне ее любит, деятельно способствует благу своей страны, то его этническое происхождение серьезного значения иметь не может. Россия всегда благодарно принимала и усыновляла всех, кто честно и преданно служил и помогал ей. И в равной мере ей были чужды не только свои Иваны, но и иные блудные дети, родства не помнившие. Национальный выбор — это прежде всего духовный и гражданский выбор, это отношение к идеалам, верованиям, культуре и истории страны, это мера уважения к ее традициям, к органическим проявлениям народного быта и характера.

...К стыду нашему общему, о России почти никто из тридцати четырех кандидатов в депутаты не вспомнил. На это обратил внимание на прошедших позднее теледебатах инженер А. Пыжов, который поставил вопрос: «Почему на выборах по национальному округу никто из претендентов, кроме Любомудрова, не выдвинул национальной программы, отвечающей специфическим заботам России?» (Надеюсь, читатель не воспримет эту цитату как саморекламу автора.)

Нечувствительные к национальному аспекту действительности кандидаты, однако, с завидной откровенностью спешили пробудить сочувствие к своим личным трудностям. В агитационных листовках М. Чулаки подчеркивал, что «живет в коммунальной квартире», С. Андреев на вопрос «имеете ли вы машину?» отвечал — «только стиральную и швейную», а М. Салье, «женщина, геолог, ленинградка» (так на плакате) уведомляла избирателей, что ее «сред-

ний заработок за время трудовой деятельности» — всего 230 рублей.

Должен напомнить, что глубоко патриотичными, пронизанными острой болью за Отчизну были программы москвичей Ф. Шипунова, Б. Куркина. Многое было мне близким, представлялось весьма актуальным в предложениях других кандидатов — инженера А. Пыжова, певицы И. Богачевой, рабочего И. Красавина, экономиста М. Попова, ректора Ленинградского механического института Ю. Савельева, директора объединения «Сигнал» В. Занина. Сильное впечатление производили тезисы Шипунова: «Это величайшая трагедия, которую переживает Отечество за свою историю! Но существующие системы законодательной, исполнительной и судебной власти способствуют этому и не в состоянии выправить сложившееся трагическое положение... Производя основной продукт в стране, народ получает мизерную долю от него и не может обеспечить себе элементарный жизненный уровень». Шипунов резко ставил вопрос об ответственности — государственной, гражданской и нравственной — за преступные суперпроекты, за траты миллиардов рублей на антиэкологические и антинародные стройки и сооружения...

Особый сюжет на повторных ленинградских выборах — участие в них в качестве кандидата в депутаты еще одного москвича, теперь уже всем хорошо известного следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Н. В. Иванова. Его появление в Ленинграде вызвало подлинное смятение, взбудоражило город. Еще бы! Бесстрашный якобы разоблачитель мафии, выявил ее связи не только в ЦК КПСС, но и в самом Политбюро... Встречи с Н. В. Ивановым (как правило, он выступал вместе с Т. Х. Гдляном) проходили при переполненных залах, сопровождались видеофильмами о вскрытиях тайников и изъятии драгоценностей и инвалютных банкнот. Я побывал на выступлении Иванова в кинотеатре «Максим». Информация ошарашивала публику, сидевшую в оцепенелом изумлении. Со сцены звучал нервный речитатив: «Главный вопрос — о власти... К ответственности коррумпированные верхи, прежде всего партийные... Разложение в нашей правящей партии... Полное отсутствие внутрипартийной демократии... Ложь — составная часть всей нашей жизни... Список ста кандидатов от КПСС — это политическое жульничество, ни один из них никогда не прошел бы на прямых выборах... Мы забыли, что у нас есть Россия, Родина!..» И постоянные напоминания о чудовищной травле, преследованиях и прямой угрозе жизни. Перед ошеломленным залом стояли живые мученики, которым осталось считанные часы провести на свободе. Они искали спасения и защиты у «революционного Питера», у простых ленинградцев, которым дороги совесть, законность, справедливость. «Наших людей ведут в следственный изолятор КГБ, — продолжал Иванов, буравя слушателей трагическим взглядом. — Жертвы неизбежны... Мы социально не защищены... Шьется намордник — указ 8 апреля 1989 года... Мы молчать не намерены... Я буду стоять до конца, пока жив, буду отвечать на провокации...» В том же духе выступал и Гдлян, он уверял, что избрание в депутаты, приобретение депутатского иммунитета — единственное средство спасти Иванова от неминуемой расправы, которую учинит партийная мафия. Следователи называли — и это рассеивало последние сомнения в их праведном мужестве — замешанных, по их словам, во взяточничестве

деятелей самого высокого уровня — М. Соломенцева, Г. Романова, генеральных прокуроров Рекункова (бывшего) и Теребилова, их заместителей Васильева и Сороку.

В обильно распространенных по городу плакатах Иванов требовал «ответственности «неприкасаемых» лиц перед народом... Похищенные деньги возвратить народу полностью... государственной программы борьбы с преступностью». Сообщалось, что группой Гдляна — Иванова возвращено стране «награбленных мафией» ценностей на сумму 44 миллиона рублей...

Иванов был просто неотразим. К тому же созданный центральной прессой ореол мученика — кто из избирателей устоит? Дней за десять до голосования мне стало ясно, что у Иванова нет конкурентов и победит именно он.

Однако вскоре в связи с деятельностью Иванова начали возникать довольно неожиданные вопросы. На своих встречах (в том числе и в кинотеатре «Максим») кандидат заявлял, что «отдает себе отчет в том, какая травля будет сопровождать его избирательную кампанию». Но вопреки этому утверждению Иванову в Ленинграде были созданы беспримерно благоприятные условия, которых не имел ни один из его соперников. Для его предвыборной агитации тотчас предоставлялись любые залы: центральный лекторий, зал оперной студии при консерватории, крупнейшие кинотеатры и т. д. Иванов имел беспрепятственный выход на радио, телевидение, на страницы ленинградских газет. Тиражи его листовок достигали, видимо, нескольких сот тысяч — ими был обклеен весь город, кандидат был обеспечен постоянным транспортом... На митингах же Иванов продолжал говорить об усиливающейся травле, что множило волны сострадания у расчувствовавшихся горожан.

Кто мог догадаться сразу, что главное отличие Иванова от других кандидатов в том, что пропаганда в его пользу имела возможность «безграничного финансирования». Очевидна была и мощная аппаратная поддержка «сверху», по всей видимости, из Москвы (попробуй-ка без такой поддержки получить зал для митинга или телевизионную трибуну для подробного интервью!). На чьи же деньги проводилась эта кампания? Быть может, ее оплачивала «организация», которая в отличие от иных, неудачливых, сумела сохранить свои миллионы?.. Вопрос о том, кто финансировал следователя по особо важным делам, был задан позднее, в самом конце третьего дня теледебатов. Ведущий их Ю. Николаев успел прочитать в микрофон полученную телефонограмму. Но ответа тогда уже никто не дождался — истекали последние минуты эфирного времени последнего дня теледебатов.

Феномен Иванова поучителен и в других отношениях. Поначалу все идеологические группировки приняли его как своего. Затем наступило некоторое отрезвление, и соперничающие лагери, ревниво следившие друг за другом, задались одинаковым вопросом: почему за Иванова агитирует противник. Возникло замешательство, фигура Иванова никак не укладывалась в устоявшиеся, привычные политические схемы. Его победное шествие порождало тревогу. Первыми забеспокоились «демократы». Анонимная «группа поддержки демократических кандидатов» спешно изготовила и распространила листовку «Иванову — нет!». В ней содержались восемь риторических вопросов, в которых недвусмысленно было выражено отношение к кандидату. В их числе — «Почему все политические, экономические, социальные проблемы Н. В. Ивановым практически низводятся до уровня проблем чисто уголовных?.. Почему в делах следственной группы Т. Х. Гдляна столько странных смертей? Почему журналисту О. Г. Чайковской уже два месяца не дают опубликовать материалы о работе следственной группы Т. Х. Гдляна?.. Почему в Ленинграде были созданы все условия для ведения Н. В. Ивановым предвыборной агитации... мощная полиграфическая база, в то время как у многих кандидатов нет возможности напечатать хотя бы несколько сотен листовок? Почему Н. В. Иванова поддерживает «Память»? Этого последнего «демократы» и «Народный фронт» потерпеть никак не могли. И в послесловии к листовке ударили Иванова, как говорится, ниже пояса: «История XX века знает несколько случаев, когда властям удалось ликвидировать и мафию, и организованную преступность — это произошло при тоталитарных режимах Гитлера, Сталина, Муссолини, Пол-Пота. Хорошо известно, какую цену заплатили народы этих стран за столь успешную борьбу с преступностью».

Грубость подобных выпадов, в свою очередь, могла подогреть сочувствие к Иванову в кругах, настроенных противоположно «Народному фронту». Чуть позже Иванов вернул себе доверие и у «демократов».

Ничего не скажешь: так и оставшиеся в тени организаторы предвыборной кампании Иванова провели ее блестяще, обнаружив искусство ловкого политического балансирования и способность нажимать на психологически самые чувствительные точки и зоны массового избирательского сознания.

Для меня феномен Иванова, ответы на вопросы, кто же он на самом деле, кем и с какой целью был направлен в Ленинград, начали проясняться после того, как я услышал из его уст дифирамб Ю. В. Андропову. Еще яснее все стало после того как — вопреки юридическим нормам — прозвучало провокационное обвинение по адресу одного из действующих членов Политбюро КПСС. И никаких сомнений не осталось в том, с кем же и против кого на самом деле действует Н. В. Иванов, после того как на демонстрации 7 ноября 1989 года он прошел по Дворцовой площади Ленинграда рядом с М. Салье во главе группы «Народного фронта», пополнив шеренги «Малого Народа».

А у меня рождается вопрос к ленинградцам, к тем сотням тысяч избирателей, кто не задумываясь отдал свой голос Н. В. Иванову, — таким ли вы ожидали увидеть своего избранника?

...По мере приближения даты голосования общественная атмосфера в городе все более накалялась. Ясно обозначилось противостояние двух политических сил. Одна из них имела вполне очевидный космополитический характер, стояла за радикальный и немедленный слом бытовавших административных систем и механизмов, за введение демократии по европейскому образцу. Противоположную сторону характеризовали стремление осмыслить исторический опыт страны, сохранить верность государственно-патриотическим ценностям, интересам и идеалам не одного «малого», а всего народа.

В этой борьбе, увы, не обошлось без грубостей и клеветы. И отнюдь не всегда они были анонимными. Ловкие политиканы хорошо помнили, что мы все еще живем в неправовом государстве, где личность, ее честь и достоинство практически не защи-

щены от посягательств, и пользовались этим для сокрушения оппонентов. Ярлыки и жупелы были в большом ходу. Контрпропаганда не брезговала средствами. Настенные листовки тут же испещрялись злобными надписями, символами (шестиконечная звезда, гитлеровский знак — «паучок» и т. п.). Широко практиковалось сдирание, уничтожение листовок. По наблюдениям моих доверенных лиц, мои плакатики почти нигде не висели более одного-двух часов... Газета «Советская Россия» (1989, 7 мая), пытаясь урезонить ленинградских клеветников, опубликовала статью с характерным заголовком «Подметный аргумент». Листовочные выпады против рабочего кандидата».

Общественный комитет «Выборы-89» при нейтральности своего названия служил интересам кандидатов «радикалистского, прозападнического» направления. В своих контрлистовках комитет, например, заявлял, что он решительный противник кандидатов в депутаты В. Ефимова, М. Любомудрова, М. Попова, А. Пыжова. К сожалению, аргументируя свой протест, комитет не удержался от инсинуаций: Ефимову приписал «догматическое отношение к роли КПСС в обществе», Любомудрову — якобы существовавшую «близость к идеологии общества «Память», Пыжова представил сторонником «усиления репрессивных мер» и т. п.

...Телевизионные дебаты в прямом эфире были назначены на 11—12—13 мая. Три дня по два с половиной часа. Однако из-за многочисленности соперников каждому из них досталось не более пяти минут на каждую трансляцию. В первый день выход в эфир был запланирован сразу после программы «Время». Однако явившимся в телестудию участникам объявили, что трансляция дебатов перенесена на ночное время, так как только что прошла пресс-конференция в обкоме КПСС — ее видеозапись должна идти в программе вне очереди, как это было всегда заведено. Это изменение означало, что резко сузится круг зрителей предвыборной телевизионной передачи — ночью люди спят... Собравшиеся кандидаты были единодушны в своем негодовании и протесте. Руководству телерадиокомитета было заявлено, что в случае переноса трансляции все ее участники покинут студию. Руководство согласилось с требованиями — дебаты начались в назначенный срок.

Первый день был посвящен программам кандидатов. Второй и третий — ответам на вопросы телезрителей. Надо сказать, условия выступлений оказались драконовскими. Каждый, видимо, ощутил, какого огромного напряжения стоит необходимость в пять минут изложить главные тезисы своей программы, а в последующем в считанные секунды ответить на десятки и сотни заданных избирателями вопросов (на каждый ответ предоставлялась минута).

По подсчетам оргкомитета, к концу третьего дня теледебатов студия приняла 1400 телеграмм и 600 телефонограмм. Из них 205 были адресованы мне — моя программа привлекла, как было очевидно, повышенное внимание.

В своем выступлении я сделал акцент на личной ответственности каждого человека. Семьдесят лет вандалистского погрома России — это не только результат захватнического вторжения чужеродных сил, но следствие духовных болезней самого русского народа, — отпадения значительных слоев от крепивших их идеалов и ценностей. Я говорил об особой опасности таких распространившихся явлений, как нравственная слепота (неразличение добра и зла), трусость, продажность.

Разумеется, никакой возможности ответить на все вопросы не было. Вопросы необходимо было группировать, выделить наиболее распространенные.

Один из характерных вопросов звучал так: «В своей программе вы упоминаете об опасности русофобии — что это такое и как проявляется, назовите имена русофобов?»

Начав отвечать, я сказал, что перечень фактов русофобии мог бы занять несколько дней, а может быть, и недель.

— Русофобия — это недоброжелательность, а порой и ненависть к России, к русскому народу, это формы его дискриминации. Мне уже приходилось говорить о неравноправном положении России среди других республик. Напомню о коллективизации, ставшей разновидностью геноцида. Или в более близкие времена — уничтожение десятков тысяч русских «неперспективных» деревень. Автор этой концепции — академик Т. Заславская. Вот вам и конкретный русофоб. А разрушение православных храмов, погубление духовенства? Это все политическая русофобия. Существуют и иные формы. Например, купюры в академических (!) изданиях наших классиков, причем без отточий. В недавнем академическом переиздании сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина «выпала» «Сказка о ретивом начальнике», а она едва ли не самая актуальная сегодня... Да только ли классика! Фильтрации при переиздании подвергаются и речи Генерального секретаря ЦК КПСС. Например, из интервью М. С. Горбачева (сентябрь 1986 г.) позднее была изъята его ссылка на мнение группы американских профессоров, назвавших современную Россию последним резервуаром духовности.

Методично совершается глумление над русской классикой в театре и кино — это тоже русофобия. На наших сценах — полчища Скотининых, Вральманов, Простаковых, режиссеры изображают Россию как сплошное темное царство...

В хронологические рамки моего ответа не уложились еще несколько заготовленных примеров. Один из них — выступление ленинградского литератора Ю. Помпеева в «Ленинградской правде», в котором он обвинил русский народ ни много ни мало — в разжигании армяно-азербайджанского конфликта! Другой — антирусские пасквили в печати литератора Г. Петрова...

В февральской книжке «Нашего современника» (1989) я писал о том, что русофобам в Ленинграде созданы исключительно благоприятные условия. И поскольку наиболее активные русофобы, как правило, поощряются, я высказал предположение, что Ю. Помпееву и Г. Петрову воспоследуют награды за их «заслуги». Так оно и случилось: не прошло и нескольких месяцев, как Г. Петров стал главным редактором нового журнала «Искусство Ленинграда» (с первых номеров занявшего оголтело русофобские позиции), а летом 1989 года Ю. Помпеева сделали главным редактором ЛО издательства «Советский писатель». Стоило литератору Н. Крыщуку выступить с русофобской статьей («Нева», 1989, № 8), его тотчас стали продвигать на должность главного редактора журнала «Ленинград». Помпеева также сделали членом бюро Ленинградского обкома КПСС. Между прочим, одновременно с ним членом бюро стал и печально известный ленинградцам Ю. Севенард — яростный поборник и главный руководитель строительства дамбы

в Финском заливе, уже нанесшей огромный вред городу. К слову, при полном попустительстве (или покровительстве?) обкома КПСС русофобские выпады стали постоянными на страницах ленинградских газет и на телевидении. Как всегда и во все времена, натиск на патриотическое движение осуществлялся под истерические вопли о якобы имеющем место разгуле антисемитизма, черносотенства и т. п. Например, вопреки фактам «Совет творческих союзов Ленинграда» (писателей, театральных деятелей, композиторов) распространял клеветнический вымысел, будто ленинградский «партийный аппарат» в своей консервативной части давно оказывал покровительство правым шовинистам» (журнал «Век», 1989, № 7—8). Эта ложь опровергается и позицией первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспова, который выступает против создания российских компартий, Академии наук и т. п. (Ленинградское телевидение, 6 декабря 1989 г.).

Реальные действия аппарата (не только в Ленинграде) опровергают и очередную фальшивку московского писательского объединения «Апрель», утверждающего (А. Нуйкин, 22 ноября 1989 г.), что партийно-государственный аппарат срастается сегодня с русским национализмом. Факты же свидетельствуют, что до последнего времени аппарат, как правило, выполнял волю «Малого Народа», был его послушным инструментом — кто же еще довел Россию до национальной катастрофы?

...Не только ко мне, но и к другим «подозреваемым» кандидатам лавиной шли вопросы об отношении или принадлежности к народно-патриотическому фронту «Память» и к обществу «Патриот». Надо ли пояснять, от кого они исходили? И на что были рассчитаны? Я отвечал:

— К обществам «Память» и «Патриот» не принадлежу. С программой «Памяти» знаком лишь по выступлениям журналистов Е. Лосото, И. Сидорова (в «Ленинградской правде») и других представителей желтой прессы, а также по подметным письмам (в «Знамени») недавно осужденного провокатора А. Норинского, действовавшего от имени «Памяти». Доверия к разносным публикациям в нашей прессе об этом обществе у меня нет, ибо вся полемика основана на общих фразах, наклеивании ярлыков или свидетельствах провокаторов. Не имею возможности ответить, почему (можно лишь догадываться) самой «Памяти» так и не дали объясниться в печати.

Сегодня слово «память» усилиями значительной части нашей прессы превращено в жупел, которым небезуспешно терроризируют общественность.

На протяжении семидесяти лет этот террористический прием применялся с большим успехом. Общественное или литературное движение, имевшее русские корни, а также их выразители чернились с помощью набора политических ярлыков: в 1920—1930-е годы антинародные репрессивные кампании проводились с обвинениями: «контрреволюционный», «белогвардейский», «кулацкий», «охотнорядский», «религиозный», «антисемитский». Этими ярлыками-дубинками убивали Есенина, Клюева, Платонова, Булгакова, Заболоцкого, Ахматову...

Еще вчера были в большом ходу доносительные жупелы: «внеклассовый», «антисоветский», «антимарксистский». Сегодня — хорошо знакомые, чуть подновленные — «шовинистический», «черносотенный» и, конечно, «антисемитский». От времени они срабатываются, тускнеют. Тогда идет в употребление совсем уже «неотразимое» — «фашистский»... Это очень удобный способ полемики. Он избавляет от необходимости предъявлять доказательства, аргументы. Предполагается, что от одного вскрика «черносотенный» читатель должен ложиться в нокаут.

Ведущий дебаты прервал меня на этом месте. Но я пользуюсь случаем, чтобы досказать недосказанное тогда, 12 мая, в телевизионной студии: кто не сталкивался с таким фактом — стоит критически отозваться о том или ином деятеле еврейской национальности, как вас сразу объявляют антисемитом. Но, по моему мнению, как раз вот такая нетерпимость к возражениям и инакомыслию и дает возможность отчетливо понять, кто является шовинистом. Представители тех национальностей, которые не переносят и малейших замечаний в их адрес, — вот кто истинные шовинисты, то есть люди, которые превозносят свою нацию выше всех других.

...Формулируя тезис своей программы о необходимости «соблюдать принцип пропорционального представительства наций на всех уровнях», я отталкивался от соответствующего абзаца из известного «Обращения к Советскому правительству» (1987) группы деятелей науки и культуры (опубликовано в «Литературном Иркутске» и др.). Пропорциональность — условие любой гармонии, в том числе и социально-национальной. В нашем же обществе вопиющих диспропорций и несправедливостей этого ряда накопилось слишком много. Прямым тому подтверждением явилась бурная реакция избирателей на мои предложения: возмущение и грозные окрики одних и энергичная поддержка со стороны других.

Чтобы передать атмосферу, в которой приходилось отвечать на вопросы по этой проблеме, процитирую несколько телеграмм, адресованных мне:

— На телеграммы не получаю ответа. Если ввести царскую процентную норму нацменьшинствам, например евреям, то в армии число призываемых тоже должно подчиняться процентной норме. Это фашизм. Господин Любомудров отвлекает народ от экономических безобразий. Про Англию вы врете. — Лопшиц.

— Приветствуем выдвинутый вами принцип равного пропорционального представительства национальностей во всех партийных и государственных институтах страны как основу социальной справедливости. Состав участников сегодняшних теледебатов подтверждает необходимость и обоснованность такого решения за постановку этого вопроса. — Сергеевы.

— К чему призывает т. Любомудров? К процентной норме при поступлении евреев в вузы? — Иванова.

— Почему только одну нацию, включая Салье, обеспокоило предложение о пропорциональном представительстве народностей в органах власти, вузах, средствах массовой информации? Налицо чистейший шовинизм и национализм блока Салье. — Захаров.

— Чем объяснить, как только речь заходит о возрождении России, так сразу начинаются обвинения в шовинизме и национализме? — Арсентьева.

— Почему, когда только прозвучат возрождающиеся слова: «Русское самосознание», «русский», начинается мгновенно истерический вой процветающих сионистов о русском шовинизме? Почему русские хуже всех живут на Руси? — Виноградов.

— Каким образом вы собираетесь ограничить прием в институт моего сына-еврея? — Луспекаев.

— Целиком разделяем ваши идеи о равноправии всех наций. Какие необходимы меры для возрождения России? — Иванова Галина Николаевна.

— Марк Николаевич, приветствуем вашу программу. Вы один из немногих присутствующих здесь депутатов, которого волнует проблема России. Республика по всем показателям неравноправна в союзе равноправных республик. Любовь к России, как сказал прекрасный писатель Иван Бунин, понятие нравственное. — Пухова.

Из множества вопросов из экономии времени в эфир я прочел только один, который мне задала телезрительница Н. А. Винникова: «Каким образом вы предлагаете ввести пропорциональное представительство наций при приеме на учебу и работу, то есть имеете ли вы в виду ввести процентное ограничение по признаку национальности вне зависимости от знаний, способностей?»

— Проблема острая и одновременно деликатная, требующая продуманного научного подхода. Но мои предложения направлены как раз против «ограничений» по национальному признаку (именно такая дискриминационная политика проводилась по отношению к России), я ратую за расширение, а точнее, восстановление прав и возможностей, представительства каждой нации — в интересах развертывания творческих сил и потенциала каждого народа. Общеизвестно, что в указанных мною сферах есть национальные перекосы и диспропорции.

Например, М. С. Горбачев в одном из своих интервью сказал: «Еврейское население, составляя 0,69 процента от всего населения страны, представлено в ее политической и культурной жизни в масштабах не менее 10—20 процентов» («Правда» от 2 октября 1985 г.). Это означает, что роль евреев в политике и культуре в 15—30 (!) раз превышает их долю в населении страны. Мне кажется, здесь уместно поставить вопрос о резком нарушении «пропорциональности» в отношении других наций.

Еще пример: по переписи 1979 года по числу лиц с высшим образованием на душу занятого населения русские оказались среди народов РСФСР на 16-м месте у горожан и на 19-м месте у сельских жителей, уступая в полтора-два раза даже бесписьменным в недавнем прошлом бурятам, якутам, чукчам.

В результате искусственной, специально направленной системы подготовки научных кадров в 1973 году среди научных работников СССР самые низкие показатели по квалификации имели русские и белорусы: у них был наименьший процент лиц, имеющих ученую степень. Вот уж где существовал воинствующий разгул «процентного ограничения по признаку национальности»! Вот где надо было бы протестовать, уважаемая товарищ Винникова.

Можно ли, опираясь на эти факты, говорить о врожденной бездарности, отсутствии «знаний и способностей» (Винникова) русских и белорусов? Как видим, государственное регулирование пропорций в представительстве разных наций в той или иной сфере — в соответствии с принципами Конституции — необходимо.

Напомню также, что в развитых европейских странах существуют специальные законы, которые регулируют национальные пропорции, национальный баланс. В Англии это «закон о национальных отношениях» (1968). В нем предусмотрены меры для того, чтобы

предотвращать монополизацию различных сфер жизни какой-либо одной этнической группой. Например, не считается дискриминацией отказ в приеме на работу по причине необходимости соблюдать разумный, справедливый национальный баланс. — Вот что прозвучало тогда в эфире.

Однако вопрос пропорциональности настолько важен, что требует дополнительных комментариев и аргументов. Все чаще раздаются тревожные голоса с требованием ввести процентную норму при поступлении в высшие школы для наций, отстающих по уровню высшего образования в пересчете на тысячу человек, — во всех учебных заведениях. Характерно, что в «Заявлении народных депутатов СССР» (на встрече в Тюмени в октябре 1989 г.) — членов «Российского депутатского клуба», специально введен соответствующий параграф: «Проводить активную государственную политику в области образования и подготовки кадров высшей квалификации, направленную на пропорциональное представительство всех наций и народностей в образовательной и квалификационной структуре населения страны» («Московский литератор», 1989, № 41, 42).

В том же духе высказалась и ассоциация «Объединенный Совет России»: «Мы требуем, чтобы все нации получили в органах власти, в экономике и культуре пропорциональное представительство. Это будет служить гарантией от ущемления их прав» (из воззвания).

Требования были направлены против антинациональной государственной политики, в результате которой возникли многие чудовищные перекосы и, в частности, привилегированное положение в стране «Малого Народа», представители которого и по сей день преобладают в правящей элите (нередко в закамуфлированном обличье).

Проблема процентных соотношений в сфере образования приобрела чрезвычайную остроту в государственно-экономическом аспекте: в связи с нарастающей эмиграцией из страны евреев. В настоящее время за рубежом из их числа работают десятки тысяч специалистов, подготовленных советскими вузами. По данным ЮНЕСКО, подготовка специалиста (инженера, врача, музыканта и пр.) обходится в 50 тысяч долларов, а в течение каждых десяти лет работы он приносит своим нанимателям около 250 тысяч долларов прибыли. Известно, к примеру, что в затратах на подготовку научно-технических кадров США экономят благодаря притоку иммигрантов 4—5 миллиардов долларов в год. Напомним, что их спрос на специалистов в области компьютерной технологии в 1980-е годы удовлетворялся прежде всего за счет бывших советских евреев.

Московский журналист Борис Антонов в статье «Объективно об эмиграции» пишет об ущербе, который наносится такой политикой стране-донору («Русский голос», Нью-Йорк, 1989, 14 сентября). Он приводит красноречивую статистику: в 1960 году евреев с высшим образованием насчитывалось в СССР 291 тысяча, в 1970-м — 357 тысяч. Это число увеличилось на 28 тысяч в 1985 году, невзирая на то, что за пятилетие выехало 113,5 тысячи евреев, и продолжало расти неуклонно... Из этого следует, справедливо замечает Б. Антонов, что советская индустрия знаний готовила в преимущественном порядке специалистов с высшим образованием из

той категории населения, которая составляла главный источник эмиграции.

Таким небрежно «отмытым» способом осуществляли перекачку народных денег в казну чужого государства заинтересованные представители правящих кругов нашей страны. Только наивный простак способен увидеть в подобной политике нечто «стихийное».

...Как помнит читатель, в моей программе один из параграфов указывал на необходимость борьбы с мафиями в разных сферах, в том числе и в социально-культурной. Это, видимо, и вызвало группу телеграмм-вопросов типа: «Что вы понимаете под клановостью в литературе и искусстве?» (их задавали Соболев, Николаев, Долгуновы).

Мой ответ на теледебатах был вынужденно кратким (одна минута эфирного времени!): клановость и групповщина — распространенные явления. Сейчас многие ищут путей борьбы с нею, ибо групповщина создает трудные, порой невыносимые условия для художников с независимой позицией, мешает развертыванию талантов. Этому подчинены поиски путей реорганизации творческих союзов, в частности, и Союза писателей, о чем сегодня все чаще говорят. В составе инициативной группы ленинградских писателей я участвовал в организации независимого литературного объединения «Содружество» — оно как раз и создано в борьбе с групповщиной и клановостью. Наша цель — чтобы все члены союза имели бы равные и реальные права и возможности для реализации своего таланта. Плюрализм идейно-эстетический должен подкрепляться плюрализмом организационным.

В развитие этих мыслей сегодня стоит кое-что добавить. Клан в литературе, в искусстве ничем не лучше обычной уголовной мафии. Именно такой клан утвердился и процветает многие годы в Ленинградской писательской организации. Сплоченная наподобие мафии группа литераторов, обладавшая всеми классическими признаками «Малого Народа», захватила ключевые позиции в руководстве организации (при полнейшем многолетнем попустительстве всех властей предержащих) и совершенно деформировала ее работу, преследуя, как правило, узкогрупповые цели, далекие от литературных задач. Руководство клана не только утвердило свою монопольную диктатуру в самой организации, но и подчинило себе едва ли не все ленинградские журналы, издательства, отделы литературы и искусства в редакциях газет, радио и телевидения.

Руководящий клан, жестко контролируя себе послушных, одновременно парализовал силы значительной группы ленинградских писателей, прежде всего тех, кто отстаивал независимые от клана идейно-творческие позиции. Последовательной дискриминации подвергались все инакомыслящие литераторы, чинились препятствия публикации их произведений.

Бешеную ярость и сопротивление вызвало у этого клана (во главе Ленинградской писательской организации с марта 1989 года стоит В. Арро) решение ноябрьского (1989 г.) пленума правления Союза писателей РСФСР о выделении «Содружества» в самостоятельную областную писательскую организацию. Еще бы! Утрачивалась монополия в литературной сфере. А монополию власти «Малый Народ» обычно бережет как зеницу ока.

Давно наблюдавший писательскую жизнь прозаик В. Козлов отметил, что правившие долгие годы в Ленинградской писательской организации Д. Гранин, М. Дудин и их преемники осуществляли прием в союз на таком процентном соотношении: десять человек еврейской национальности и 2—3 русских (см.: «Ленинградская панорама», 1989, № 11). Известный писатель Сергей Воронин неоднократно напоминал, что в результате целенаправленной кадровой политики последних десятилетий из четырехсот членов Ленинградской организации лишь 20 процентов составляют русские писатели. Еще меньший их процент представлен на страницах городских изданий. Как это делается? Могу пояснить на примере собственной (первой и единственной) заявки в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель». Заявка была рассмотрена руководством в течение суток, и уже на следующий день я получил текст обратно с резолюцией: «Отклонить, как не соответствующую профилю издательства». Мой «профиль», конечно же, не соответствовал клановым шаблонам, разработанным в ленинградском «штабе» «Малого Народа».

Снова уместно вспомнить о проблеме «пропорций». Чудовищные нарушения допускались, например, в главной редакции «Советского писателя» в Москве. Проведя анализ выпуска книг по редакции критики и литературоведения за десять последних лет, Вадим Кожинов обнаружил, что если разделить издававшихся критиков и литературоведов на две категории, условно обозначив одну из них как «патриотов-почвенников», а другую, скажем, как «авангардистов-западников», то получится, что «Советский писатель» издавал эти две категории критиков в пропорции примерно 1 : 30. За все эти годы в издательстве не вышло ни одной книги таких выдающихся русских критиков, мыслителей, как Ю. Селезнев, П. Палиевский, М. Лобанов, Ю. Лощиц, Т. Глушкова, С. Семанов, В. Бушин, и многих других («Московский литератор», 1989, № 41, 42).

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в Ленинграде аналогичное соотношение равняется 1 : 60. Вот какие пропорции реально существуют в нашей действительности. И именно их «Малый Народ» навязывает нам как процентную «норму», яростно пытаясь заткнуть рот всем, кто стремится пресечь беззаконие, восстановить справедливое пропорциональное представительство, в том числе и в социально-национальном аспекте. Чтобы скрыть от общественности энергично проводимый диктат собственных мафиозно-клановых «процентных норм», и требуют наложить на проблему табу.

Если обобщенно сформулировать причины и истоки основных напряжений, конфронтации, расколов и борьбы, то все они объясняются главным: «Малый Народ» не хочет терять монополии, своих привилегий, которых он достиг в нашей стране, — нигде и ни в чем! Исключено ли для него альтернативное развитие — покажет время. Такая альтернатива есть, и принятие ее разом решило бы проблему: «Пусть живут как все, не требуя монополии и привилегий» — как лаконично выразился один из моих знакомых.

...Вопросов от телезрителей, как я сказал, было много. Из тех, на которые я ответить не успел, хотел бы разъяснить один — на мой взгляд, весьма злободневный: проблемы школьного образования. В нескольких телеграммах прозвучал вопрос: «Почему вы ратуете за раздельное обучение?» Была и такая телеграмма: «Любомудрову. Разделение школ — безумие, за которое мы расплатились одиночеством. Рябова».

Мне кажется, что школьное образование должно быть передано

из-под власти центральных органов в ведение местных исполкомов, школа должна стать муниципальной. Это позволит образование сделать более разнообразным, создать разные типы школ — в соответствии с призванием, способностями учеников и шкалой общественных потребностей. Необходимо остановить страшный каток унификации и бюрократизации, под которым стандартизируется, калечится и нередко гибнет личность молодого человека, мертвеет душа его.

Необходимо вернуться к опыту прежних русских гимназий, лицеев, реальных училищ — качество образования, которое они давали, несоизмеримо выше, чем в советской школе. Как известно, в России до 1918 года образование всегда было раздельным — для мальчиков и девочек. Это помогало учитывать психобиологические и социально-ролевые различия полов. С юных лет закладывались основы, помогавшие учащимся формироваться в соответствии с особенностями и призванием каждого пола. Наблюдаемые повсеместно в XX веке феминизация мужчин и маскулинизация женщин — во многом следствие совместного обучения. Современные школы выпускают психологических гермафродитов. Эти процессы внесли серьезную дисгармонию в общественные отношения. Кроме того, раздельные школы помогали бы учитывать в воспитательном процессе разные темпы акселерации юношей и девушек, гармонически корректировать рождаемые ею противоречия и напряженности.

Сегодня у многих родителей, видимо, существует предубеждение против раздельного обучения. Уже по одному этому не должно быть никакого насилия в проведении реформы. Школы должны быть разными — и с совместным обучением, и с раздельным, как вариант — с разделением только в старших классах и т. п. Важно всем нам твердо понять одно — с прежним усредненным, нивелирующим подходом в образовании человека необходимо решительно порвать.

...Как известно, ленинградские теледебаты мая 1989 года вызвали к себе повышенный интерес, и не только в самом городе. Два дня шла их трансляция и на Москву. На третий день московский канал был перекрыт. На недоуменные вопросы кандидатов в депутаты последовала ссылка на телеграмму из Гостелерадио — заменить трансляцию дискуссии «развлекательно-музыкальной программой и художественным фильмом». Не было ли это вызвано тем, что накануне, выступая в теледебатах, инженер А. Пыжов критиковал М. С. Горбачева, возложив на него ответственность за снижение уровня жизни рабочего класса страны?..

Наиболее ответственным и сложным разделом моего выступления в последний день прямого телевизионного эфира мне казался ответ на многочисленные просьбы, которые можно свести к одному вопросу: «Что надо сделать прежде всего, чтобы возродить Россию?» В некоторых полученных мною записках содержались попытки высказать об этом свои суждения. Например, в одной из них говорилось: «Ни одна политическая или экономическая реформа не сможет быть в нашей стране эффективной на сколько-нибудь продолжительный срок без возрождения национального самосознания русского народа. Дело не только в том, что мы живем на территории России. Дело в том, что духовно-этическое мировоззрение русского народа, формировавшееся тысячелетиями, по своей сути созидательно! Пример: богатейшее и культурнейшее государство Россия до 17-го года. Спасибо вам! Бородин».

Воспроизвожу свой ответ по сохранившимся его записям. Что делать?.. Этот вопрос набатом звучит в умах и сердцах миллионов людей. Накормить, одеть народ, дать ему крышу над головой — бесспорно необходимо. Но одновременно (а может быть, и прежде всего!) надо крепко усвоить уроки Истории, осознать всю правду нашего недавнего семидесятилетнего опыта. Надо помнить, именно эта же цель — накормить, осчастливить народ — ставилась и в 1917 году. К чему привела погоня за «хлебом единым», мы знаем.

Учиться у Истории! В России должны ожить не только ее поля и нивы, леса и реки, но и возродиться ее дух, ее сердце, разум и воля. Я уже говорил, что у России отняли и Небо, и Землю. И потому, конечно, необходимо вернуть ей и то и другое. Землю — крестьянам. Небо — наше бесценное духовное наследие, веру, культуру — всему народу.

Несмотря на тяжелейшие потери и жертвы, несмотря ни на что, Россия была и остается уникальным духовным источником для всей мировой цивилизации. Не случайно американцы сегодня называют ее «последним резервуаром духовности». Пока жива Россия — жива Земля.

Необходимо восстановить все наше духовное и культурное наследие. Без возрождения патриотизма, без восстановления национальной памяти во всем ее тысячелетнем объеме вряд ли будут успешны наши созидательные усилия — будь то область политики, или экономики, или культуры.

Конечно, для подлинного возрождения России необходимо безотлагательно покончить с ее униженным положением, дать ей равные с другими республиками права. Но не менее важна и забота о восстановлении нашего национально-исторического духовно-просветленного мировоззрения, забота об уважении к православной вере. Словом, надо поднимать Россию из руин.

Сегодня у нас есть возможность очистить сознание от псевдонаучной, догматической жвачки, которой нас кормили семьдесят лет. Но есть опасность впасть в лакейскую зависимость от новых прожектеров и демагогов, которые не скупятся на рецепты, снова предлагают законы и правила, которые должны разом всех осчастливить. И при этом порой игнорируют человеческую душу, реальное нравственное состояние людей.

Борьба за освобождение народа, политические преобразования не достигнут цели, если не состоится преображение, очищение отдельного человека. Еще Достоевский пророчески угадал, что с «невыделанными людьми» никакие самые благие социальные намерения и проекты не осуществятся. Но по-прежнему эта истина, уже многажды подтвержденная многострадальной нашей историей, трудно усваивается нами. Нет, не поднять Россию из руин без праведного обновления, без возрождения души отдельного человека. Если оглянуться, вспомнить, что произошло с нами, то не станет ли ясным, что враги наши всегда сильны были прежде всего нашими собственными слабостями и недостатками — тем же, чем сильны бациллы в организмах, ослабленных болезнями, утомлением, пороками, старостью и т. п. Вот почему и должна стать приоритетной борьба за экологию человеческой души. Нет, не восстановив память, не вернув нашего Небв, вряд ли мы вернем

и отстоим нашу Землю. Антропоцентрическое, идеократическое сознание должно уступить место космоцентрическому сознанию.

Удивительно злободневно все же и сегодня звучит замечательное наблюдение Достоевского, о котором я упомянул, — по поводу мыслителей, провозглашающих правила и рецепты немедленного счастья в обход устроения человеческой души. Приведу его полностью: «Мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные. Вот в этой-то неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы проявиться наш гражданин».

Вот к этому и надо стремиться каждому из нас. Мы должны выйти из духовно-нравственной спячки.

...Сегодня, спустя полгода, я призываю наш народ к осознанно-патриотической деятельности с чувством еще большей тревоги. Ибо становится все более очевидным, что для России наступает час испытаний, которых она еще не знала за всю предшествовавшую свою историю. Все силы мирового зла — и внутри, и вне страны — брошены против нее. Растет ненависть, агрессивность и жажда добить ослабевшую Родину, которая теперь пытается, очнувшись после семидесятилетнего кошмара, подняться с колен и вынуть кляп изо рта.

Родина-мать зовет вас, россияне. Россия нуждается в помощи и поддержке всех народов, которые не отделяют свой путь от ее судьбы. Уверенность в том, что эта помощь придет, в меня вселили две телеграммы, которые я получил в последние минуты теледебатов и потому не успел их прочесть в эфир. Привожу их теперь полностью. Первая: «Ваш голос — это не глас вопиющего в пустыне. Мы вас слышим. Ленинградцы»; и вторая телеграмма: «Марк Николаевич, спасибо, что вы подняли голос в защиту русского народа. Я полька, выросла в России. Мне больно, как оскорбляют, незаслуженно обвиняют русских другие народы СССР. Русские всегда были интернационалистами, добрыми, терпеливыми. Сами досыта не ели, помогали другим. Сейчас РСФСР самая бедная республика. Добивайтесь возрождения России. РСФСР пора преобразовать в Российскую Советскую Социалистическую Республику со своей столицей и самостоятельным правительством. Надо поставить Россию в равноправные условия с другими республиками. Огласите мою телеграмму. Нейфельд Нинель Яновна. Участник Великой Отечественной войны. Дочь польского интернационалиста».

По итогам голосования победил — с очень большим отрывом — Н. В. Иванов. Он собрал 61,01 процента голосов (1 405 883). Для сравнения: «демократическая» группа М. Салье (Андреев, Ковалев, Куркова, Аржанников; Чулаки снял свою кандидатуру) набрала 12,36 процента. Кандидаты народно-патриотической ориентации (Богачева, Звнин, Ефимов, Красавин, Куркин, Любомудров, Попов, Пыжов, Шипунов) собрали в совокупности 12,14 процента. Любопытные результаты получили социологи Ленинградского университета: на одном из избирательных участков, где избирателями были студенты и аспиранты физического и прикладной математики факультетов, они провели мини-референдум. Вот его итоги в формулировках самих социологов: «Кандидаты, придерживавшиеся во

время предвыборной теледискуссии программы о предоставлении свобод и реализации потребностей малых наций — М. Е. Салье, Б. А. Куркова и др. (подчеркнувшие свою солидарность с аналогичной программой тт. Сахарова и Коротича), — получили на нашем участке около 10 процентов, а сторонники свободы развития не только малых, но и больших наций, включая возрождение русской культуры, — В. А. Ефимов, М. Н. Любомудров, И. В. Красавин и др. — были поддержаны около 5 процентами избирателей». На обследованном участке большинство избирателей выразили свое предпочтение Н. В. Иванову (45 процентов) и С. Ю. Андрееву (30 процентов) — «придерживавшимся в вопросах национальной политики нейтральной (или нигилистической) позиции» («Ленинградский университет», 1989, 30 июня). Эта публикация имела характерный заголовок: «Хотят ли русские... Будет ли народ РСФСР вести национально-освободительную борьбу за равные с другими республиками права?»

Вместо послесловия: С какой целью я написал эти заметки о прошлогодней выборной кампании народных депутатов СССР?

Сейчас идет подготовка к выборам в органы власти РСФСР, эта нынешняя кампания развертывается в чрезвычайно накаленной атмосфере. «Прорабы перестройки» не устают призывать к решительной атаке на Россию, постоянно напоминая, что сегодня у них — последний шанс. Оно и понятно — сокрушающий удар легче нанести, пока народ еще не разогнулся, не выпрямился во весь рост, не протер засыпанные песком и грязью глаза, не успел до конца увидеть и осознать, кто, почему и с какой целью его уничтожает. Атакующий нас «Малый Народ» сегодня сплочен и агрессивен, как никогда. Современные цели его борьбы нетрудно понять, например, из слов вице-президента Всемирного еврейского конгресса Изи Леблера, который, выступая на открытии Культурно-просветительного центра имени Соломона Михоэлса в Москве (февраль, 1989), заявил: «Если политика гласности и перестройки завершится успехом, то мы увидим конец длительному периоду борьбы между еврейским народом и Советским Союзом» (посвященный открытию Бюллетень центра, с. 18). Ясно как божий день, чей конец и чья победа при этом имеются в виду.

А чего стоят требования именующего себя партией «Демократического Союза» «демонтировать Большую империю», расчленить РСФСР на 3—4 «русскоязычных государства»: «включение тезиса о дезинтеграции империи в программные документы ДС — начало его участия в работе по перестройке сознания русских в нужном направлении» («Свободное слово», 1989, № 13, 11 апреля). Это следующий этап реализации доктрины З. Бжезинского, который давно уже настаивал на «обкусывании советского пирога по краям». (Вспомним нынешнее положение в Прибалтике, Молдавии, Закавказье, Средней Азии...)

Как очевидно, разрушительный натиск на Россию совершается с двух сторон: извне и изнутри страны. Сегодня голоса радио «Свобода», газеты «Московские новости», журнала «Огонек» и т. п. слились в общий злобный хор поношения нашего Отечества. От выступлений закордонных клеветников мало чем отличаются речи наших: скажем, сотрудника фирмы бытовых услуг А. Норинского или первого секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области Б. Корсунского.

...У многих прошлогодних кандидатов в народные депутаты СССР на знамени, обращенном к избирателям, были «связки сосисок». Завороженные посулами простаки взвешивали-сопоставляли, у кого «связка» больше... И порой куда меньше вглядывались в лица и души тех, кто эти сосиски обещал. А ведь самое главное — нравственная чистота, верность патриотическому долгу, не обещанные, а уже подтвержденные биографией честность, мужество, готовность до конца стоять за правду. А там, где правда, справедливость, будет и надежная социальная защищенность, там и хлеб приложится. Мне кажется, еще не все избиратели научились отличать искренних патриотов от демагогов-оборотней, для которых выборы — удобный трамплин для карьеры. Эта опасность вновь грозно нависает в преддверии мартовских выборов в РСФСР. Надо быть готовыми к тому, что «Малый Народ» и мобилизованные им силы внесут коррективы в свои лозунги и программы.

Сегодня многие начнут говорить подобно герою недавнего спектакля М. Захарова «Поминальная молитва» (Московский театр имени Ленинского комсомола): «Я русский человек еврейского происхождения иудейской веры...»

Нет сомнения, что беспринципные политиканы и самозванцы попытаются присвоить себе право говорить от имени русского народа и будут представлять себя радетелями его интересов. И не всегда легко будет снимать с рвущихся к власти лжепророков маскарадные, фарисейские одежды. Подтверждения тому явились быстрее, чем я думал. Вновь включившись в предвыборную борьбу, один из лидеров ленинградского «народного фронта», М. Салье, сразу «вспомнила» о России. И уже не борьба с бюрократизмом, монополизмом, сталинизмом за плюрализм и демократизм в ее лексиконе: «Главная цель для меня и всех нас — возрождение русской нации на здоровых началах, ибо за 70 лет историческое самосознание русского народа искажено невероятно» («Смена», 1989, 26 декабря). Уничтожавший нас 70 лет «Малый Народ» теперь будет нас «оздоровлять», другими словами, «перестраивать сознание русских в нужном направлении...» Единых, универсальных критериев различения новой лжи, видимо, не существует. Но есть важный гарант будущей независимости, честности и бескорыстия депутата — его предшествующий общественный путь, его невключенность в какие-либо компромиссы и подыгрывания «Малому Народу» или иным разрушительным силам, его способность противостоять политической конъюнктуре. Политическая, гражданская биография кандидата в депутаты, уровень его культурно-исторического национального самосознания, твердость характера — вот что требует к себе пристального внимания. Ибо обещать все будут во многом одно и то же. Если учесть еще и то, что большинство центральных и местных средств массовой информации в РСФСР находится под контролем «Малого Народа», то легко представить, какое мощное давление они окажут на сознание избирателей.

Соотечественники, будьте бдительны, бодрствуйте и берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, — судьба Родины впервые за много лет снова в ваших руках. Помните уроки недавних выборов в Верховный Совет СССР. И как говорилось в древних пророчествах, не страшитесь ни в чем противников, это для них есть предзнаменования крушения, а для вас спасение...

Сделают ли россияне наконец русский выбор? Ответ на этот вопрос мы получим 4 марта 1990 года.

ПОЭЗИЯ

Иван САВЕЛЬЕВ

ЗАЩИТИ СЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ

Виталию Журавлеву

* * *

Закрываю глаза — и всплывают твои чудеса:
Дорогая деревня и речка твоя, и раздолье,
И брусничная — тонны бери! — чаруса,
И до самых небес журавлиная синяя воля.

Закрываю глаза — время движется, тихое, вспять
И несет на плечах золотые дожди проливные.
А под солнышком жнет молодая, красивая мать,
Терпеливая женщина, незабвенная матерь-Мария.

Закрываю глаза — снова битве с фашистом конец,
И горят над толпою свои, самодельные флаги...
И идет большаком из Берлина уставший отец,
И медали звенят — то победные гимны отваги.

И опять пароходы к Смоленску плывут по Днепру...
Август ляжет на стол долгожданным ржаным караваем.
Я всегда понимал, что без памяти этой умру, —
Потому я теперь закрываю глаза. Закрываю.

Знаю я, как и все: не вернешь удивительных дней,
Даже память — и та износилась, как старенький ситец...
Не верну. Не верну. Но не ставьте над ними свечей, —
Я их вижу как явь. Не спешите же, дни, не спешите.

* * *

Я возмущен, что свет святых идей
Поносится вульгарно и бесстыже.
Я утомлен раздорами людей,
Я распрями в стране моей унижен.
Построив лес словесных баррикад —
И это не метафора поэта! —
Есть люди, что «очиститься» хотят
От красного мешающего цвета.
Какая революция в умах!
Читаю откровенье златоуста:
«Не понимал, увы, свободы Маркс.
И Ленин понимал свободу узко».
Была-де революция не та,
И лучше бы ее не совершали!..
Об этом прежде недруги вещали.
Сегодня это — наша широта.
Я знаю, что меня, когда прочтут
Мои стихи —
(Все эти, что — не с нами),
Охранником с презреньем назовут.
А я и вправду охраняю знамя.
Я выстою. Меня не сбить с пути
Ревнителям лукавого витийства, —
Что норовят — за «обветшалость истин» —
Под черный меч наш выбор подвести.
И вот уже построенный с трудом —
На стенах лики павших проступают! —
Упорно рушат выстраданный дом, —
И в правнуков обломки долетают...

КОНЕЦ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

«Убей коммуниста!» — один
из лозунгов так называемого
«Демократического союза».
«Правда», 14.04.89

Великая, единая страна,
Идет в гебе — колеблются основы! —
Бескровная пока гражданская война...
Дээсовцы и кровь пустить готовы.

Ты в лица экстремистские смотри,
Они таят в себе не просто козни, —
Они тебя взрывают изнутри
Снарядами национальной розни.

О, Родина!
Какие меж людьми
Возникли распри, вспыхнувшие разом!..
Ты ослепленных злобой вразуми, —
У них уж точно помутился разум.

Но только ты спокойствие храни.
Перед тобою, всю планету спасшей,
Еще не раз покаются они,
Ты — мудрая.
Ты шанс последний дашь им...

* * *

Они — иль мы?
Одно — из двух.
Нацелясь в нас, детей и внуков,
Они из душ народный дух
Изгнать пытаются, как духов.

Пока не устоялись дни
И правдою не отстоялись, —
Во всеоружии они
На баррикадах оказались.

Но, вознесясь на гребне лет,
Объемля мир прозревшим оком,
Народ становится пророком
В стране. Иных пророков нет.

* * *

Душа у нас совсем не огрубела,
Хоть каждого ие обошел надлом...
Для лучших песен время не созрело,
Поэтому не лучшие поем.

И тем певцам, что нас добром помянут
За времени туманною чертой,
Они, увы, усладою не станут,
Но будут — верю! — взлетной полосой...

ЗАЩИТИ СЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ!

Стало трудно дышать на свете.
Как бы вовсе нам не пропасть —
Ополчились Арбата дети
На тебя, Советская власть!

Нас Отчизна подняться просит,
Ибо слышится пули свист,
Когда сын ее произносит
Слово чистое —
Коммунист.

Нам травили сознанье водкою.
Отрезвели мы —
На глазах
Плещет, поднятый новодворскими,
Над Москвой сионистский стяг.

И «Союза демократического»
По основам наших основ
Бьет оружие демагогическое
Из глумливых своих стволов.

Нами выстраданное — обесценено.
Научившись церкви крушить,
Подбираются хищно к Ленину,
К горлу тянутся — задушить.

Чтоб страна в состоянье скотское
Впала, злобою залита,
Ждут теперь воскрешенья Троцкого
Больше, чем самого Христа.

Жизнь — как шахматы. Время матовое.
Современник мой, не дивись,
Что узнал теперь от Айтматова,
Где построен социализм.

В нас нацелены резолюции.
Желтой прессой отравлена жизнь.
Защити себя, Революция!
Революцией — защитись!..

* * *

Иной подход, иная призма.
И свет иной горит в душе...
Не обещают коммунизма
В столетье нынешнем уже.

Не знаю, что из планов выйдет,
Насколько планы по плечу, —
Но я хочу его увидеть,
Пусть даже призрак, но — хочу!..

* * *

Душу, что за сумрачные годы
Постарела, — излечил от ран
Ранний свет дрожащего восхода,
Еле-еле видный сквозь туман.

Кажется, кончается ненастье
Над тобой, страдалица-страна.
Мне бы нынче ликовать от счастья,
Но цена-то этому... цена!..

ЗОНА

Вчера — планета, а сегодня — зона,
Здесь все живое ныне — вне закона.

Мы в зоне все. Уже вошел озон
В число последних смертоносных зон.

Я сам себе повешу обреченно
На грудь табличку:
«Осторожно — Зона!»

МОЯ ЗЕМЛЯ

Ничего я не обесцениваю...
Душу дружбою веселя,
Украину люблю, Армению.
Но Россия — моя земля.

«Калевалой» пленен я, дайнами —
Вечной музыкой древних строк.
Неразгаданной мучась тайною,
Тайной «Слова...», где мой исток.

Что мне нынешние удачи,
Если, памятью дорожа,
Ярославны бессмертным плачем
С детства плачет моя душа.

Эти пажити, речки эти
И лесов отрешенный вид
Дышат гибелью и бессмертьем, —
Но и смерть нас не разлучит.

Не унижусь и не унижу,
Не пойду в крестовый поход, —
Ибо в каждом народе вижу
Неуниженный мой народ.

Москва

Николай РОДИЧЕВ

Рис. В. Иванова

В ЛОЗНЯКЕ

Рассказ

Приказ был довольно простым: переправиться на правый берег реки по возможности скрытно и взять вблизи вражеских позиций первого встречного, будь это зазевавшийся гитлеровец из передового охранения, приехавший на луга за сеном крестьянин или дезертир из разбежавшегося по плавням румынского батальона.

— Посторонних на войне не бывает, — напутствовал нас начальник штаба части майор Артамонов, прохаживаясь вдоль строя без фуражки, как над картой сидел.— Так или иначе, но все, попавшие в полосу сражения, являются участниками его... Сами не стреляют — видят, кто и где стреляет. Не видят, так слышат, откуда летят снаряды, где бухает батарея. Знают дороги, по которым идут машины или проходили вчера. Сейчас нам любые сведения с того берега важны.

Ясное дело: кто-то должен оказаться тем первым человеком, кому суждено попасться на глаза бойцам поисковой группы.

Выждав, когда луну подзатянуло волокнистой тучкой, мы столкнули лодку на воду и повалились на ее мокрое днище. Греб старшина Изюмов, из бывших амурских рыбаков. Он ни разу не всплеснул веслом, не ругнулся даже, когда снес кожу на руке о проржавевшую уключину.

Наконец лодка ткнулась во что-то мягкое, и старшина выпустил из рук весло, тут же схватившись за автомат. Первым он выпрыгнул на берег.

Когда все высадились, Изюмов вернулся к лодке и, умело перевернув ее, наполнил водой, погрузил на дно... И только тогда разорвал индивидуальный пакет, кляня себя за неосторожность.

Мы двинулись гуськом в сторону видневшегося у горизонта скотного двора. Именно там с вечера похлопывали одиночные пистолетные выстрелы, похожие на перестрелку.

До незнакомого строения издали, казалось, рукой подать, но прибрежная тропа виляла, исчезала из-под ног, а потом круто повела нас чуть ли не в обратную сторону. Мы решили идти лозняком напрямик, но кустарник вскоре оборвался, представив нам неожиданное зрелище: дорогу разведчикам преградил широкий залив, соединенный с рекой едва заметным в лозняке каналом. Даже в лунную ночь вода в заливе казалась густой, темной и напоминала разлитый свинец. И лишь над самым обрывистым берегом поверхность залива слегка подергивалась рябью, обозначая течение.

— Откуда здесь вода? — с досадой сказал Витька Прошин, новичок во взводе, из местных, поглядывая на старшину, который решил вести нас напрямик и привел к заливу. Мы все уже мысленно распрощались со своим берегом, который благополучно покинули незамеченными. Впереди и сзади теперь была лишь вода.

— Не озеро это,— сердито отозвался рядом Изюмов.— Видите: сарай в стороне маячит? Это не скотный двор, а навес для просушки кирпича. Только вот не возьму в толк, зачем гитлеровцам пускать воду в карьер? Вроде бы и смысла никакого. Для купалища — берега больно круты...

Бойцы молча сгрудились у обрыва, вглядываясь в прибрежный тальник, еще безлистный по ранней весне, как вдруг неподвижный темный холмик у самой воды зашевелился, ожил, издавая неясный звук. Мы тут же припали к земле без команды, стали наблюдать. Холмик

рос, распрямился, снова сровнялся с землей. По берегу полз, то приподнимаясь, то падая вновь, человек. К нему метнулся Изюмов:

— Хенде хох! Руки вверх, — приглушенно проговорил он, щелкнув предохранителем автомата.

Незнакомец ошалело уставился темными в сумерках глазницами на окруживших его бойцов и еще крепче вцепился в прутья ивняка. По всему было видно, что он не собирался выполнить наше требование. Когда приказание повторили, он всхлипнул и заговорил как в бреду:

— Люди! Братцы!.. Не кидайте меня в воду, не отнимайте лозы.

— Насчет «братцев» — погоди! — сурово осадил странного человека Изюмов. — Да и встать тебе придется. Сказывай: кто такой? Почему ночью в прифронтовой полосе оказался?

— Горюнов, Пашка Горюнов я... — отирая лицо рукавом обвисшей клочьями одежды, представился «пленник». Кто-то охнул от удивления и выругался. Фамилия разведчика из соседней дивизии Павла Горюнова считалась едва ли не самой громкой среди нашего брата. С месяц тому назад мы прочитали во фронтовой газете о гибели солдатского любимца, гвардии сержанта Горюнова... О смерти его в окружении было написано с такими подробностями, что в этом ни у кого не было сомнения. Однополчане Пашки посылали в те дни родителям Горюнова клятвенные письма, предлагали себя в сыновья. Один из парней ответ получил от Арины Тимофеевны, матери героя... Не лазутчик ли воспользовался документами нашего воина? И такое на войне случалось. А в плавнях, что и говорить, немало шастало переодетых полицаев.

Двое бойцов оторвали незнакомца от куста и потащили на взлобок. Он отчаянно сопротивлялся. В лежачем положении свалил двух здоровенных бойцов, крепко схвативших его. Однако через минуту-другую, когда мы оказались в глубоком овраге между двумя полосами воды, Изюмов распорядился нам отойти в сторону и вместо строгих слов протянул пойманному человеку флягу. Приступил к расспросам.

Отхлебнув несколько глотков, Горюнов оклемался, начал рассказывать:

— Ушел я на поиск три недели тому назад. Как сто лет, показалось в неволе. Двое из моей команды пали в

рукопашной, а меня оглоушил сзади здоровенный обер. Ну, конечно, потерзали, сколько им хотелось. В овчарне пытали, в комендатуру не раз таскали, а потом повели расстреливать. Все тот же обер, обозленный, что ничего не добился, допытывался: где лодка или парашют? Не верил, что сразу после ледохода я с автоматом и скаткой Буг перемахнул... К обрыву, собака, привез — излюбленное место казни. Любят посмотреть, изверги, как люди с кручи в воду падают... И меня обер этот самый пистолетом в грудь толкал: «Лос! Лос!» А я изловчился и врезал носком сапога по запястью да самого за пояс... Рванул на себя. Хотел через голову кинуть, но отощал, видно, за три недели. Покатились мы оба по склону к воде. Плечо я малость повредил. Но ничего, вынырнул, гляжу: хлипает в кованых сапогах обер, к берегу тянется, и не до меня ему. Мне бы на другой бок залива, а берег далеко, не дотяну. Думаю: «Выберется офицер, пустит обойму в меня с обрыва...» А все же плыву да плыву потихоньку... Иногда оглядываюсь. Вот обер к раките прихлюпался. Хвать за ближний сук, потянул к себе, а сучок этак тихонько хрусь, и обер с ним в руке под водой пропал. Вынырнул, хрипит, водой плюется и снова за ветку хватается. А сучок тот на самом интересном месте напополам, и опять пузыри на поверхности. Долго не было видно, похоже, на дно опустился, оттолкнулся там. На третий раз фашист осторожно подобрался под здоровенный сук и ногу на него забросил.

Так метр за метром совсем было до берега дотянулся. Но сук треснул у самого ствола и вместе с обером ушел под воду.

Горюнов хлебнул еще раз из фляги, вздохнул, закончил:

— До сих пор не видно ни сука, ни обера. А вода в заливе ходуном ходит, крутит ее под берегом, как в коловерти, омут здесь — конца-края не сыщешь. Чувствую, тащит меня к тому самому месту, где погибель нашел обер. Не столько смерть страшит, сколько сознание того, что рядом с врагом лежать придется.

Горюнов передохнул, оглядел всех нас, сгрудившихся вокруг него, и возвратил Изюмову уже пустую флягу. Потом продолжал:

— А верно, братцы, сказывают, что, когда дело к смерти, родственники и вообще близкие люди в память наведываются. Мотаюсь я это от дна до поверхности и обратно в студеной воде и с родительницей своей мысленно прощаюсь... Перед самым уходом в разведку письмо от нее получил: пишет, плуги на себе по полю таскаем, хлеб вручную сеем — лошадей и машину в армию отправили, чтоб, значит, вам помочь фашиста окаянного осилить... «Эх, — думаю, — мама, родная! Женщины не сдаются, а я тут, солдат: в поганом омуте погибай!» Вынырнул и опять гребу к берегу, к другому месту прибиваюсь. Пригляделся: лозинка у самой воды торчит, желтыми почками будто фонариками светит...

И тут я, братцы, деда своего покойного вспомнил, Харитона Власыча. До чего же горазд был старик из лозы изделия всяческие закручивать. Сгибает, как помнится, прутики эти да приговаривает: «Лоза-егоза... Умному забава, дураку — расправа. Плетуха да туесок — внучатам хлеба кусок». И все в таком духе. Лестницу сплел из лозы. На чердак лазали — износу не было. А то подзовет, бывало: берись за другой конец, кто кого перетянет! Бегаем по двору, тянем каждый себе — не рвется, не ломается.

Так вот, лозовый прутик перед глазами замаячил, шевельнулся под ветром. А в голове — дед, веселый такой, с пучком краснотала в руке... «Неужели, — думаю, — это мне, Харитон Власыч, весточку шлешь, знак какой-то через рукоделье посылаешь?» Думаю, а сам изловчился да хвать за веточку пониже почек. Держусь крепко: не рвется и не ломается!.. Обвились гибкие прутики вокруг руки — не отдают воде солдата! Пригляделся, а по берегу их еще несколько таких веточек-перволеток. Ухватился я за пучок лозинок, да коленкой в скользкий берег уперся, да на локоток между прутиков опустился. Рывок, еще рывок подальше от ямы. Выбрался...

Горюнов попытался встать, но так и не смог. В ответ на распоряжение старшины отнести его к лодке сержант решительно возразил:

— Погоди, старшой. Хоть свое задание я не выполнил, оплошал, вам помогу подсказкой... За тем навесом «опель» стоит эсэсовский. На нем меня обер казнить вез, до самого ракита исказнила... Давайте-ка мы к бункеру ихнему за «языком» смотаемся, тут недалеко. А тогда уж и отчитываться перед командованием за свою оплошку буду.

Мы так и сделали. Вместе со спасенным Горюновым доставили в часть двух гитлеровцев из бункера.

Натиг РАСУЛ-ЗАДЕ

ЗАПИСКИ САМОУБИЙЦЫ

(Страницы из дневника)

Рис. Ю. Макарова

Развернутой цепью мы подходили к афганскому поселку. Когда рванула мина, я упал, почувствовав пронзительную боль в локте, и, теряя сознание, увидел, как в двух шагах от меня, в облаке огня и дыма, исчез Виктор...

Все в нашей части знали, что не очень-то он стремился в герои, не любил высовываться, леэть на рожон; но Афган — это ведь не парк культуры и отдыха, тут так запросто не отсидишься. На то она и война. Мы все умереть боялись. Или стать инвалидами, потому что уже понаслышке знали — если вернулся домой инвалидом, никто тобой не займется по-настоящему, будут делать вид, что тебя вообще нет, так же, как нет и войны в Афганистане. Одну пенсию выбивать приходится так, что остатки здоровья потеряешь да психом сделаешься. Ну, Героям, ясное дело, немного полегче, да на всех звездочек не напасешься. Хотя, будь моя воля, я бы всем ребятам, которые вели себя достойно, давал бы Звезду, честное слово, потому что даже просто вести себя достойно, не трусить — это здесь нелегко. Я, например, честно скажу, боялся, на каждом шагу боялся, потому что постоянно мыслями был дома. Дома-то, в Баку, у меня мама осталась. Отец умер недавно, только я на похороны его не смог поехать, в госпитале провалялся. Брат еще у меня есть, но тот давно живет в Саратове. Демобилизовавшись, так там и остался, женился, теперь у него семья, дети, работа. Старше он меня намного — ему теперь за сорок. Живет своей жизнью. Маму почти забыл, а у мамы, кроме нас двоих, никого близких нет, и случись что со мной, заботиться о ней некому. Вот я и боялся. На ту пенсию, что дадут за меня, и кошка сейчас не проживет. А мама старенькая уже, больная. Ей лекарства нужны — диабет лечить, зоб. Аптекари у нас такие цены ломят — жить не захочешь. А старший брат, Акрам, не помогает: у него трое детей, да все в таком возрасте, когда ни одежды, ни обуви не напасешься, да еще чтоб от моды не отстать. А тут, как назло, мне осколком садануло в руку, разворотило весь локоть, и в госпитале врач заявил, что необходима ампутация. Ампутировали, конечно, и теперь я без левой выше локтя — словом, чего боялся, то и случилось — стал инвалидом. До Афгана я работал на заводе. В институт после школы не поступил, хотя хотелось очень. Пошел на завод; это называется — знай, сверчок, свой шесток, — там и вкалывал, пока не призвали в армию, и послали в Афган. У станка я неплохо зарабатывал, а теперь куда, безрукий, денусь, куда я гожусь такой?..

В госпитале врач был мной доволен — быстро шел на поправку, а я злился, ничто не радовало — руки-то нет. Я думал иногда об Акраме, и однажды мне даже пришло в голову, что ему

повезло: успел отслужить в армии до этих афганских дел. А ведь его бы обязательно взяли, могли и убить, и покалечить, как меня. Обязательно взяли бы, потому что семья у нас бедная, откупиться нечем. Я не шучу — откупались, еще как откупались, и вместо сынка из богатой семьи со связями брали простого парня и отсылали на войну. Среди наших солдат-афганцев я ни разу не встретил ни одного сына министра, работника ЦК, Совмина или хотя бы районного начальника. Кого ни спросишь, отец — рабочий, колхозник, шахтер, пенсионер... Разве у «неприкасаемых» нет сыновей? Есть, конечно, только что им было делать там, под пулями?

Однажды просыпаюсь среди ночи от странного какого-то шороха. Тихонько обернулся на звук и вижу: на подоконнике сидит безногий лейтенант и тихо что-то шепчет. Я, еще не понимая, что происходит, стал прислушиваться. Странно — тумбочка стояла у подоконника. Видимо, он ее отодвинул от изголовья к окну и с постели вскарабкался на нее, а там — и на подоконник... Сидит, значит, шепчет что-то, будто молитву читает. И еще пальцем грозит кому-то.

Меня как огнем обожгло — окно ведь открыто! Он процедил тихо еще что-то сквозь зубы, подтянулся на руках и... откинулся затылком назад. Я — к окну, глянул вниз — лейтенант лежал, раскинув руки. Госпиталь находился в Кабуле, палата наша — на четвертом этаже, последнем. Парень ударился, видно, как и рассчитал — головой об асфальт.

Труп накрыли простыней. Врач потом говорил, что умер парень моментально. Жена и маленькая дочка остались у него. А через день меня выписали из госпиталя. И я прямиком — домой, еще десять месяцев до полного дембеля оставалось. В каком-то смысле повезло, выходит. Что ж, нет худа без добра, так хоть без одной руки, да все живым возвращаюсь, а не в цинковом гробу... Ну, и поехал я в Баку, а куда же еще? Мать обрадовалась, конечно, — увечный, а все же сын. Она приблизительно знала, что творится там, где я был. Писал я ей, понятно, без подробностей, ни о каких опасностях не сообщал. Вроде заметок газетных получалось: пресса освещает события, тоже, видимо, стараясь не беспокоить население, как я — свою маму.

Прижалась она ко мне, обняла, долго не отпускала. «Спасибо, живой вернулся, сынок, — плачет, — в Баку уже у стольких сыновья там погибли, я от страха ног под собой не чуяла, думаю, не дай бог... спасибо, живой вернулся... Спасибо».

— Что ты меня благодаришь, — говорю, — спасибо партии и правительству скажи, что я живой вернулся.

— Эх, — мама чуть улыбнулась и шлепнула меня по спине, — и на войне побывал, а ума не прибавилось. Ничего, теперь-то уж проживем как-нибудь, раз ты вернулся. Только не говори такие вещи — того и гляди можно из-за необдуманного слова всей молодостью расплатиться.

— Ну, — говорю, — ты не бойся, мы с тобой, кажется, полностью расплатились, я вот инвалидом стал, а какие мои годы, посмотрим, как теперь с нами расплачиваться будут?

И ведь как в воду смотрел насчет этой расплаты. Пенсия мне полагалась как инвалиду войны, так пока я ее получил, чуть действительно всей молодостью не расплатился. Вспоминать противно, сколько порогов пришлось обивать, справок доставать, заявлений писать, награды демонстрировать — мол, вот они, все в порядке, все законно. Не только у нашего мудрого руководителя — есть они и у меня, есть, не беспокойтесь, и культяпка, товарищи из военной медкомиссии, тоже настоящая, не поддельная, можете ее даже потрогать..

Тогда я пришел на свой завод, хотя и знал заранее: ничего хорошего из этого не получится. Так и случилось. Парень в отделе кадров мне под конец нашего разговора заявляет, мол, не я тебя на войну посылал, какие могут быть ко мне претензии, а на завод можем тебя взять — тут этот молодец тонко ухмыльнулся, — если только рука отрастет.

Ну, ясное дело, никакой работы, кроме места ночного сторожа, я не нашел. Ничего, думаю, теперь как-нибудь... А тут и пенсия стала приходить, вот уж чудеса, а я, грешным делом, крест на ней поставил, решив, что и вовсе о моем существовании забыли. Ну, пенсия плюс зарплата за ночные бдения на стройке, — в месяц раз пять-шесть можно на базар сходить. Одним словом, если не одеваться, не обуваться, о лекарствах забыть — денег на пропитание хватало.

А тут еще Акрам стал на меня давить — поступай учиться, и все тут. Я-то и не против учебы совсем, да вот только куда податься? А он говорит: для начала припомни хорошенько все, чему в школе учился, а там видно будет.

И вот сижу я как-то ночью в своей сторожевой будке, листаю учебник математики, а вместо формул одно на ум лезет: без образования мне и в самом деле — никуда... Сижу, думаю свои невеселые думы, как зажить бы по-человечески, как в люди выбиться. После госпиталя я уж пытался в институт поступить, но это больше «на ура» было. Последние знания на войне растерял, но все-таки верилось, что как участнику и инвалиду поблажку сделают, а меня срезали, как суслика, и теперь, чтобы снова попробовать, у меня еще целый год впереди.

Перекатываю в голове свои мыслишки и тут слышу — шаги.

Высунулся из будки, глядь — идет один тепленький, идет и шатается. Вышел я ему навстречу и говорю: что, мол, по стройке в неурочное время шастаешь?

Он промычал что-то, покивал благодушно, полез в карман и вытащил оттуда мятую пачку пятидесятирублевок. Отслюнил одну и дает мне.

— Шам... пань... — икает, так что я едва разобрал, чего ему надо. — И быстро. Дуй на Кубинку.

Я застыл, как олух, с зелененькой в руке, а он уже потопал обратно. Я пришел в себя, когда этот тип уже входил через черный вход в кафе-стекляшку, где наши работяги днем обедали. Я за ним в ту неприметную дверь и вошел. Было там от чего обалдеть. Ярко освещенный, просторный ресторанный кабинет, за столом — пьяная компания, а на столе — глазам больно от роскоши, чего только там нет (потом, когда вспоминал, сообразил: не было как раз шампанского), девки сидят, перед каждой — початая пачка «Мальборо», хохочут, визжат... Уставились они на меня, потом на того приятеля, что деньги мне сунул.

— Ты чего? — говорит мне этот псих, непонимающе хлопая на меня глазами. Я протягиваю его пятидесятирублевку. А он отвернулся — стал объяснять компании, что послал меня за шампанским. От этого сообщения все возликовали, пьяны они были в дымину, и тоже стали совать мне деньги. Ну, думаю, черт с вами, проедусь разок за счет сумасшедших. Короче, поехал я на Кубинку, привез им три бутылки шампанского, блок американских сигарет, выложил все это вместе со сдачей и уже повернулся уходить, а они не отпускают, смеются. Очень, видите ли, их развеселило, что я сдачу аозвращаю. Усадили меня, ну, я не стал ломаться, выпил с ними, да и поесть охота, а еда тут первоклассная, обслуживал их сам повар этого заведения. Рано утром застолье кончилось, все незаметно как-то расползлись, и мой знакомый попросил довезти домой.

— Адрес-то хоть знаешь? — спросил я.

— Ну еще бы, — пьяно осклабился он.

Времени до прихода начальства у меня было еще достаточно, и я, поддерживая этого типа, поймал тачку, усадил его, и мы погнали. Возле дома я расплатился уже своими кровными, потому что деньги со стола так и не взял. Помог ему, сонному, подняться на третий этаж, и очутился в такой квартире, которая потрясла меня еще больше, чем та ночная пирушка. Я такое только на картинках видел, ей-богу. На потолке, значит, — лепные золотистые амурчики, по паркету роскошная мебель расставлена, видеомагнитофон... В общем, побудешь в такой хате — а глазах зарябит. Ну, я не стал дожидаться этого зрительного

эффекта, тем более что Осман — так звали его друзья — повалился на тахту и тут же захрапел. Вот так я познакомился с этим Нагиевым: он почему-то не любил, когда его по имени называли. Дня через два, только я заступил на смену, вдруг подкатил Нагиев на своих новеньких «Жигулях». Подошел и без дальних слов говорит: «Ты мне нужен». Короче, стал я ему помогать в разных мелких делишках — туда подъеду, то достану... Просьбы свои он излагал предельно вежливо, вроде бы речь каждый раз заходила об одолжении, ну и отваливал за эти услуги — порой рублей до шестисот-семисот выходило в месяц. Эти деньги очень пригодились дома, а скоро я и вовсе представить себе не мог, что бы делал без нагиевских заказов, потому что маме уже подолгу приходилось лежать в больнице, а это опять же расходы немалые: врачу лечащему — дай, медсестре за уколы — отстегни, няньке — тоже не забудь... Влетало в копеечку, рублей до тысячи порой выходило, еду ведь я ей сам привозил, потому что в больницах у нас кормят так, чтобы больной только ноги не протянул.

Маме я говорил, что подрабатываю по совместительству, и она успокаивалась, но ведь и в самом деле — не крал же.

Часто теперь приходилось принимать участие в попойках, что устраивал Нагиев, а порой он доставал травку, но я отказался наотрез, так что с первого раза вроде и отстали. Хитрый был Нагиев, наркотиками не увлекался, да и выпивкой тоже, день погуляет, отдохнет, потом всю неделю делами занимается. А деньги он хорошие делал, шмотками в основном промышлял. Я както спросил его: как же так, нигде не работает, не боится разве, что за тунеядство засудят, а он мне: это я — тунеядец? Вкалываю день и ночь лаборантом при заводской лаборатории, видишь, говорит, от разных ядовитых химикатов совсем здоровья лишился.

Однажды мне Нагиев говорит: «Поезжай в аэропорт, приятеля из Одессы надо встретить». Надо так надо, встретил я его, парень оказался шустрый, весь модный, веселый. Перетащили мы его чемоданы в машину и поехали. У Нагиева уже сидели две девицы, и тут же пошла гульба. Мы пили водку, в достатке была там икра, осетрина на вертеле... Потом пили шампанское. То Нагиев, то одессит время от времени уединялись с девицами в спальне, и когда уходил с ними гость, то через некоторое время из спальни доносился визг и рев, отчего Нагиев, рассвирепев, стал выгонять проституток, стараясь содрать с них свои халаты, которые они нацепили, а когда девицы переоделись и стали тре-

бовать, что причитается, то он швырнул деньги на лестничную площадку. Игорь, одессит, догнав девочек, тоже расплатился, а когда вернулся, Нагиев уже в ярости искал, к чему бы еще придраться. Выпили по новой и, слово за слово, припоминая друг другу старые обиды, сцепились. Я вскочил, чтобы разнять их, но Нагиев отшвырнул меня и тут же, изловчившись, пнул Игоря ногой в живот. Вроде и не сильно, но тот, пьяный, упал. Нагиев, не обращая на него внимания, сел за стол, отдуваясь, стал пить пиво, я приподнялся с дивана, чтобы посмотреть, почему это Игорь не встает, и, подойдя к нему, заметил, как медленно стекленели его глаза.

— Эй! — позвал я Нагиева. — Глянь-ка, вроде плохо парню.

— Отстань, — огрызнулся тот. — Он всегда был большой шутник...

Я расстегнул Игорю рубашку, приложил ухо к груди — в Афганистане еще научился распознавать тлевшую в человеческом теле жизнь, — сердце не билось. Падая, Игорь ударился виском об острый угол буфета. Парень был мертв, мертвее не бывает, черт возьми, и тут я понял, что попал в прескверную историю. Я поднял голову — надо мной стоял побледневший, как полотно, Нагиев.

— Он мертв, — сказал я, — ты убил его. — Почему я сказал эти абсолютно ненужные и очевидные слова, не могу точно вспомнить, может, уже предчувствовал, что за тем последует, и хотел оградить себя этой бесполезной констатацией фактов? Хмель мигом соскочил с Нагиева.

— Спокойно, — сказал он вдруг и в самом деле выглядел довольно спокойным, если только не принимать во внимание сильную бледность, — надо все обдумать... Вот что, — вдруг проговорил Нагиев решительным тоном, — ты это дело возьмешь на себя.

Мне показалось, что я ослышался. Я даже удивиться не успел такой наглости, а он мне уже все объяснял по пунктам, доказывал, почему так, как он хочет, будет лучше для нас обоих, а в сущности, конечно, уговаривал. Я поздно понял, что меня уговаривают, и, к своему несчастью, стал прислушиваться к словам Нагиева, вставляя только время от времени с глупой, растерянной улыбкой: «Ты что, спятил?» — что, конечно, не могло считаться аргументом против нагиевских доводов.

— Во-первых, ты участник войны — раз, награды — два, инвалид войны — три, непредумышленное убийство, я свидетель (тут я чуть не задохнулся от возмущения: он, видите ли, свидетель!) — четыре, — невозмутимо продолжал Нагиев, — хороший адвокат, это уже мои проблемы, — милостиво добавил он, — пять, — учитывая все эти козыри, дадут мало, точно тебе говорю, много не дадут, я все сделаю, а теперь слушай меня внимательно, — сказал он каким-то ледяным, почти угрожающим тоном, и я на самом деле стал слушать его внимательно, даже про реплики свои забыл, — за каждый год твоей отсидки я даю тебе семь кусков, то есть шесть косых в месяц, ни тебе, пока ты меня не знал, ни твоей матери такие деньги не снились, поди заработай шесть сотен на стройке сторожем. Единовременно даю тебе пятнадцать кусков, чтобы, пока ты будешь загорать, твоя мать ни в чем не нуждалась... Кроме того, буду о ней заботиться, все, что ей нужно, — сделаю, ты меня знаешь. Остальные бабки получишь после срока, как только выйдешь. — Он сделал паузу, несколько секунд оценивающе смотрел на меня. Нет, он, конечно, не был похож на сумасшедшего.

— Если не берешь дело на себя, — продолжал он, — я, естественно, полетел, но обещаю тебе: сделаю все, чтобы ты пошел соучастником убийства. Какие у меня связи, ты, кажется, уже знаешь, мне будет нетрудно поделиться с тобой сроком. Я прихвачу тебя с собой, обещаю тебе это так же твердо, как до этого обещал тебе бабки за отсидку. И если мы оба подзалетим, тогда после срока ты — голодранец, как и прежде.

Тут мне захотелось пристукнуть его, я вскочил было, но он, отвернувшись, бросил коротко: «Сядь». Я сел. Помолчали.

— Ну? — подтолкнул меня Нагиев.

— Мне надо подумать, — сказал я.

— Быстрей давай думай, решать надо сейчас же.

Я подумал. Мне даже понравилось, как я хладнокровно могу взвешивать все «за» и «против»; то, что он прихватит меня с собой, — это точно, ему это ничего не стоит. И тогда мама останется почти без средств, одна. Если и беру у него пятнадцать кусков и оставляю матери — это уже лучше, чем ничего. Выйду — возьму у него остальное, как договорились, и, уже с деньгами, может, устрою себе новую жизнь, развяжусь с ним раз и навсегда, заживу себе без беготни по его делам. Да и разве там мне будет хуже, чем в Афгане, что там может быть такого страшного, чего я на войне не повидал? Мне казалось, я все взвесил...

— Согласен, — сказал я, — давай пятнадцать кусков сейчас же.

— По рукам! — обрадовался Нагиев.

— Сказал же, согласен.

— А что же руки не подаешь? — спросил он подозрительно.

— Потому что мне противна эта сделка, — ответил я.

— Ладно, — сказал Нагиев, — только предупреждаю, с нами шутки не шути. Мы знаем, где живет твоя мама, так что смотри,

если решил обмануть, заранее предупреждаю — выкинь из головы.

— Я и не брал в голову, — сказал я, — а про маму мою чем меньше будешь вспоминать, тем здоровее останешься.

— Ладно, ладно, — говорит, — не кипятись, это я так, на всякий случай.

Он пошел в спальню и вынес оттуда пачки денег.

— Пятнадцать ровно, — сказал он, — будешь считать?

— Нет, — буркнул я, — но остальное потом, как выйду.

— Как договорились, мое слово ты знаешь, за каждый месяц — шесть косых, сколько бы ни отсидел. Да ты не пугайся, это я так, говорю же — больше пятерки не получишь, ну, может, от силы шесть. Половину скостят под амнистию, так что моли бога, что я тебе, помимо этих пятнадцати кусков, должен остался.

Ну, это он, ясное дело, для красного словца, для того, чтобы меня успокоить, сказал. Разговорился на радостях, что такого болвана, как я, удалось облапошить, уговорить на такое гиблое дело. Ну ладно, была уже ночь, я поехал домой, спрятал деньги в кухонном шкафу (кому придет в голову грабить такую квартиру, как наша?), оставил маме записку, что уезжаю в другой город, чтобы сразу ее не пугать — придет время, сама узнает. Написал, что буду письма присылать, пусть не беспокоится, все у меня хорошо и что деньги, которые она обнаружит, мои, а значит, и ее, они не ворованные, и потому прошу тратить их на себя, пока меня не будет дома... Да и в самом деле — не украл же я их!

Запер я дом, поймал машину и поехал к Нагиеву. Тот старался казаться спокойным — это чтоб мне показать, будто нисколько не сомневался в моей порядочности. Мы выпили — больше я, чтобы набраться смелости, и под утро стали звонить в милицию... В общем-то, мы с Нагиевым вроде все учли. Все, кроме одного. Следователь и еще один тип на допросах избивали меня, били умело, в основном по почкам и в живот, чтобы не оставлять следов. Хотели из меня признания выбить. Я сразу понял, что нужно следователю. Он хотел, чтобы я взял в соучастники Нагиева, на котором он мог бы неплохо погреть руки. А с меня что возьмешь? Гол как сокол. Ну и били же меня, профессионально били, но я выдержал, не сломался, и наконец вынуждены были передать дело о непредумышленном убийстве в суд. Суд расценил его как несчастный случай с одним для меня отягчающим обстоятельством — я был пьян. Нагиев как в воду глядел, срок дали так себе — пять лет трудовой колонии усиленного режима. Адвокат был хороший, толковый. Нагиев выполнил свое обещание, и многое, как он говорил, зачли мне: что инвалид войны,

что награды имел и прочее, хорошо хоть в этом помогли мои былые заслуги. Ну, значит, отправили меня в зону: Мордовская АССР, пишите письма. Вот так я и оказался в колонии, не успев еще как следует отдышаться после Афгана.

К ноябрьским праздникам восемьдесят четвертого года вышла мне амнистия. Казалось, что теперь-то уж все плохое позади и теперь ждут меня одни только радости. Ну, в самом деле, разве мало хлебнул я на своем веку? Вот уж и домой еду, буду жить с мамой. Соскучился я по ней жутко и поволновался немало, хоть и часто с ней переписывались. Жалко мне ее было — хоть плачь. Чего она только со мной не натерпелась! Ждала с войны, каждый день помирая со страху, теперь вот — из лагеря... Состарилась прежде срока, все глаза выплакала, бедная. Там, в зоне, я дал себе слово, что, если выйду... то есть когда выйду, сделаю все, чтобы она ни в чем не нуждалась, ни в чем отказа не знала бы.

Еду я, значит, смотрю в окна поезда на поля, пустые степи, на голые деревца, и как увижу какое-нибудь живописное место — всякий раз думаю, вот бы хорошо тут домик поставить и жить с мамой вдвоем. Много ли нам надо? Только б не мешали держаться подальше от всех. А что, разве плохо? Живи тут, горя не ведая, — не то что в городе, в этом болоте людском...

Мама, как увидала меня, чуть сознание не потеряла от радости, хоть я и писал, что возвращаюсь. Подхватил ее, усадил на диван, накапал ей валокордину. Немного пришла в себя и тихо так заплакала. «Ну что ты, мама, — говорю, — все же хорошо, что ты, успокойся, родная...» Она, конечно, здорово сдала, постарела еще больше. Со зрением стало хуже. Биография моя здоровья ей не прибавила. Конечно же, и на суде была, и жалобы рассылала вплоть до Генерального прокурора страны. Писала, что сына ее оклеветали, заставили взять на себя чужое преступление, что он — я то есть — мухи-то не обидит. Просила, чтобы тщательнее разбирались (вот следователь и разбирался, выколачивал из меня «правду»). Из сил выбивалась, пока я отсиживал свой срок. «Но я вышел, — говорю ей, — я с тобой, и все хорошо, мама, теперь все будет хорошо, все плохое уже позади».

Потом, когда главное было сказано, семейные разговоры переговорены, она меня о деньгах тех спросила.

— Я знаю, — говорит, — сразу всему поверила, когда прочи-

тала твою записку. Знаю, что ты не обманешь, не украдешь, но откуда у тебя столько?

— Не спрашивай, я тебе сказал — не ворованные, и это ведь главное, правда?

— Я боюсь, — вздохнула мать, — боюсь, как бы снова не попал ты в дурную компанию, как бы не оступился, большие деньги нам ни к чему, что с ними делать?..

Тут я, зная мамин бесхитростный и наивный характер, насторожился, ждал — сама все скажет, что надо. Ну, конечно, вскоре призналась, что десять тысяч Акраму отдала.

— Зачем? — спрашиваю.

Мама помолчала, думая о своем, потом принялась меня убеждать, будто я о чем-то с ней спорил. Я просто так спросил, но она так разволновалась, что я пожалел о дурацком своем вопросе. Выяснилось, что Акрам решил купить домик в пригороде с маленьким участком, потому что в старой квартире, где они жили, была ужасная сырость и дети подолгу болели. Ну, что на это возразишь? Родной ведь брат! А потом, речь идет о здоровье детей, а что может быть важнее этого? «Все правильно, — говорю, — все правильно, мама, одного не могу понять: почему он вспомнил о тебе именно тогда, когда у тебя появились деньги?»

— Ничего подобного, — мама даже перепугалась, услышав мои слова, мне показалось, что она ожидала, что я скажу что-нибудь в таком духе, видимо, и сама думала об этом. — Ничего подобного, — повторила, сильно волнуясь, — просто он написал мне письмо, откуда ему было знать, что ты оставил мне деньги...

— А оттуда, — а сам закипаю, — что я из зоны отослал ему одно письмецо, чтобы он не оставлял тебя без внимания, пока я там. Вот он и не оставил.

— Да мне много ли надо? — стала оправдываться мама, — одно нехорошо вышло: деньги, получается, без твоего разрешения я отдала, а они ведь твои.

Ночью, когда я уже засыпал, мама тихонько подошла к кровати:

— Сынок, ты не очень сердишься, что я деньги Акраму отдала?

— Нет, — отвечаю, — я уже забыл.

На следующий день отправился я к Нагиеву. Принял он меня как родного, угощать стал дорогим коньяком, сигаретами. Вроде все, как всегда... Но было уже что-то в нем, отчего сразу можно сказать: не тот стал Нагиев, не тот. Раньше — что? Свой парень, заводной, а уж поговорить любил — слова не вставишь. Ну, фарцовщик, а попросту — спекулянт. А в остальном вполне компанейский человек.

Но теперь... Теперь говорил он не спеша, словно нехотя, и видно было, что каждое слово у него тщательно взвешено и как бы даже отмерено. Не смеялся, а улыбался скупо, и взгляд у него был такой, будто смотрит на тебя — и не видит.

Расспросил он меня, как да где сидел, не завел ли там ненужных знакомств, да не станут ли выходить на меня тамошние дружки-приятели... И чувствовал я себя, как тогда — на допросе у следователя. Да, и впрямь изменился Нагиев, это сразу бросалось в глаза. И квартиру тоже вроде как поменял — обставлена она была хоть и по-прежнему богато, может, даже еще богаче, но без прежней крикливости, нахальной яркости, дорогих безделушек, огромных фотографий голых женщин на стенах. Короче, все намекало, что Нагиев взлетел еще выше, может, в самые рискованные выси. Да только мне-то что? И знать не желаю, чем он там занимается. Я пришел по своим делам, и когда на очередной мой какой-то незначительный вопрос он опять надолго замолчал, видимо, недоумевая, как я вообще смею тут задавать вопросы, — мне все это порядком осточертело, и я ему тут же не очень вежливо брякнул, что он может не отвечать, а пришел я потому, что за ним должок, и пусть он подсчитает и вернет мне оставшиеся деньги.

— Делать нечего, — развел он руками, — с меня и впрямь кое-что причитается. Долг и отдам — можешь не волноваться.

— Да я и не волнуюсь, свое уже оттрубил, пусть волнуется тот, кто отдавать должен!

Однако мое ядовитое замечание словно повисло в воздухе. Он снова стал задумчив, потом вдруг заговорил, да как!

— Слушай внимательно, — говорит, — ты — парень надежный, уже проверенный, и мне теперь во многом можешь помочь, если захочешь. Со мной, дружок, не пропадешь, ты вот подумай лучше о другом: у меня теперь можно вполне прилично подрабатывать, и если нужен постоянный хороший заработок, считай, что его уже имеешь. Ну а если тебе больше нравится нищенская зарплата ночного сторожа — дело твое.

— Что нужно делать? — спросил я, немного подумав.

— Там видно будет, — отвел взгляд Нагиев.

— Я должен знать точно, — фраза получилась какой-то вызывающей, хотя я и не собирался говорить в таком тоне.

— Ты думай, что и как говоришь, — соизволил он наконец посмотреть прямо в лицо мне. — Кому теперь докажешь, что одессита убил не ты? Так что советую знать свое место. И не рыпайся...

Сказал он это вовремя, потому что именно в ту минуту, когда до меня дошел смысл слов про одессита, я рванулся к его горлу,

но рука моя застыла на полпути — в самом деле, кому я теперь докажу, что убил не я, если сам признавался, что убил, и стоял на этом? На мне теперь клеймо убийцы. Почему-то только сейчас эта мысль дошла до меня во всей своей наготе, обожгла сознание, хоть и было у меня время подумать раньше...

— Выпей, — Нагиев еще налил мою рюмку, — и хорошенько подумай. Если ты жаждешь вернуться в свою сторожевую будку на стройке — кстати, учитывая, что дома у нас строятся по десять-пятнадцать лет, ты там еще долго протянешь, — удерживать не стану. Но еще раз советую крепко подумать.

— Я в институт поступать хотел, — пробурчал я, сам не знаю к чему.

— В институт... — спокойно, без язвительности сказал Нагиев, — что ж, это мысль. Даже если ты сможешь каким-то чудом поступить за те гроши, что я остался тебе должен, то окончишь через пять лет и будеть получать свои сто сорок рэ. Пожалуй, хватит два раза на базар сходить, с чем тебя и поздравляю. У меня ты будешь иметь столько же в два-три дня. Понял? Сколько твой дипломированный инженеришко за месяц получает! — Он замолчал. Я рассеянно глянул на его полную рюмку.

— А почему ты не пьешь? — спросил я без особого любопытства, наверное, чтобы только нарушить тягостное молчание. Он вяло повел рукой: «Изжога от коньяка, потом всю ночь мучаюсь. Да все равно пью...»

— Все-таки, что я должен буду делать? — спросил я опять после небольшой паузы.

— В основном в командировки ездить, — без всякого выражения ответил Нагиев.

— И это все? — спросил я, подозревая уже, что говорит он мне не всю правду.

— Посылки небольшие перевозить.

— Это меня устраивает, — говорю.

— Еще бы, — усмехнулся Нагиев, — возить небольшие посылочки и получать две-три косых за каждую поездку.

— Ладно, по рукам. А сегодня я тебе не нужен?

— Нет, но послезавтра позвони обязательно. Вот тебе номер, телефон у меня изменился, — он записал на листочке блокнота и протянул мне. Я хотел было положить листок в карман...

— Нет, лучше запомни: еще потеряешь бумажку-то.

— Прямо как шпионы какие, — усмехнулся я.

— Запомнил? — спрашивает. — А теперь давай сюда.

Я вернул ему листок, он смял его, бросил в пепельницу. В общем-то, я не очень обрадовался предложению Нагиева, но решил:

пока стану помогать ему, а там подзаработаю немного, долг свой заберу — и соскочу.

Через день я был у Нагиева... Он вручил мне кейс с шифровым замком, билет на поезд (вагон СВ) и отправил в Ереван, дав двести пятьдесят рублей на непредвиденные расходы, хотя какие у меня могут быть непредвиденные расходы?

— Там видно будет, — сказал Нагиев, и тут же, как мне показалось, пожалел о сказанном. Мне бы в этот момент и насторожиться, и призадуматься, да ведь я лопух лопухом, пропустил его слова мимо ушей, вернее, не стал искать в них какой-то особый смысл: ну, слова и слова, ничего особенного.

Я жаждал перемен и ехал с удовольствием, глядел в окно, помню, был даже немножко счастлив в эти минуты... И вот именно в одну из таких минут из соседнего купе вышла девушка примерно моих лет и стала в коридоре у окна. Мне она показалась красавицей, правда, ясное дело, я теперь не очень-то пользовался успехом у женщин. Может, она потому и показалась мне красавицей, что в последнее время у меня со слабым полом контакт был уже почти утерян. А тут будто что подменили, я забыл про свой уродливый обрубок, спрятанный в подвернутый рукав рубашки, и смело подошел к ней, стал рядом. Она рассеянно глянула на меня. Ветер задувал в окно, раскидывая волосы по лбу, я невольно залюбовался ею — да, она была красива, что и говорить, — и уж вовсе неожиданно для себя выпалил: «Вам так идет».

— Как именно? — поинтересоаалась девушка, и взгляд ее вовсе не был неприязненным.

— Вот так, — обронил я, — растрепанно...

— Да? — улыбнулась она. — Ну, тогда вообще не буду причесыааться.

Тут она отчего-то засуетилась, рванула дверь своего купе. Я и приуныл, все, думаю, сорвалось знакомство. И то, что инвалид, конечно, тут же вспомнил. Это, наверное, ее и испугало, сначала заговорила для вежливости, а потом... Конечно, зачем такой красавице калека, под стать ей молодых парней кругом — хоть пруд пруди.

Я уж собрался было вернуться к себе, как дверь за спиной с шумом распахнулась. На пороге стояла моя незнакомка с яблоком в руках.

— Хотите?

Я и не знал, что ответить, только глупо улыбался. Да и стоило ли говорить, как я рад был ее замечательному появлению? — так что ей пришлось повторить свой вопрос.

— Хочу! — бросил я с вывовом. — Но ведь яблоко одно?

Тогда она ловко разделила его на две половинки — яблоко-то, оказывается, уже было разрезано. Она просто немного дурачилась, пьянил ее этот ослепительный день, а может, и сознание собственной красоты. Когда девушка, словно цирковой волшебник, мгновенно разделила яблоко, мне показалась, она негромко сказала «ап!», и так это мило вышло, что я не смог удержаться и рассмеялся. Взял протянутую мне половинку.

Я с юности робок с девушками, хотя не мог бы пожаловаться на внешние данные, да и рост — сто восемьдесят... Но после Афгана приличные девушки словно перестали меня замечать; впрочем, и я, заранее уверенный в фиаско, тоже их сторонился. Потому-то очаровательное создание рядом со мной в коридоре мчавшегося поезда воспринималось мной как не совсем реальное. Но яблоко, что она мне протянула, было совсем настоящим, и ее улыбка, голос, трепещущие на ветру волосы, запах тонких духов — все это было, было! Я, как во сне, тихонечко, будто боясь спугнуть, дотронулся до ее плеча.

— Что такое? — обернулась она с рассеянной улыбкой.

— Ничего, просто хотел убедиться, что вы еще рядом.

Звали ее Карина, она рассказывала о себе, не дожидаясь вопросов, и это тоже казалось вполне естественным для такой девушки. Позднее уже она призналась, что терпеть не может расспросов, усматривает в них посягательство на личную жизнь. В Баку Карина приезжала к родственникам погостить, а сама живет в Ереване, учится там в университете на пятом курсе. Живет вместе с мамой. Отца нет.

— Вот так, — закончила она свой короткий рассказ. — Какие будут мнения?

— Самые доброжелательные, — заторопился я, — самые прекрасные, искренние, чудесные, слезоточивые...

Вечером, посидев за чашкой кофе и фужером шампанского в ресторане, мы разошлись по своим купе, я лег, взял прихваченный из Баку журнал, уткнулся в него, а сам стал думать о Карине. Чемоданчик мой как стоял, так и продолжал стоять под столиком. Хотя Нагиев и велел мне ни под каким видом не разлучаться с поклажей, но, пойди я с этим чемоданчиком в ресторан, Карина подумала бы еще бог знает что. С мыслями о ней я и заснул.

В Ереване я попросил у Карины разрешения проводить ее домой. Она не сразу, но согласилась. Вещей у нее, как и у меня, было всего ничего, один только большой пакет с изображением двух девиц на роскошном пляже. Я, помнится, спросил даже, но как бы между прочим — что же это она от родственников с пустыми руками едет?

— Э... — отмахнулась она, — и к ним часто приезжаю. Да и что брать-то? Разве есть что-то такое в Баку, чего нет в Ереване?

— Не знаю, — честно признался я, — здесь мне еще не приходилось бывать...

Мы взяли такси.

Выходя из машины, Карина ласково улыбнулась и, немного поколебавшись, дала номер своего телефона. Я назвал шоферу адрес, который запомнил у Нагиева, и скоро наша машина подкатила к роскошному дому с высоким старинным подъездом. У лифта сидела строгая вахтерша.

— Вы куда это? — напустилась она на меня.

Я назвал фамилию, и вахтерша уже поласковей поинтересовалась:

— Как велите доложить?

— Скажите, гость пожаловал из Баку, — назвал я пароль.

Обитатели роскошного дома на порог меня не пустили — тут же, у плотно притворенной двери, забрали посылку и вместе с билетом на поезд вручили стальную коробочку — она легко уместилась в заднем кармане брюк. Рандеву наше завершилось почти молниеносно, лишних слов и приятных напутствий благополучно удалось избежать.

Как ошпаренный выскочил я из подъезда — и тут же решил позвонить Карине. Конечно, мой звонок наверняка удивит ее: ведь и полчаса не прошло, как мы расстались. Но потом решил — пусть удивляется: что же мне здесь еще делать, как убить время до отхода поезда?

Но что-то меня останавливало, не мог я на это решиться. Заскочил в кафе, посидел там немного, спросил у официанта двушку. Вдоволь покатав ее по столику, я вдруг понял, что меня так растревожило... отчего никак не могу решиться набрать ее номер: такое было ощущение, будто я по уши заляпан в какой-то грязи, и Карина по голосу догадается, что случилось. И тогда — конец...

Когда я набирал в автомате ее номер, рука дрожала. Трубку взяла она — я сразу узнал ее голос.

Через двадцать минут мы встретились.

Между нами, кажется, начиналась какая-то новая игра, и в ней мы старательно делали вид, что знакомы уже тысячу лет. Выглядела Карина уставшей, но была от этого не менее привлекательной. Я спросил, куда бы она хотела пойти, и услышал в ответ, что будет лучше, если мы поднимемся к ней — мама в отъезде, а бродить просто так по городу не очень хочется...

Признаюсь, когда я все это услышал, то струсил — испугался,

что, если сейчас останусь наедине с ней, наверняка не выдержу и все испорчу. Я что-то такое пролепетал — дескать, это не совсем удобно, но она уже решительно взяла меня под руку.

Минут через пять меня уже угощали потрясающим блюдом — долмой в виноградных листьях; у нас ее готовят иначе, но долма Карины ничуть не уступала нашей, да и проголодался я очень.

— Сама готовила, — похвасталась Карина, явно польщенная произведенным эффектом.

— Это когда же ты успела? — поразился я.

— Ну если правду сказать, — призналась она, — то мама. Я только разогрела... Но ты не думай — я умею не хуже.

— Охотно верю.

— Может, тебе ванну принять? — этот ее вопрос прозвучал так естественно, будто мы давно уже жили вместе.

Когда я вышел из-под душа, Карина уже спала. Я присел у ее изголовья, потом встал на колени и осторожно поцеловал ее в щеку. Она открыла глаза, молча, без улыбки поглядела на меня. Ни тени кокетства не было в ее взгляде.

И мы остались вдвоем до утра.

На вокзале я взял билет, переплатив за оперативность, и в тот же день отбыл из Баку. В поезде вдруг вспомнилась Карина, хотя, если честно, я с той минуты, как мы познакомились, и не забывал ее; все это время Карина просто жила и ждала своего часа, вот и дождалась — всплыла вдруг явственно, ярко. И я вновь увидел, как она разлепила яблоко, как смеялась тихонько, как мы сидели за столиком под любопытными взглядами толстой, неряшливой официантки.

Вот странное дело — вспоминалось только то, что случилось в поезде, и никак не думалось о той ночи, что мы провели в ее доме. Мне вдруг так больно стало, так пронзительно резануло, что не хватает мне этой девушки, которая увидела во мне не просто калеку, а мужчину, живущего полнокровной жизнью. Она словно заставила меня так о себе подумать — впервые с тех пор, как вернулся я с той войны.

Через день Нагиев послал меня в Ташкент. Неинтересно мне было там, да и в других краях, где приходилось бывать, — тоже. Я рвался в Ереван. Нагиев обещал, что поездки туда будут частыми, так что мне и самому надоест.

— Ну что ты! — вырвалось у меня.

А он, вдруг хитро и как-то особенно прищурившись, поинтересовался:

— А что это тебя так туда потянуло?

— Да ничего и не потянуло, — как можно спокойнее ответил я. — Просто город очень понравился. Ему, оказывается, целых три тысячи лет.

Через пару дней подвернулась командировка в Степанакерт. «Поедешь в машине с моим знакомым, — наставлял напоследок Нагиев, — а оттуда махнете в Ереван». И отправился я с двумя большими посылками в фанерных ящиках, обшитых поверху холстом, заляпанным сургучными печатями — совсем как на почте. Знакомый Нагиева за всю дорогу не проронил ни слова, только жал на педаль, и мы летели как на пожар. И всю дорогу он нервничал, сигарету прикуривал от сигареты, а сам — ни гугу, хотя я пару раз и пытался заговорить. К концу нашего путешествия я был уже уверен, что люди Нагиева ему на всякий случай язык отрезали.

Но когда, сделав дело, я сказал, что он может уезжать, а я вернусь самолетом, на меня обрушился такой поток ругательств, что я даже обрадовался за него. Но что было делать, когда я находился буквально в двух шагах от Карины, а с этим типом появляться там ну никак не хотелось. А он уперся — и ни в какую. В общем, пришлось идти на компромисс. Отправились мы в Ереван, но за квартал до дома Карины я велел ему остановиться и там дожидаться. Уходя уже, я заметил, как многозначительно он улыбается, провожая меня взглядом.

...Она чуть отстранилась, провела ладонью по моему лицу и, не говоря ни слова, прошла в спальню.

Потом, когда уже стемнело и мы лежали, обнявшись, шепотом стала меня укорять:

— Господи, ну сколько же можно мучить меня? Бываешь только наездами, хоть бы недельку пожил... И что за работа у тебя такая?

— Карина, мне пора.

— Прошу тебя, милый, не оставляй меня надолго одну.

Я потом еще трижды ездил в Ереван, чтобы только повидаться с Кариной. Да и Нагиев вдруг отчего-то расщедрился — каждый раз давал мне сутки-другие пожить в городе, хотя задания были пустячные, занимали всего-то час-полтора от силы. Конечно, не мое это было дело, но порой, уходя от Карины в свое одиночество, я вдруг задумывался: а почему, собственно, я должен бывать в Ереване только по нагиевским поручениям? Что это такое я привожу-отвожу, о чем и знать мне не дозволено? Впрочем, я

не был в претензии, за командировки хорошо платили, а что, в самом деле, кому еще мог понадобиться однорукий калека, чтоб за такие пустяки платить ему так щедро? А все же любопытно было бы знать — за что именно...

Помню, как-то в голову мне пришла неожиданная мысль: а ведь калеки-то не привлекают внимания! То есть привлекают, конечно, но совсем не так, как обычные здоровые люди. «Несчастный инвалид, — вот как думают о таких, как я, окружающие, — что с него взять». Может, Нагиев потому и выбрал меня в посыльные?

Надо сказать, эти мысли нечасто меня посещали, по-настоящему и думал лишь о Карине. Может, поэтому перестали сниться афганские кошмары, а ведь много ночей, внезапно проснувшись, и промучился, вспоминая то Виктора, подорвавшегося на мине, то как мы вырывались из окружения, и жгла фантомная боль — в несуществующем локте... И вот теперь все ушло, остались только сны, мечты, мысли о Карине.

Однажды в старой части города, где в крохотных домишках проживает по десять-пятнадцать семей, я случайно повстречал товарища. Давно мы с ним не виделись, с самой школы, и он затащил меня к себе в гости. Жил однокашник мой в коммуналке. Я оглядел его комнату — огромную по сегодняшним меркам, перегороженную старомодными ширмами и занавесками. Приятель объяснил мне, что родители переехали на новую квартиру, но удалось оставить за ним эту комнату: «Туалет — во дворе, баня — в соседнем квартале, раковина — на общей кухне. Так и живу».

Мы с ним вспомнили школу, девочек, в которых влюблялись, учителей, к которым, несмотря на всю сентиментальность школьных лет, остались равнодушны. А потом выпили, и меня вдруг потянуло на откровения. Может, оттого, что я ни перед кем — даже Кариной — не облегчал по-настоящему душу. Разве что когда запишу в свой дневник кое-что.

И я рассказал ему про Афган, про то, как срок отсидел за одного приятеля и, чтоб не залезать в опасные дебри, полунамеками — про свои сегодняшние дела.

— Да-а, — протянул он, — биография у тебя — роман писать можно.

Помолчали, выпили еще по одной.

— А у меня все просто, — начал он, в свою очередь, — после школы — институт, теперь вот вкалываю за свои сто шестьдесят рэ.

— Ты как в институт попал? — спрашиваю его. — За взятку?

— Нет, — говорит, — откуда у меня такие деньги? Сосед наш — он, кстати, вместе с родителями переехал, — так вот, он, когда мы еще в десятом учились, завкафедрой стал. Ну и помог, конечно. Мне только за последний экзамен и пришлось заплатить, страшно ведь было после стольких трудов срезаться; так что, считай, поступил по блату... Да только зря я радовался — и тогда, и когда диплом получил. Никаких у меня перспектив, а пока вот, — он мрачно кивнул на чертежную доску, — подрабатываю.

— Понятно, — говорю, — значит, и с дипломом не сахар?

— Ясное дело.

Нам было что рассказать друг другу, и незаметно засиделся я до позднего вечера. Он хотел было проводить меня, но я отказался — захотелось вдруг побыть одному, подумать, как же все-таки мы живем...

Я неторопливо шел по темным, грязным закоулкам этой старой запущенной части города, когда вдруг среди каких-то развалин каменного забора нос к носу столкнулся с Нагиевым. Сперва он будто онемел, потом, видно, сообразив, что не следил я за ним, встретились мы совершенно случайно, уже спокойно заговорил:

— Везет, однако, нам на встречи... в темных закоулках.

Он был заметно пьян, что не помешало ему подробно расспросить, как я-то здесь оказался. «Черт с тобой, — подвел он черту под моим отчетом, — может, и к лучшему, что и тебя здесь встретил. Пошли...»

И пошел я за ним по еле заметной тропке среди разбитых, как после артобстрела, стен низких домов с провалившимися крышами. Подойдя к одному из них, Нагиев толкнул какую-то неприметную дверь, и дальше мы долго шли каким-то захламленным коридором, спустились в полуподвал, а миновав его, очутились перед железной дверью. Возле той двери стоял милиционер с таким видом, будто он охраняет по меньшей мере вход в американское посольство. Милиционер, само присутствие которого здесь поразило меня, осветил нас фонариком и, кажется, остался недоволен.

— Этот парень со мной, — сказал ему Нагиев, явно храбрясь.

— Мне-то что, — продолжал он светить своим фонариком, держа его в левой руке, тогда как правая лежала на топорщившейся кобуре. — Но ты знаешь, ему не нравится, когда здесь появляются незнакомые люди.

— Это наш посыльный, — пояснил Нагиев, — открывай!

— Под твою ответственность, я из-за тебя не хочу куска хлеба лишаться.

— Куска хлеба? — зашелся Нагиев. — Кусок хлеба тебе государство дает, а от нас ты пирогами получаешь, да еще начиненными зернистой икрой!..

— Не от тебя ведь имею, а от шефа, — невозмутимо возразил милиционер, — ну да ладно... Надо все же его обыскать.

Он общупал мои карманы, брюки донизу и, погремев ключами, отпер железную дверь. Пройдя несколько узких, вертлявых коридорчиков, мы подошли к двери из полированного дерева, у которой застыл изваянием еще один страж порядка. Этот был натуральный мордоворот: четвертый рост, шестьдесят второй размер. Тут тоже произошло короткое объяснение, и, предварительно обыскав меня, мент отпер нам дверь.

Наконец мы очутились в зале, роскошь которого поразила меня. Зал был отделен от дверного проема полупрозрачной занавесью, свисавшей от потолка до самого пола. В центре зала, как сквозь густой туман, виднелся голубой бассейн, всюду — мрамор и кафель, пахло лесом, хвоей. В бассейне резвились несколько совершенно голых девиц. Все это я успел заметить через полупрозрачную занавесь, пока Нагиев шипел мне на ухо, чтоб я стоял здесь, никуда не отлучаясь, пока он не вернется.

За столиком рядом с бассейном сидели трое мужчин в халатах, и столик тот отливал желтым блеском: перед каждым из игравших лежало по кучке золотых монет. Одновременно с Нагиевым к столику подплыла, будто из-под земли вынырнув, девушка с подносом в руках. Эта по сравнению с купальщицами была одета вполне прилично: на бедрах болталась какая-то яркая тряпка. Один из мужчин взял что-то с подноса — то ли бумагу, то ли конверт. К уху его напарника подобострастно склонился Нагиев. Тот курил сигару, посматривал на девиц, пускал дым в потолок, короче, делал все, чтобы показать, как же надоел ему этот Нагиев. Видно, наслушавшись вволю, вдруг громко — так, что я все отлично расслышал, зло сказал:

— Какого черта ты его приволок?

— Я думал, может, он вам сейчас нужен, вы же сами вчера мне...

— Убирайся отсюда вон, — и они втроем опять склонились за столиком. Нагиев перестал для них существовать.

Через неделю я снова отправился в Ереван. Как обычно, сначала получил посылку, отправился было к Карине и по дороге уже вдруг заметил, что держу в руке самый заурядный «дипломат». Я проверил — он даже не был заперт на ключ...

Ночью, терзаемый мыслями о нашей с Кариной дальнейшей жизни, я вдруг подумал: а не заглянуть ли в тот «дипломат», пока она спит? Нагиев уже раз сорок предупреждал меня, угрожал даже, что могу серьезно поплатиться за эту попытку, но сейчас «дипломат» был даже не заперт, да и Нагиев уже с полгода как не возвращался к этой теме. Выходит, они теперь мне доверяют?

Я тихонько встал и прошел с «дипломатом» на кухню. В какой-то момент мне показалось, что за спиной кто-то стоит... Наблюдает. Потом как будто что-то тихо так прошуршало, но не обратил я на все это внимания, не до того было: на дне «дипломата», в аккуратных кожаных мешочках, проложенных целлофаном, лежала внушительная партия наркотиков. Я понюхал, лизнул языком — нос через некоторое время стал деревенеть — так и есть, кокаин, мне приходилось как-то раз его пробовать. Я аккуратно запаковал мешочек, тихонько щелкнул замком. И тут у меня опять вдруг появилось ощущение, что кто-то пристально наблюдает за мной, я прямо затылком почувствовал этот взгляд и медленно обернулся. Ну конечно же, за спиной никого не было.

Я еще посидел, ошарашенный, на кухне. Тысячи гнусных, страшных мыслей лезли в голову. А мне-то, дурню, почудилось, что они теперь меня за своего принимают. Гордился, кретин, что иду с незапертым «дипломатом»! Нет, этот ларчик открывался иначе: нагиевская компания, видно, просто хотела, чтобы я вскрыл товар и сам узнал наконец, что именно перевожу. Значит, решили взять меня на «крючок», связать круговой порукой... «Да, — подумал я, — влип в историю. Теперь надо как-то выходить из игры, все бросать. Поеду, отдам товар Нагиеву, и пусть он больше па меня не рассчитывает».

И решив так, вроде бы успокоился, затушил окурок и лег в постель, хотя уже рассветало. Провалявшись еще немного, стал будить Карину. Она потянулась, как кошечка, поднялась, чмокнула меня в щеку и направилась в ванную.

Когда мы прощались, Карина вдруг призналась мне, что, кажется, забеременела.

— Кажется или точно? — спросил я рассеянно.

— Кажется, точно, — она дурачилась, как обычно, когда накатывало хорошее настроение. — Здорово, правда?

— Здорово, здорово...

— У нас будет ребенок, Рустам, — и только тут до меня дошло, я будто очнулся от своих мрачных мыслей и, помню, подумал: а ведь в самом деле это здорово, что у нас с Кариной будет ребенок.

«Это многое может изменить, очень многое», — повторял я про себя, сам еще толком не понимая, что именно.

— Ты, главное, приезжай теперь почаще, — попросила она вдруг жалостливо. — Чтобы я видела тебя часто-часто.

Мы расстались. Мне казалось, что Карина счастлива.

Возвращался я поездом. Теперь, когда я знал, что везу в «дипломате», трусил жутко, оглядывался подозрительно — все казалось, что вот-вот подойдут переодетые агенты, чтобы взять меня. Я думал о своей непутевой жизни, и как же это так получилось, что занесло меня на кривую дорожку, а ведь есть же в жизни и другие — прямая и светлая, и такая широкая, что с нее трудно сбиться. Только вот где она? Или я, может, плохо искал? А как тут не сбиться, ведь не могу же я, молодой, полный сил, работать до конца жизни ночным сторожем или еще кем-нибудь в этом роде. Но что хуже всего — так это бездушие людей, от которых ты целиком зависишь... С каким трудом я выбивал свою пенсию по инвалидности, как гоняли меня от одной двери к другой, как пришлось пороги обивать, унижаться, а теперь каждый раз ходить на комиссию, чтобы опять утвердили пенсию, убедившись, что я по-прежнему однорукий, э, вспоминать не хочется... Можно было бы, конечно, поступить куда-нибудь учиться, но на что жить эти годы? На что маму содержать, лечить? Моя вина, конечно, что залез в такое болото. Никто не заставлял, можно было бы, как говорится, потуже затянуть пояс и жить дальше, да и с лечением мамы в конечном счете можно было что-нибудь придумать, ведь не обязан же я платить деньги в больницах, у нас, между прочим, бесплатная медицина...

Подумал, и самому смешно стало. Поди полечись у нас бесплатно, а я погляжу, что из этого получится... Ну, как бы там ни было, сам во всем виноват, никто не тянул. Обозлился просто на всех и на все после Афгана. Думал, меня, как героя, примут в родном городе с распростертыми объятиями... Думал. Мало ли, что я думал. А потом — ах, нет, не принимаете с распростертыми, так вот же вам, получайте — сам себе дело найду и бабки буду загребать, хоть и одной рукой, да так, чтобы всем завидно было. Вот и дозагребался. Они меня вон, оказывается, на какое дело кинули, двумя-тремя косыми рот затыкали, а сами, пока я тут на поездах и самолетах своей шкурой рисковал, сотни тысяч заграбастывали, а может, и больше. Думал я так, думал и вот к чему пришел: скажу Нагиеву твердо, что выхожу из игры, потребую у него свой долг, заберу Карину в Баку, женюсь на ней, устроюсь куда-нибудь на работу — ничего, с голоду не помрем, а там видно будет. Сойдя с поезда, я, как обычно, поменял три такси, прежде чем прикатить к Нагиеву.

Он открыл мне сразу же, как и позвонил, будто за дверью стоял, дожидался. Я протянул ему «дипломат». Он хмуро, молча глянул и скрылся с портфелем в спальне. Вышел оттуда минут через десять, и я ему тут же заявил, чтоб больше он на меня не рассчитывал. Нагиев даже вроде бы и не особенно удивился, только спросил спокойно:

— В чем дело?

Я стал ему объяснять, что хочу жениться, зажить нормальной человеческой жизнью, а теперь пусть он отдаст мне старый долг за ту мою отсидку, а если боится, что я проболтаюсь, то я обещаю... Тут он снова вышел из комнаты и вернулся, держа в руках толстую пачку купюр.

— Держи, — процедил сквозь зубы, — и можешь не пересчитывать. А насчет того, чтоб из игры выйти, и не мечтай, дружок. Теперь ты с нами крепко повязан, как-никак — человека убил.

— Э-э, — протянул я, — дешевка это все, мы-то с тобой знаем, кто настоящий убийца. И потом, я отсидел, значит — чист перед законом.

— Чист он, видали? — зашелся от злобы Нагиев. — Ведь ты же прекрасно знаешь, что перевозишь в наших посылках, хотя бы вот в этом «дипломате». Чист он... За одни эти перевозки закон так тебя упечет, что выйдешь из мест не столь отдаленных глубоким стариком, понятно?

У меня нехорошо заскребло на сердце, когда он намекнул на то, что мне известно содержимое этого проклятого «дипломата». Откуда он мог это знать? А, ладно, — не это сейчас главное. Развязаться бы с ним сейчас и ехать за Кариной. Мать-то как рада будет!..

И я снова сказал, что хочу завязать, что заработал на то, чтобы жить по-человечески, не таясь от честных людей, и все, что мне известно об их делах, со мной и умрет: мне ж самому невыгодно класть голову под топор.

Я говорил, а сам чувствовал, будто уговариваю его понять меня. Спеша и волнуясь, я с самого начала взял неверный тон и теперь никак не мог с него съехать.

— Не могу я тебя отпустить, — не сразу отозвался Нагиев. — Мне позарез нужен посыльный, а если тебе так уж не терпится рвать когти, ищи замену, а мы проверим этого человека.

— Вот еще, — огрызнулся я, — да он потом всю жизнь проклинать меня будет.

— Ну, значит, сам на нас поработаешь, — ухмыльнулся Нагиев.

— Ах, ты так? Да чихал я на вас! Сам уйду. Я тебя предупредил, так что все честь честью.

— Боюсь, не так уж и далеко ты уйдешь. Может, хочешь ночью сгореть вместе с мамашей? Мы тебе это мигом устроим, дом-то у вас старый, в таких часто пожары случаются...

Тут мы оба вскочили, а Нагиев, поняв, что сейчас может случиться, поспешил опередить меня. И рассказал мне такое... И о ком? О Карине!

Остальное помню смутно. Немного очухался только дома, успокоил, как мог, маму — уж очень она встревожилась, до того, видно, плохо я выглядел. Но мне и в голову не пришло посмотреть на себя в зеркало — умылся, наскоро переоделся, чмокнул маму в щеку и поехал на такси в кассы Аэрофлота. Там только я обнаружил, что паспорт дома оставил. Я плохо еще соображал, помню, в голове навязчиво вертелось, что возвращаться — плохая примета: дороги не будет. А мне во что бы то ни стало нужно было увидеть Карину, поговорить с ней. Ведь от этого теперь зависела вся моя дальнейшая жизнь. Наша с ней жизнь и судьба.

Вспомнились слова Нагиева, и каждое из них было как нож в сердце. Мало что соображая, приехал я на железнодорожный вокзал. Там хоть мне повезло: кассир, услугами которого я много раз пользовался, работал как раз в этой смене. Помолчал он, услышав, что мне нужен билет до Еревана, посмотрел подозрительно и попросил подойти через час. Я рассеянно отошел от окошка — в голове уже складывался предстоящий разговор.

Господи, как долго и умело Карина лгала мне, как мастерски разыгрывала свою неприглядную роль! Тут я вспомнил, что за все время нашего знакомства я не видел у нее дома ни единой тетрадки, да что тетрадки — там и книг-то не было. Вот уж действительно — насколько можно, оказывается, быть ослепленным чувством! Но бог с ним, университетом, пусть даже она оказалась втянутой в эту гнусную шайку — ну, оступился человек, с кем не бывает? Помогу я ей, все сделаю, чтобы вытянуть ее из грязи — вместе уйдем... А что, если она наврала мне и насчет ребенка? Как тогда-то мне быть? Да неужто нет у нее ничего святого? Нет, не верю, не верю... Но ведь врала же она мне, врала на каждом шагу, созваниваясь за моей спиной с Нагиевым, докладывала ему обо всем. Меня просто трясло, когда и об этом думал, но я любил ее, любил по-настоящему, и знал, что все прощу, если хотя бы то, что она о ребенке сказала, — правда. Ради этого я и отталкивал от себя самые мрачные мысли, но они снова и снова, как змеи, заползали мне в голову и терзали, жалили, не давали покоя. До отхода поезда оставалось семь часов. Когда я это сообразил, то чуть не заплакал от досады.

Теперь вспоминаю, записываю все это в поезде, и зачем это

делаю — сам не знаю. Сейчас эти записи не помогают мне, как бывало, успокоиться, взять себя в руки, трезвым взглядом посмотреть на случившееся. Но я все же пишу — может, прочту эти записки, став уже иным человеком.

Я только к вечеру сообразил, что сижу один в купе, и даже обрадовался этому, если только в моем состоянии можно было вообще чему-то радоваться. И снова и снова вспоминались слова Нагиева... Да, пожалуй, слишком уж легко пошла она на знакомство со мной вот в этом самом поезде, мне бы, инвалиду, насторожиться, а я уши развесил, про Афган стал травить, а сам, как малец, не видавший жизни, на половину яблока клюнул. Господи, о чем это я? Только бы увидеть Карину, взглянуть ей в глаза: не может ведь того быть, чтобы она и о ребенке солгала...

Глубокой ночью, когда поезд отошел от маленькой станции, затерявшейся где-то на пути к Еревану, в одном из вагонов почти одновременно появились два человека в милицейской форме. Коридор был пуст и темен — за пару минут до этого лампочки вдруг разом погасли. Милиционеры неторопливо направились друг к другу. Молча остановились перед тринадцатым купе. Приоткрыв дверь, постояли, разглядывая спящего пассажира, хотя обоим лицо его было знакомо. Парень спал крепко, голова его в такт дергающемуся вагону качалась чуть-чуть из стороны в сторону. Милиционеры, переглянувшись, вошли.

Один из них вытащил из кобуры пистолет, тщательно обмотал ствол носовым платком, захватив концы его на рукояти, осторожно подошел и выстрелил в полураскрытый рот.

Утром проводница, собирая постельное белье, распахнула дверь купе, в котором ехал Рустам, и обнаружила его лежащим на полу в луже крови. В руке убитого был пистолет.

«Труп был обнаружен на подъезде к г. Еревану», — будет написано в деле о самоубийстве. А записи Рустама проводница передаст его брату. И в одну из душных бакинских ночей Акраму вдруг нестерпимо захочется, чтобы грянула гроза с проливным ливнем, чтоб потоки чистой воды отвесно упали на город, по улицам потекли ручьи, стекаясь в буревые потоки, что смывают на своем пути всю старую пыль и грязь, а дождь бы лил и лил всю ночь, и день, и еще ночь, неся повсюду дыхание долгожданной свежести и прохлады; чтобы люди, проснувшись, увидели чистые улицы, принарядившиеся дома... И сами захотели стать лучше.

Рассказы Сергея Котькало с их оригинальным языком положительно были оценены на семинаре недавно проходившего Всесоюзного совещания молодых писателей. Пишет он интересно, увлекаясь сюжетами философскими, фантастическими, где видна попытка в каких-то характерных проявлениях осмыслить нашу семидесятилетнюю эпоху. При этом автор исходит из серьезного гражданского отношения к происходящему.

М. ЛОБАНОВ,
член Союза писателей СССР,
доцент
Литературного института
имени А. М. Горького

Сергей КОТЬКАЛО

СУХОЦВЕТ

Рассказ

...День прошел. Карминный закат догорал на краю свинцового пепелища, бывшей станции Хор. Я молчал, слушая своего земляка, потерявшего кров и надежду жить из-за братской могилы, что впитала в себя после аммиачного взрыва наш Хор. Мы сидели на голом месте из сажи и глины под пропахшим гарью небесным покровом. Иваныч, чтоб хоть как-то себя облегчить, говорил...

* * *

— Не хотелось мне ехать, — сказывал он, — задержался на сутки... На вокзале жена спросила:

— Едешь?! — защемило под сердцем, но:

— Надо б, — сказал, пялясь в синее небо, чтоб в глаза не глядеть.

— Ехай! — мне говорит. — Надо ехать. Неловко перед людьми, да и от делегации отстал... — Говорит, а сама пальцы ломает.

— Это верно: отстал, — согласился. — Они, поди, уж в Москве, в гостинице селятся, соображают, что и как...— представив себе, как пассажирский состав, спускаясь с холма, притормаживал, вызывая для встречи дежурного по станции Хор. — Все мы были станция Хор!

Вокруг тихо и смирно. Вокзальное помещение строго белым окрашено. Дерева бездыханно стоймя стоят. Пассажиров, кроме меня, жены и дежурного, на перроне не было. Время не для разъездов. Трудился народ.

— Стал быть, Иваныч, в Москву, — хорохористо протрубил. — Дело нужное. Постой там за нас, померкуй, — говорил, приближаясь, нарушая инструкцию, по рельсам. — Скажи там за нас, в Москве, все как надо...

— Скажу, если спросят, — кивнул.

Поезд меж тем поравнялся с перроном. Проводник злобливо дверь отворила, зевнула на свет, хотела уж было тряпицей ручки тереть, но, оглянувшись на отъезжавшего и спросив: «Один едешь?» — не дожидаясь ответа, пошла внутрь вагона, так и не смахнув пыль с никелированных труб.

— Ну, — сказал провожавшим я, — прощавайте! — и поднялся в вагон.

— Ты там... — начала громко говорить вслед жена, но ее укротил дежурный по станции:

— Не мешай! Человек над государственным делом думает, а ты небось про товар. Тут купишь. — И дал отправление.

Поезд набрал движение и потянулся своим чередом через ровные стройные ряды дворов и учреждений станции Хор. Я даже не глядел на них, потому что знал, что сограждане трудятся сейчас для себя и для меня честно и мужественно. Народ в Хорах был не жаден и не завистлив, певуч... В депутаты меня выбрал не за особо важные выдающиеся заслуги. Просто пришел черед выбираться. Хотел было укрыться за спины, однако народ единодушно выставил вперед себя и сказал обиженно:

— Не шали! Можешь трудиться, умей и доверие пользовать!

— Да я это, как его... без программы...— сопротивился.

— Ничего, — пожурил рабочком. — Без тебя разбе-

ремся. Ты, главное, скажи им про аммиачные газы... Пусть поправят, не то сгорим. — На том и сошлись.

Вот и ехал. Вагон дорогой, кожей обтянут, а пассажир простачок. Не понравился проводнице, не привыкла она к простой категории, скрывать своих чувств не могла; билет без восторга проверила.

— Плацкартой бы ехал, — небрежительно бросила. — Там дешевле и веселее для вашего брата... Здесь же ездят люди державные, знатные... Проскучаешь один до Москвы.

— Надо ехать, — руки развел. — Народ не обманешь: решил!

— Ну, ступай, — властно велела, — в третье купе.

...Притулился неброско подле окна, заскучал на просторы равнинные, на сухую безводную степь, на желтые дымы... поник... Не любил пустые разъезды, привык проводиться в трудах. С устатку, бывало, сидим, в телевизор глядим полным семейством про Венецию, Венесуэлу, Париж...

— Мне туда бы, — смеется жена.

— На кудыкину гору.

— А что? — возразит.

— А то, что видали мы их... Ты ведь к реке, послушай ее, напитайся мокрыми травами, да по ней вдаль всмотрись широко... Что нам Париж? — отмахнусь. — Невидаль их...

— Дак нету реки...

— Да-аа. Но была ж...

Поезд ехал согласно маршруту. Пробегали вокзалы... Дерева тянулись... Города замигали... Проводник чай подала скороходом.

— В ресторан бы сходили, — сказала.

— Жара, какое уж там...

Выпил чай. По телу тревога ширится. Лег, чтобы поспать. Очи сведу: Красный петух над Хором заводится... Мешаются грезы, душа непокойна... «Скорей бы Москва», — думал, вертясь с боку на бок, кое-как дотянув до рассвета... А как солнце взошло, облегчился и перед самой столицей забылся...

— Товарищи, — слышу, — Москва!

Разноцветьем Москва резанула, многолюдьем, шумами. Частый пульс и великость почуял ее. Огляделся кругом на вокзал, прищурился от давления жаркого солнца...

— Сто-о-орони-и-ись! — напирали носильщики.

— Как телега! — торопился по надобности гость столичный.

Вокзал грязноват. Цыгане раскинулись у входа широкого табором, бают, стрекочут, нашего брата проездного дурят в упор. Детвора их, голоштанная, меж ног вьется, того и гляди кошель украдет... Проснувшийся наряд милиции тормошит дремавший по лавкам сломленный люд. По углам кооператоры с лотками, мороженым и дребеденью торгуют. Цветочницы размахивают прелыми розовыми и сиреневыми букетами... Спекулянт колготками хочет силу взять.

— Сила, — говорю себе. — Трудовая столица — Москва!

— А вы, гражданин, — цепко за локоть взял меня старшина, пользуясь отвлечением, — что так вертитесь?

— Да я это... Иначе не умею! — смеюсь. — На съезд я, от народа прибыл литерным.

— Документики ваши, — почтительно стребовал.

— Возьмите, — даю.

Смотрел значимо, мерил снизу вверх и обратно, козырнул виновато под околышек:

— Старшина Волконогов, — представился. — Вам, — говорит, — депутат, надо б в Кремль, а не по вокзалу глазами шарить. Тут у нас народ разный, нехороший народ...

— Что ж так? — подивился. — В Москве и народ нехороший? Куда же правительство наше смотрит?

— Не оно, а мы за народом глядим, — со знанием дела гутарит.

— Да-а-а-а, — зеваю. — Да... я это... Ну, дороги не знаю... Впервые я в вашей Москве... — ему говорю.

— Понимаю. Пройдемте в зал депутатов...

— Зачем, — возражаю ему.

— Там вам скажут, — смеется.

Хорошие люди и раньше мне говорили, но я все ж повинился, пошел по следу. Не обидели, объяснили, что к чему, посадили в машину и гида приставили. Разговорчивый малый, столицу, как она ни велика, всю знал до дна. Говорил мне: «Москва — от иголки и до космических крейсеров — делает все!» Провозил меня по Тверскому, от Никитских ворот, там храм, где венчалась Наташа с Пушкиным, по Герцена мимо ТАСС, потом переулком, где старые члены правительства с семьями жили, там конторка еще с таблицею красною «Управление

малых и средних рек» была, почему-то запомнилась мне, а дальше мимо Их императорского величества конюшен, нынешнего Выставочного зала, в Кремль сдал в руки охраны... Значение разит от крепости стен. Галстук потуже кримпленовый стянул...

— Вы не волнуйтесь, товарищ, — пропускной офицер говорит. — Нам о вас доложили. Мы все знаем. Погуляйте на площади. Рановато еще регистрироваться...

Я не спорил. Говорят, значит, знают, но на площади не остался — слишком важное место, казалось мне. Побродил по округе тупичками да переулками. Добротные встарь возводили дома. Мастера, видать, водилися знатные... Верно гид говорит, что в Москве творят всё! Дворами вышел с тылу па церковь Блаженного Василия. Рот раскрыл и застыл очарованно: до чего же умен этот их-ний народ... Вступило мне радение в грудь, присел на бордюр, пока другой офицер не поднял:

— Не положено! — грозным басом, что шибче лекарства заморского.

Москва — город хороший, мыслить стал про себя, богатый и сытый, но ей, за своими делами, державу не видно, надо б вертаться домой...

— Да вы не волнуйтесь, — тешит пропускной офицер, когда я разделил на двоих сомнения, — все устроится...

— Не знаю, они там, как на часовом механизме сидят, — ему говорю. — Тут у вас правила чинные, а я простой человек, мне б работать.

— Не волнуйтесь, сейчас начнем пропускать. Отсидите свое в заседании. Вас оформят в «Россию»...

— Это ж как?

— Не волнуйтесь. Вы в России, но еще вас поселят в гостиницу. Вон она, — повел рукой на окно, — на берегу... Сержант, — позвал после паузы, — проводите товарища в Кремль. Там его разберут, — и такая в речах москвичей основательность, понимательность, чуткость нарочная...

Кремль суров, холоден. Чисто в нем, соразмерно. Бюст вождя мечтательно-хмур. Кремль велик, беломраморен, золот. Там жили цари и царицы, в их палатах после стали страну править комиссары. Я все знал. Не понравилось лишь, что царь-пушка и колокол-царь напрасно привязаны к постаментам, тогда как зенитки гнездятся по стенам красным и древлим. Дворец съездов показался чужим, но это меня не смутило. Каждому, знаешь, не угодить.

* * *

Рассадили нас в Большой Москве в Большом зале Большого Кремлевского дворца съездов по мягким алым креслам. Сидим, глубоко утопая в задумчивость, по соответствиям. Умные своим чередом, простаки на задах. Долго спорили, кому лучше довериться главою в почетный Президиум, кому сручнее сесть на виду у присутствия... Прерывались аплодисментами и овациями, обедами продолжительными. Ходил я меж выбранных туды и сюды. Средь простаков интерес невелик, а сунусь в гурт, говорят:

— Ату! Вам, товарищ, туда, — на зал показывают, где речи слушали; хорошие, дивные речи. Каждый, кто рвался в список речистый, упражнялся словесами ласковыми-атласными, желая задеть предшественника по холке мотыгой, что-де он повинен, и его рыльце в пушку... Несло от речений терпким устойчивым духом, хотя и быстро выветривалось. Выступали все более люди умственного воззрения. Широко глядели они на проблемы, обобщительно. Заседавший народ мучительно принимал в себя их расстройства. Кое у кого появился в теле зуд, а то и лихорадь. Но указание от масс было:

— Терпеть! — и мы сообща выполняли наказ.

Что ж до меня, собственно, так, признаться, вирусная зараза миновала чашу организма, закалил я его в трудах праведных и старался не вслушиваться, потому что болел во мне Красный петух, или взрывность аммиачного газа. Думал, вот-вот скажут, а они, выученики, будто с неба спали, городят друг другу вину, статьи выправляют... Оглянусь на зал, простачки то там, то здесь гляделками хлопают от неясности присутствия, отчего невозможно понять, кто кого выбирал и куда, кто чей интерес радеет... Крутился-вертелся на мягкости кресла среди заседателей, уехать бы в самую пору, однако пельзя, говорено, пока своего всей зале не скажешь... И сказать-то никак не дадено, потому что охотники слов заполонили внимание. Список ими затравлен по три и более раз. А дома жена, дети, сватья да кумы... Не сдержался, востребовался с места, пользуясь случаем, когда счетоводы голоса расписывали.

— Товарищ председ, — кричу кратко, — вас, ученых, здесь многажды вкраплено. Стрелочник, по всему видно, один я. Сделайте снисхождение, запишите на завтра на утро, так как в обед решил править домой!

Председатель, серьезный и вдумчивый человек, важный человек, важный в старом правительстве пост занимал, в перерыве простаку одному даже руку пожал, посоветовал с рядом сидевшим и призвал объясниться согласно причины.

— Что это значит: отъеду, — с эстрады спрашивает, — товарищ, не знаю, какого вы округа депутат?! Немедленно выйдите на трибуну и скажитесь миру всему!

Стушевался, признаюсь, но явился пред многоочие выбранных, повертелся, как бы здоровался с каждым стриженой головой, и говорю с пьедестала:

— Народного округа. Я думал все мы его, да вижу, ошибся. Я значительно слушал вас, почтенные. Вы очень-то умный народишко, заботливый, можно сказать, радетель до безответственности. Иной оратор своей вдохновенностью прямо вглубь меня пронимал. Такие словечки выкидывает маркированные, что аж в пот бросает, извиняюсь, от несуразицы. Он один дельно понимает, а остальные членовредительством занимаются. — Говорю я им это, накапливаюсь. — Только когда Хор полетит в трам-тарарам, виноватым меня, стрелочника, назовут. Очен-но схожи наши ораторы с проводницей, какая везла меня ныне в поезде. Да-да, не поезд, а она — вагоновожатая. Но это бы еще ничего, если бы товарищи знатоки, выступая от своего имени, не учили нас жить, простаков. Во мне, вы можете смеяться, по меткому замечанию товарищей руководителей из Президиума, выработалось непонимание момента, и потому позвольте общий вопрос: «Яйца курей учат?» — зал хохочет, за животы держится и бурные аплодисменты бьет, живое слово услышали, а то все мировые проблемы да масштабы, но я ничего, переждал овацию и дальше: — Вот! — говорю. — А кое-кто учит, безответственно учит. Я проходил сегодня по Москве, точнее, проезжал по переулкам, где живут наши бывшие руководители сердца столицы. Дома у них красивые, крашеные, светлые, нашему брату в них не жить. Молодцы! Там же я видел конторку, которая называлась «ответственным управлением малых и средних рек». Претензия к ним у меня не возникла. Я знал, что эти люди, трудящиеся конторщики, управляют той самой моей малой рекой, где на ее месте теперь не то что вода не течет — бурьян не растет, — совершенно справедливо получают зарплату. Они же направили мою реку в другие берега, где до того не было ее, и потому в безделье их не обвинишь. Потрудился народишко. Сами смекните, сколько всего надо... Это вам не лачугу саманную лепить... Они не сами ее, опять-таки, правили, они распоряжение заседателей исполняли. Следовательно, работники исполнительные. А вот вас, товарищи, избранные кто кем, и себя обвиняю. Дюже мы скорые поучать жить, когда жизнь сама жизнь. Поэтому поеду, теперь уже не дожидаясь завтра, и вам советую: ехайте! Некрасиво, товарищи, сидеть на шее избирателя. Он и так трудно живет, — сказал им и пошел с трибуны.

— Постойте, — грозно кричит на меня председ, — так сразу не уходят! Постоять надо!

— Некогда мне, — говорю ему. — Семья у меня, не постоишь! — и продолжил движение.

— Товарищи! — сказала мне оппозиция от альтернативы. — Нам бросили обвинение, — кусая промежуточный микрофон, — и мы обязаны его стребовать по всей строгости закона...

Тут нельзя было не рассерчать, и я грубо обернулся.

— Требуй, совдеп! — говорю.

— Кто вас выбрал?! — не отступает альтернатива.

— Да и сам не знаю, — растерялся я от вопроса. — Много их было, и все тянулись руками.

— Программа у вас есть? — задается жаром истец.

— Программа у них, — говорю собраннее, — а я, стало быть, исполнитель, иначе зачем меня посылать.

— И какая — позвольте спросить?

— Долгая, — говорю сдержанно, чтобы не психовать. — Сразу не выполнишь с вами. Но ты, товарищ, лучше садись. Ты уже много сегодня сказал, и язык твой к вечеру вспухнет. Ты, как-никак, осмыслитель истории, или, попросту, гробовой воротила. Дай хоть раз стребовать с вас тем, кому жить. Вон тот, например, или этот, — кивнул на дремавшего в дальнем углу.

— Я что? — подпрыгнул, будто ошпаренный, заседатель от удара в бочину. — Они знают. Они ученые. Мое дело знамое: паши да сей!

— Видал?! — справился у оппозиции. — Так-то! Говорить говори, но народ не замай! Он себя знает. Он трудяга, а не борец или каяльщик за чужие грехи, как ты

его просишь... Эх, да что с вас, бес-совестных, взять... — Помолчал в ожидании вопросов, поглядел, как наша прослойка, рабочая, грустнеет: зачем, мол, высовывался, подставился под машину, и сказал: — Пойду я, председ. Ей-богу, неловко пред миром. В стране вон сколько всего не хватает. Городите слова без меня и торгуйте. Прощавайте! — А терпение мое закипает, уж и мыслей про правильность речи нет, лишь бы быстрее вырваться.

Вылетел я из залы в стылую свежесть пустого светлого холла. Как дальше — не знаю. На крылах летел. Богу молился, да, наверное, время прошло. Сердце немело от боли. Не ел и не пил в пути. Слова не уронил. На коленях по разбитой, разорванной железной дороге в Хор приполз, но больше не слышал невучих Их голосов...

* * *

Я молчал. Оба мы опоздали. Темно-синяя пелена застила небо. Иваныч закончил рассказ. Не дышал, только слушал, пока колючие зори не вышли из темноты на нас.

●

ПОЭЗИЯ

Сергей ОСТРОВОЙ

ВЕСТЬ

ДЕТИ АРБАТА

Ах, арбатские дворики.
Самодельный Парнас.
Канут в Лету историки,
Поучавшие нас.

Вымрут зубры гитарные,
Как затертый мотив.
Для одних — элитарные,
Для других — примитив.

Мне не надобно этого.
Ни за рупь. Ни за так.
Хриплым голосом спетого
Не приемлю, простак.

Это выдумки лестные,
Размалевка утех,
Будто отроки местные
Превосходнее всех.

Переборы гитарные.
Безмотивный мотив.

Для кого — элитарные,
Для кого — примитив.

Бродят разные чудики.
По центральной. И вне.
А на стенах этюдики,
По доступной цене.

Может, кто-то обидится?
Слишком близко к нулю?
Мне по-своему видится.
Я душой не кривлю.

Тут не домыслы праздные.
Не глухая стена.
Все мы разные. Разные.
Только правда — одна.

ВЕСТЬ

Пустыня. Смертная усталость.
Песков таинственный конвой.
И вот ведь что — такая малость —
Глоток воды. И ты живой.

Глоток. Один. Ничуть не боле.
Один. Глоток. И ты опять
Уже при той при доброй доле
Не повернешь однажды вспять.

В крутых надувах вязнут ноги.
Задуты зыбкие следы.
И снова нет тебе дороги
Без той спасительной воды.

А в это время, под песками,
Как бы в придумках, как бы зря,
Тугими стиснуты тисками,
Гудят подземные моря.

И на каком-то перекате
Вдруг из глубин пробьется весть.
И это будет очень кстати.
По справедливости. Как есть.

СЕРДИТЫЕ СТИХИ

Пишу. То в стол. А то в корзину.
А тут вся жизнь, как на кону.
То на вершину, то в низину,
То в реках памяти тону.

И это тягостно. Не скрою.
И каждый раз как бы впервой.
И так мучительно порою,
Что хоть в удавку головой.

А критик глянет ненароком.
Упрется каменным плечом.
Да будь ты хоть самим пророком,
Ему все это нипочем.

И что ему твое томленье,
Твоя бессонница в ночи?
А у него такое мненье!
И все, обруганный. Молчи.

За что же? По какому праву?
От имени каких богов?
И кто ответит за потраву
Твоих затоптанных лугов?

Нет, смысл не в том, чтобы учтиво
Хвалить и кланяться. Ничуть.
Ругай, но только справедливо.
И дело знай. Хотя б чуть-чуть.

Не сотвори чертополоха.
Не будь глухим, когда казнишь.
Ты хвалишь то, что вовсе плохо,
А то, что ярче, — ты бранишь.

И пусть письмо мое сердито.
В нем боль моя. Куда ни день.
...Встает из пены Афродита
И начинает новый день.

Москва

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Сергей ГОЛЫШЕВ

Юность Сергея Голышева, уроженца Перми, прошла в Севастополе. Там он закончил техникум, серьезно увлекся велоспортом и стал чемпионом Севастополя.

Молодой литератор стремится к насыщенной духовной жизни: занимается живописью, хоровым пением. В лучших его стихах чувствуется напряженная работа мысли.

КЛЮЧ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Были дни у меня — что века ледяные.
Ветер дул мне в глаза, словно в дыры сквозные.

Я ослаб, но не падал еще, слава богу,
Но не падал еще, как на нож, на дорогу.

И ко мне в эти дни мой знакомый забытый
Стал ключи подбирать, словно к двери закрытой.

Он юлил, суетился, смиренно сжимался.
Я не ведал и сам, как ему открывался.

И не понял я сразу, что это был ворон.
Немудреный со мной заводил разговор он.

Шепотком навевал мне на самое ухо:
«Обожаю не падаль — падение духа».

Ожидал он, когда на пути помраченья
Дух иссякнет во мне, словно кровотеченье.

И я духом упал, обессилело тело.
Кровью предков земля подо мною гудела.

Вспомнил ключ от двери колыбельного дома,
Вспомнил мать и отца под прицелами грома.

И картины отчизны — и слава и горе —
Протекли предо мной, словно волны по морю.

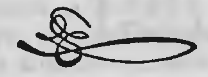
Так внимал я земле. И у края могилы
Возвратила мне память духовные силы.

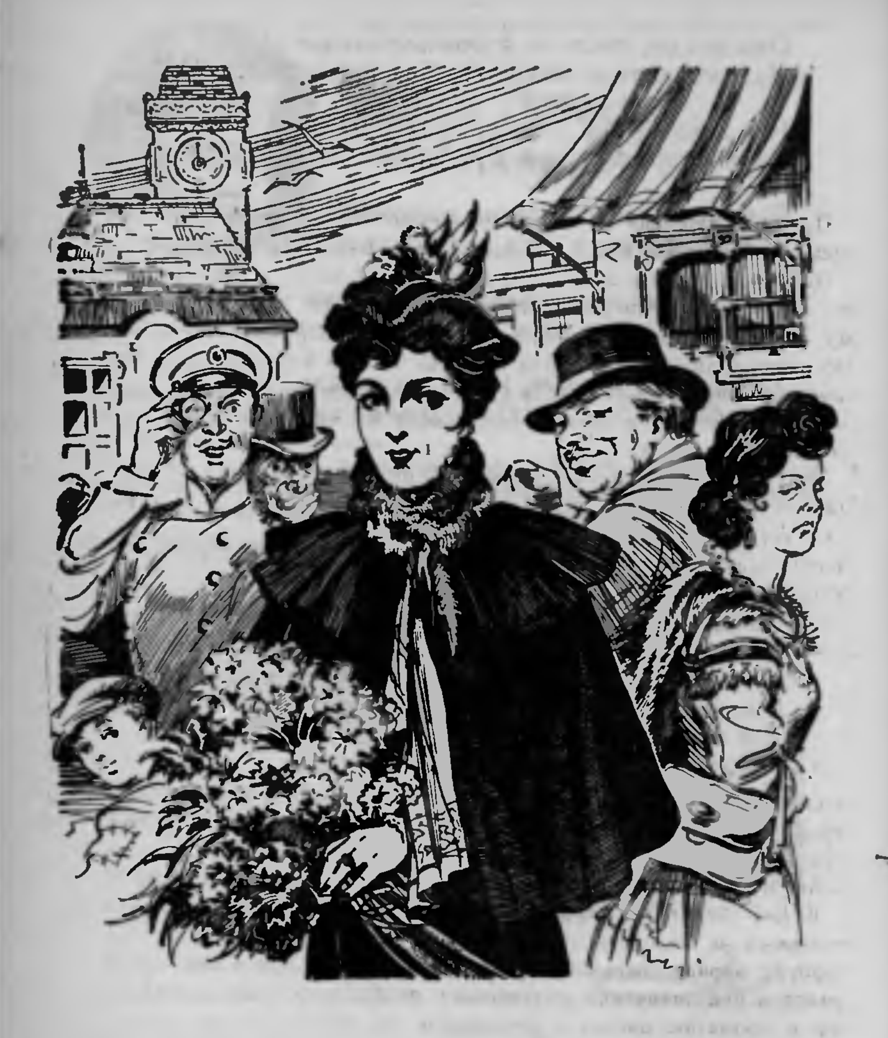
* * *

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Ночная тишь полна тревогою-отравой.
Он выглянул в окно — луна была кровавой.
Душа была слышна, как вздох в пустынном храме.
Теряло Время смысл. Он прислонился к раме
Оконной. Жизнь текла, как звезды во Вселенной.
Все начато давно — все кончится мгновенно.
Каленая луна в его глазах бледнела.
И он закрыл глаза.
И небо опустело.

Москва





Валентин ПИКУЛЬ

СТУПАЙ И НЕ ГРЕШИ

Бульварный роман

Рис. Ю. Макарова

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый
Многим женщинам сужденный путь.

Александр БЛОК

ОТ АВТОРА

Прошлое навсегда погребено на гигантском кладбище того же прошлого, которое мы так редко теперь навещаем.

Однако мне, живущему **там**, откуда еще никто не возвращался, намного легче перемещаться в пространстве времен, и потому в былой жизни России я имею немало хороших знакомых. Но средь великого множества женщин, платья которых давно отшумели, одна из них уже много лет тревожит мое хладеющее воображение. Вот и сегодня — «встала из мрака младая с перстами пурпурными...».

Так уж получилось, что после изнурительных и долгих сомнений — писать или не писать, забыть или вспомнить? — я начинаю эту вещь именно 8 Марта, который не ахти как волнует наших жен, зачастую униженных, оскорбленных и разгневанных, ибо их жизнь складывается совсем не так, как о ней мечталось.

Но сначала я вынужден побывать в Ницце, и, конечно, из потемок памяти сразу всплывают незабвенные строки:

О этот юг, о эта Ницца!
О как их блеск меня тревожит...

С давних времен в Ницце существовал отель-пансионат под названием «Родной угол», устроенный мадам М. М. Соболевой близ приморского променада; здесь к услугам заезжих была русская кухня с русской же прислугой, хорошо подобранная русская библиотека.

Летом 1923 года «Родной угол» приютил двух эмигрантов — пожилого и молодого. Блистательный и феерический Санкт-Петербург, парадиз великой империи, для них уже навсегда растворился в непознаваемом отчуждении, и оба оставались равнодушны к ароматам цветов в роскошном, но чужестранном саду.

Радостных эмоций меж них не возникало.

— Трагедия в том, — рассуждал пожилой, — что отныне в России право заменили указами. А роль адвоката, как защитника слабых, низведена до роли ассистента палача, обеспокоенного лишь качеством веревки. Интерес к юридическим правам личности низведен до ничтожного уровня, а мы — витии прошлого! — уходим в небытие с гнусным клеймом «платных наемников буржуазии». О чем тут говорить? Интеллигенция на Руси ни-

когда не была сословием, но сейчас ее сделали «прослойкой», обязанной покорно признавать идейное превосходство победившего пролетариата, который отныне почитается главным знатоком классовой борьбы. Нет, милый Сережа, в *этой* России, порождающей робеспьеров и маратов из разино-пугачевского наследия, мои эмоции никому не нужны... Будем помирать в «Родном углу»!

Так говорил Николай Платонович Карабчевский писателю Карачевцеву, желавшему быть при нем в роли известного Эккермана *. Понуждая старика к откровенности, он даже не скрывал, что собирает материал для книги о нем. Да, еще недавно Карабчевский был знаменит — оратор и писатель, поэт и адвокат, Николай Платонович всю жизнь считал, что нет выше звания присяжного поверенного, и в 1917 году Керенский напрасно соблазнял его званием сенатора. Карабчевский отказался.

— Нет уж! — сказал он. — Я желаю умереть в первых шеренгах лейб-гвардии российской адвокатуры — именно столичной...

На громогласных лирах старой адвокатуры было натянуто немало певчих струн, и каждая мощно звучала: присяжных поверенных знали на Руси как писателей, публицистов, драматургов, психологов и даже актеров. Карабчевский эмигрировал, когда уличная толпа сожгла здание столичного суда — не стало храма судебных реформ, значит, не нужны и жрецы справедливости.

Теперь, затворенный в «Родном углу», Николай Платонович печально воскрешал в памяти те громкие процессы, в которых когда-то блистало его имя. Сергей Карачевцев торопливо записывал; как-то раз, конспектируя очередную историю, он вдруг вспомнил имя Ольги Палем, и Николай Платонович заметно оживился.

— Я глубоко убежден, — отвечал он, — что каждая женщина, хотя в душе и ранимее нас, мужчин, но и намного терпеливее. Особенно в те периоды своей жизни, когда она любит. Женщина может сносить от любимого человека обиды и оскорбления, она способна очень многое прощать. Но... пусть мужчины не обольщаются!

Он замолк. Карачевцев осторожно напомнил:

— Продолжайте... Как понимать вас?..

— А так, юноша, и понимайте. Женщина прощает почти все мужчине, которого она любит. Но в ее любви имеется очень опасный предел, когда женщина как бы взрывается. И, взорвавшись, она обязательно отомстит. Рано или поздно, но — отомстит! Я думаю, — заключил Карабчевский почти торжественно, — женщина имеет на эту месть природное право...

* *Эккерман Иоганн Петер* (1792—1854) — личный секретарь И.-В. Гёте.

— Так и записать? — спросил биограф.

— Да, так и запишите. Пусть знают все. Надо ценить женщин, уважать их, имевших несчастье полюбить мужчин, недостойных большой женской любви...

Через два года Карабчевский угас, и его прах был предан земле на отдаленном, уже тогда заброшенном римском кладбище. Так завершилась жизнь человека, о котором наши историки теперь начинают понемногу вспоминать.

Конечно, читатели вправе спросить меня, почему я назвал свой роман «бульварным». Отвечу. Всю жизнь я писал военно-патриотические романы, но критики упрямо именовали меня «бульварным» писателем. И чем выше становился накал патриотизма, тем настойчивее блюстители литературы обвиняли меня именно в «бульварщине».

Наконец я понял, что угодить нашим литературно-газетным зоилам можно лишь одним изуверским способом — написать воистину бульварный роман, дабы их мнение обо мне как о писателе полностью подтвердилось. Заодно уж я, идущий навстречу своим критикам, щедро бросаю им мозговую кость, чтобы они обсосали ее до нестерпимого блеска, свойственного фамильным бриллиантам их благородных бабушек.

Я писал эту вещь на примере фактов столетней давности, но, думается, вопросы любви и морали прошлого навсегда останутся интересными и для нашего суматошного времени.

> Господа присяжные заседатели!.. В обстановке довольно специфической — трактирно-петербургской, с осложнениями в виде кружки Эсмарха на стене и распитой бутылки дешевого шампанского на столе, стряслось большое зло. На грязный трактирный пол ничком упал молодой человек, подававший самые блестящие надежды на завидную карьеру...
>
> Н. П. *Карабчевский*. «Речи»

«Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ ПЫЛЬНОЙ»

Один из старожилов этого города высоко ценил даже его легендарную пыль: «Прежняя одесская пыль была не такою, как ныне, — она была благоуханной, как пыльца цветов. Море, степи, акации были причиной ея аромата». Этот же мемуарист здраво мыслил, что даже солнце светило одесситам совсем ина-

че: «О доброе, старое одесское солнце! — восклицал он. — Где ты? Куда сокрылось? Теперь восходит какое-то бледное светило, но это вовсе не то, что было раньше...»

Сто лет назад Одесса, извините, все-таки действительно была веселее и наряднее; ее улицы и площади хранили святость исторических названий. Памятники тоже оставались незыблемыми, на их пьедесталах красовались тогда совсем иные герои — не те, что разрушали, а те, которые Одессу созидали. Кстати уж, оставив в стороне Потемкина, Ришелье, Лонжерона, Дерибаса и Воронцова, я напомню, что Одесса славилась не только босяками с Куликова поля, не одними трипичниками с Чумной горы. В разное время здесь проживали последний в России граф Разумовский, неаполитанская королева Каролина, из Одессы вышла барышня Наталья Кешко, впоследствии занявшая престол Обреновичей; наконец, одесситы не забывали и знаменитого Джузеппе Гарибальди.

На улицах звучала речь греков, французов, итальянцев, болгар, евреев, турок, цыган и... попросту одесситов, считавших, что все неодесситы должны им завидовать. Одесса жила торговлей, почему и процветала в небывалом довольстве, для нас уже недостижимом. Люди победнее шли на толкучку, а череда роскошных магазинов на Александровской приманивала зажиточных изделиями, доставленными прямиком из Парижа. Кажется, одесситы умудрялись торговать со всем миром: колбаса у них была из Болоньи, коровье масло — из Милана, сушеные каштаны — из Сицилии, баклажаны завозили из Турции, итальянские спагетти ели обязательно с пармезаном, а на Греческой улице источали аромат апельсины, доставленные из арабо-еврейской Яффы...

Все было умопомрачительно дешево — настолько дешево, что заезжие думали, будто одесситы торгуют себе в убыток. А толстые торговки в белых передниках зазывали покупателей:

— Клянусь счастьем своих детей, которых у меня семеро, клянусь и здоровьем своего единственного мужа, что лучше бычков нигде не бывает. Берите хоть даром и потом будете рассказывать гостям, что однажды в жизни вам здорово повезло!

В дни семейных или календарных праздников было принято обмениваться кулебяками, словно визитными карточками: если вкусная кулебяка — значит, и человек хороший, с таким можно вести дело. Славился и местного разлива квас, который одесситы выпивали сразу по две кружки: первую для утоления жажды, а вторую — чтобы поговорить о достоинствах кваса. Заодно уж сообщу и такую подробность из старого быта Одессы: женщины за продуктами не бегали, по базарам с утра пораньше хо-

дили только мужчины, а их жены сладостно дремали в блаженной истоме, преследуемые лирическими сновидениями.

Чувствую, назрела необходимость рассказать кое-что об одесских женщинах. Нигде в России тогда на бабах не ездили, ибо до эмансипации еще не дожили, но в Одессе, между нами говоря, такое случалось. Однажды на балу составили «тройку» три замечательные одесситки: русская купчиха Агафья Папудова, красавица гречанка Артемида Зарифи, еврейка Розалия Бродская, а погонял их немец по фамилии Гирс. Интернациональная дружба, как видите, процветала! Здесь уместно сказать, что одесские женщины легкого флирта не признавали, а если влюблялись, так всерьез и надолго — как тогда говорилось, «напропалую» или «позарез».

Это качество заметно отличало их от одесских мужчин, которые, будучи духом намного слабее, влюблялись ежемесячно, и в случае неудачи непременно грозили дамам застрелиться, но это свое решение почему-то откладывали до следующего романа (а заодно и до ближайшей выплаты жалованья).

Была еще одна особенность, понятная только одесситам; ее никак не могли освоить жители прочих городов великой империи. Обычно за честь жены вступается муж, и близко не подпускаю к ней любовника, но в Одессе все было наоборот: там любовник, завладев чужою женою, всеми силами отбивал ее от претензий мужа и стоял на этом крепко и нерушимо, как часовой на охране неприкосновенных рубежей...

Астрономы тогда предсказывали, что на самом исходе XIX века, в ноябре 1899 года, выпадет обильный «звездный дождь», который испепелит нашу планету и все живущее на ней. Новость, конечно, не очень-то приятная. Одни транжирили свои деньжата, ибо все равно погибать, а другие кубышек своих не трогали, рассуждая вполне разумно:

— От этих ученых добра не жди, одни пакости! Видят же, гадючьи души, что мы живем и наслаждаемся, вот и решили настроение нам испортить... Я за себя не ручаюсь! Если попадется мне какой звездочет, излуплю его так, что у него у самого звезды из глаз посыпятся.

«Итак, я жил тогда в Одессе...» Не сегодня жил, а сто лет назад — прошу читателя это учитывать.

На исходе прошлого века Одесса наблюдала вымирание исторических персон, которых Екатерина Великая еще успела побаюкать на своих пышных коленях. Встречались и престарелые ворчуньи, давшие зарок не выходить замуж на том веском осно-

док — и указать, и распушить, и проследовать далее, дабы обыватели и сами не забывались, и его бы тоже вовек запомнили, как помнят на Руси отца родного.

С такими-то вот благородными намерениями Пахом Горилов начинал свою ежедневную одиссею, деликатно погромыхивая шашкою и скромнейше посверкивая лучезарными сапожищами. Солнце восходило к зениту, и душа околоточного возликовала, как от пения птах небесных, когда близ лошадиного водопоя так благостно и так душевно заскандалили ломовые извозчики. Пахом Горилов начинал обход участка от поля Куликова, так что слева зеленели райские кущи Ботанического сада, справа оставалась тюрьма, из окошек которой узники могли бесплатно созерцать, как крутятся карусели, а клоуны зазывают публику в балаганы. Согласитесь, что сидеть в такой тюрьме было одно удовольствие!

Между тем наш благородный герой двигался вдоль Порто-Франковской, не преминув при этом заглянуть на Арнаутскую и Рыбную, чтобы за богадельней для увечных и престарелых (разумно устроенной впритык к кладбищу) навестить неугомонный Толкучий рынок. Здесь, на рынке, Пахом Горилов не стал ждать милостей от природы, а решил взять их силой. Для этого, обозрев ряды торгующих, он сделал серьезное внушение своим знакомцам — ворам-карманникам, которые, признав его неоспоримую правоту, тут же отблагодарили Пахома пятью рублями.

— Еще раз увижу, так... гляди! Пятью тогда не отделаешься...

Жарища усиливалась, и Горилову хотелось не пить, а выпить. Для этого он несколько отклонился от генерального маршрута, и на Мещанской проверил, блюдется ли чистота в трактире Абрама Застенкера, который сразу поднес ему чарочку — за то, что ему вновь было любезно указано на то, что не блюдется. Теперь следовало закурить, ради чего Пахом Горилов свернул на Арнаутскую, где доброжелательный грек Катараксис содержал табачную лавчовку...

— Здрасьте, — сказал Пахом, облокотясь на прилавок, за которым стояла незнакомая ему брюнетка, скромная и пугливая. — Отчего же не видать сей день мадам Катараксис?

— Прихворнула, — пояснила девица. — А хозяин нанял меня недавно... Вам каких папирос желательно?

— Курим фабрику братьев Месакуди, — величаво ответил Пахом. — А ты сама-то откедова? Местная али как иначе?

— Таврическая. Недавно приехала в Одессу из Симферополя, и вот нанялась... в услужение.

— Это плохо, — крякнул Горилов, — это очень плохо, что при-

болела мадам Катараксис, имевшая похвальную привычку давать десяток папирос просто так... по знакомству.

— Воля ваша, — согласилась девица, покраснев. — Я вам тоже дам десяток бесплатно, только не говорите об этом моему хозяину... ладно? А то он, боюсь, прогонит меня.

— Ишь ты какая! — восхищенно произнес Горилов.

— А... какая?

— Больно красовитая. Вроде бы цыганка-молдаванка. Может, заодно и наворожишь мне на счастье?

— Извините, — потупилась девица, — я не умею.

— Ну и ладно, — сказал Пахом, отвалившись от скрипучего прилавка. — Отсыпь мне горсточку папирос «Пушка» и будь здорова. А мне еще ходить, порядок наводить...

Пошел было к дверям, но задержался на пороге:

— Эй, барышни! А зовут-то тебя как?

— Ольгой.

— По батюшке?

— Васильевна.

— А дале-то как? Прозванием?

— Попова, — назвалась девица таврическая, снова зардевшись стыдливым румянцем.

Этой информацией Пахом был вполне удовлетворен и паспорта не спросил, ибо в Одессе столько всяких... тьфу!

— Будь здорова, мамзель Попова, — сказал на прощание. — Ежели кто обидит, ты мне тогда и жалуйся... У меня кулаки — во!

— Благодарю, господин околоточный. Вы так добры, вы так сердечны, а я ведь совсем одинока... сиротинка горькая!

На этом они и расстались. Выстраивая хронологию событий, я пришел к выводу, что в табачной лавке девица появилась где-то около 1886 года. И если родилась она году в 1866, то ее появление в Одессе будем относить к той волшебной поре юности, когда любая девушка невольно становится классической Венерой, достойной всеобщего обозрения. Конечно, околоточный не раз потом навещал лавку Катараксиса, но однажды десяток дармовых «Пушек» ему отсыпала сама жена хозяина.

— А кудыть девка-то подевалась?

— Хвостом вильнула и ушла.

— А-а-а, — с пониманием дела изрек Пахом Горилов...

Но однажды осенью 1887 года околоточный, совершая бдительный обход своего участка, на углу Вокзальной и Тюремного переулка был окачен с ног до головы грязью, вылетевшей из-под дутых шин роскошного «штейгера», которого увлекал в суету улиц рысак. В коляске, откинувшись назад и фривольно раскинув руки по бокам дивана, сидела красивая молодая дама. Пахом

засвистел было, чтобы кучер остановился для восприятия краткого внушения, но тот, сволочь паршивая, еще пуще нахлестнул жеребца, и «штейгер» лихо завернул на Ришельевский проспект.

— Что за притча! — удивился Пахом.

Дело в том, что глаз он имел ястребиный, наметанный, и в краткий момент узнал в красавице, промчавшейся мимо, ту самую бедную девушку из табачной лавчонки. В душе околоточного, вестимо, возникли всякие подозрения:

— Уж не воровка ли какая? С чего бы это задрипанной девке на рысаках кататься и мой чин слякотью обливать...

Исполненный служебного рвения, он тут же навестил полицейского пристава Олега Чабанова и высказал ему свои опасения.

Чабанов сказал в ответ:

— Ты вот что! Эту девку не трогай.

— А пошто так?

— А то, что она стала «штучкой» господина Кандинского...

Одесса хорошо знала господина В. В. Кандинского, богатого коммерсанта, державшего в городе финансовую контору.

— Васи-Васи? — удивился Пахом Горилов. — Ну, скажи ты на милость! Кто бы мог подумать? Не успела жена помереть, как он сразу молоденькую себе завел... Ай-я-яй! — пожалел он коммерсанта. — Ему бы, дураку старому, вдоль стеночки ходить с тросточкой, а он... ай-я-яй!

— «Штучка»-то что надо, — зевнул Чабанов. — Я с Васей-Васей тут как-то на днях в штосс резался, так просил по дружбе сознаться, во сколько же она ему обходится?

— Ну-ну! Во сколько?

— Так не мычит Вася, не телится. Видать, понравилось иметь одалиску, теперь пушинки с нее сдувает...

В таком приятном разговоре Пахом назвал девицу Ольгой Васильевной Поповой, но Чабанов высмеял его:

— Ольга Палем, и никакая она тебе не Попова... Наврала она, а ты, дурак, и уши развесил.

— Да вить сказывала, что таврическая.

— Верно! У нее родители в Симферополе. Вообще-то я тебя предупредил: ты эту «штучку» лучше не задевай... Ну ее к бесу! У нее какие-то связи с генералом Поповым, который ныне предводителем дворянства в Таврической губернии...

ГОСПОЖА ПОПОВА

Спустя годы, когда имя Ольги Палем уже отгремело на Руси и затихло в безбожном отдалении, заезжий столичный корреспондент отыскал в Симферополе ее забытых родителей.

Перед ним предстал ветхозаветный Мордка Палем, трясущийся от гнева и старости, опозоренный своей дочерью.

— Меня была чудная девочка, — поведал он, — и все было бы превосходно, если бы не эти романы, которые она читала запоем. Раввин мудро предрек мне, что Адонай, великий бог отмщения, не прощает евреев до седьмого колена, и теперь мои потомки семь поколений кряду осуждены страдать за грехи Мени, которая изменила вере своих отцов... Вы только посмотрите на мою бедную жену! — воскликнул он.

Корреспондент глянул на Геню Пейсаховну Палем, уже сгорбленную нуждой старуху, глаза которой — это было заметно — не просыхали от слез и тягостей жизни.

— Видите? А ведь моя Генечка была лучшей красавицей в городе, — запричитал Мордка Палем. — Знатные господа и даже адмиралы из Севастополя платили мне по червонцу, чтобы только полюбоваться ее красотой. Это была сущая Саломея, а теперь... Что вы видите теперь? Геня, скажи сама.

— О горе нам, горе!

— Хватит, — оборвал ее муж. — Раввин оказался прав. Я ведь был вполне обеспеченный торговец, меня все уважали, а когда Меня ушла, все пошло прахом, мы сразу сделались нищими.

— Но я слышал, — заметил корреспондент, — что в вашем разорении повинна сама еврейская община Симферополя, выместившая на вас зло на самовольный уход юной еврейки из дома.

— Еврей не станет разорять еврея! — гневно закричал Мордка. — Это сам великий Адонай пожелал видеть меня обнищавшим. Пока она читала романы, я молчал, но теперь и ее проклинаю.

— Я не рожала такой дочери! — зарыдала и мать...

Что же случилось в этом семействе?

Много позже Н. П. Карабчевский пришел вот к какому выводу: «Она не была похожа на других детей в семействе Палем. То задумчивая и грустная, то безумно шаловливая и веселая, она нередко разражалась нервными припадками... Озабоченно перешептываясь между собой, родители однажды решили, что Менечку не надо излишне раздражать, и предоставили девочке полную свободу». Впрочем, эта свобода была лишь относительной — читать русские книги ей запрещали, с детства девочке указали и на будущего мужа — сопливого Натана Нафельбаума, от которого вечно пахло селедкой и луком. Меню, разодетую настоящей барышней, еще подростком стали выводить на бульвар Симферополя, и вот тут родители за ней не углядели.

Красивая и живая девочка, словно птичка, резво впорхнула в компанию русских гимназистов и гимназисток, охотно принявших ее в свой веселый круг, а там понимание жизни было широким, как мир — совсем не таким, каким раньше казалось. И каждый раз Мене тяжко было возвращаться в ставший постылым дом, где отец бубнил из потемок над раскрытым Талмудом, вздыхала за стеною мать, братья говорили меж собой только шепотом, на цыпочках ходили по комнатам, словно боясь кого-то незримого...

Меня оказалась чертовски талантлива! Она самоучкой освоила чтение и письмо по-русски, тайком от родителей поглощала ночами романы, где раскрывалась неведомая ей жизнь, и прекрасные героини на самой последней странице подставляли пунцовые губы под огонь поцелуев. Так зарождались мечты о той сладкой жизни, которая совсем не ждет ее, но которая возможна, если...

«Ах, если бы!» — вздыхала она.

Отныне обстановка в родительском доме стала для нее невыносимой, хотелось вырваться и куда-то бежать, жаждалось делать только то, что ей хочется. Но... как обрести эту свободу, где не сопливый Натан, а сказочный некто увлек бы ее к чудесным соблазнам? И Меня Палем вообразила, что эту свободу ей может дать только переход в православие.

Когда ей исполнилось 16 лет, она посетила местный православный собор. Конечно, священник заметил красавицу девушку в толпе привычных ему прихожан и по окончании службы молча поманил ее в притвор храма.

— Я тебя знаю, — просто сказал он. — Знаю и твоих папу с мамой. Разве ты не боишься, что они тебя строго накажут за посещение нашей церкви?

— Не боюсь. Крестите меня, — взмолилась Меня.

Священник был человеком осторожным.

— Не горячись, девочка, — рассудительно произнес он. — Сядь и внимательно меня выслушай. До того, как попасть сюда, я служил в Могилеве, и там со мною случилась большая беда. Я крестил девушку, влюбленную в русского офицера, который сделал ей предложение. Закончилось все ужасно... Соплеменники забили ее камнями, и я до сих пор содрогаюсь, вспоминая весь этот ужас. Ведь к гибели ее и я причастен. Поэтому говорю тебе — будь благоразумна.

— Я вполне разумна, — ответила Меня Палем. — Но, поймите, я хочу жить, потому и прошу вас, крестите меня!

Священник сказал, что всем сердцем сочувствует ей, но сам он слишком ничтожен и слаб, чтобы оградить ее от гнева соплеменников как нарушившую ветхозаветный обычай.

— Вернись домой и помалкивай, — наставлял он Меню, выпроваживая ее из храма. — А я постараюсь сыскать авторитетного человека, который не побоится стать твоим крестным отцом...

И ведь нашел! Это был генерал-майор и местный миллионер Василий Павлович Попов — потомок знаменитого В. С. Попова, который состоял еще при светлейшем князе Потемкине Таврическом и чей род прочно осел в Крыму, где Поповы владели огромными поместьями, перевитыми виноградной лозой, издавна завезенной сюда из Токая. Вот этот Василий Павлович Попов и согласился быть крестным, и после крещения он вручил новообращенной сотню рублей, преподав ей напутствие:

— Ты стала Ольгой в святом крещении, а отчество у тебя от моего имени. И я не стану возражать, если пожелаешь писаться Поповой. Желаю счастья! Но после всего, что здесь произошло, домой тебе уже никогда не вернуться, почему и советую тебе уехать... хотя бы в Одессу. Это такой город, что даже крокодил там может легко затеряться в базарной толпе. Но, боюсь, что с такой внешностью от судьбы тебе не укрыться.

Генерал Попов не слишком-то расщедрился деньгами, зато вручил крестнице рекомендательное письмо, по которому Ольгу Палем-Попову взяли в услужение хорошие люди из весьма приличного дома. Однако удержалась она в горничных день-два, не больше, ибо, как выяснилось, делать ничего не умела, даже самовар не могла поставить как надо. Вот так она оказалась за прилавком табачной лавки. Но и к торговле оказалась неспособна, расхваливать товар не умела, и жена хозяина, выздоровев, выставила ее на улицу, еще и отругав на чем свет стоит за нехватку папирос фабрики Месакуди, выкуренных околоточным Пахомом Гориловым...

А куда ей было деваться? Без родни и знакомых, зато, правда, с яркою внешностью, — конечно, она уже не раз перехватывала на улицах оценивающие взгляды мужчин... Вряд ли Палем-Попова догадывалась в ту пору, что она сама — лишь хороший «товар», на который всегда сыщется покупатель.

Спустя несколько лет пристав Чабанов вспоминал, что Ольга Васильевна одевалась сначала бедненько, держалась скромницей, но была весела и здорова, а чахнуть стала, как раз когда этот богатый «покупатель» нашелся.

Василий Васильевич Кандинский появился в 1887 году под видом солидного человека, который, упаси бог, не зазывал ее в ресторан у Фанкони, а лишь время от времени изрекал благост-

ные и гуманные пожелания окружить ее «отческой» заботой, так как сердце разрывается от жалости при виде ее сиротства:

— Вы даже не представляете, как вам повезло, что встретили человека, который вполне бескорыстно готов устроить ваше благополучие и ваше будущее счастье...

Установить четкую грань, которая отмежевала бы «отческую» заботу от прочих интересов Кандинского, сейчас уже невозможно, и даже Карабчевский, пытавшийся проникнуть в душу Кандинского, вынужден был в конце концов отступить: «К сожалению, г-н Кандинский, когда от него требовался прямой ответ, очень любил поговорить о погоде...»

Наверное, именно таким и был этот финансист, желавший иметь Ольгу Палем где-то между своей конторой и биржей. Как бы то ни было, «отческое» внимание он все-таки проявил: снял для Ольги квартиру, обставил ее хорошей мебелью, нанял служанку, а кучеру Илье велел катать Ольгу куда ей вздумается.

— Для меня, — намекал Кандинский, перебирая брелоки часов, выпущенных поверх жилетки, — твое имя звучит отчасти вульгарно. Посмотри на себя в зеркало — какая же ты Ольга? Позволь, деточка, я стану называть тебя библейским именем Мариам, а ты называй меня своим Пупсиком... Так будет гораздо проще и придаст некоторую интимность нашим непредсказуемым отношениям.

Лукавил, конечно, господин Кандинский: «отческие» отношения были обречены и вскоре уступили место другим, весьма далеким от родительских попечений, но такой поворот в судьбе Ольга Палем, кажется, не слишком-то драматизировала. Вечерами он просил ее поиграть на гитаре, ему приятно было после игры на бирже слышать ее голос, но вот слова романса сулили как раз то, на что он уже не мог рассчитывать:

У ног твоих рабой умру,
Давно-давно блаженства жду.
Ты мучь меня, терзай меня,
Одно прошу — люби меня,
И, умирая, не солгу,
«Люблю» скажу — и вмиг умру...

— Ах, как это приятно! — умилялся Кандинский.

Но вскоре ей наскучило быть райской птичкой, посаженной в золоченую клетку. Человек, целиком погруженный в мир балансов, ажуров и кредитов, Кандинский, надо полагать, сделал ее своей содержанкой лишь для того, чтобы поднять престиж своей конторы; пусть люди говорят: «Если уж этот старый хрыч мотает

на молодую любовницу, значит, финансы его конторы в полном порядке...» Ольга Палем стала как бы рекламой преуспевания Кандинского, который серьезно полагал, что квартира, мебель и служанка — этого вполне достаточно, чтобы его Мариам была вполне счастлива.

Кстати, его приятель — отставной полковник Колемин, уже пожилой человек, был единственным, кого Кандинский допустил до знакомства с Ольгой Палем. Случайно, оставив как-то мужчин наедине, Ольга слышала, как Колемин зло выговаривал:

— Мерзавец ты, Васька, мало тебя смолоду били! С тебя-то спрос короткий, благо из штанов давно песок сыплется, а вот каково-то бедной девице? Ведь ей жить да жить, а кто возьмет ее в жены, если узнает, что она была твоей содержанкой? Ты бы прежде хоть со мной посоветовался...

Отношения с Кандинским затянулись. Встречая Ольгу Палем-Попову на улицах, пристав Чабанов замечал, что «меценатство» Кандинского не пошло на пользу: женщина выглядела плохо, осунулась, подурнела. Это были внешние проявления, а сам Кандинский наблюдал и внутренние — его Мариам колотила тарелки на кухне, срывая зло на служанке, и вообще казалась издерганной, не в меру вспыльчивой, места себе не находила.

— Деточка, — вежливо допытывался Кандинский, — чего тебе еще не хватает? Пожалей своего Пупсика и не будь такой букой. Ну, скажи что-нибудь ласковое. Может, добавить денег, чтобы ты завтра побегала по Александровской?

Колемин, человек семейный, навещал ее запросто, с ним Ольга была доверительна, как дочь с отцом. Бывалый вояка, крутой и честный, он сам и завел разговор с нею.

— Слушай! — сказал он Ольге. — У меня ведь дочь старше тебя, и я вижу, что ты чахнешь, а красота твоя меркнет... Разве это жизнь? Одна маета, и никакого просвета. Ну, хорошо, я приятель Васи-Васи, но все же скажу, что он тебя в гроб вгонит! Ты меня послушай, дочка, ведь я зла тебе не желаю. Только добра хочу. Веришь?

— Верю, — тихо отозвалась Ольга, заплакав.

— Бросай ты этого полудохлого мерина и поживи, как живут все молодые чудачки. На что тебе этот Вася-Вася?

— Он меня не отпустит, — призадумалась Ольга.

Колемин трахнул кулаком по столу:

— А пусть только попробует не отпустить! Или ты веревкой к нему привязана? Не спорю, Вася-Вася честный человек, но он же свихнулся на старости лет. Всю жизнь прожил со своей грымзой, а теперь ему, видите ли, свежатинки захотелось!

Ольга Палем вытерла слезы, спросила:

— А вот на что я жить стану?
— Наймись.
— Куда? Меня же никто не возьмет, я белоручка, ничего не умею делать, даже веника в руках не держала...
— Ах ты, господи! — сокрушенно завздыхал Колемин. — Ладно, — рассудил он, — я сам поговорю с Васей-Васей, чтобы кончал дурака валять, чтобы своих седин и тебя не позорил перед всем светом...
Этот разговор, судя по всему, происходил летом 1889 года. Подводя баланс своим амурным делам, Кандинский, наконец, откровенно признался другу, что изнурен до крайности:
— У меня после общения с Мариам стало в груди побаливать. Раньше не болело, а теперь болит. И сам вижу, что ради соблюдения благопристойности нам лучше расстаться. Не только она со мною измучилась, но и мне стало труднее высиживать дни в конторе. Мариам теперь требует от меня такой прыткости, будто я только вчера закончил гимназию... Так и быть, расстанемся по-хорошему.
— Что ты называешь хорошим? — спросил Колемин.
— Хорошо — это когда без скандала...
Ольга Васильевна стала укладывать вещи в саквонж.
— Ну, я пойду, — сказала она. — За хлеб-соль спасибо. Чужого мне не надобно. Прощайте.
— Стой! — заорал полковник. — Куда ты пойдешь? У первого фонаря на углу адмирал Зеленый хватит тебя за цугундер, потом не отбрыкаешься... Думать надо!
— Я думать не умею, — созналась Ольга.
— Так я это за тебя сделаю. Садись!
Ольга Палем присела.
— Так дела не делаются, — строжайше выговорил полковник Кандинскому. — Если ты, сукин сын, обесчестил Ольгу Васильевну, так будь любезен раскошелиться, чтобы она не побиралась. Ничего! Ты не обеднеешь, а душу спасешь. Согрешил — так расплачивайся.

Кандинский, не прекословя, выложил на стол три тысячи и попросил Ольгу Палем заверить сумму подписью в особой квитанции, заранее припасенной для финала беседы:
— Этот расход я должен внести в конторские книги, дабы бухгалтер подвел баланс тютелька в тютельку... Ну, что ж, — обвел он глазами комнату, — мебель очень хорошая. Я, конечно, сожалею, что все получилось кувырком, но... За мебель держаться не стану. Пусть Ольга Васильевна забирает все.
— Заберет, не сомневайся, — утешил его Колемин. — А ты, — повернулся он к Ольге Палем, — не сиди, как разиня деревенская. Говори сразу, что тебе еще от этого Ротшильда надобно?
Ольга, смущаясь, чересчур внимательно стала разглядывать свои ногти:
— Да ничего мне больше не требуется...
Бравый полковник возмущенно поводил громадным пальцем перед самым носом Кандинского.
— Нет уж, — гневно прошипел он. — Ты у меня, Вася-Вася, мебелью да посудой от девки не отвинтишься. Иначе я тебе, дурню старому, и руки впредь не подам... Понял?
— Разве я спорю? — отозвался Кандинский, следя за движением пальца. — Я ведь не враг Оленьке, почему бы и не выручить ее... только бы не забывала она расписываться в квитанциях!..
Ольга Палем вышла на улицу, уселась в пролетку.
— Илья, — сказала она, — ты одессит старый, все тут давно знаешь, поехали искать новую квартиру.
— Да есть тут одна вроде бы... Но-о, помчались!
Он задержал бег рысака возле обширного дома Вагнера на Дерибасовской. Лопоухий гимназист, околачивавшийся у парадного, увидев богатую даму, перестал ковырять в носу. Ольга Палем поправила на нем фуражку.
— Не знаешь, сдает ли хозяин квартиру?
— Ага. На втором этаже. Вон шесть окон. А вы кто будете?
— Твоя будущая соседка... Как тебя зовут?
— Мама! — что есть мочи завопил гимназист. — Тут спрашивают, как меня зовут. Отвечать или сама поговоришь?
— Без меня ничего не говори, — послышалось из окон. — Я сейчас выйду сама и скажу, что тебя зовут Вивочкой...
...Странно, что среди окружения Кандинского я встретил и некоего Малевича. Но в какой степени родства он был с известным абстракционистом — этого я, простите, не выяснил. Просто мне было некогда залезать в генеалогические дебри.
Сейчас у меня и у вас, читатель, есть дела поважнее!

ПОМОГИ ЕЙ, ГОСПОДИ!

По утрам, коленопреклоненная, Ольга Палем молилась:
— Боженько ласковый, помоги мне, бедненькой...
Залитый солнцем город, почти воздушный, если глянуть на него с моря, синеватый отблеск базальтовых мостовых, белый слепящий камень дворцов богачей и негоциантов, всплески полосатых тентов, растянутых над верандами и балконами. До глу-

бокой почи шумели рестораны Робини и Фанкони, в которых навзрыд плакали румынские скрипки, а цыганки из табора сулили разлуку в степных раздольях. Дельцы, жулики и пройдохи с утра занимали столики в приморских кафе, спекулируя разве что только не воздухом. В публичных садах звончато били фонтаны, оркестры разносили громкие мелодии из оперетт Оффенбаха, оживленная публика слонялась по бульварам, юные жуиры и стареющие бонвиваны с торопливой угодливостью раскланивались перед дамами. На каждом углу продавали цветы, все благоухало морем, дынями, акациями, вином, дамскими духами от Ралле и Броккара, и все вокруг, кажется, звучало — музыкой, плеском волн, говором, призывами, смехом...

Тут и не захочешь, да поневоле взмолишься:

— Вразуми меня, господи, и не дай пропасть...

Только теперь, вырвавшись из клетки, позолоченной Кандинским, Ольга Палем взвилась ввысь, как вольная птица, и с трагической высоты своего одинокого полета она, казалось, увидела сама себя — свободной, прекрасной, счастливой.

И здесь я снова сошлюсь на слова Н. П. Карабчевского: «Она вращалась теперь в обществе студентов и молодых офицеров, юнкеров и гимназистов. Они устраивали для нее кавалькады, сопровождали верхами в загородных прогулках, в обществе молодой и красивой женщины всегда было шумно, весело, молодо, непринужденно...»

— Господи, не оставь меня! — молилась Ольга Палем, обуянная тихим ужасом перед приманками жизни, столь щедро разбросанными на путях ее жизни.

Да, слишком уж много соблазнов окружало ее, все ухаживали, влюблялись в нее, недоступную никому, и она, как и всякая женщина, ощутившая власть своей красоты, становилась излишне гордой, ко всем презрительно-равнодушной, все отвергающей; себе же все чаще приписывала то, чего никогда не было.

— Почему я сегодня Палем, а завтра опять Попова? — вопрошала она своих поклонников. — О-о, это ужасная история... Моя мать, прекрасная княжна из рода крымских Гиреев, была женою какого-то богача Палема, но покинула его ради страстной любви к одному аристократу... Потому и называю себя как хочу!

Но свои выдумки она вышивала по черному белыми нитками. Если ее уличали во лжи, Ольга Палем обижалась:

— Это не ложь, а лишь маленькое преувеличение...

Среди молодежи, окружавшей ее, оказался и титулованный студент барон Сталь фон Гольштейн, который открыто выражал сомнение в ее недоступности.

— Бросьте, господа! — авторитетно заявил он однажды. — Палем или Попова, — называйте ее как угодно, — самая обычная «прости господи». Разве неизвестно, что она уже побывала в сарданапаловых объятиях старого паука, известного одесского гобсека? А где река текла, там всегда мокро будет...

— Чем докажете это, барон? — возмутился курносый юнкер Сережа Лукьянов, тайный обожатель красавицы амазонки.

— Чем? — усмехнулся Сталь. — Согласен на пари. Через неделю она станет моей... Вы, юнкер, не верите?

— Не верю.

— Тогда договоримся, если Ольга Палем устоит передо мною, я, как благородный человек, признаю свое поражение, так и быть — ставлю на всех ящик шампанского.

Через неделю барон честно расплатился за проигрыш.

— Черт бы ее побрал, недотрогу! — сказал он при этом. — Ведь я всегда был неотразимым мужчиной, но эта язва и впрямь оказалась неприступнее Карфагена... Может, теперь попытаете счастья именно вы, юнкер Лукьянов?

— Зачем? — понуро отвечал тот. — Зачем мешать Аристиду Зарифи, в которого влюблена госпожа Палем? Вы же видите, как сияют ее глаза, когда она встречает его...

Кажется, Ольга Палем действительно влюбилась в очень красивого грека, сына богатого негоцианта, но Зарифи лишь загадочно улыбался, когда его спрашивали о результатах романа. Да, возникли и сплетни о том, что Аристид хорошо заплатил Ольге Палем, но красавец сразу же отверг эти слухи:

— Стоит ли разводить грязь на чистом месте? Ольга Васильевна и своих денег имеет достаточно. Она не делает из этого никакого секрета, откровенно рассказав мне, что господин Кандинский до сих пор опекает ее, как родной папочка...

Летом 1889 года в компании «золотой» молодежи Одессы, в которой юнкер Сережа Лукьянов был самым невинным и скромным, неожиданно заметили, что именно он-то и одержал над Ольгой Палем неслыханную победу. Капризная красавица сама пожелала провести летний сезон на захудалом хуторе его матери — в степных краях под Аккерманом. Мать юноши встретила Ольгу Палем очень радушно, и до чего же ей было хорошо на хуторе, где сохранилась еще дедовская библиотека, а вечерами, сидя в «вольтеровском» кресле, по-домашнему поджав под себя ноги с выпуклыми коленками, можно было запоем читать Бальзака, Гюго, Флобера, Поля де Кока, Жорж Занд и Бурже.

— Боже праведный! — восклицала она, блаженно щурясь при свете керосиновой лампы. — Сережа, милый, как я завидую тем людям, что жили до нас... сколько огня, сколько страсти!

Молоденький юнкер, влюбленный лишь платонически, не смел

и пальцем коснуться своей богини, счастливый лишь от того, что в его глазах отражается свет ее глубоких очей.

— Может, чаю? Или сливок? — суетливо предлагал он. — Мама говорит, что вы мало едите. Это ее беспокоит...

По утрам Ольга Палем нежилась в постели, сонно слушая возгласы петухов, звавших ее к пробуждению, когда за стеною возникала тихая беседа матери с сыном.

— Ах, Сережа, — говорила мать. — Вот станешь ты офицером, придет время жениться и... Поверь, лучшей невестки я бы и не хотела! Мне очень нравится Оленька, ты как-нибудь поговори с нею, чтобы согласилась дождаться тебя уже при эполетах.

— Что вы, мама! — почтительно отвечал юнкер. — Ольга такая красивая, а я... я такой курносый. Как я скажу ей?..

Осенью Лукьянов провожал ее до вокзала. Прощаясь, они долго стояли молча, и Ольге Палем было жаль оставлять юношу на перроне так... просто так. В самом деле, что ей стоит на миг подарить ему свои губы, чтобы потом не спал по ночам, чтобы думал о ней, чтобы ожили прочитанные романы?..

Но ударил гонг — почти спасительный для нее.

Доброе пожатье рук — и ничего больше.

Так закончилось это лето — без единого поцелуя.

...Знал бы Сережа Лукьянов, что пройдет несколько лет, и ему, офицеру артиллерии, придется отстаивать честь его богини, которую станут обливать помоями, испачкав грязью домыслов и циничных обвинений.

В доме Вагнера на Дерибасовской она снимала обширную квартиру на втором этаже, а почти весь бельэтаж занимали состоятельные люди — чиновники или офицеры с семьями, здесь царили, ароматизированные запахом кухонь, тишь да гладь и божья благодать, волнуемые звуками роялей, на которых доченьки с бантами в прическах разучивали гаммы. Граммофоны тогда еще не вошли в моду, одесситы довольствовались шарманками. Похрустывая шоколадом, Ольга Палем часто внимала девочкам, подпевавшим шарманкам из обычного репертуара улиц:

Подайте мне карету,
Трех вороных коней,
Я сяду и поеду
К разлучнице своей...

Это слышалось с улицы. Зато окна квартиры выходили во двор, где размещались жилые флигели с открытыми галереями, густо

заселенные мастеровым и базарным людом. Там прачки стирали в корытах белье для жильцов бельэтажа, там ругались и дрались мужья с женами, за что-то постоянно лупили орущих детей, неистово гудели примусы, а на гигантских сковородах вечно шкворчали неизменные баклажаны с луком, запах которых Ольга Палем вдыхала вольно и невольно... Гораздо труднее было мириться с бурными дискуссиями, возникавшими на лирической, меркантильной или национальной почве.

Ольга Палем невольно съеживалась в своих комнатах, когда со двора раздавалось требование:

— Заткнись ты... морда жидовская!

— Ты сначала глянь на свою морду!..

Общедворовый скандал развивался дальше, евреев оставляли в покое, зато с жаром и пылом начинали перебирать других:

— У, хохлятина! Сало-то жрешь с салом, вот и нажрал ряшку.

— А тебе, кацапу, больше других надобно?

— Я этой гречанке глаза повыцарапю. Давно вижу, как она в мово драгоценного буркалы свои уставила, бесстыжая!

— На помощь, тут свои наших бьют!

— Свят-свят, люди добрые, будьте в свидетелях...

— Маланья, у тебя борщ сбежал... кипит!

— Чичас всех в протокол запихаем!

— Николай, с кем ты связался-то? Или у тебя других дел не стало? Марш домой, покедова я не озверемши...

Но даже в этом содоме, столь обычном для одесских задворок, к Ольге Палем относились хорошо. Она ладила с жителями двора. Умела утешить бедную прачку, если у нее запивал муж-сапожник, давала на водку и сапожнику, когда тому требовалось похмелиться. Дворовые дети любили «тетю Поповочку» — она угощала их конфетами в красивых хрустящих фантиках, дарила пятаки на мороженое.

Со всеми ровная и улыбчивая, Ольга Палем быстро сошлась и с обитателями бельэтажа. Как раз под нею селилась чиновная вдова Александра Михайловна Довнар-Запольская, моложавая и внешне симпатичная дама; любимой ее присказкой были слова: «Что люди скажут?» Вдовица жила доходами от наследства мужа, воспитывая четырех детей. Ольга знала, что старший ее сын Александр уже студент, но видела его лишь мельком, вечно куда-то спешащего; зато к ней привязался младший — Виктор Довнар, тот самый, что ковырял в носу, когда она подъехала к дому Вагнера, чтобы снять здесь квартиру.

Теперь Ольга Палем, сидя на балконе, часто разговаривала с «Вивочкой», как звали его домашние, иногда зазывала к себе, поила чаем или какао, дарила мальчику игрушки и лакомства.

Довнар-Запольская никогда не благодарила Ольгу Палем за такое внимание к младшему сыну, но однажды, случайно повстречав ее в подъезде дома, сразу завела речь о старшем.

— Вы еще молоды, вряд ли поймете мои материнские волнения. Саша уже студент, умный, талантливый, скромный, естественно, он уже нуждается в женщине, и судить его за это нельзя. Но я боюсь, что он станет искать женской любви там, где ее находят холостые мужчины. Вы же знаете, голубушка, чем все это кончается. Так легко заболеть от дурных женщин...

Ольга Палем покраснела — как и тогда, когда околоточный Пахом Горилов выклянчивал у нее дармовые папиросы. При этом она нервно повела плечами, отворачиваясь:

— Александра Михайловна, я сама такая же... я ведь тоже боюсь. Не знаю, что и сказать вам в утешение.

Казалось, на этом разговор двух женщин должен был закончиться. Но мадам Довнар не уходила.

— Платить за любовь, знаете, тоже как-то неудобно, — продолжала она, намекая чересчур откровенно. — Но чего не сделает мать ради любимого сына? Я согласна на любые расходы, лишь бы мой Сашенька не навещал Фаину Эдельгейм.

— Эдельгейм? А кто это такая? — удивилась Ольга Палем.

— Как? Вы не знаете того, что известно всем одесситам? Это же матерая бандерша в самом фешенебельном доме свиданий. Простите, что возник такой житейский разговор, для меня самой неприятный. Но поймите и мое материнское сердце...

Однако и теперь не ушла.

— Понимаю, — кратко отозвалась Ольга Палем.

Но, кажется, она еще не все понимала. Не понимала самого главного: сомнительная связь ее с Кандинским позволяла судить о ней именно так, как судила почтенная матрона Александра Михайловна Довнар-Запольская.

Палем жила одиноко и гостей не ждала. Тем более было странно, когда через несколько дней после этого разговора в дверь ее квартиры позвонили с лестницы. Думая, что это дворник, она распахнула дверь...

Перед ней стоял молодой и внешне приятный человек с таким идеальным пробором на голове, какой бывает только у чиновников, состоящих для особых поручений при очень важных персонах. Перед визитом к одинокой женщине он не пожалел бриллиантина, отчего волосы его ярко блестели, создавая в потемках впечатление нимба, словно перед нею явился новый апостол.

— Не помешаю своим вторжением? — вопросил он.

— Проходите, — ответила Ольга Палем.

Оказавшись в прихожей, гость отчетливо прищелкнул каблуками и резким наклоном головы выказал ей свое уважение:

— Не откажу себе в удовольствии представиться. Александр Степанович Довнар-Запольский... сын покойного статского советника. Из шляхетского рода старинного герба «Побаг».

Ольга Палем не знала, что делать в таких случаях, ибо сама не могла похвастать своей родословной, а гербом ей служили яркие и сочные губы.

— Очень приятно, — сказала она в полной растерянности. — Может, пройдете? Правда, у меня не совсем прибрано... извините. Терпеть не могу заниматься хозяйством.

КАК ЕМУ ПОВЕЗЛО

Пройдя в комнаты и долго выбирая удобную позу в кресле — так, словно он собирался позировать перед художником, собравшимся обессмертить его на портрете, Довнар вежливо начал свой гибельный и неотвратимый путь:

— Я бы, наверное, не осмелился тревожить покой одинокой очаровательной дамы, если бы не одно важное обстоятельство, понудившее меня именно к этому. Собственно, — упивался Довнар своими словами, — я потревожил вас только потому, что я лично и моя драгоценная мамулечка давно желали выразить вам свою признательность за то доброе отношение, которое вы столь щедро проявили к моему младшему брату Вивочке...

Похоже, эти фразы были заранее написаны и, заученные, произносились без малейшей запинки. Гладкие, словно обтесанные слова, хорошо притертые одно к другому, теперь стекали легко и свободно — так течет вода из кухонного крана, и, казалось, не закрой этот кран, вода вежливых слов будет струиться бесконечно.

— Не стоит вашей благодарности, — сказала Ольга Палем, остановив безудержное течение. — Давайте лучше поговорим о чем-либо ином. Вы учитесь, чтобы стать... кем?

Воротничок на шее Довнара имел круто загнутые уголки, в узле галстука поблескивала матовая жемчужина.

— Сложный вопрос! — ответил он, переменив эффектную позу на более развязную. — Кем я хочу стать, этого не ведает даже моя любимая мамочка. Сейчас я студент математического факультета местного университета. Однако мир теорем и формул меня, признаюсь, не вдохновляет. Ну, допустим, я получил диплом. А что далее?

— Далее... наверное, завидное будущее.

— Будущее? Где вы усмотрели завидное будущее? В лучшем случае я стану преподавателем в гимназии, благо ни Эйлера, ни

Арго из меня никак не получится. А тогда простителен вопрос: что же ждет меня впереди?

— Что? — эхом откликнулась Ольга Палем.

— Ни-че-го... пустота, — энергично отозвался Довнар. — В жизни все-таки лучше иметь не ломоть хлеба, а кусок роскошного торта. Я помышляю податься в область медицины, ибо врачи гребут деньги лопатой, а потом отвозят их в банк тачками. Смотрите, как живут Боткин или Захарьив...

Он замолк, размышляя, очевидно, о том, как живут боткины и захарьины. Ольга молчала тоже, Довнар, наконец, продолжил:

— Мы существуем на этом свете только единожды, второй жизни никому не дано, и об этом не следует забывать. Если и стану принимать клиента под вывеской частного врача, то, согласитесь, это намного прибыльнее, нежели ежедневно втемяшивать в голову тупиц гимназистов великое значение теорем Пифагора..

Ольге Палем, послушавшей Довнара, стало даже неловко, ибо все ее знание мира ограничивалось романами с неизбежным поцелуем в конце, после чего главная героиня «задыхалась от бурной страсти». А тут тебе сразу и Арго с Пифагором, да еще Боткин с Захарьевым, названные столь легко, словно Довнар накидал их в тачку лопатой, а сейчас отвезет всех на свалку, чтобы потом резать шикарный торт своей будущей жизни.

— Итак, все ясно! — решительно заявил он, быстро покинул кресло и прошелся по комнате, явно красуясь.

Ольга Палем, грустная, взирала в окно, и там она видела, как первый осенний лист, кружась в воздухе, вдруг жалко и безнадежно прилип к мокрому стеклу. «Вот и я так же», — подумалось ей.

Начиналась осень 1889 года...

Довнар вдруг круто остановился:

— Простите, я не слишком вас утомил?

— Нет, что вы!

— О чем же вы так печально задумались?

— Мне уже двадцать три... А... вам?

— Мне двадцать два.

— И вы пришли... — начала было она.

— Дабы выразить вам душевную благодарность, — был четкий ответ. Довнар постоял. Подумал. Закончил: — За брата.

— И это... все? — повернулась к нему Ольга Палем.

«Он боится идти в бедлам Фаньки Эдельгейм и потому пришел ко мне», — вдруг резанула ее чудовищная догадка.

Но ответ молодого человека прозвучал совершенно иначе:

— Пока все, — сказал Довнар. — Спокойной ночи.

Пока Довнар спускался по лестнице, Ольга Палем слышала, как он насвистывает. Она разделась и легла в постель. Ей тоже хотелось свистеть — так же красиво и бравурно, как это делал Довнар, но у нее, глупышки, ничего не получалось.

Утром она навестила Кандинского в его конторе и, уронив голову на стол, начала громко плакать.

— Деточка, что с тобой? — испугался Кандинский.

— Не знаю.

— Ты... влюблена?

— Наверное.

— Так это же очень хорошо. Скажи, кто он?

— Довнар-Запольский. Студент. Математик.

— Поздравляю, — разволновался Вася-Вася, со старческой нежностью погладив ее по руке, так соблазнительно откинутой поверх стопки бумаг с колонками дебетов и кредитов его конторы. — Я ведь когда-то знавал и батюшку этого студента. Вполне порядочная и культурная семья. Впрочем, покойный всегда был под каблуком своей ненаглядной, это уж правда... Скажи, деточка, ты ни в чем не нуждаешься?

— Нет, спасибо.

— Но ты не забывай своего старого Пупсика. Я совсем не желаю, чтобы ты, моя прелесть, в чем-то себе отказывала. Все-таки объясни, ради чего ты сегодня ко мне пожаловала?

— Просто так. У меня же, Василий Василич, никого больше нет. Я одинока, как бродячая собака... Наверное, помешала вам, да?

— Если говорить честно, то — да! Я так занят, так много дел. Впрочем, — засуетился Кандинский, — мой «штейгер» стоит у подъезда. Илья сегодня трезв, аки херувим, и он отвезет тебя хоть на край света.

Ворохи желтых листьев кружились в воздухе, все вокруг было красиво и замечательно, и так легко дышалось, когда, опустив вуаль, Ольга Палем — барыней! — катила по Лонжероновской, а потом рысак вынес ее прямо на Дворянскую и замер на углу Херсоновской — возле здания Новороссийского (иначе — Одесского) университета.

Ольга велела кучеру обождать, но из коляски богатого «штейгера» не вышла и осталась сидеть, широко раскинув руки по краям дивана. Желтые листья кружились долго...

— Чего ждем-то? — спросил Илья, просморкавшись.

— Судьбы.

— А-а-а... это штука пользительная. Особливо ежели кому повезет. Я судьбу знаю. Такая стерва — не приведи бог!

— Ах, Илья, Илья, — рассмеялась Ольга Палем, наслаждаясь

ожиданием. — Видел ли ты хоть разочек в жизни счастливого человека?

Илья радостно хохотнул ей в ответ:

— Да я тока вчерась был им! Опосля свары с женкою она мне сразу два шкалика на стол выкатила и говорит: «Чтоб ты треснул, зараза худая, и когда ты лопнешь?» Ну я, вестимо дело, опрокинул и такой стал счастливый. Даже запел.

— Вот и мне, Илья, сегодня хочется петь...

Она дождалась. Закончились лекции в университете, студенты веселой гурьбой выбегали на улицу, ловя падавшие с дерев осенние листья. Наконец показался и Довнар. Горячо жестикулируя, он что-то доказывал своим коллегам.

Вдруг он увидел ее. Остановился. Остановились все.

Ольга Палем рукою в серебристой перчатке поманила его к себе — жестом, почти царственным, словно Клеопатра, подзыааю-щая своего Антония.

Довнар подбежал, почти ошеломленный.

— Вы?

— Нет, это не я, — отвечала она, приподняв вуаль.

— Но чья же эта роскошная коляска, чей это рысак?

— Мои...

Их обтекала толпа студентов, слышались возгласы:

— Во, Сашка... везет же дуракам!

— Оторвал от лаптей хромовые стельки.

— Да, братцы, это вам не Танька с толкучки.

— Такая одну ночь подержит, а утром выкинет...

— Садитесь рядом, — сказала Ольга Палем растерянному Довнару. — Мой Илья хотел бы знать, куда вам надо?

— Вообще-то... домой... Мамочка ждет к обеду.

— Какое приятное совпадение! — поиграла глазами Ольга Палем. — Я тоже еду домой, только у меня нет мамочки и обедоа я не готовлю, ибо хозяйка я никудышняя...

Далее события развивались стремительно.

Не было, пожалуй, такого вечера, чтобы Довнар не засиживался у нее до полуночи, и она почти силком выпроваживала его к мамочке, снова слушая его очаровательный свист. Правда, Довнар словно невзначай пытался обнять ее за талию, а то и поцеловать, но Ольга Палем с хохотом, а иногда даже с явным раздражением вырывалась из его объятий.

— В чем дело? Пока я вижу всего лишь жесты. А где слова?

— Какие? — притворно недоумевал Довнар.

— Можно и самому догадаться... о словах!

Но с объяснением Довнар не спешил, очевидно, заранее наученный матерью помалкивать, ибо Александра Михайловна искала

для сына не любимую женщину, а лишь покорную наложницу, которая обойдется и так — без порхания амуров над внебрачной постелью.

Впрочем, молодые люди скоро перешли на «ты», оба чувствовали, что стали нуждаться друг в друге. Вскоре мадам Довнар уступила Ольге Палем свою служанку Дашу Шкваркину, и та стала получать на пятерку больше. Это заставило студента Довнара подвести в уме нехитрую калькуляцию:

— Слушай, откуда у тебя лишние деньги?

Ольга Палем не стала выкручиваться, что-то там придумывать, а просто и честно созналась, что у нее своих денег нет и не будет, все деньги поступают к ней из кассы Кандинского.

Довнар пересел к ней поближе, ощутив тепло ее тела:

— Значит, это правда, что говорят о тебе люди?

— Да, — не стала она кривить душою...

Довнар задумался. Она, как женщина, ожидала от него вспышки безумной ревности и заранее была согласна вынести удары пощечин, но вместо этого получила деловой совет:

— Это хорошо. Даже очень хорошо, что старик тебя не забывает. Ты оставайся с ним поласковее. Чем черт не шутит, но, может, еще понадобятся его услуги.

— Кому? — душевно напряглась Ольга Палем, оскорбленная его расчетливым спокойствием.

— Нам, — внятно ответил Довнар...

Это «нам» потрясло Ольгу: он никак не желает признаться в своей любви (а ведь любит, любит, любит!), а уже разделил с нею деньги, как торговцы делят выручку на базаре. За окном сыпал легкий снежок — в этот миг он словно почерпнул в ее глазах. Женщина без нужды передвинула на подоконнике горшок с геранью, потом долго в раздумье барабанила пальцами по оконному стеклу. Воробей, сидевший на ветке дерева, то и дело подпрыгивал, готовый улететь подальше...

Наблюдая за этим воробышком, Ольга Палем вдруг болезненно ощутила, что ее чувство, как никогда, именно теперь нуждается в ответном отклике. Да, пришло время, чтобы спросить:

— Я жду... любишь или не любишь? Не лучше ли уж сразу сказать мне «да», чтобы не изнурять меня ожиданием?

Довнар с деланным величием раскурил папиросу «Элегант» и еще долго озирался, не зная, куда бросить обгорелую спичку. Наконец, воткнул ее в горшок с геранью.

— Ну, знаешь ли, — стал говорить он, отводя глаза в сторону, — я не привык расточать высокопарные слова, которыми пестрят страницы бульварных романов. В конце-то концов, — убежденно произнес Довнар, — между разнополыми особями суще-

ствуют те самые отношения, что и вызывают к жизни именно такие слова, которые ты ожидаешь слышать...

Слова текли, текли, текли — опять как вода из крана, — и лучше сразу его закрыть, чтобы не погибнуть в этом потоке.

— И ты, — спросила Ольга Палем, — сначала желаешь иметь эти отношения, чтобы только потом разукрасить их словами?

— Стоит ли этому удивляться? — ответил Довнар. — Известно, что дом спачала строят, а потом его красят.

— Не старайся придумывать отговорки. Я не милости у тебя прошу, а только слово... одно лишь слово. Умри, но не давай поцелуя без любви. Кто так сказал?

— Не помню, — поежился Довнар с таким видом, словно ему подали к столу нечто с виду заманчивое, но вряд ли съедобное.

— Но сказал их умный человек, так и мы будем умнее. Разве ты, Саша, не знаешь о моих чувствах?

— Догадываюсь, — сухо кивнул Довнар.

— Скажите на милость, — он догадывается! — всплеснула руками Ольга Палем. — Да моя Дунька Шкваркина раньше тебя догадалась... Я же вижу! Все вижу! Ты ходишь вокруг меня, словно кот вокруг миски со сметаной. Ты льнешь ко мне, ты ищешь моего тела, но при этом боишься связывать себя словами любви... Трус! — вдруг выкрикнула она. — Ничего не получишь.

— Это уж слишком, — наигранно возмутился Довнар. — Вот уж не думал, что моя благородная сдержанность будет оценена именно таким образом...

— Теперь уходи, — сказала Ольга Палем.

— Уходить? Не понимаю — куда?

— К своей мамочке...

Сгорбленный, волоча ноги, Александр Довнар ушел. В тот вечер она так и не услышала его музыкального свиста...

Было уже за полночь, а Ольга Палем даже не прилегла. На кухне вовсю храпела Дунька Шкваркина, у которой — после прибавки к жалованью — никаких проблем больше не возникало. В печи жарко отполыхали поленья, красные угли погасли, зловеще отсвечивая голубыми огнями. К ночи разыгралась вьюга, стегала в окна пригоршнями снега.

Ольга Палем бродила по комнатам.

Думала, сравнивала, отвергала...

Мучилась!

Неожиданно она вздрогнула: кто-то не звонил с лестницы, а лишь тихо скребся в двери — так виновато скребется собака, умоляющая не оставлять ее в такую ночь за порогом.

— Кто там? — почти шепотом спросила Ольга Палем.

— Я... опять я.

Войдя, Довнар сразу же опустился перед ней на колени.

— Прости, — повинился, не подымая на нее глаз. — Я действительно люблю тебя... даже очень. Безумно! Но ты права: мама запретила мне выражать свои чувства, чтобы я не связывал себя никакими обещаниями... Прости, прости, прости! Если только можешь, умоляю — не мучай меня. Сжалься.

Не вставая с колен, Довнар расплакался.

Ольга Палем водрузила руки поверх его головы с идеальным пробором, словно на святой аналой перед причастием:

— Значит, любишь?

— Да.

— Клянись!

— Клянусь.

— Тогда, мой любимый, можешь смотреть.

Резкими движениями она стала разрыаать на себе одежды, выкрикивая с каким-то упоением, словно молилась:

— На! На! На! Получи же, наконец... Если любишь, так... на!

На этом читатель-мужчина может закрыть мой роман.

Но читатель-женщина, думаю, уже не отложит его.

«НЕ ЖЕНЩИНА, А КЛАД»

Больше всех радовалась Александра Михайловна Довнар, вдохновенно растрепавшая всем знакомым и незнакомым:

— Вы не представляете, как повезло Сашеньке! Отныне мое материнское сердце спокойно... Просто чудо! Мой сыночек нашел женщину, которая всегда под боком, живет этажом выше. Но особенно меня устраивает, что она ничего Сашеньке не стоит... ни копеечки! Согласитесь, что по нынешним временам это большая редкость.

Опытная матрона, усиленно подыскивавшая себе доходного мужа, мадам Довнар всячески поощряла удобную ей связь сына с госпожой Палем. А Александр действительно увлекся молодою соседкой, легкие шаги которой на втором этаже явственно слышал в своей комнате. Он даже прифрантился и заимел тросточку, желая нравиться, но деньги тратил все-таки в разумных пределах, не допуская излишеств...

Сорил медяками больше по мелочи — когда бутылка лимонада, когда кекс из кондитерской Балабухи или крошечные пирожные.

— Я знаю, ты любишь птифуры, — уверял он.

Она их раньше презирала, но теперь... полюбила.

Чтобы придать себе в ее глазах еще большую значимость, Довнар иногда рассказывал Ольге не то, что с ним было, а то, что случалось с другими, приписывая себе спасение утопающих в бушующем море или безумную драку с околоточным, который постыдно убегал от него. Конечно, женщина догадывалась, что он привирает, дабы предстать перед ней в наилучшем, героическом свете, но любое вранье выслушивала без возражений, ибо сама тоже грешила фантазиями.

Именно в этот период, когда душа Ольги Палем была преисполнена счастьем, они посетили театр, построенный взамен сгоревшего. Здесь их увидел полицейский пристав Олег Чабапов (человек, кстати, очень порядочный). Хорошо извещенный о том, «кто есть кто», он любезно раскланялся перед нарядной цветущей женщиной:

— Как поживаете, Ольга Васильевна? Судя по радости на вашем лице, жизнь складывается так, что лучше и не надо.

Палем мановением руки указала ему на Довнара:

— Рекомендую — мой жених! Будущий Эйлер или Арго, а может быть, Боткин или Захарьин...

Впрочем, сам Довнар не пытался разрушить ее трепетных иллюзий, никогда не возражая против любовного титула, каким Палем открыто награждала его в обществе, более чем охотно выдавая себя за «невесту» Довнара.

В ту пору между ними возник вот какой разговор:

— Саша, хочу тебя спросить... давно хочу.

— Ну?

— Когда ты на мне женишься?

— Глупенькая! — расхохотался Довнар. — Вот уж не ожидал такого наивного вопроса... Неужели сама не знаешь, что студентам жениться запрещено? На то мы и студенты, чтобы не связывать себя кастрюлями и пеленками...

Ольга Палем проверила: Довнар говорил правду.

Значит, ей суждено ждать и ждать, когда возлюбленный обретет диплом, и тогда она станет... знать бы — кем? Женою учителя или врача? Ничего, она терпеливая — дождется светлого часа!

В эти дни Довнар отыскал своего старого приятеля гимназических лет — Стефана Матерапского.

— Ты же знаешь, — взволнованно рассказывал он ему, — что до сих пор я тратился на женщин в доме Фанни Эдельгейм, что было весьма разорительно. Но теперь, ты не поверишь, я встретил пылкую, очень интересную женщину. Конечно, — глумливо хвастал Довнар, — она изображала недотрогу, умоляла пощадить ее невинность, но не на такого напала... Я свое с нее взял! Здорово, верно?

— Здорово, — согласился Матерапский. — А ты, часом, не влюблен?

— Что ты! — возмутился Довнар. — Стану ли я заниматься подобной лирикой? Но главное, что в этой женщине меня привлекает, так это ее полное бескорыстие...

Стефан Матерапский плотоядно потер руки.

— Это не женщина, а клад, — позавидовал он другу.

— Сущий клад! — подтвердил Довнар.

— Дай рубль... на пропитанье.

— А когда вернешь?

— Ну, как-нибудь, Сашка, мы же друзья... Кстати, может, ты меня познакомишь со своей «штучкой»?

— Заходи... Можно позвать и поручика Шелейко. Живет она над нами, это очень удобно! Заодно убедитесь, что влюблена в меня, словно кошка. Ну, что там эта Зойка Ермолина у Фанни Эдельгейм! Зато у меня любовница — сущий Везувий, извергающий огненную лаву. Так Помпея и погибла...

— Не погибни ты сам. Как дела-то твои?

Вопрос Матеранского был Довнару неприятен:

— С математикой плохо. Сам не ожидал, что я такой бестолковый. Думаю, надо податься в Петербург.

— Значит, и «штучку» свою прихватишь?

— Зачем? В столице и без нее много...

Довнар принадлежал к той породе людей, которые свою копейку на благо ближнего не пожертвуют. Человек далеко не бедный, он свои деньжата нежно холил, как нищий писаную торбу, и даже молодость, когда хочется сорить деньгами, удивляя людей своей щедростью, даже эта легкомысленная пора жизни никак не отразилась на его кошельке.

Был серый и будний день, когда Довнар навестил Ольгу Палем — мрачный, поникший, озлобленный.

— В чем дело? — встревожилась она.

— Стыдно говорить, — сознался Довнар, — но моих скромных познаний в математике вполне хватило, чтобы уличить свою мамочку в подтасовке учета процентов. Я проверил все биржевые бюллетени и выяснил, что она играла со мной на понижениях денежного курса. В результате мамулечка, словно прожженный делец, записала в свой актив четыреста рублей, а я имел их в своем пассиве. Каково?

— Ужасно, — согласилась Ольга Палем.

— Конечно, я не глупец, чтобы прощать такое, — обозлился Довнар, — и после хорошего скандала я заставил мамочку вернуть мне эти деньги. Тут и слезы, тут и упреки... ах!

Ольга Палем задумалась, а задумалась она потому, что вот Вася-Вася Кандинский, какой бы он ни был, требовал лишь расписки в получении денег, ему и в голову бы не пришло проверять ее расходы, и ей было дико, что родная мать способна обманывать сына.

— Извини, — сказала она, — я совсем не желала бы залезать в твой кошелек, но все-таки, как твоя будущая жена, хотела бы знать, каким состоянием ты располагаешь?

Спросила — и тут же раскаялась. Было видно, что Довнару совсем не хотелось посвящать ее в свои финансовые таинства. С явной неохотой, гримасничая, он признался, что держит в банке пятнадцать тысяч — под проценты.

— Это моя личная доля от наследства отца. С процентов я могу жить как рантье. А мамочка дает деньги под закладные, беря с должников по девять процентов годовых...

Ольга рассмеялась так, что Довнар даже обиделся:

— Не понимаю, что тут смешного? Это ведь жизнь... Се ля ви, как говорят французы, лучше нас, диких славян, понимающие, как надобно жить и наслаждаться.

— Прости. Но мне твои рассуждения показались такими странными. Наверное, я большая невежда, если никак не пойму, что из денег можно делать еще деньги... Это что, действительно так?

— Так, мой ангел. Только кретины, имеющие в кармане хотя бы один рубль, не подозревают, что из него можно сделать полтора и при этом не быть вором. Моя мамочка имеет по тысяче рублей в год с одних лишь процентов. Чем плохо? А впрочем, оставим эту тему. Нас обещали навестить мои лучшие друзья. Пошли Дуньку до лавки, чтобы купила хотя бы две бутылки вина... подешевле!

Гости явились. Поручик Шелейко очень быстро наклюкался и все пытался рассказать анекдот, конец которого никак не мог вспомнить, и это было самое смешное в его анекдоте. Стефан же Матеранский, пока офицер трепался с Ольгой, выманил Довнара на лестницу — для разговора без свидетелей.

— Слушай, — сказал он, — неужели ты веришь в эти сказки, будто она татарская княжна, а мать родила ее от генерала Попова? Посмотри на нее как следует... в профиль.

— А что? — мигом протрезвел Довнар, пугаясь.

— Ты не собираешься быть ее мужем, зато она уже наладилась быть твоей женой, — точно определил Матеранский, ехидно посмеиваясь. — Тебе эта «штучка» дорого обойдется. Так что ты напрасно трепался мне об ее бескорыстии...

— Да пусть болтает, что ей взбредет в голову, — сплюнул Довнар в лестничный пролет. — В конце концов, у нее хватает ума, чтобы не беременеть. А так... женщина удобная, ходить далеко не надо — всегда под рукой, где оставил, там и найдешь. Я же говорил тебе, что она ни гроша не стоит! Ее этот Кандинский до сих пор содержит. Согласись, что вариант превосходный: старый дурак ее содержит, а молодой умник спит с нею.

Матеранский швырнул папиросу в кошачий угол:

— Смотри сам, мое дело предупредить, чтобы ты потом не рвал на себе волос...

Зима прошла в удовольствиях. Довнар счел нужным даже

представиться Кандинскому, чтобы тот лично удостоверился в его «благородстве», и роман молодых людей развивался по всем правилам хорошего тона, и был лишь единожды омрачен как бы семейным скандалом. Это случилось на городском катке, где Довнар повстречал свою кузину Зиночку Круссер, которая чуть не весь вечер потом строила глазки Довнару, за что в итоге получила от Ольги Палем по физиономии...

Бедная Зиночка рухнула на лед, чего простить было никак нельзя.

— Нахалка! — сказала она. — В протокол захотелось?

— Куда смотрит полиция? — стали орать конькобежцы. — Каток совсем не для того, чтобы тут дрались...

Явившись, городовой составил протокол о «нарушении благочиния», но тут вмешалась сама госпожа Довнар, сумевшая доказать, что Ольга Палем ревнивая «дамочка», которая сошла с ума от любви к ее «мальчику». После этого случая Ольга Палем показала Довнару револьвер системы «бульдог»:

— Вот пусть еще посмеет с тобой любезничать, я разделаюсь одним выстрелом, а второй — тебе.

Довнар как следует осмотрел револьвер:

— Сколько ты платила за это барахло?

— Ну, четырнадцать рублей... А что?

— Хоть бы со мной посоветовалась. Нельзя же так сорить деньгами. Могла бы купить и дешевле...

Он велел спрятать «бульдог» подальше и нежно привлек ее к себе, нашептывая приятные слова.

— Мне нравится, что ты ревнуешь, — сказал он, целуя ее в пупок через платье, — а теперь повернись-ка... в профиль!

Ольга со смехом обратила к нему профиль своего лица.

— Да-а, — протянул Довнар, присвистнув. — До чего же ты похожа на генерала Попова... прямо точная копия!

— Я в чем-нибудь провинилась?

— Да нет, с тобою-то все в порядке, зато здорово провинились твои высокоблагородные родители...

Здесь необходимо примечание. Они жили в том времени, когда царствовал император Александр III. Известно, с каким трудом уговорили его принять в Аничковом дворце мадам Эфрусси, дочь Ротшильда: «О чем мне болтать с ней? — доказывал он. — О том, сколько стоят ее бриллианты? Или о том, сколько заплаток на моих солдатских штанах?..» Антисемитизм прижился и в Одессе, и когда приехала на гастроли прославленная Сарра Бернар, из дверей пивнухи в ее коляску запустили бутылкой (пустой, конечно). Но при этом еврейская буржуазия процветала, городским головой Одессы был миллионер Абрам Маркович Бродский, подносивший царю хлеб-соль, а жене его букеты магнолий. Кстати, этот же Бродский, когда у него просили денег на стипендии бедным студентам-евреям, денег не дал, говоря, что помогать надо не бедным, а талантливым, невзирая на то, евреи они или русские. Известно и другое: во время еврейского погрома в 1871 году Янкель Цитрон бесстрашно торговал папиросами в толпе погромщиков, и те его не трогали, ибо торгующий человек в Одессе неприкосновенен, как и коленопреклоненный в храмах России... Вот поди ж ты, разберись тут в нюансах одесского «антисемитизма»!

Но Ольга Палем все-таки охотнее называла себя Поповой, почему и выдумывала всякие байки о красавице матери из ханского рода крымских Гиреев. Конечно, она, женщина далеко не глупая, поняла, почему Довнар столь пристрастно вглядывался в ее профиль.

— Сашунчик, — сказала она ему в один из весенних дней 1890 года, — к сожалению, нам предстоит коротенькая разлука. Я вынуждена побывать в Симферополе, чтобы обменять паспорт.

Довнар покрыл поцелуями ее лицо и ладони.

— Глупышка! Неужели ты думаешь, что я смогу вынести эту разлуку? Ни в коем случае. Поедем вместе...

Довнара в это время угнетали другие заботы: свое отвращение к математике он превратил в тягу к медицине, и это превращение далось ему столь же легко, словно он перелил воду из пустого в порожнее. Все чаще и чаще Довнар стал поговаривать о переезде в Петербург, всем доказывая:

— С одним курсом Новороссийского университета меня, конечно, примут в Медико-хирургическую академию столицы. Отмучаюсь еще пять-шесть лет, а там... Там-то и начнется такая шикарная жизнь, что все приятели скорчатся от зависти!

Ольга Палем ревниво следила за тем, чтобы в его житейских планах обязательно умещалась и ее женская судьба.

— А как же я? — беспокоилась по ночам. — Ты не оставишь меня одну в Одессе, ты возьмешь меня в Петербург?

— Господи милосердный! — клятвенно звучало во мраке, — да как же ты могла подумать, что я способен дышать без тебя? Конечно же, радость моя! И в твой паршивый Симферополь, и в этот божественный Санкт-Петербург поедем вместе...

На исходе зимы Довнар повадился навещать манеж, где с трудом осваивал приемы верховой езды, ибо давно заметил в Ольге Палем давнюю — почти дикую — любовь к лошадям, которую она приобрела с детства в степях под Симферополем.

— Ты же знаешь, — говорила она, посмеиваясь, — что во мне

бушует горячая кровь погаев, и в седле я чувствую себя гораздо лучше, нежели ты — в кресле.

Весною они стали нанимать верховых лошадей для загородных прогулок — с друзьями и знакомыми. Сохранилось описание одного такого выезда: «Мать Довнара со всеми своими присными вышла на крыльцо и любовалась, пока кавалькада готовилась выехать за ворота. Затянутую в рюмочку, грациозную и изящную амазонку в черном элегантном наряде гарцевавшую на лошади, она приветствовала поощрительной улыбкой...»

— Браво, дети мои, браво! — восклицала она.

Все складывалось замечательно.

Еще одно примечание, на мой взгляд, существенное.

Больше всего на свете Довнар обожал себя, и Ольга Палем это знала. Даже по ночам, если ему становилось холодно, он безжалостно перетягивал одеяло на себя. Во время обеда без зазрения совести выбирал с общего блюда кусочки побольше и повкуснее. Между тем (я в этом уверен) настоящий мужчина самый лучший кусок всегда отдаст женщине. Иначе поступают одни только хамы.

Но, влюбленная, она всего этого не замечала.

ПЕРЕМЕНА КЛИМАТА

Виктор Довнар — или попросту Вива — подрастал как на дрожжах, мечтая командовать обязательно броненосцем, а моложавая маман поговаривала, что ее дамская жизнь требует самого активного продолжения:

— Дети подрастают, теперь в самый раз подумать и о себе...

Александра Михайловна завела себе пожилого поклонника в лице капитана второго ранга Шмидта, пребывавшего в заслуженной отставке. Этот вислоусый и хмурый моряк, чем-то похожий на престарелого швейцара из богадельни, внушал своему будущему пасынку Вивочке:

— Ты как раз годишься для Морского корпуса, где тебе мгновенно устроят такую хорошую трепку, от которой любой Иванушка-дурачок становится мудрее Канта или там Гегеля. Вообще-то, если где и жить человеку, так только подальше от берегов, чтобы не видеть этих всех мерзостей, творящихся на земле...

Этот моряк не будет иметь никакого отношения к нашей истории, а упомянул я о нем лишь потому, что мадам Довнар вскоре предстоит именоваться мадам Шмидт. В этот период жизни

Александра Михайловна, как и положено невесте, даже похорошела, справедливо считая, что солидная пенсия отставного моряка позволит ей держать свои сбережения в неприкосновенности. Как раз во время сватовства Шмидта, видевшего на земле одни мерзости, мадам Довнар однажды вызвала Ольгу Палем на многозначительный разговор.

— Вы догадываетесь, — авторитетно заявила она, — что моему Сашеньке предстоит еще долго влачить жалкую жизнь студента, а жизнь эта слишком переменчива, и потому не лучше ли вам, моя милочка, заранее подумать о своем будущем?

Ольга Палем не сразу сообразила, к чему эта зловещая прелюдия, но в словах госпожи Довнар она распознала подоплеку каких-то дальновидных предостережений. Неужели ее использовали только затем, чтобы сынок не тратился на визиты в заведение Фаньки Эдельгейм? Стараясь оставаться спокойной, Ольга Палем, естественно, спросила:

— Разве я мешаю вашему сыну учиться?

— Здесь, в Одессе, вы не мешали, и даже напротив, — уклонилась от прямого ответа мать. — Но в столице совсем иной мир, преисполненный всяческих забот, и мне будет жаль, если вы испытаете некоторые... как бы сказать? Пожалуй, разочарования.

Ольга Палем заявила, что не тащит ее сына под венец, а сейчас живет не столько надеждами на будущий брак, сколько настоящей, хотя и безбрачной, любовью.

— Любовь — святое чувство, никто не спорит, — вздохнула Довнар. — Но, к сожалению, одной любовью вы сыты не станете. Сашенька еще молод, и многое в его жизни может перемениться... его планы, его настроения. Вы же знаете, он загорелся ехать в Петербург для изучения медицины, а вы...

Над головой мадам Довнар в клетке запела канарейка.

— Что я? Прошу, договаривайте.

— Неужели вы согласны ждать его много лет?

— Нет, не согласна, — горячо возразила Палем, — и, конечно, поеду за ним, ибо без меня ему будет трудно.

Александра Михайловна поджала губы, раскачивая над собой клетку. Канарейка сразу притихла.

— На что вы претендуете, моя дорогая? — голос ее посуровел. — Мне совсем не хотелось бы касаться этой темы, но ваша репутация не ахти какая, и в Одессе нет даже дворника, который бы не ведал об источнике ваших доходов.

— Саша об этом извещен, — отвечала Ольга Палем. — И он сам просил, чтобы моя дружба с Кандинским продолжалась.

— Упаси меня бог вмешиваться в ваши отношения, — пылко подхватила мадам Довнар. — Я ведь завела этот разговор исклю-

чительно в ваших же интересах, чтобы вы потом не раскаивались, уповая едино лишь на любовь. В ваши годы это еще не то чувство, на которое можно основательно положиться...

После таких намеков в душе остался гадкий осадок, и Ольга Палем не скрывала от Довнара своего раздражения:

— Ты говоришь мне о своей страсти, а твоя мамуля толкует о твоей карьере врача, и, кажется, она совсем не желает, чтобы я находилась подле тебя.

— К чему опасения? — отвечал Довнар. — Мать права в одном: Петербург слишком дорогой город, и, может, пока я буду учиться, тебе лучше остаться в Одессе... конечно, ты можешь и навещать меня... Иногда!

Ольга Палем разрыдалась, но была тут же им расцелована.

— Счастье мое, — замурлыкал в ухо ей Довнар, — прекраснейшая из женщин, ну не сердись... умоляю! Я ведь не сказал, что Петербург для тебя заказан. Но пойми и меня, наконец. Сначала надобно осмотреться. Устроиться. Найти подходящую квартиру. Завести связи. Наконец, куда ты денешь вот все это?

— Что «это»? — не поняла его Ольга Палем.

Довнар широким жестом обвел обстановку ее комнат.

— Хотя бы мебель. Сколько ты за нее платила?

— Не я, а Кандинский, и обошлась она ему, кажется, около пяти тысяч. Но при чем здесь эти доски и тряпки, если я согласна видеть рай в шалаше?

— Од-на-ко! — наставительно произнес Довнар. — Надо все продать, лишние деньги не помешают. Тем более в столице мебель стоит намного дороже. Не захочешь же ты, чтобы я наживал себе мозоли на венских стульях!

— Хорошо, — нервно отвечала Ольга Палем. — Я все продам, я привезу тебе в зубах эти пять тысяч, я согласна всю жизнь сидеть на табуретках, лишь бы мой Сашка нежился в креслах. Об одном прошу: не оставляй меня в Одессе... Про-па-ду-у-у!

— Это даже забавно, — посмеялся Довнар.

— Ты меня еще не знаешь, — попыталась пригрозить Ольга Палем, — а ведь я способна на все. Застрелюсь. Стану пьявицей. Отомщу тем, что — назло тебе! — сделаюсь шлюхой, чтобы ты мучился самой мерзкой, самой отвратительной ревностью.

— Ненормальная... лечись! — ужаснулся Довнар. — Я же вижу, как ты вся дергаешься. Даже зубы стучат, словно у волчицы. Нельзя же так распускать себя...

Летом 1890 года они на пароходе приплыли в Севастополь, откуда выехали в Симферополь, ибо пришло время обменивать паспорт. Староста мещанской управы некто Щукин знавал Меню

Палем еще ребенком, и сейчас он, добрый старик, очень обрадовался, увидев ее «барышней» и «невестой».

— Ах, какая ты стала... ну-ка, повернись ближе к свету, дай полюбоваться. Да-а, совсем барышня! Ей-ей, хороша. А платье — последний крик Парижа... Меня всегда была хорошей девочкой, — повернулся он к Довнару, — вы ее, молодой человек, не обижайте. Она, видит бог, и без того обиженная... Папу-то с мамой видела? — потихоньку спросил Щукин, настойчиво именуя красавицу Меней.

— Нет, — отвечала Ольга Палем, — и вы, будьте добры, не говорите здесь никому, что я приезжала в Симферополь...

Она боялась этого разговора в присутствии Довнара, но он ничем не выдал своего удивления. Ольга Палем, обменяв паспорт, заторопилась в обратный путь, чтобы не встречаться в Симферополе с людьми, могущими узнать ее. Правда, ее несколько поразило, что Довнар очень спокойно воспринял слова Щукина. В ответ на ее новейшие домыслы Довнар сказал, что ему давно все известно:

— Оставь в покое ханов Гиреев и даже генерала Попова, не городи чепухи, ибо я тебя люблю, даже очень люблю, и мне все равно, кто ты... лишь бы и ты меня любила!

Весь обратный путь до Одессы она была так счастлива, так благодарна своему Сашеньке, ей так хотелось делать добро людям, которые любовались ими, находя, что они «подходящая пара».

— Спасибо тебе, — шепнула она Довнару, когда над горизонтом нависло жемчужное облако одесской пыли.

— За что?

— Ну так... за все, что ты для меня делаешь.

— Я тебе еще не то сделаю! — пообещал Довнар.

По паспорту она значилась симферопольской мещанкой Ольгой Васильевной Палем, но однажды, повидавшись с Кандинским, просила писать ей письма на фамилию Довнара:

— Я буду Ольгой Васильевной Довнар-Запольской.

— Поздравляю. Собираешься уезжать?

— Сначала Саша поедет один, а я чуть попозже, когда устроятся его дела с питерской академией.

— Чувствую, меж вас уже все решено?

— Да, лишь бы Саша выдержал экзамены. Он так боится, так трусит. Но это же понятно. После всяких там формул сразу забираться в кишки человеку — это нелегко, Василий Васильевич, правда ведь? Но он спит и видит себя врачом.

— Благородное желание! — поддакнул Кандинский. — Если когда-нибудь, разоренный и нищий, я буду стоять на углу, так ты, жена знаменитого эскулапа, не пройди мимо... хоть плюнь в протянутую длань своего бедного Пупсика!

Летом 1891 года Александр Довнар, уже готовый к отъезду, завел как бы случайно разговор о том, что денег, вырученных от продажи мебели, будет, наверное, все-таки маловато для проживания в столице империи, где все стоит ужасно дорого.

— Один бы я выжил, но ведь нас будет двое... тут не разгуляешься! Ты бы, дорогая, оставила свою скромность и попросила бы у Кандинского денег. А?

Ольге Палем стало неловко.

— Побойся бога, Сашенька! Он и так много для меня сделал. Если бы не Кандинский, у меня не было бы даже чашки, чтобы воды напиться. Не проще ли тебе самому снять часть вклада со своих капиталов в банке?

Довнар стоял перед зеркалом, тщательно расправлял пробор на голове и чуть было не испортил его, до того обозлился на подобный совет:

— Но тебе ведь известно, что деньги положены в рост под проценты! Если я сниму со своего счета хоть малую толику, я лишусь прибыли. А тогда разрушатся все мои финансовые комбинации... Я лучше тебя знаю, что можно, а что нельзя!

Довнар уехал в начале лета, чтобы поспеть к осенним экзаменам, а надо было еще проштудировать основательно забытую химию и воскресить в памяти латынь, плохо усвоенную в гимназии. Свет померк в глазах Ольги Палем, и вечером того дня, даже не стыдясь, она горько плакала на жарком и потном плече Дуни Шкваркиной.

— И-и-и, — сказала та в утешение, — из-за такого-то прынца да эдак-то убиваться? Господь с вами, барышня. Стоят ли все кавалеры на свете единой бабьей слезинки? Да я бы нонеча на вашем-то положении шляпку — фик-фок на левый бок, зонтик в ручку да прошлась бы разок до Ришелье...

— Ах, Дуня-Дунька! Любила ли ты когда?

— Да у меня своих забот хватает, зато сплю спокойно — не как вы, сердешная. Опосля вас все простыни в жгут перекручены, будто сам бес на вас нападал. А у меня, безгрешной, простынька-то гладенькая, хоть кого зови — любоваться...

Ольга Палем тихой скромницей затаилась в квартире, трепетно ожидая вихря телеграмм, зовущих ее, ожидая и бурного потока любовных писем. Ни того, ни другого не было, Довнар молчал, будто для него ее более не существовало, и при встречах с мадам Довнар она стыдливо спрашивала:

— Сашенька пишет ли?

— Конечно. Или не мать я ему?

— А мне он ничего не просил передать?

— Нет, милая. Сообщает о своих делах, крайне недоволен климатом Петербурга... как-то и вас помянул.

Ольга Палем вытянулась в ожидании.

— Сашенька писал, мол, это просто замечательно, что Ольга Васильевна осталась в Одессе, иначе в сыром и промозглом климате Петербурга ей могла бы грозить чахотка... А как поживает господин Кандинский? — ехидно спросила Довнар. — Вы не собираетесь к нему возвращаться?..

Ольга Палем поняла, что отныне всякое промедление гибельно. Она сразу рассчиталась с Дуней Шкваркиной, в мгновение ока разорила свое уютное гнездышко, все распродав, но за обстановку квартиры выручила всего лишь 1400 рублей. Собираясь в дальнюю дорогу, она заглянула в контору Кандинского, чтобы проститься с ним. Он поцеловал ее в лоб и сказал:

— Деточка, сразу по приезде сообщи мне питерский адрес. И не сердись — я стану присылать тебе некоторую сумму. Ежемесячно — как стипендию. Об одном молю — береги здоровье и не забывай расписываться в квитанциях о получении денег...

(Довнар упал, но зато Кандинский начинает вырастать в моих глазах — как добрый человек.)

— Спасибо, — благодарила его Палем, — я никогда этого не забуду. Наверное, я плохо ценила вас...

Василий Васильевич по-хорошему обнял ее, как дочку:

— Стоит ли ворошить прошлое? Все мы не ангелы. Но я старею, а ты... молодеешь. Дай бог тебе счастья...

С этим они и расстались. Быстро расшвыряв нужное и ненужное, с тоскою оглядев пустые стены квартиры, Ольга налегке собралась в дорогу. Извозчик поджидал ее на улице, чтобы отвезти на вокзал, когда Ольга Палем зашла к мадам Довнар попрощаться с нею и ее детьми.

Александра Михайловна рассталась с ней сухо:

— Все-таки решили ехать? Смелая женщина. Но, думаю, мой Саша будет вам рад. Только помните, что вы южанка, а петербургский климат таит немало опасностей...

Она опаздывала к поезду, ибо пролетку надолго задержала на улице колонна арестантов, под конвоем следующих до Карантинной гавани, чтобы отплыть на сахалинскую каторгу. Ольга Палем с волнением посматривала на свои часики, висевшие на груди в форме золотого брелока, и краем глаза видела, как по рукам арестантов гуляет бутылка с водкой, а какой-то молодой ухарь в мятой бескозырке набекрень даже проплясал перед нею:

Прощай, моя Одесса,
веселый Карантин,
мы завтра уплываем
на остров Сахалин...

— Гони в объезд, — велела кучеру Ольга Палем.

Довпара она отыскала у его дальних родственников.

Внешне он был все такой же, встретил ее приветливо.

Совместно опи нашли небольшую, но удобную квартирку на Кирочной улице, швейцар и дворник были оповещены Довнаром, что они муж и жена. Первые дни радостно отшумели, переполненные обменами новостей.

Но очень скоро после приезда Ольга Палем явственно ощутила в себе признаки той самой подпольной болезни, о которой в обществе не принято рассуждать слишком громко.

Это ошеломило ее, но она даже не заплакала.

— Получилось все как по писаному, — жестко процедила она, невидяще уставясь в угол комнаты. — Твоя мамочка очень боялась, чтобы какая-нибудь потаскуха не заразила тебя. Но, слава богу, все закончилось идеально. Ее милый сыночек заразил меня, и пусть мамулечка будет отныне спокойна... Наверное, я только этого и достойна!

— Не понимаю, к чему эти намеки и колкости?

— Ты все прекрасно понимаешь... не притворяйся глупее, нежели ты есть на самом деле.

Довнар, растерянный и жалкий, начал бормотать, что скорее всего схватил заразу в бане, куда он ходил недавно, молол что-то об опытах врачей, которые он позволил проводить на себе ради развития науки, и что к тому же такие подвиги общество оценивает очень высоко.

— Прекрати... кобель несчастный! — потребовала Ольга Палем. — Не унижай себя и меня бессовестным враньем. Так я и поверила, что ты развивал науку... лучше скажи правду.

Довнар начал валяться у нее в ногах.

— Сам не знаю, как получилось, — навзрыд каялся он. — Ну, собрались мы, будущие врачи. Выпили. Были там и женщины. Вот уж не думал, что эта дама, вполне респектабельная, способна так злостно подшутить надо мною! Ну, бей!..

Ольга Палем в полный мах отвесила ему оплеуху.

— Скотина! — четко выразилась она. — Как же мне верить тебе далее, если и трех месяцев не прошло после нашей разлуки, а ты уже позабыл все клятвы?

— Виноват! — рыдал Довнар, ползая перед ней на коленях. — Бей меня, бей... согласен. Но что же мне теперь? Или сразу вешаться? Клянусь, первый и последний раз...

— Встань, кукла чертова! Что теперь делать?

Довпар встал, сразу сделавшись невозмутимым:

— В таких случаях люди не психуют, а лечатся. Но покидать меня в такой ответственный момент моей биографии, когда я готовлюсь к экзаменам, ты не имеешь морального права.

Вот теперь началась истерика с Ольгой Палем:

— Но я-то в чем виновата? — кричала опа. — Мне-то за что страдать? Уж если ты, негодяй, знал, что болен, так не лез бы ко мне. Или ты решил, что я такая уж безответная тварь, с которой все можно делать?

Целый день скандалили, но ближе к вечеру уже не опа, а сам Довнар сделался озлобленно-агрессивен, уже не она, невинная, а именно он, виноватый, наступал с упреками:

— Не я, а ты... ты, ты, ты виновата! Надо было приезжать раньше, тогда ничего бы и не было. Почему ты всегда думаешь только о себе? А обо мне ты не подумала?

На следующий день отправились искать частного врача, лечащего под вывеской с гарантией соблюдения тайны. Все время Довпар мучился одним важным вопросом:

— Интересно, сколько он возьмет? Ты не знаешь?

Нужного врача нашли и, поднимаясь по крутой лестнице под самую крышу громадного дома, Ольга вдруг замерла.

— Это даже смешно, — сказала она, хотя ей явно было сейчас не до смеха. — Сынок и маменька в один голос пугали меня петербургским климатом. Наверное, только климат и останется виноват... Скажи, неужели тебе не стыдно?

...Осенью 1891 года Довнар попал в число «вольноприходящих» студентов Медико-хирургической академии, давшей стране и народу множество великих исцелителей.

НИКТО НЕ ПОВЕРИТ, НО...

Конечно, это событие, совпавшее с облегчением в ходе болезни, примирило их, и теперь Ольга Палем хлопотала по хозяйству, время от времени впадая в шутливый тон:

— При мне всегда лучшая бабская техника — кружка Эсмарха да револьвер системы «бульдог». Прямо не знаю, с чего начинать? Двигайся к стенке, дай и мне лечь!

Лежа на спине и вглядываясь в тревожное передвижение теней на потолке, Ольга Палем неожиданно содрогнулась всем телом от

страшной мысли: что, если Сашка нарочно заразил ее, дабы она, оскорбленная, оставила его навсегда и разлюбила его, изменника?

— Спишь? — спросила она в темноту.

— Нет. Еще нет. А что?

Она безжалостно оттаскала его за волосы:

— Вот тебе, вот тебе, вот тебе... И не думай, что от меня так легко избавиться! Моя любовь к тебе такая, что даже тебе, подлецу, никогда не удастся ее загубить.

— Ты дашь мне спать сегодня? — заныл Довнар. — У меня же завтра лекция. Очень ответственная. О кровообращении в человеке. Будут спрашивать, что мы знаем об этом?

— Ничего ты не знаешь. Ладно. Спи...

Но сама не уснула. Сначала ей было жаль только себя, а потом она стала жалеть своего беспутного Сашеньку: «Ну, конечно, — размышляла она, — он еще несмышленыш, его нарочно тогда подпоили, чтобы он ничего не соображал, а потом... известно ведь, какие среди женщин бывают вампиры...» И до того ей стало жалко разнесчастного Сашунчика, что она целовала его спину между лопатками, нежно гладила его по голове, отчего он и проснулся, встревоженный.

— Ты чего? Простила, да? Значит, больше не сердишься? Клянусь, я люблю только тебя... одну тебя.

Закусив губу, чтобы не расплакаться от тихой радости возвращения к былому, Ольга Палем заботливо укрыла его плечи, не зажигая света, встала, чтобы глянуть на часы:

— Спи давай, спи. Не забывай, что завтра тебе рано вставать. Нельзя опаздывать на лекции. Спи, миленький...

И это понятно! Пожалуй, нет такой женщины на свете, которая бы не имела в душе большого чувства материнской любви — даже к тому, кто делает ее матерью.

Тихо стало. Уснули оба. Бог с ними...

Петербург, никогда не спящий, выстраивал на потолке их жилища громоздкие и несуразные призраки ночной жизни — отблесками каретных фонарей, всполохами трамвайных дуг. Столица накрывала их мрачными крыльями пролетающих дождевых туч.

Среди столичных родственников Довнара были почему-то одни вдовы. Одна — полковница, другая — статская советница, третья — просто дворянка. Делать им визиты было мучительно даже для Довнара, а каково Палем, если эти старушки смотрели сквозь нее, будто не видя, а после неизбежного чаепития и нудных разговоров о падении нравственности среди молодых женщин приходилось долго кланяться в прихожей:

— Благодарю за гостеприимство. Очень было приятно...

Приятного было мало, ибо эти старухи, помешанные на женской нравственности, целили, понятно, прямо в нее. И уж совсем невдомек ей было, ради чего Довнар в дождливый день затащил ее на Выборгскую сторону, где на католическом кладбище показал ей могилу своего деда Казимира.

— Холодно, — зябко ежилась Палем. — Уйдем отсюда...

— Пошли. Но ты должна знать, что мои предки, в отличие от твоих сомнительных Гиреев, не с печки свалились, а были знатного рода... Видишь, надгробие с гербом!

— Да бог с ним. Что я в этом понимаю?

— Где уж тебе понять, симферопольской мещанке? Кстати, дворник, возвращая твой паспорт из полиции, не спрашивал ли, почему ты Палем, а я Довнар-Запольский?

— Нет, не спрашивал. Я ему рубль дала, он откланялся, и все тут. Швейцар очень любезен. Тоже кланяется.

— Нехорошо, — призадумался Довнар. — В полиции наверняка отметили нас как незаконно сожительствующих.

— Мы такие и есть. Разве не так?

— Так-то оно так, но... Не возникнут ли неприятности в академии, если узнают об этом? Ты уж не сердись, если я стану говорить, что ты для меня просто любовница.

— Нет, так не надо. Лучше говори — служанка.

— А если я женюсь на тебе? Меня же погонят отовсюду, ибо простительно ли мне, дворянину, жениться на служанке?

— Ах, боже мой! Сам запутался и меня запутал. Говори что хочешь, только не делай из меня дурочку...

Неприятности начались совсем с иной стороны, и полиция тут не сыграла никакой роли. Просто молодой человек с первых же лекций ощутил, что медицина, как и математика, требуют призвания к этим наукам, а вот призвания-то как раз у него и не было. Довнар день ото дня становился взвинченнее, возвращался с занятий угрюмый и недовольный.

— Там такие требования к нашему брату студенту, — рассказывал он, — что я теперь в дистракции и в дизеспере. А ведь это еще первый курс. С ужасом думаю, что будет, если переберусь на второй? Я попросту лопну от напряжения, не в силах постичь все эти кишки, вены, сосуды, аорты и прочую дрянь...

Подобные настроения усугублялись с каждым днем, и медицина, однажды раскрасившая карьеру врача розанчиками бешеных гонораров, вдруг обернулась для Довнара обратной и гадост-

ной изнанкой, требуя от него того, к чему он готов не был, да и не думал готовиться. Ольга Палем даже растерялась:

— Математика была для тебя слишком отвлеченным предметом, медицина чересчур низменным. Чистая наука — не нравится, грязная — тоже. Конечно, — доказывала Ольга Палем, — у нас в животах водятся не логарифмы, — микробы. Противно, тут я согласна. Но... обо мне ты хоть разочек вспомнил?

— Где логика? — укоризненно вопрошал Довнар.

— Бедненький, тебе уже логики захотелось? Так этого добра у меня хватит на двоих. Зачем, спрашивается, покинула я Одессу? Все там разбазарила, все распродала, Дуньку отпустила. Если вернусь, так снова сидеть на шее Кандинского?

Довнар, кстати, никаких пособий не получал, зато Кандинский регулярно высылал Ольге по сто рублей, словно не Довнар, а сама Палем готовилась в эскулапы. При этом старик переводил деньги, адресуя их на имя Ольги Васильевны Довнар. С большими усилиями, лаской и уговорами Ольга Палем спасала себя и Довнара, умоляя его учиться, но он, капризно разбрасывая по всем углам комнаты учебники, говорил, что опять ошибся:

— Карьера врача — это, оказывается, совсем не то, что я думал. Ну, допустим на минуту, диплом получен. А что дальше? Бегать с визитами по вызовам в любую погоду и даже ночью? Потом брать с родичей умирающего полтинники, делая при этом такой вид, будто в гонораре не нуждаешься... Нет, избави меня боже от такой судьбы! Надо искать что-то другое, более интересное, более доходное...

Внешне их сожительство выглядело вполне благопристойно, соседи по дому на Кирочной не могли бы сказать о них ничего дурного. Но это — только внешне. Меньше чем за год в их найме перебывало четыре служанки, и все сами отказались от места. Близкие к интимной жизни нанимателей, видевшие их жизнь без прикрас, они потом рассказывали, что там творилось:

— Да разве можно с ними ужиться? У них кажинный денечек такая пальба шла — не приведи бог! На молодую барыню мы без слез смотреть не могли. Ведь сам-то барин какой? Со всеми вежливый, любезный, слова худого не скажет, что ему ни сделаешь — за все благодарит. А когдась один на один с барыней, так он ее — и метлой и кулаком, а потом брал ножны от студенческой шпаги — и этими-то ножнами да в полный мах! Какое сердце тут выдержит, на нее глядючи? И денег их не захотелось — только бы глаза этакого сраму не видели.

Служанки говорили сущую правду, да и зачем им было лгать?

Непонятно, как все это началось в их семейном конкубинате, но Довнар словно вымещал на ней житейские неудачи. Ольга

Палем скрывала свои синяки, а Довнар почасту сидел дома, залечивая царапины от когтей возлюбленной тигрицы. Вслед за скандалами, конечно, следовали бурные примирения, она — в синяках, он — в царапинах — снова кидались в объятия друг к другу.

— Пожалей ты меня, — терзалась Ольга Палем.

— Но и ты меня пощади, — отзывался Довнар...

Точнее Н. П. Карабчевского все равно не скажешь, ибо не я, а именно он, защитник слабых и униженных, общался с нею. Николай Платонович так рассуждал об Ольге Палем: «То покорная до унижения, то бурная и неистовая, она не знала никакого удержу, не признавая никаких границ в выражении любовной гаммы, в которой самой последней нотой всегда и неизбежно следовал один и тот же стонущий, но ликующий вопль: «Саша, люблю», а она каждый раз слышала от него: «Ольга, клянусь...»

Но все-таки, будем откровенны, кулаки мужчин куда опаснее женских ногтей, и к весне 1892 года Довнар начал ее побеждать с помощью кухонной метлы и железных ножен от шпаги, этого давнего символа мужского и дворянского превосходства.

— Неужели тебе совсем не жалко меня? — спрашивала она.

— Не нравится? Так убирайся.

— Куда? — стонуще отзывалась Ольга Палем...

Однажды утром, спустив ноги с кровати, она почти равнодушно вытерла струйку крови, выбегающую изо рта, и, надрывно кашляя, сказала Довнару:

— Полюбуйся! Ты и твоя мамочка оказались все-таки правы. Петербургский климат опасен для моего здоровья.

Но к болезни она отнеслась с роковым спокойствием обреченной, зато, боже мой, как перепугался Довнар, мигом превратившись в того милого Сашеньку, какого она любила и каким хотела его видеть всегда. Он заботливо отвел ее в лучшую клинику герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Срочный анализ мокроты не показал наличие палочек Коха, зато врачи сразу отметили опасное малокровие и критическое состояние нервной системы, уже вконец расшатанной.

— А это, простите, что у вас? — спросил у нее доктор, показывая на синяки, ставшие уже матово-зелеными.

— Ударилась, — отвечала Ольга Палем.

Пригласив Довнара, как мужа, для приватной беседы, врачи еще больше нагнали на него страху, внушая ему, что лечение больной крайне необходимо:

— Иначе может развиться туберкулез, а нервные приступы грозят вылиться в форменную истерию. Покой, питание и желательно питье кумыса — вот суть главное...

Довнара было не узнать: он так бережно держал Ольгу под локоток, словно она досталась ему хрустальной, кутал ей шею, по дороге на Кирочной не раз прослезился:

— Сразу напиши Кандинскому, чтобы знал правду о твоем состоянии. Предстоят немалые расходы, чтобы ты, моя прелесть, могла провести летний сезон на хорошем курорте...

В самый канун весны 1892 года Довнар, кажется, совсем разочаровался в медицине, и однажды вернулся из Академии почти невменяемым, с блуждающим взором.

— Сашенька, что с тобой? — обеспокоилась Ольга Палем.

— Лучше не спрашивай... Сегодня я впервые побывал в анатомическом театре, при мне профессор потрошил женщину, покончившую с собой ядом. Даже мертвая, она была обворожительна! Профессор сказал, что это Марго Золотой Ключик, известная дама полусвета, промышлявшая по ресторанам... Ужасно! — говорил Довнар. — Я смотрел, как кромсают ее нагое тело, выворачивая наружу всю требуху, издающую зловоние, и тут я окончательно убедился, что врачом мне не быть.

Из этих слов Ольга Палем уяснила для себя самое главное:

— Вот видишь, — мстительно упрекнула она Довнара, — ты способен пожалеть даже мертвую женщину... Что бы тебе, мой милый, иногда пожалеть и меня, живую?

Довнар отмалчивался. Она спросила, куда же теперь пойдет он учиться, что думает делать дальше?

— О-о, я нашел такой институт, что, узнай о нем моя мамочка, она бы осталась довольна.

— Назови мне его!

— Институт инженеров путей сообщения.

— А что это значит?

— Рельсы... шпалы... семафоры... локомотивы. Пар под высоким давлением. Да ведь об этом можно только мечтать! А какой, знала бы ты, конкурс — у-у-у... Конечно, не один я такой умный и не все же кругом дураки: всем известно, как прибыльно стать инженером-путейцем. Так что, — взбодрился Довнар, — отныне цель моей жизни определилась!

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

РОССИИ — СВОЙ КОМСОМОЛ!

«Комсомол распадается. Выход молодежи из рядов ВЛКСМ приобрел массовый характер... Существующее строение ВЛКСМ сдерживает развитие демократии в молодежном движении. «Верхи» приглушают голос «снизу» и не предлагают решительных шагов по примеру литовского КСМ... Мы призываем действовать каждого, включиться в определение судьбы молодежного движения, поскольку его инертность способствует скатыванию страны в пропасть».

Столь решительные фразы содержало обращение горкома ВЛКСМ города Дубны ко всем комсомольцам, первичным комсомольским организациям, выборным комсомольским органам Московской области. Поднимались в этом документе и такие жизненно важные для организации вопросы, как подготовка к XXI съезду, создание российского комсомола, предстоящие выборы в Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов... Не вызывало сомнений (хотя об этом не было упомянуто) значительное влияние на этот информационный материал принятых в августе 1989 года на встрече группы комсомольских работников в Волжском программных документов движения «Сургутская инициатива».

Сразу следует признать одно несомненное достоинство этих документов, крайне энергичных по тону,— они заставляют думать, будоражат мысль и сразу же вызывают ряд вопросов, на которые пора дать ответы. Разве не согласишься: «Изменение положения в ВЛКСМ, устранение кризисных явлений зависит от активности и заинтересованности каждого комсомольца, боевитости каждой первичной организации» — этот тезис, столь часто встречавшийся, стал уже избитой фразой, чуть ли не единственным рецептом. Что же предлагают нам на этот раз?

Противоречия сразу бросаются в глаза. Пример литовского КСМ? Но на последнем пленуме ЦК ВЛКСМ достаточно убедительно показано, что этот радикальный шаг оказался, судя по всему, не в состоянии «сделать комсомол ни более привлекательным для молодежи, ни более авторитетным». Ибо как иначе расценить тот факт, что всего за четыре месяца 120 тысяч членов ВЛКСМ выбыли из организации, а принято — единицы? Не свидетельство ли это распада? Характерно и наблюдение побывавшего среди литовских комсомольцев представителя ЦК: «В зале витал вопрос: определиться, что же такое КСМ — политическая организация, или пора, как говорили товарищи, им идти в кооперативы?» Очевидна и констатация пленумом: «В результате решений XXII съезда комсомола Литвы создана новая молодежная организация, не входящая в состав ВЛКСМ...»

Так что призыв дубнинцев взять Литву в качестве примера именно для укрепления своих рядов весьма спорен и непредсказуем... Трудно совместить с традиционными представлениями о политической организации и положение о том, что на «уровне страны единая программа союза не нужна, поскольку каждой городской или районной комсомольской организации важнее иметь свою конкретную программу. На уровне страны и республик естественнее иметь декларацию и каноны, побуждающие молодежь к активной жизненной позиции и гарантирующие демократическое развитие молодежного движения». Разве создание политической организации должно идти в такой, а не в обратной последовательности — от деклараций к четкой программе? Разве децентрализация, разобщенность не ослабит молодежное движение? И это при тех глобальных, именно политических задачах, которые ставит перед собой «Демократическая фракция» ВЛКСМ? Ведь говорится с искренней озабоченностью о «скатывании страны в пропасть»...

Довольно загадочно звучат и одновременные призывы к созданию Российского союза молодежи, то есть крупной вышестоящей структуры, но при этом «отказавшись от надуманных областных структур», причем речь идет не просто о несовершенстве конкретных областных органов — об отказе от институтов областных комитетов как территориальных принципов построения союзов молодежи. Разве не привело бы это к неполноценности российского комсомола и его неспособности решать задачи объединения молодежи России?

После поездки в Дубну многое прояснилось. Можно понять активность комсомольских «верхов» города. К решительным действиям их подталкивает действительно кризисная обстановка, сходная с общесоюзной. Проводившееся два года назад на одном из заводов анкетирование показало, что 57 процентов опрошенных при отсутствии осложняющих факторов сразу бы расстались с ВЛКСМ... Что же предпринято? При горкоме год назад создан кооператив «Объединение ДЕТТА», одной из задач которого является содействие в экономической деятельности организациям ВЛКСМ. Планируется создание акционерного предприятия, создан компьютерный класс. Горком выступает учредителем Ассоциации эстетического воспитания молодежи, действуют несколько МЖК, выделяются средства на благотворительность.

В материалах XIX конференции городской организации утверждается, что, «перестроив свое движение, молодежь способна содействовать выводу страны из кризиса, решению экономических, социальных и политических проблем». Действовать предстоит в условиях, когда, по мнению первого секретаря горкома, «у большинства молодежи преобладают воззрения анархистского, а у актива — социал-демократического толка». Алексей Чередилов не скрывает своей приверженности к деидеологизации, децентрализации, предпочтения известной формулировки Мартова о членстве в партии.

«В обществе явно прослеживаются две взаимоисключающие тенденции: первая — вернуть стабильность путем возврата к административно-командной системе, к жесткой руке; вторая — перейти к стабильному правовому государству, гражданскому обществу через радикализацию и ускорение демократических реформ.

Мы — сторонники второго пути, поэтому мы солидарны с программой практических действий межрегиональной группы народных депутатов»,— декларируется в платформе волжской встречи. Прямо скажем, на наш взгляд, жесткость тезиса о «взаимоисключающих тенденциях» и «радикализации» при одновременной тяге к децентрализации — это программа бескомпромиссной борьбы, программа, в которой преобладает разрушительный элемент.

Довольно парадоксально включение в эту платформу вопроса о создании республиканской организации в России. Кстати, Дубна отказалась от участия в конференции по созданию комсомола РСФСР до предстоя-

щего съезда. Это вполне логично, поскольку, как показывают последние события, отнюдь не межрегиональная группа — выразитель российских интересов. В заявлении народных депутатов от Российской Федерации (Тюмень, 20 — 21 октября) говорится о том, что встречи МДГ свидетельствуют о приоритете для этой группы общеполитических вопросов, собственно о России в целом и о русской нации не упоминается. Ряд деятелей МДГ даже предлагают ужать территорию России до границ Московского удельного княжества. Между тем и без того очевидна ущербность положения России в Союзе, усеченность ее политической структуры, разорение ее в результате значительных безвозмездных дотаций в общесоюзный бюджет, крайне невыгодная для РСФСР структура цен, резко отличная от цен мирового рынка. Выдвинут в этом заявлении и ряд практических мер по достижению подлинного равноправия РСФСР. Очевидно, что это гораздо более приемлемая основа для создания российского комсомола. Только осознание своих истинных интересов и может активизировать молодежь, только патриотическое воспитание с использованием лучших национальных традиций, национально-исторической символики может вдохнуть жизнь в обветшавшие формы.

России нужен свой комсомол. Российский комсомол, как мощная дееспособная организация, мог бы стать весомой силой в решении проблем, которыми сейчас попросту задавлена молодежь. И этого не смогут сделать одни лишь кооперативы, объединения и клубы по интересам.

С. БОГОМОЛОВ,
А. ТИМОФЕЕВ

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

КРЕПКА МУЖСКАЯ ДРУЖБА

Наше знакомство с Гвардейской Краснознаменной мотострелковой орденов Революции и Суворова Таманской дивизией началось с курьезов. Нас повели в казарму, которая больше напоминала обычное общежитие. Правда, порядок в этом «общежитии» был идеальный»: аккуратно убранные постели, ровные ряды кроватей, чистый пол. В столовой мы не нашли длинных столов, за которые обычно садится сразу все отделение. Здесь мы увидели небольшие столики, рассчитанные на четырех человек. В зале журчал фонтан. Если бы не защитная форма на плечах молодых ребят, трудно было поверить, что мы в солдатской столовой. А потом мы оказались в... комнате психологической разгрузки. Тут солдаты чаевничали. На столе гудел самовар. Здесь можно, как нам объяснили, написать письмо родным или любимой девушке, посмотреть видеофильм...

В последнее время по нашей родной Советской Армии было выпущено немало язвительных стрел: либо ее чернят, либо ратуют за то, чтобы в ней служили одни профессионалы, как, скажем, в армии США. Даже делегаты Всесоюзного студенческого форума в особом мнении, которое не было принято большинством, но поддержано не менее, чем третью голосами, потребовали пересмотреть принципы набора на военную службу и принципы ее несения, предусмотреть создание профессиональной вольнонаемной армии.

В Таманской служат ребята разных национальностей. Многие из них до призыва в армию проживали в различных республиках, краях и областях. Дружно ли они живут?

— Что за вопрос? — удивился А. Еленкин.— Конечно, дружно! Они узнают о жизни, обычаях и традициях других народов. У нас действует своеобразный институт наставников. В чем его суть? Когда прибывает новое пополнение, то его мы выстраиваем в шеренгу напротив старослужащих, которые сами, как говорится, по своему вкусу выбирают себе новобранца и помогают ему затем в дальнейшей службе.

Поинтересовались мы и тем, что дала армия ребятам. Заместитель командира взвода старший сержант Александр Потосац сказал:

— Одним словом тут не ответишь... Ну, прежде всего я закалился физически. Кроссы, марш-броски, занятия на спортивных снарядах — все это заметно укрепило здоровье. Я узнал, что такое мужская дружба и как важны товарищеская взаимопомощь, понимание с полуслова. У меня теперь очень много надежных друзей...

О. ЛОБАНОВА

ОБОЛГАТЬ ЛЕГЧЕ ВСЕГО

Так случилось, что армейскую службу я проходил в Тбилиси. В начале мая 1989 года получил краткосрочный отпуск. И вот вечером я случайно оказался на Арбате рядом с грузинским культурным центром «Мзиури». Играла музыка. Прогуливались парочки. Кучковались люди. Около одной из таких кучек я остановился. И был поражен услышанным. «Десантная часть, полностью составленная из детей-сирот, у которых нет никакой родни, совершенно пьяная, зверствовала и бесчинствовала в столице Советской Грузии»,— громко говорил парень с грузинским акцентом. «Солдаты, словно звери, убивали в ту страшную ночь женщин саперными лопатками»,— подхлестывал толпу другой. Мутный поток слов лился рекой. Когда одна экзальтированная дама крикнула: «Это все дело русских!», я не выдержал и вмешался в разговор. Но то, что произошло дальше, трудно описать словами. Услышав, что я служу в Грузии, на меня обрушили лавину непечатных выражений.

Поверьте, я не собираюсь идеализировать нашу армию. В ней не все гладко. И об этом мы знаем. Но и не надо бросаться в крайности. Для чего представлять наших солдат убийцами, захватчиками, если они таковыми не являются?

В. РУГА

СОЦИАЛИЗМ В ОПАСНОСТИ! ЕГО НУЖНО ЗАЩИТИТЬ!

В первом номере нашего журнала мы опубликовали резолюцию и обращение учредительного съезда Объединенного фронта трудящихся России. Сегодня мы печатаем обращение московского Объединения фронта трудящихся СССР.

ОБРАЩЕНИЕ

ко всем трудящимся страны, к коммунистам, к партийным и советским работникам

Дорогие товарищи!

Положение становится критическим. «Теневая», а по сути буржуазная, частнокапиталистическая экономика нагуляла силу и рвется из многолетнего подполья. Сегодня она контролирует свыше 150 миллиардов рублей — это четверть общенационального бюджета. Число миллионеров перевалило за 100 тысяч. Общество быстро расслаивается на богатых и бедных. Появились кооперативные предприятия с эксплуатируемым наемным трудом. Доморощенная буржуазия захватывает одну за другой командные высоты и рвется к политической власти, чтобы через свой аппарат управления проводить свою политику.

Как никогда активны ее идеологи, прибравшие к рукам почти все средства массовой информации и прославляющие в них ценность буржуазного образа жизни — от богатства до деления людей на «элиту» и «послушное» большинство. В годы застоя эти идеологи так «творчески развивали» марксизм, что из цельной революционной теории рабочего класса умудрились сделать убогий цитатник, набор догм, пригодных на все случаи жизни, в том числе для защиты стяжательской, рыночной экономики и эксплуатации рабочей силы. Теперь, толкуя на свой лад смысл перестройки, они вознамерились торжественно похоронить марксизм, чтобы ничто не мешало одурачивать людей труда, выдавать затраты за результаты, насилие — за поощрение, работу на капиталистов — за работу на самих себя, элитарный парламентаризм — за народовластие, буржуазную демократию — за рабочую и т. д. Преступно символичны предложения уничтожить Мавзолей Ленина, которые на деле означают намерение покончить с самой памятью о социалистической революции, совершенной трудящимися во имя собственного освобождения от власти денежного мешка.

Сегодня новоявленная буржуазия повела идейно-политическое наступление по всему фронту. Она собрала достаточно сил, сформировала свои политические партии и свои политические лобби в лице ряда неформальных организаций и парламентских фракций. Она целенаправленно выдерживает линию на дискредитацию всей ленинской партии, всего социалистического государства, всей плановой экономики, сознательно смешивая здоровые силы партии с разложившимися, здоровые органы государства с бюрократическими, здоровые начала экономики с теми, что требуют замены. Это было правильно подмечено рядом ораторов на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, и на Съезде народных депутатов СССР, и мы разделяем их тревогу.

Самое опасное заключается в том, что буржуазные и пробуржуазные элементы сплачиваются и организовываются гораздо стремительнее, чем трудящиеся. Именно эти элементы выиграли борьбу за Съезд народных депутатов СССР. Именно эти элементы, представленные в высшем законодательном органе страны, намерены формировать и проводить программу экономического и политического переустройства нашего общества, оказывая давление на тех народных депутатов, которые начинают понимать возникшую угрозу. Если позволить это и дальше, общество будет переустроено на буржуазный лад.

Свой успех буржуазные силы желают закрепить на выборах в местные Советы, в местные партийные, профсоюзные, общественные органы. Сейчас в их планы входит победа на предстоящем XXVIII съезде КПСС. Добившись такой победы, они собираются именем ленинской партии, именем Советской власти прикрывать антирабочую политику.

Дело осложняется политической несостоятельностью влиятельных советников нынешнего руководства партии и государства. Они утрачивают реальное представление о ситуации в стране, идеализируют экономическую политику сползания на капиталистические рельсы, усиленно навязывают свои сомнительные рецепты всем партийным и государственным органам. Тем самым вбивается еще больший клин между партией и рабочим классом, трудящимися массами. Отрыв партии от народа нарастает. Партия теряет политическую силу. Партия теряет способность формировать здоровую политику работы трудящихся на самих себя. В общем, полным ходом идет процесс идейного и политического разоружения КПСС.

Опасность велика. Здоровые силы партии, рабочих, тружеников села, демократической интеллигенции раздроблены и деморализованы. Нет организованного сопротивления этих сил. Нет подлинного контроля самих трудящихся за формирование выборных органов партии и Советской власти. Замкнув внимание трудящегося большинства на борьбе за элементарное выживание, за уровень номинальной зарплаты, доморощенная буржуазия без помех овладевает политической сферой. Этому вовсю способствует запущенный ею хозяйственный механизм, который вынуждает трудящихся конкурировать друг с другом из-за рубля, из-за «выгодного» и «невыгодного» рабочего места, плодит кровавые уже гражданские столкновения.

Если сейчас ничего не предпринимать, то можно потерять все! Сегодня еще не поздно овладеть ситуацией. Но для этого надо действовать! Необходимо восстановить последовательную, подлинно народную демократию, очистить в с е органы партии и Советской власти от буржуазных перерожденцев Без организованного социалистического движения трудящихся этого не добиться.

Товарищи! Все, кому дорого будущее нашего общества и нашей страны, обновление и оздоровление Коммунистической партии по принципу «лучше меньше, да лучше», восстановление народного характера Советской власти, организация работы трудящихся на самих себя, то есть на увеличение объема, повышение качества и удешевление конечных продуктов,— все в Объединенный фронт трудящихся СССР! Объединяйтесь! Создавайте на предприятиях советы собственных депутатов! Настойчиво выдвигайте с в о и х представителей во все партийные, советские и профсоюзные органы! Не ищите кого-то умней и умелей самих себя. Главное — знать свои коренные интересы и не позволять их предавать. А умение придет в борьбе.

Помните: XXVIII съезд партии должен стать съездом возрождения ленинской партии, с ленинской программой и ленинским уставом, с научной социалистической экономической политикой — с политикой, направленной на благо не одного узкого слоя, а всех и каждого!

Помните: в государстве трудящихся именно сами трудящиеся должны формировать и проводить в жизнь все законы! Никаких иллюзий в отношении умных юристов, которые якобы могут решить все за народ!

Да здравствует Объединенный фронт трудящихся СССР! Да здравствует организованное движение за социалистическое будущее страны!

Обращение принято на собрании представителей организвций учредителей московского Объединенного фронта трудящихся СССР 27 июня 1989 года

На первой странице обложки «Товарища»: в часы досуга рядовой Владимир Крохалев; комната психологической разгрузки; в учебном классе за пулеметом сержант Станислав Комаров; шеф-повар, ветеран Таманской мотострелковой дивизии Григорий Нагорный со своим помощником Степаном Тарутиным. (Материал «Крепка мужская дружба» читайте на с. 132.) Фото А. ЕГОРОВА.

На январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) один из его участников бросил реплику во время речи Л. Кагановича: «Но ведь у нас уже людей начали есть!» На что Каганович ответил: «Если мы дадим волю нервам, то есть будут нас с вами... Это будет лучше!»

Добавить к этому каннибальскому откровению нечего.

ГОЛОД 1933 ГОДА: ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Самым чудовищным преступлением 30-х годов являлся искусственно вызванный голод на Украине и Юге России в 1932—1933 годах. Ответственность за это злодеяние в той или иной мере несет все тогдашнее руководство страны. Но главным организатором голода был ныне здравствующий Лазарь Моисеевич Каганович.

Возглавляя сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б), Каганович непосредственно руководил кампанией по принудительному изъятию всех запасов хлеба у крестьянства, что и вызвало голод.

Следует отметить, что организация голода 1932—1933 годов была закономерным этапом в чудовищной акции геноцида славянского

УКРАИНА: ГОД 1933

населения страны. Задолго до столь оплакиваемого «Мемориалом» 1937 года Г. Зиновьев (Евсей-Гершен Аронович Апфельбаум) поставил задачу: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить...» Намеченная Зиновьевым контрольная цифра подлежащих уничтожению людей оказалась с лихвой перекрыта еще до начала насильственной коллективизации. Коллективизация и «раскулачивание», при проведении которых особенно «отличились» нарком земледелия Я. А. Яковлев (Эпштейн) и председатель Колхозцентра Г. Н. Каминский, привели к гибели новых миллионов крестьян.

Голод 1932—1933 годов был специально организован, чтобы окончательно сломить активное и пассивное сопротивление крестьянства коллективизации. Этим-то и объясняется парадоксальный на первый взгляд факт, что границы голода совпали с границами хлебных житниц страны.

Опираясь на карательные отряды ГПУ, специальные бригады беспощадно конфисковывали у крестьян зерно. В ряде случаев требовали сдачу зерна, превышающую урожай. Это объясняли тем, что крестьяне якобы имели обыкновение утаивать часть хлеба, даже если соответствующей комиссией была перед этим проведена ревизия урожая и установлены средние для данного района цифры. Потребности в питании семьи, кормах для скота и семенном материале при этом во внимание не принимались.

«...Людей спрашивали об одном и том же: «Где спрятан хлеб?» Тех, кого подозревали в его сокрытии, запирали в «холодной» и шли громить усадьбу: рушили печи, взламывали полы, и если находили хоть что-нибудь съестное, уносили без остатка» (см. «Советская Россия», 1989, № 115). В результате сельское население было вынуждено употреблять в пищу древесную кору, мышей, сусликов, лягушек.

Начался голодный мор. «Тогда у нас с голоду умерли отец, 14-летний брат Вася и две сестрички-близняшки Катя и Дуня, 1927 года рождения. Ели бурьян с водичкой. Трупы возами вывозили на кладбище. В одну яму по триста душ клали», — свидетельствует чудом выжившая крестьянка. Были села, где вымерло от 25 до 50 процентов населения, а то и все 100.

Голодающие пытались найти спасение в городах. Но и там их настигал беспощадный царь-голод. Как сообщали иностранные дипломаты, в городах Украины «повсюду можно видеть истощенных людей, многие умирают прямо на улице, не привлекая особого внимания привыкших уже к этому горожан». Сохранились фотографии умерших от голода на городских улицах, их тайно делала жена немецкого консула в Харькове. Помещенные в настоящем номере журнала жуткие фотодокументы были опубликованы в 30-х годах в зарубежной печати. В СССР тогдашним руководством официально голод вообще отрицался, и любые сообщения о нем были запрещены. Голодающим не оказывалось никакой помощи, возле больших городов их безжалостно вылавливали «заградительные отряды» и возвращали туда, где царил голод... Категорически отвергалась иностранная продовольственная помощь. Когда подобное предложение последовало от США, нарком иностранных дел М. М. Литвинов (Валлах-Финкельштейн) заявил 13 января 1934 года в специальном письме, что никакого голода нет, а все сведения о нем — инсинуации. И крайне лживо выглядит утверждение в сусальном очерке о

«житии» бывшего заместителя председателя ОГПУ Меера Абрамовича Тримиссера (о нем разговор особый!), что в 1933 году «закупили продукты за границей», чтобы «помочь голодающим» («Чекисты», М., 1987, с. 226). При Сталине закупок зерна за рубежом не было. Наоборот, в это время эшелоны с хлебом шли к зарубежным покупателям через станции, забитые умирающими от голода украинскими и русскими крестьянами.

Страшным следствием голода стало людоедство: обезумевшие люди теряли человеческий облик, буквально охотились друг за другом, особенно за детьми... Вот свидетельство одного из современников тех трагических событий: «Я зашел в одну из хат и окаменел. У самой стены на деревянной лавке лежал почти высохший ребенок лет пяти-шести, над ним склонилась мать, держа в руке нож, и с трудом старалась отрезать ему голову. Нож и руки были в крови, ребенок конвульсивно дергал ногами. (...) На миг я уловил ее взгляд, она смотрела на меня, но вряд ли видела, ее глаза были сухие, лишены всякого блеска и напоминали глаза мертвеца, которому еще не закрыли веки. (...) Через час мы вошли в эту хату, чтобы зафиксировать и этот случай людоедства, но увидели упомянутую мной женщину лежавшей на земляном полу вверх лицом с открытыми мертвыми глазами... К груди она прижимала отрезанную головку ребенка». И такие случаи были «в селе не единичны».

То же происходило и на Кубани: «...Там престрашный голод, люди людей едят, много и много мрут, а остальные идут, отрезают из них мясо и едят. ...А мрут так, что где идет, там упал и умер; ховать некому, и валяется до тех пор, пока там же сгниет, и только кости валяются, как было с лошадьми, а теперь и народом» (см.: «Кавказский казак» (Белград), 1933, № 3, с. 6).

Выдающийся русский политический деятель В. В. Шульгин рассказывает, что один врач, выехав из Ахтарско-Приморской станицы, что на Азовском море, «в течение многих часов ехал на автомобиле, направляясь к северу. Машина шла по дороге, заросшей высокой травой, потому что давно уже никто тут не ездил. Улицы сел и деревень заросли бурьяном в рост человека. Проезжие не обнаружили в селах ни одного живого существа: в хатах лежали скелеты и черепа, нигде ни людей, ни животных, ни птиц, ни кошки, ни собаки. Все погибло от интегрального голода» (см.: Шульгин В. В. Дни, 1920. М., 1989, с. 71).

Необходимо отметить, что крестьяне, особенно казаки, как могли оказывали посильное сопротивление режиму геноцида. Они вовсе не походили на то безвольное стадо, которое изображено в расистских виршах Е Евтушенко «Русские коалы...». Так, в ноябре — декабре 1932 года восстали жители станицы Тихорецкой на Кубани. Несколько недель они мужественно отражали атаки вооруженных до зубов карателей. Но силы были не равны. Ростовское ГПУ «командировало в казачьи станицы карательную экспедицию в составе трех отрядов войск особого назначения, в которые вошли латыши, мадьяры и китайцы, — все кавалеры ордена Красного Знамени, «заслуженные воины» старой ВЧК, вызываемые только в особых случаях. Экспедиция эта только в Тихорецкой в течение трех дней арестовала и расстреляла около 600 старых и пожилых казаков. Ежедневно «доблестные интернационалисты» выводили из тюрем к 12 часам дня на площадь по 200 человек и тут же их расстреливали из пулеметов, предварительно раздев догола. Убитых бросали в заранее приготовленные ямы...» (см.: «Кубань», 1989, № 7, с. 58).

На Северном Кавказе вновь повторилась трагедия «расказачивания» 1919 года, когда по приказам Свердлова и Троцкого был развязан массовый террор против казаков: на станицы обрушился град химических снарядов, а в газетах помещались расистские статейки, что имеется «большое сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира...». Осуществляя преступную политику «расказачивания» на практике, И. Якир (тот самый — будущий «жертва сталинизма») прямо требовал «процентного уничтожения мужского населения» казачьих станиц. Прибывшие на Кубань Каганович, «Железный Генрих» — Ягода (Генрих Гришевич Иегуда), Янкель Гамарник (еще одна «жертва сталинизма»!) организовали в декабре 1932 года поголовное выселение шестнадцати кубанских станиц на Север. Сохранился приказ о расправе над жителями станицы Полтавской. Вот этот страшный документ: (приводится с сохранением орфографии)

«ПРИКАЗ
Коменданта станицы Полтавскон, Славявского рановa СКК
17 декабря 1932 г.

Станица Полтавская

№ 1

Президиум Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета Советов, 17-го декабря 1932 г. ПОСТАНОВИЛ:

Вследствие того, что станица Полтавская, занесенная на черную доску, несмотря на все принятые меры, продолжает злостно саботировать все хозяйственные мероприятия Советской власти и явно идет ва поводу у кулака,—

ВЫСЕЛИТЬ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ станицы Полтавской (единоличников и колхозников) из пределов края, за исключением граждан, доказавших на деле свою преданность Советской власти в гражданскон войне и в борьбе с кулачеством, и переселенческих коммун.

За явное потакание кулацкому саботажу в севе и хлебозаготовках, РАСПУСТИТЬ совет станицы Полтавской.

Для проведения выселения, сохранения имущества, оставляемых построек, насаждений и средств производства,— ОРГАНИЗОВАТЬ КОМЕНДАТУРУ, руководящуюся в своих действиях особым положением.

Комендантом станицы Полтавской назначен я.

Во исполнение настоящего постановления Президиума Крайисполкома и на основании предоставленных мне особых прав и полномочий:

§ 1

ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) Ношение и хранение населением станицы всякого рода оружия, как огнестрельного, так и холодного, боеприпасов и предметов военного снаряжения — без специального на то разрешения Комендатуры. Все имеющееся на руках и хранящееся во всех без исключения местах (в том числе спрятанное, зарытое и т. д.) оружие, боеприпасы и предметы военного снаряжения сдать в 24-х часовон срок с момента объявления приказа в Управление Комендатуры:

б) всякии выезд из станицы не только коренным жителям станицы Полтавскон, но и всем гражданам, находящимся на ее территории, к моменту издания приказа, без особого на то разрешения Комендатуры;

в) всякое движение на территории станицы с момента наступления темноты, до рассвета — без особых ва то пропусков, выдаваемых Комендатурой;

г) всевозможные зрелища и собрания, как на улицах, так и в домах — без особого на то разрешения Комендатуры;

д) всякая торговля как на базарах, улицах и площадях, так и в отдельных хозяйствах, шинкарство и проч.;

е) какая бы то ни было поломка, разбор и уничтожение всякого рода строений, жилых и надворных, средств производства, насаждений и т. п.

§ 2

Предупреждаю население станицы, что к нарушителям настоящего приказа, особенно к лицам, замеченным в антисоветской агитации, распространении провокационных слухов, сеянии паники, поломках и уничтожении имущества и средств производства — будут применены строжайшие меры взыскания, как административного, так и судебвого порядка, вплоть до применения высшей меры социальной защиты — РАССТРЕЛ.

§ 3

ПРЕДУПРЕЖДАЮ семьи, главы которых скрылись, что они будут ВЫСЕЛЕНЫ ЗА ПРЕДЕЛЫ КРАЯ, ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЯВКИ ИЛИ ПОИМКИ ГЛАВЫ СЕМЬИ.

Главам семейств, скрывшимся из станицы до издания настоящего приказа, предлагается явиться в станицу в трехдневный срок, в противном случае они будут рассматриваться как враги Советской власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

§ 4

Всех честных, преданных Советской власти рабочих, колхозников и трудящихся единоличников, красных партизан, переменников терчастей и красноармейские семьи ПРИЗЫВАЮ ОКАЗЫВАТЬ ШИРОКУЮ ПОМОЩЬ КОМЕНДАТУРЕ В ДЕЛЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОЗЛОЖЕННЫХ НА НЕЕ ЗАДАЧ.

Комендавт станицы Полтавской КАБАЕВ».

Такие же приказы были вывешены в станицах Багаевской, Медведовской, Уманской, Урупской... Есть данные, что только из трех станиц было выслано 45 639 человек. Очевидец-железнодорожник, видевший в начале 30-х годов эшелоны депортированных с Кубани, свидетельствует: «...Много раз из проходящих вагонов нам выбрасывали свертки. Мы знали, что в них. В них были детские трупы. Мы разворачивали их, доставали записки, очень схожие по содержанию: «Ради бога, передайте земле раба божьего...» И имя. И мы хоронили вдоль железнодорожного полотна этих самых «кулаков», «рабов божьих» Мишек, Дашек, Иванов — грудных и годовалых, русых и чернявых... А на их родине и на их крови вставали колхозы. В дома раскулаченных въезжали новые хозяева...» (см.: «Северная правда», 1989, № 10—12).

В результате голода, а правильнее сказать — сознательно организованного геноцида, умерло, по некоторым подсчетам, до 10 миллионов человек. Историкам, демографам, экономистам еще предстоит оценить последствия голода 1932—1933 годов для судеб русского и украинского народов. Но несомненно одно: необходима полная гласность о всех репрессиях и преступлениях, начиная с эпохи «красного террора», в том числе и о преступлениях «жертв сталинизма» типа Зиновьева, Якира, Гамарника и К°. Что же касается получающего номенклатурную пенсию Кагановича, то, по нашему твердому убеждению, следует провести общественный суд над этим обер-палачом. Глядящие со старых фотографий жертвы его злодеяний взывают к нам об этом!

Сергей НАУМОВ,
историк

г. Магадан

[redacted]

ГЛАСНОСТЬ ПО «ВЕРТИКАЛИ»

Десятого октября прошлого года молодых сотрудников нашего журнала пригласили выступать в юношеской передаче Всесоюзного радио «Вертикаль», которая идет в прямом эфире. Последнее обстоятельство особенно привлекало: можно было не опасаться купюр и расчетливо скомпонованных фраз. Но, как оказалось, ведущий передачи В. Васюхин знал, чем удивить. Впрочем, предоставим слово нашим читателям, которые слышали эту передачу.

Я в партии более 43 лет, участник войны. До глубины души возмущен провокацией, специально подстроенной передачей с целью дискредитации журнала «Молодая гвардия».

В передаче прозвучал единственный заранее подстроенный «голос» по телефону одной «русской», по ее словам, дамы, которая буквально обрушилась на публикации журнала.

А чего стоит записанная на пленку речь литературного критика А. Шуплова! Ярлыки, злоба и в конце — прямой донос: «Куда смотрит ЦК ВЛКСМ!» А перед этим нам сообщили, что в передаче принимает участие сотрудник ЦК ВЛКСМ. Правильно сказал товарищ из «Молодой гвардии», что этому критику снятся лавры Жданова.

П. ИВАНОВ,
г. Омск

Слушала передачу «Вертикаль», на которую были приглашены члены редколлегии «Молодой гвардии». После звонка одной особы, которая, захлебываясь от ярости, повторяла все то, что пишет о журнале «Огонек», я решила позвонить — ведь прямой эфир! Дозвонилась, но слова мне не дали, отговорившись нехваткой времени. Выходит, прямой эфир существует только для тех, кто угоден журналистам «Вертикали»?

Т. АЛЕКСЕЕВА,
Москва

Поблагодарив «Вертикаль за хороший прием, наши сотрудники, в свою очередь, пригласили ее ведущего В. Васюхина выступить на страницах «Молодой гвардии». Сегодня мы предоставляем ему слово.

От комментариев воздерживаемся. Пусть публикация идет «прямым эфиром», пусть молодой журналист выговорится, изложит свои взгляды. А свое отношение к ним, надеемся, выскажут читатели «Молодой гвардии».

...Третий день на чистом листе, заправленном в каретку пишмашинки, чернела единственная фраза: «ХОЧУ РАБОТАТЬ У КОРОТИЧА!» Третий месяц двадцатилетний литсотрудник заводской многотиражки обдумывал будущую статью, подбадривая себя сказками о Золушке. Вскоре бумага пожелтела и угодила в мусорную корзинку. Вожделенной статьи молодой человек НЕ НАПИСАЛ.

Ах, провинциальная робость! «А вдруг опубликуют! — думал он.— Да и позвонит Виталий Алексеевич, предложит место, а мне... мне до огоньковской планки еще расти и расти...»

И НЕ НАПИШЕТ. То есть не напишу. Нет, я, как и прежде, искренне уважаю Коротича и его журнал, но сейчас — ах, провинциальная наглость! — больше всего хочу работать... у Васюхина! Не падайте со стульев, я действительно мечтаю делать «свой» журнал, журнал для молодежи и ее же силами.

НАС НАДОБНО ПРИЗНАТЬ. И НАДО ПОТЕСНИТЬСЯ...

В тот день, когда мне предложили выступить на страницах «Молодой гвардии», я читал книгу известного американского психолога Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить». А точнее — главу «Если вам достался лимон, сделайте из него лимонад». Что и говорить, совпадение знаменательное. Мои друзья и коллеги, услышав о «Молодой гвардии», сочувственно морщились. А я решил проверить, обладаю ли способностью превращать минусы в плюсы. В каретку снова засунут белый лист. Неважно: напишу — не напишу? Услышат ли...

Итак, я молодой журналист. В отличие от писателей люди моего цеха без всякой натяжки могут отсчитывать возраст со дня собственного появления на свет, а не с момента выхода первой книжки. Из двадцати двух прожитых лет пять я работаю журналистом. Последние полтора года — на Всесоюзном радио. Не потому, что больше ничему не обучен, просто в другом качестве существовать бы и не смог. Убежден: журналист — не профессия, не ремесло — образ жизни.

В этом номере мои строки окружают скорее всего такие материалы, под которыми я бы никогда не поставил свою подпись, и все-таки я попытаюсь повлиять на вас, читатели «Молодой гвардии»! Хотя — чувствую! — вы меня невзлюбили с первых же строк. Возможно, и от людей, близких по духу, услышу теперь укоризненное: дескать, надо быть щепетильнее в выборе изданий. Пусть ответом будет пример того же Коротича. В одном из интервью Виталий Алексеевич признался: «В начале 1986 года мне начали активно говорить: иди и бери «Огонек». «Огонек» был для меня всегда воплощением какого-то мыслительного рутинерства, я никогда в «Огоньке» не печатался, считал, что это неприлично. И вот меня вызвали, начали говорить, говорить, говорить, наконец был приведен совершенно ильфовский аргумент: вы всю жизнь боретесь за чистоту, теперь идите и подметайте. Ну, я начал подметать, как мне это представляется. И продолжаю». Не стоит брезговать; как «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», так и на одной бумаге печатают и «левых» и «правых». Важно: чем и как обставишь ты отведенную журнальную площадь. Важно самим собой остаться...

Мне предложили поразмышлять о моем поколении. Признаюсь сразу: бесперспективное это занятие. О поколении судят по поступкам лучших из поколения. Среди нас же еще нет лидеров, с нами почти не считаются, мы еще настолько молоды, что не заняли ключевых позиций ни в политике, ни в науке, ни в искусстве, ни в экономике. Но ведь в конце концов не рокеры и рэкетиры — герои нашего времени! Поэтому попробую, попытаюсь. Пофантазирую: каким-то оно будет, н а ш е поколение, во что вылепится наш лепет? Конечно, я не претендую на глубинные обобщения и выводы, да этого от нас, молодых, и не ждут. Мудрость и юношеский максимализм несовместимы. Главное, как сказал Евг. Евтушенко, у которого, кстати, старший сын чуть старше меня, а, значит, тоже — из н а ш е г о поколения:

Вам бы выкричаться без ошейника,
вам бы выплеснуть злость,
озорство.
Вам бы —
нового Евтушенко,
лучше старого —
раз в сто!

«Нового» Евтушенко, даже равного «старому», среди своих одногодок я пока что не вижу. Возможно, он есть где-нибудь на станции Зима, но ему мешает заявить о себе все тот же ошейник.

Мы — восьмидесятники. Не шарахайтесь от этого слова, как «новояза». Тот, кто его первым употребил, не покушался на «великий и могучий». Вас же не шокирует слово «шестидесятники». Они — дети XX съезда, хрущевской «оттепели». Мы — дети апреля 85-го. Они — Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Карякин, Климов, Хуциев, Герман, Шнитке, Тарковский, Ефремов, Таганка (могу продолжить список). Мы — ?.. ?.. ?.. (Хотя нет, одна вакансия уже занята — Гарри Каспаров!)

Между нами — семидесятники. Вернее, их, как поколения, нет. Они — потерянное, «расформированное» поколение.

Критик Юрий Гладильщиков очень точно высказался по этому поводу: «В моем поколении, первом, выросшем во времена, когда не то что катаклизмов, но даже и дуновений, высших идей было мало. Нам все предлагалось усваивать, принимать на веру, даже откровенную ложь — и мы принимали. Большинство из нас не задумывалось, зачем жить, не страдало от несовершенства человеческой природы, не искало свободы, не мучилось над загадками бытия. Но нам все-таки повезло. Мы родились слишком поздно, мы были не битые, мы не испытывали разочарований, и поэтому поколение вышло как минимум раздвоенным: одни — безвольные циники, другие — непримиримые, нервные, крутые. Все вместе — недоверчивые, без иллюзий, в целом довольно расчетливые, но забывшие надеть бронежилеты».

Силюсь вспомнить имена тех тридцати-тридцатипятилетних, кто не погряз в болоте застоя: Александр Сокуров... Борис Гребенщиков... Татьяна Толстая... Александр Еременко... Юрий Поляков... Андрей Плахов... Андрей Мальгин... Не обижайтесь, больше не вспоминается. «И леса нет — одни деревья...»

А мы? Нас тоже нет. Пока нет. Но мы должны состояться, вырваться, объединиться, взяться за руки, в конце концов! И взять в свои руки реальную власть. Это непросто, ведь с нашими предшественниками мы «скованы одной цепью», а семидесятники, «не забывшие надеть бронежилеты», оказались непрочным звеном. Одного из известных

наших публицистов однажды потрясли такие слова, сказанные то ли на пресс-конференции с «неформалами», то ли на комсомольской «тусовке»: «Мы часто говорим, что молодым принадлежит будущее, но никогда, что им принадлежит настоящее». Должно принадлежать! Пока мы не стали духовными импотентами, «пока свободою горим», нужна бумага для наших журналов и книг, нужна пленка для наших фильмов и сцена для наших песен, нужны деньги для наших безумных идей. Поэтому повторю вслед за рок-лидером: «Дайте мне глаз, дайте мне холст, дайте мне стену, в которую можно вбить гвоздь!..»

Пора понять: если у нас будут свои акции в перестройке, это предприятие не окажется убыточным. Пока же следует признать правоту народных депутатов СССР Т. И. Заславской и Ю. Н. Афанасьева. Первая считает, что «мы запускаем ракету без топлива» (имея в виду под ракетой перестройку, а под топливом поддержку ее советской молодежью). У второго тревогу и опасения вызывает тот факт, что «глаза у молодых перестройкой не горят».

Я не открою Америки, сказав, что при всей нынешней демократизации не исключена вероятность поворота к прошлому, что «Сталин оживет» благодаря немалочисленной бригаде опытных «реаниматоров» во главе с Ниной Андреевой и Иваном Шеховцовым. Очень не хочется, но может статься, что завтра стрелки часов начнут вращаться назад. И тот, кого с плачем снимали с креста, окажется вновь распят...». Гарантия того, что часовой механизм перестройки, ее «кремлевские куранты», не дадут сбой,— в тебе, во мне, в нас... Надо заставить считаться с нами, с теми, кому 20 плюс-минус 5 лет. Как? Пока что я предлагаю пользоваться лишь одним рецептом: больше брать на себя, смелее о себе заявлять. Вспомните, с чего начиналось восхождение Аллы Пугачевой: 16-летней она явилась на радио и предложила свою песню! Наплюйте на завистников и перестраховщиков, проникнетесь мыслью: если не мы, то никто. Второй юности не будет.

Детище сталинских времен — крылатая строчка «молодым везде у нас дорога!» так же соответствует истине, как и другие «афоризмы» этой песни, за годы Советской власти тысячекратно расклишированные, но так и не претворенные в жизнь: «старикам везде у нас почет» или «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Посмотрите анкетные данные депутатского корпуса от ВЛКСМ, много ли там моих ровесников? Много ли их в руководстве творческих союзов? Есть ли среди секретарей ЦК комсомола хоть один с юношеским пушком на лице? Я первым побегу брать автограф у молодого актера, получившего звание «народного».

Один молодой человек с жесткой иронией однажды заметил: «Хватит попрекать тем, что Гайдар в мои годы командовал полком. Дайте мне полк!» Разбежался...

Не подумайте, что я ропщу на свою карьеру. Моя журналистская судьба складывается как раз очень удачно. (Стучу по дереву.) У меня интереснейшая работа в «живом эфире», доброжелательные коллеги, прилично зарабатываю, руководство дает моим инициативам, как правило, «зеленый свет». Но речь-то не обо мне! Сколько их, способных, талантливых, одаренных, которые не могут дать ход своим возможностям, которым не дают выкричаться. Ребята, надо бороться, толкать двери редакций, институтов, всевозможных контор. Где-то я читал о «принципе пятидесяти», то есть из 50 попыток хотя бы одна будет удачной. Проверьте.

Мы — сложное поколение. И зловонный воздух застоя успели вдохнуть, и проветрили легкие апрельским ветром перемен. Согнулись

под цинковыми «афганскими» гробами и расправили плечи, узнав правду об этой войне. Мы раскрепощены и независимы в суждениях, и в нас же еще шевелится «дракон страха». Недавно я спросил у ленинградских старшеклассников (разница в возрасте у нас лет шесть): «Представьте, у вас есть возможность задать вопрос любому человеку. Кто вам интересен?» Назвали разные имена: Сахаров, Ельцин, Пиотровский и даже... Каганович! «А с Горбачевым хотелось бы встретиться?» — «Нет,— отвечают,— знаете, прошла уже какая-то эйфория...» Господи, попробовал бы я, учась в школе, заикнуться, что мне неинтересен «дорогой Леонид Ильич!». А мое руководство, слушая эту запись (она без вырезок прозвучала в эфире), наверное, думало: «Попробовали бы мы в его возрасте задать такой вопрос...» То, что мне сейчас кажется верхом гласности и смелости, для моих детей и внуков будет просто жизнью, но для того, чтобы это было у них в крови, сегодня я должен быть смелым, идти по канату, пренебрегая страховкой. Как точно сказал один журналист, «надо работать или на орден Ленина, или на 10 лет тюрьмы». Правда, сам он «кормился» безобидными интервью с популярными артистами. Так-то было в годы застоя: говорили одно, думали другое, а печатали — дозволенное...

В заголовок я вытащил чуть-чуть измененную строчку Давида Самойлова. В оригинале так: «Их надобно признать. И надо потесниться...» Старый мудрый поэт это понял. К счастью, начинаем понимать свое предназначение и мы сами. Наше время пришло.

Владислав ВАСЮХИН

ИХ НРАВЫ

В ЭРОТИЧЕСКОМ СТОЛБНЯКЕ

Ах, сколько за последнее время открылось всяких возможностей показать себя, удивить мир чем-нибудь этаким! Взять хотя бы конкурс красоты. Ну что за зрелище, что за прелести! А сколько при этом вздохов, охов и ахов! А с каким подъемом выбирают «мисс» или «миссис»! Какой шум и треск устраивается вокруг очередного конкурса! О полетах в космос и то теперь пишут гораздо скромнее...

Похоже «кое-кто» только и делает, что выдумывает, чем бы разэтаким удивить мир, как бы выделиться. Например, латвийская газета «Советская молодежь», объявляя конкурс на звание «Мисс фото» и «Мисс фото-эротика», здорово в этом преуспела. «Это самый демократический конкурс в мире»,— писала газета, зазывая желающих принять участие в нем. А кооператив «Аусеклитис» учредил счастливым победительницам приз симпатий в сумме тысяча рублей и возможный контракт с лучшей «фотомоделью».

Спустя некоторое время газета «украсилась» претендентками. Некоторые из них вполне могли бы составить конкуренцию и американскому журналу «Плейбой» — пропагандисту свободной любви и «обнаженной» жизни. А вот 26 октября прошлого года газета преподнесла своим читателям подарок — всю последнюю полосу отдала «фотомоделям», многие из которых были в чем мать родила.

Нет, не соблазнить газете своих читателей! Искушенные уже они! Еще ранее, публикуя очередную обнаженную женскую фигуру, газета уверяла их: «Эротическое фото сейчас никого уже не шокирует. Обнаженная женщина в кадре не вызывает острых приступов показной стыдливости».

Как это все знакомо! В свое время основатель журнала «Плейбой» Хефнер тоже выступал за то, чтобы мужчины и женщины более открыто говорили о проблемах секса и не противились желанию, независимо от того, состоят ли в браке или нет. «Это была своего рода сексуальная революция в пуританской до того Америке, и «Плейбой» стал ее символом»,— заметила недавно на страницах западногерманского еженедельника «Шпигель» нынешняя владелица порнографического издания дочь Хефнера Кристи. К чему все это привело, мы прекрасно знаем: размах СПИДа — лучшее тому свидетельство.

Похоже, у «Плейбоя» появился опасный конкурент. Ведь до чего уже дело дошло? До рассуждений об «открытии в нашей стране публичных домов»! Эти заведения будут выгодны! — заявил на страницах «Советской молодежи» некто В. Павлов. Наверное, он не один сторонник такой идеи. Так вот радетелям ее подсказываем адресок, где можно ознакомиться с устройством, внутренним убранством и организацией такого заведения. Загляните в номер 39-й «Огонька» за 1989 год. Там член редколлегии В. Юмашев подробно, обстоятельно и в деталях расписывает публичный дом города Амстердама, куда привели его «трудные журналистские тропы». Все в доме прекрасно: и апартаменты, и бассейн, и шампанское, и «милые, симпатичные, очень красивые и не очень, умные и глупенькие дорогостоящие проститутки».

«Не буду утомлять читателя неуместными рассказами про то, чего самому читателю увидеть скорее всего не придется,— пишет В. Юмашев.— Не потому, конечно, что ни один советский турист или советский командированный не заглянет как бы нензначай в подобное заведение. Это, я думаю, может и случиться. Но просто посещение этого публичного дома ему никогда не осилить — слишком дорого.

Забавно то, что заместитель главного редактора журнала «Панорама», который устроил этот визит в публичный дом, очень сильно переживал, что смета, выделенная журналом на мое пребывание в Голландии, не позволила сделать программу посещения публичного дома полной, и поэтому пришлось ограничиться только экскурсией и разговорами. Мы с ним вместе поразмышляли над проблемой журналистских лишений, о тяжелой нашей ноше...»

Что ж, можно только посочувствовать члену редколлегии «Огонька», что посещение им публичного дома оказалось усеченным.

Не знаем, как насчет публичных домов, но вот что касается распродажи через кооперативную торговлю открыток полу- или почти обнаженных красоток в позах, мягко говоря, далеких от пристойности, то тут большое преуспевание. А какой широкий ассортимент! Особенно богатый выбор у тех кооператоров, которые окку-

пировали привокзальные площади. Вот, скажем, киоск кооператива «Контраст» рядом со станцией «Каланчевская» в Москве. Тут за рубль двадцать копеек можно приобрести понравившуюся вам «гетеру» — фотокопию зарубежного порнографического журнала. Но не спешите раскошеливаться, приценитесь, присмотритесь. Есть еще кооперативные киоски на Комсомольской площади, на Павелецком вокзале. А вот на Курском торгует интересной продукцией кооператив «Идеал». «Только у нас! Самое... Самое...» — зазывает реклама. В самом деле, только тут и нигде больше в любое время суток можно, если вы, конечно, уже решились, приобрести значки с надписями «Вас всех обули», «Все суета», «Пива хочу». Только здесь продаются галстуки и значки с американским, английским, французским и израильским флажками. Только в этом киоске вы можете купить полотенца, на которых изображены советские и американские деньги различного достоинства. Только тут выставлена большая коллекция «сувенирных» девушек. А как толково, с каким вкусом она разложена! Едва обнаженный товар стоит рубль двадцать, побольше — рубль с полтиной, ну, а тот, у которого открыты все женские стати, идет по два рубля и дороже... Все, как в том рассказе, в котором героиня за увеличивающуюся плату приоткрывала незнакомцу свои прелести..

Что и говорить, просторно сегодня в кооперативных киосках сувенирной пошлости. Так и кажется, что один кооператив соревнуется с другим: кто ярче поставит сексуальную продукцию. Любопытно, что такое соревнование охватило уже и печатные издания. Думаете, только «Советская молодежь» искушает своих подписчиков? Ошибаетесь! Например, журнал «Смена» ЦК ВЛКСМ тоже взялся просвещать молодежь на эротической ниве. Посмотрите, скажем, первую обложку семнадцатого номера за прошлый год. С каким искусством сняты обнаженные тела! Сколько выдумки и фантазии проявили фотокорреспонденты В. Чейшвили и В. Коковкин!

А как активно занимается сексуальным воспитанием орган Детского фонда имени В. И. Ленина журнал «Семья»! Из номера в номер печатает главы из книги американских авторов с картинками, от которых даже взрослому становится не по себе. Не в этом ли заключается помощь нашим обездоленным детям?

Видимо, чтобы не очень портить складывающуюся картину, мало-помалу приобщает своих подписчиков к запретному плоду и «Комсомолка». Правда, делает она это поэтапно, не спешит, как, скажем, «Советская молодежь» или «Смена», срывать фиговые листки.

3 сентября 1989 года под заголовком «Мужчина за два рубля» в «Комсомолке» была напечатана заметка с фотографиями, запечатлевшими мужчин в интересном виде. В заметке было написано:

«Мужчина года 89» — так называется конкурс, один из туров которого проходил в кафе «У фонтана» в Олимпийской деревне, где за два рубля можно было приобрести пригласительный билет и посмотреть на настоящих мужчин.

Перед началом конкурса корреспондент «Комсомолки» спросил одного из претендентов на титул «супермена»:

— Через несколько минут вам придется выйти на сцену почти в чем мать родила. Не испытываете ли вы какого-то морального дискомфорта?

— Я без комплексов,— ответил претендент,— если бы вы сказали выйти совсем раздетым, можно было бы и в таком виде показать себя».

Но не прошло и месяца, как «Комсомолка» к «обсуждению проблем половой жизни» приблизилась вплотную. Этому она посвятила очередной выпуск «Клуба любознательных». О, сколько в нем занимательного! Где, например, прошел первый вечер эротического искусства? А вечер эротической поэзии? А в каком фильме комсомольский функционер приходит к своей любовнице, когда она разделывает мясо, и тут, на кухне, хладнокровно берет ее, даже не развязывая галстук?.. Обо всем этом и многом-многом другом узнаете в «Клубе любознательных». В нем же познакомитесь и с фотоснимками молодых девушек без фиговых листков...

Читатели могут задать вопрос: для чего все это описывается, концентрируется внимание на этой проблеме? Ответ прост и печален: масскультура с сексуальным уклоном усердно насаждается в нашей стране. Да и «разлагаться» уже ездят не только, скажем, в Кению или Доминиканскую Республику, в Тунис или Ямайку, страны желанного отдыха «секс-туристок», но с недавних пор и к нам. Западногерманский еженедельник «Штерн» недавно писал:

«Гостиничный комплекс «Дагомыс» находится от Сочи в 20 минутах езды на такси. Это открытое три с половиной года назад роскошное, по советским условиям, гетто для отпускников — с барами, ресторанами, теннисными площадками, курортными заведениями и самой современной дискотекой в стране. Между маем и октябрем здесь, в часе полета от неспокойных провинций — Армении и Азербайджана,— пестрый народец сыплет рублями и валютой. После полуночи, когда закрывается дискотека, в «Сатурне» (подземном баре) начинает функционировать «мясной рынок». За рубли здесь ничего не получишь, ибо «путаны» (этим заимствованным словом русские называют валютных потаскух) имеют свои расходы. Те, кто не живет в гостиницах, должны «подмазывать» швейцаров и милиционеров. Любительницы и полупрофессионалки удовлетворяются 40 марками или натурплатой. Молодые, элегантно одетые блондинки-профессионалки требуют по сотне марок за ночь...»

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!.. Впрочем, каждому свое. Вот, например, еженедельник «Собеседник» начал в прошлом году беседы под рубрикой «Ищу смысл». Открытие рубрики проиллюстрировано небольшой скульптурной группой,

изображающей любовные утехи. Тут же можно прочитать размышления молодого биофизика Ю. Нечипоренко: «Я сижу в радостном столбняке, ощущаю уходящие минуты бытия, впадаю в пресловутую нирвану, запретную беспечность духа... Вспомнил знаменитый «Словарь сатаны» американского писателя Амброзе Бирса: «Патриотизм — легко воспламеняющийся мусор, разжигая который человек с амбициями желает высветить свое имя...», «Патриотизм — первое прибежище негодяя», «Люблю Россию я, но странною любовью...» Какой? Любовью плода к своему дереву, курицы к своему курятнику, пьяницы к кабаку, хозяина к собственности или человека к жизни»...

«Пожалуй, по части красавиц мы скоро не только догоним, но и перегоним Запад,— пишет из Белоруссии Н. Зубенко в той же «Советской молодежи».— Только нам нужно ли догонять? По крайней мере по части материального вознаграждения богом данной наружности? Наша мисс Белоруссии тоже получила в качестве награды 10 тысяч рублей, путевку в Грецию и прочая, прочая... А что здесь такого? Да ничего. Если только закрыть глаза на то, сколько в республике неимущих, живущих за порогом бедности. И никто помогать не спешит».

Ой, как хочется, девочки и мальчики, девушки и юноши, женщины и мужчины, дамы и господа, бабушки и дедушки, сказать вам, что вас дурят, ой как дурят!..

В. ЕРШОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РУССКИЙ ФЛАГ

14 ноября 1667 года в селе Дединове на Оке был заложен первый русский корабль «Орел». Командир карабля капитан Ботлер, приглашенный по договору из Голландии, обратился к боярской думе, чтобы спросили у цари: какой на корабле поднять флаг? В практике Русского государства такого еще не было. Посоветовавшись с боярской думой, царь приказал поднять на новом корабле бело-сине-красный флаг с нашитым на него двуглавым орлом. Почему именно это сочетание?

Обратимся к геральдике. Дело в том, что герб города Москвы изображал белого всадника с синим плащом на красном поле. Так и получились три цвета на первом русском военно-морском флаге — белый, синий, красный. По переписке между царем и Сибирским приказом видно, что для «Орла» было изготовлено три знамени: «знамя, что живет на корме, знамя на лежачее дерево, что на носу, и долгое узкое знамя».

Спущенный на воду в мае 1668 года «Орел» перешел в следующем году в Астрахань, где в 1670 году во время восстания Степана Разина был захвачен казаками и сожжен, не совершив ни одного выхода в море.

В 1697 году трехцветный флаг был введен Петром Первым в качестве кормового для военных кораблей. С 1770 до 1845 года этот флаг поднимался только на ластовых (грузовых) судах флота и носил название «провиантского».

В 1883 году бело-сине-красный флаг стал государственным флагом России. Произошло это при следующих обстоятельствах. Во время коронации императора Александр III обратил внимание, что вся процессия на торжестве была одета в бело-желто-черные цвета, а в городе висели бело-сине-красные флаги. По этому случаю была назначена специальная комиссия под председательством генерал-адъютанта адмирала К. Н. Посьета. Она вынесла следующее решение: бело-сине-красный флаг, учрежденный императором Петром Великим, имеет почти 200-летнюю давность. В нем замечаются и геральдические данные. Наконец, подтверждением этим цветам служат и флаги в военном флоте: первая дивизия обозначается красным, вторая — синим и третья — белым флагами с Андреевским крестом. Контр- и вице-адмиральские флаги соответственно имеют красную и синюю полосы; наконец, гюйс составлен из цветов белого, синего и красного. С другой стороны, бело-желто-черный цвета ни исторических, ни геральдических основ за собой не имеют (это были династийные цвета дома Романовых.— *А. Г.*). На основании этого решения национальным флагом и был утвержден бело-сине-красный флаг, который современники называли «Вера — Надежда — Любовь».

ГУЛЯЙ-ГОРОД

Это неподвижный деревянный городок из небольших брусчатых и дощатых щитов с отверстиями для стрелков. Применялся в Древней Руси для образования опорных пунктов на позиции. Впервые летопись упоминает о гуляй-городе при описании осады Казани: «Лета 7038... промеж большими воеводами брань и обозу города Гуляя не сомкнуша и пришла Черемиса и город Гуляй взяли и пищалей запягных 70...» В летнее время гуляй-город возили на колесах, а в зимнее на полозьях, и при постановке на место скрепляли связями, гуляй-город всегда представлял собой замкнутую фигуру, и использовали его не только в крепостной войне, но и в полевой. Впоследствии идея подвижных укреплений возродилась в виде танков.

ТЕЛЕФОН В РУССКОЙ АРМИИ

В 1878 году, когда в Европе и Америке телефон еще был любопытной новинкой, в русской армии уже начали проводить испытания телефонов с целью их применения для связи.

В августе 1878 года в Выборге под руководством подполковника В. Б. Якоби начались первые в мире испытания телефонии в значительных масштабах. Так проводились испытания: между островами Трандзунского архипелага на расстоянии семь километров; по отдельному проводу Выборг — Уран — Саар на расстоянии 30 км; по отдельной медной проволоке длиной 745 м; по полевой шестовой линии длиной 800 м.

В своих выводах комиссия отметила, что новый вид связи имеет большую будущность.

КАК СОЗДАВАЛИ ИДОЛА

ИСТОРИЯ АГЕНТА 007

Нашумевший герой боевиков сейчас мало волнует западного кинозрителя. Но на наших видеоэкранах еще мелькает его воинственная фигура.

Первую книгу об агенте 007 английский писатель Иэн Ланкастер Флеминг задумал в 1951 году. Она не произвела яркого впечатления, но после ее экранизации начался ажиотаж. Многие английские и американские шпионы-пенсионеры поспешили заявить в печати, что это именно они вдохновили писателя на создание героя-супермена. Журналисты обратились за разъяснениями к самому Флемингу. Автор детективных романов и сценариев назвал прототипом Джеймса Бонда друга детства и юности — некоего Брайса, английского аристократа, служившего с 1938 года в британской разведке. На этом информация исчерпывалась. Но любопытство английских журналистов было неугасаемо, терпение огромно. Не узнав от Флеминга ничего особенного, они сами провели разведывательную работу. И вот что постепенно выяснилось.

Писатель вместе с Брайсом учился в престижном университете в Оксфорде. Флеминг был прилежным студентом, а его закадычный друг вместо аудиторий посещал оперетту, игорные и другие сомнительные дома. Деньги знатных предков он быстро промотал и занялся откровенной подделкой банковских чеков, приводя в ужас своих чопорных дядюшек и тетушек. От тюрьмы его выручили великосветские связи, но с университетом пришлось расстаться.

В 1938 году британская разведка вытащила красавчика из притонов и послала на службу в Бразилию. Скорее всего на этом настояли отчаявшиеся родственники. Так или иначе, но именно в Южной Америке Брайс совершил единственный «героический» поступок в своей жизни — поджег склад итальянской авиакомпании на аэродроме близ Рио-де-Жанейро. Фашистской державе этот инцидент не нанес стратегического ущерба, тем не менее бензин сгорел, а Брайс получил повод рассказать о службе родине.

Флеминг встретился с другом юности в начале 1951 года. Писатель сам был тесно связан с разведывательной службой и поведал Брайсу один интимный государственный секрет. Великобритания тогда создала международное информационное агентство, в задачу которого входили и деликатные поручения от разведки, связанные с ее повышенным интересом к социалистическим странам. Однако шпионская сеть терпела провалы. Лондон не успевал тушить дипломатические скандалы. Что-то явно не ладилось. И Флеминга попросили разобраться и пустить дело в русло, благоприятное для государства. Особенно обеспокоил английскую разведку тот факт, что над ее неудачами посмеивались американские коллеги...

Приятели пропьянствовали тогда всю ночь. Флеминг пытался выудить из Брайса нужную информацию, но тот почти не слушал и выступал с громкими монологами о своих приключениях в Южной Америке. Врал он откровенно, явно преувеличивал, но рассказ был вдохновенным. Тут-то Флеминг и узнал настоящую цену этому Брайсу. И совершенно неожиданно, в застольной обстановке, в усталой голове писателя родилась идея Джеймса Бонда. Флеминг решил создать авторитет своей разведке с помощью литературного героя. Руководство идею одобрило, более того, пообещало любое содействие. Конечно, прототип никуда не годился. Но зацепка уже была — хвастливый монолог недоучившегося студента. Герой детективного романа получил номер 007 и стал «неустрашимым защитником демократии».

Когда Флеминг в лихорадочной спешке принялся кропать роман о «спасителе человечества от коммунистической угрозы», в западном мире утвердилась политика действий с позиции силы. Поэтому первая часть книги, несмотря на свой скомканный и фрагментарный характер, сразу же получила поддержку невидимой, но очень опытной руки. Появились хвалебные рецензии, рекомендации для перевода на другие языки. Кинофильмы, пожелавшие экранизировать скороспелый роман, сразу же получили большие субсидии. Им откровенно намекнули, что роман будет иметь продолжение.

Намеки на продолжение получал и Флеминг. И не только намеки. Еще и личный особняк, переводы из тайных ведомств. Многосерийный роман был нужен. Это был политический козырь, хотя и крапленый.

Итак, серия за серией, один крупный чек за другим. Флеминг усердно работал как за своим столом, так и в киностудиях. Он богател, становился знаменитым. Рекламу его герою под номером 007 делали по всему миру. Этим стали заниматься теневые кабинеты не только Англии, но и США. Джеймс Бонд как кинозвезда стал популярным героем для американских солдат на военных базах, раскинутых по всему миру.

А что происходило с Брайсом? Он тоже получал гонорары. Небольшие от киностудий, куда он был направлен фиктивным консультантом, и большие — от не известных широкой публике источников. Он частенько сидел у телевизора и смотрел за перипетиями судьбы Джеймса Бонда, но ничего не понимал. Ведь он никогда не был разведчиком высокой квалификации, не умел даже обращаться с оружием.

На похоронах писателя Брайса сопровождали два санитара. Один поддерживал его сзади, а другой подавал ему сигары, чтобы дымом скрыть от почтенной публики устойчивый запах перегара. Был около него и третий человек, который отпугивал фоторепортеров, целившихся в прототипа агента 007.

Г. МАЛИНИЧЕВ

БОГАТЫРИ АНДРЕЯ КЛИМЕНКО

Талант — это тайна.

Я помню, как молодая художница-график показывала мне нарисованный карандашом портрет старого русского писателя прошлого века: на переднем плане лежала тяжелая, могучая мужская рука.

— Какая прекрасная модель! — восхитилась я.— Где вы ее взяли?

— А я со своей руки рисовала... В зеркало...

Я с изумлением покосилась на ее узкую, белую девичью руку, в которой не только жил, но даже и костяка под нежной кожей вроде бы и не предполагалось... Как она достигла такого преображения? А она сама не знает. Тайна...

Вспомнила я этот разговор, когда возвращалась из мастерской художника Андрея Клименко. И здесь — тайна. Я словно совершала далекое путешествие в иные века: Древняя Русь... скифы... славяне... битвы и песни, смерть и любовь... Андрей пишет картину за картиной — в короткие сроки, без натуры. Пишет так, как будто бы все это видит. Как-то в институте педагог сказал, что Андрей патологически талантлив. Клименко тогда очень обиделся. А обижаться нечего: это была слитая воедино формула выражения признания и зависти: раздражающе талантлив...

Я пришла в мастерскую Андрея после двухдневной конференции «Рабочий класс и перестройка» и никак не могла переключиться на девушку в славянском костюме, на юного русича, который сидит на кургане, где похоронен его отец или дед, или прадед; на Олега, прибивающего щит к вратам Цареграда; на Вольгу, который зовет могучего пахаря Микулу Селяниновича на битву. Что мне до них? Но искусство не спрашивает, хочешь ты его сейчас или не хочешь, готова ты его воспринять или не готова. Оно властно подчиняет себе.

Мать Андрея с земли Сурикова — сибирская казачка («В институте имени Сурикова, где я учился, даже музея Сурикова нет!..»), отец — украинец.

— А сейчас на Украине такие вспышки национализма!

— Это печально, ведь русские и украинцы — один народ.

Широкая культура Андрея Клименко позволяет ему жить на Родине великой — и вширь земли, и в глубь тысячелетий. Культура созидательна, она вся — понимание и связи. Андрей чувствует себя не только прямым наследником пленительной культуры славянства, но наследником всех общеевропейских сокровищ, гения Древней Греции, красоты и мощи язычества и христианства.

Но мне хотелось бы сказать

«МИКУЛА И ВОЛЬГА» ▶

«ЩИТ НА ВРАТАХ ЦАРЕГРАДА»

еще об одном: он — наследник великой реалистической школы. Ну, не чудо ли это, что прошлое встает перед ним как живое, без всякой приблизительности, без дымки времени, в достоверной психологической полноте.

В сказочной картине «Третий скок» мы видим взлетевшего на коне к высокому окну красной девицы Ивана-царевича, и на лице юноши, словно принудившего коня обрести крылья,— серьезность и бледность, и вдохновение, и напряжение тяжкого труда подвига...

Андрей — романтик. Из русских художников ему ближе всего В. Васнецов, Врубель и Нестеров. Но он ни на кого не похож: могучий поток образов преобразил и трансформировал его художественный язык, создав абсолютно индивидуальную манеру. Его воображение, плененное красотою могущества древнего славянского мира, часто обращается к мысли о защите этой красоты, о защите Отечества.

Искусство Андрея Клименко утверждает идеал человеческой красоты, раскрывает глубокие исторические корни. И досадно, что картины художника можно увидеть лишь в его маленькой мастерской.

Ариадна ЖУКОВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

РОК-ПУГАЛО

В зимний период, когда в зоопарке мало посетителей, шимпанзе начинают проявлять явные признаки скуки и потери аппетита. Чтобы избавить животных от уныния, директор Туайткросского зоопарка в Англии дал распоряжение установить близ вольер телевизоры. Эксперимент привлек внимание ученых. Они убедились, что шимпанзе с большой заинтересованностью смотрят мультфильмы, спортивные передачи, с вялым равнодушием — политические комментарии. Показ любого животного на цветном экране, будь то кошка или домашняя болонка, вызывает реакцию настороженности. Но вот если зазвучит современная рок-музыка с ее прыгающими электрогитаристами, то это вызывает у животных панический страх. У них поднимается давление, они начинают метаться по вольеру, не замечая встречных предметов, и получают серьезные травмы.

Из этого эксперимента ученые сделали практический вывод. Дело в том, что в ряде южных стран обезьяны подчас опустошают крестьянские поля и сады. Нашествие голодных животных трудно остановить даже выстрелами из охотничьего ружья, но если включить на полную мощность запись рок-музыки, то эффект будет стопроцентным: обезьяны в ужасе разбегутся.

КЛАССИКА СО СКИДКОЙ

Итальянцы теперь меньше ходят в кино. Всеобщим вечерним занятием стало телевидение, а если говорить точнее — развлекательные программы. Меньше в стране стали читать. Массовая культура вошла в резкое противоречие с настоящей культурой.

В книжном магазине издательства «Фелтринелли» в Милане продавцам пришлось пойти на рекламные трюки, чтобы привлечь покупателей. На прилавке установили гастрономические весы с круглой шкалой и положили на них стопку книг. Поставленное рядом объявление гласит: «Килограмм книг Шекспира стоит меньше, чем килограмм спаржи. Тому клиенту, кто возьмет свыше этого веса, гарантируется скидка. Спешите покупать!»

Не случайно сейчас деятели итальянской культуры называют телевидение «национальным бедствием». Его вредное воздействие ныне усугубляется распространением видеокассет с сюжетами весьма низкого уровня. Тут уже прямая угроза не только культуре, но и нравственности.

«ВЕЩИЙ БОЯН»
(материал «Богатыри Андрея Клименко» читайте на стр. 156)
(материал «Богатыри Андрея Клименко» читайте на стр. 156)
Фото С. МАЙДАНЮКА

ТОВАРИЩ

Валентин ПИКУЛЬ

СТУПАЙ И НЕ ГРЕШИ

Бульварный роман

Продолжение. Начало на стр. 80

Славута, куда Ольга Палем попала для поправки здоровья, была прелестным местечком на реке Горыни в Волынской губернии (ныне город и районный центр Хмельницкой области УССР). По сути дела, этот маленький городишко — старинное имение графов Сангушек, здесь размещался их дворец с прекрасным музеем древностей; в Славуте, помимо церквей и синагоги, было великое множество лавок и лавчонок, где предлагали больным все, начиная с подтяжек, якобы только вчера доставленных из Парижа, и кончая самодельным повидлом, которое, по уверению торговцев, прибыло в прошлую субботу из Чикаго. Вечерами над Славутой торжественно звучала духовая музыка в дивном исполнении оркестра местной пожарной команды.

Ольга Палем пила кумыс в лечебнице при конских заводах тех же графов Сангушек, охотно купалась в Горыни — в шляпе и пышной юбочке, а перед сном гуляла в старинном сосновом парке. Здесь чинно двигались алчущие исцеления, которые могучей силой животного инстинкта разделялись на группы малокровных, желудочных, неврастеников и просто прекрасных дам, у которых не все было в порядке для полноты женского счастья. Печально звонили церковные колокола, жалобно вздыхали валторны, им вторили мощные геликоны, а на зеленых полях Горыни гневно ржали холеные кобылицы, не подпуская к себе жеребцов.

Здесь, в райски-болезненной обстановке, Ольга Палем совсем потеряла голову... от любви!

Не подумаем о ней плохо. Нет, она не заводила искрометных романов с партнерами, поглощавшими лечебный кумыс. Она заново переживала большое чувство к тому же Довнару, который из столицы обрушил на нее лавину нежнейших писем, заклиная

думать только о своем драгоценном здоровье — и ни о чем больше! Мало того, он называл ее птичкой и даже... даже «своей женушкой», что для нее сейчас было важнее всего.

Ошеломленная таким натиском небывалой нежности, Ольга Палем, тихо всхлипывая от счастья, в который раз перечитывала слова, строчки, фразы его писем, и даже в восклицательных знаках ей невольно виделся волшебный смысл любовного праздника, ради которого стоило жить...

Наконец Довнар и сам навестил ее в Славуте; гордая его появлением, она вместе с ним прогуливалась под высоченными соснами, внимательно слушая рассказы о тех небывалых трудностях, какие ожидают всех желающих стать инженером путей сообщения:

— Вакансий всего семьдесят в году, а желающих попасть в комплект больше тысячи. Подумай, ведь меня сразу скосят на экзаменах. Нужны ловкие обходные пути с переводом стрелок на самую главную магистраль, чтобы на моем жизненном пути все семафоры давали только зеленый свет...

Вместе они покинули Славуту, ехали в одном купе, как законные муж и жена, и Довнар всю дорогу до Петербурга переживал — быть ему или не быть инженером-путейцем.

— В любом случае, — внушал он Ольге, — я должен попасть в комплект. Не удивляйся, но какой-нибудь замшелый начальник ремонтного депо на станции Воронье Граево получает в месяц намного больше министра... Ты меня слушаешь?..

— Конечно. С восторгом!

— Так вот я и говорю: это ли не жизнь? Да скажи кому-нибудь, что я... больше министра... ведь никто не поверит!

— Никто, — соглашалась Ольга Палем.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ ДАН...

Александра Михайловна Довнар-Запольская, ставшая в новом браке госпожою Шмидт, времени даром не теряла и в ближайшие же дни навестила контору Васи-Васи Кандинского.

— Помогите, — взмолилась она, хватаясь за высокую грудь там, где подразумевалось наличие материнского сердца. — Мой сыночек, образованный, талантливый, благородный, давно горит святым желанием связать свою судьбу с паровозами. В нашей семье испокон веку прозревали великое будущее железных дорог. Я сама с безмерным удовольствием всегда вдыхала дым паровоза. Но в Институте путейцев такой чудовищный конкурс, так режут, так режут... Вы же понимаете — без ножа режут!

— Я как раз ничего не понимаю, — ошалел Кандинский.

— Ах, боже мой, боже мой! Разве не известно, как трудно попасть в комплект избранных для учения. Всегда сыщется немало гнусных завистников, желающих погубить моего скромного сына, чтобы пристроить своих нахалов, и, как водится, вперед вылезут всякие там бездарности, а мой Сашенька, талантливый, начитанный, образованный...

Тут Кандинский все уразумел, но развел руками:

— Мадам! Что я могу сделать для вашего сына, если к рельсам и шпалам я не имею никакого отношения?

— Но у вас же есть связи, — напомнила госпожа Шмидт. — Я уж молчу о своем детище, но вы-то... вы-то! Хотя бы ради Ольги Васильевны, которая измучилась, бедняжка, взирая на немыслимые страдания моего Сашеньки...

Кандинский был человеком порядочным. И свои хлопоты начал не ради Довнара, а ради того, чтобы угодить Ольге Палем, влюбленной в Довнара. Для этого он навестил князя Юрия Евгеньевича Гагарина, известного в Одессе филантропа, и попросил его начертать рекомендательное письмо к институтскому начальству. Юрий Евгеньевич посмеялся:

— Надо и не надо, все идут ко мне! Ради вас я, конечно, готов служить. Но мое слово весомо звучит для общества одесских босяков или бедовых пищенок, которые держат на руках, баюкая, кулек с младенцем, на поверку оказывающимся березовым поленом. Но для Министерства путей сообщения, боюсь, мое слово ничего значить не может...

Рекомендацию его сиятельства Кандинский подкрепил письмом своего приятеля Шевцова, строителя железных дорог, и все эти бумаги вскоре попали в руки Довнара, который с глубоким поклоном вручил их П. В. Кухарскому, инспектору института.

— А к чему мне эти филькины грамоты? — взъярился Кухарский. — Да и вам они ни к чему, ибо комплект студентов уже набран для прохождения курса, а вас там, пардон, не числится. Прием окончен. Вакансий нет...

Семафоры закрылись, горя устойчивым красным светом.

Довнар так убивался, так страдал от того, что не получать ему ежемесячно больше самого министра, что Ольга Палем не выдержала, распахнула платяной шкаф, выбирая самое скромное, но зато самое приличное платье.

— Куда ты? — плачуще вопросил Довнар.

Женщина кокетливо повертелась перед ним, как перед зеркалом, демонстрируя свой выходной туалет:

— Как тебе нравится такая «штучка»?

— Очень.

— Вот именно — это лучше всяких рекомендаций. Особенно если я появлюсь под черной вуалью, которая мне идет, да еще разрыдаюсь так, что все побегут за валерьянкой...

Нет, она не искала обходных путей, а сразу направилась в Министерство путей сообщения, где с февраля 1892 года восседал в кресле министра человек, с которым она как-то виделась в Одессе — еще в ту пору, когда Кандинский был для нее «милым Пупсиком». Этим человеком был Сергей Юльевич Витте, только начинавший свою головокружительную карьеру на рельсовых путях великой железнодорожной державы.

Он весьма холодно встретил молодую даму, которую едва помнил по прежней, весьма путанной жизни в Одессе.

— Итак... э-э-э... чем могу служить?

Ольга Палем сразу взяла быка за рога:

— Я должна сообщить вам одну глубокую тайну, обещайте, что все сказанное мною останется между нами.

Витте, заинтригованный, кивнул породистой головой, не изменяя при этом величественной осанки.

— Дело в том, — продолжала Палем зловещим шепотом, — что я желаю просить за мужа, с которым обвенчана тайно, ибо, как вы знаете, студентам жениться не дозволено. Мой муж с детства мечтает быть инженером-путейцем, и теперь только вы... один вы... вы или я? — Палем разрыдалась. — Поймите мои страдания и муки моего мужа, который по небрежности не попал в комплект принятых в Институт путей сообщения. Мне этого не вынести! Только вы — только вы! — можете сделать меня несчастливой или счастливой...

Конечно, какой мужчина сознается, что он желает видеть женщину несчастной? Ольга Палем вернулась домой:

— Сашка! Завтра можешь галопом скакать до Кухарского, ибо бумаги от министра путей сообщения уже будут находиться на столе генерала Герсеванова, начальника твоего института...

Вестимо, что Довнар сдал экзамены шаляй-валяй, но внимание к нему важной персоны явно заинтриговало экзаменаторов, и Довнар был принят в число студентов сверх комплекта.

На радостях они решили совершить путешествие — почти свадебное — и объявились в Одессе, где все поздравляли его с успехом, а сама Ольга Палем, чувствуя себя царицей бала, пребывала в состоянии эйфории. Александра Михайловна, убедившись, что Ольга способна на многое (даже на то, что ей, увы, оказалось не по плечу), просила ее содействия в устройстве младшего сыночка в Морской корпус его величества.

— Вивочка весь изнылся, мечтая о броненосцах, чтобы от твердынь Кронштадта угрожать коварной владычице морей. Мой новый муж (замечательный человек!) справедливо утверждает, что на земле живут одни негодяи, и только в море можно избавиться от земных мерзостей... Сделайте что-нибудь!

Ольга — как и Кандинский — только разводила руками:

— Но у меня же нет знакомых среди адмиралов...

Словно побитая собака, приплелся и Стефан Матеранский, жалуясь, что все к нему придираются, просил Ольгу хлопотать о переводе его из Новороссийска в Киевский университет. Опять пришлось Ольге Палем разводить руками:

— Да бог с вами! Учитесь в Одесском получше, тогда не придется искать путей в Киев...

Притащился в сильном подпитии и подпоручик Шелейко, недавно разжалованный за пьянство из поручиков, умолял Ольгу помочь ему устроиться в погранстражу, где платят куда больше, чем в этой поганой армии.

— Надо меньше пить и больше закусывать, тогда бы и армия не казалась поганой, — отказала ему Ольга Палем.

Пожалуй, еще никогда она не чувствовала себя столь уверенной в том, что в ее жизни наконец-то прояснилось, Довнар будет счастлив иметь такую жену, как она, и даже Александра Михайловна стала относиться к ней, как к своей невестке. Довнар счел нужным лично благодарить Кандинского за рекомендацию князя Гагарина, Кандинский поздравил Довнара, и все хором восхваляли Ольгу Васильевну, одним махом покорившую грозного министра.

Стефан Матеранский при сем присутствовал, словно бедный родственник на богатых именинах, он явно завидовал своему другу, а Довнар, преисполненный гордостью, свысока поучал его:

— Надо уметь жить! Что нам деньги, если мы сами — золото? В свете так принято, что в человеке ценят только его успех, и в этом случае бери пример с меня. Сам видишь, что я пришел, увидел и победил, как Цезарь... Что там эти экзамены? Не в них дело. Дело в самом человеке.

В обратный путь из Одессы они тронулись с Виктором Довнаром, чтобы готовить его для поступления в Морской корпус. Вивочке было уже 13 лет, никаких доблестей за ним не числилось, и Ольга Палем понимала, какую обузу берет на себя, но... чего не сделаешь, лишь бы угодить будущей свекрови!

Так радостно и легковерно начался первый учебный год Довнара в новом для него институте, Ольга Палем с замиранием сердца следила — не получилось бы с паровозами, как с мате-

матикой и медициной? Но ее Саша возвращался домой очень веселым, говорил, что изучение механики ему нравится.

— Знаешь, когда все наглядно движется, что-то за что-то цепляется, чтобы возникло это движение, тогда мне понятно...

Настал роковой для женщины день, когда Довнар сказал:

— Оля, позволь, я приглашу на ужин своих новых товарищей. Сама убедишься, какие замечательные молодые люди! Князь Жорж Туманов — тифлисский красавец, пишет стихи, а Стась Милицер — страшная уродина, зато сколько в нем ума и желчи. Кстати уж, — сказал Довнар, загадочно улыбаясь, — теперь я не стану возражать, если ты представишься им наследницей крымских Гиреев, а то ведь мне совсем нечем похвастать... Вот и брызни на моих друзей из струй бахчисарайского фонтана!

Грузинский князь Туманов, происходивший из очень культурной семьи, оказался милым и скромным человеком, а варшавянин Станислав Милицер, искоса поглядывая на Ольгу Палем, загадочно улыбался — так улыбался, словно давно знал о ней какую-то гадость. Под этими взглядами Милицера она чувствовала себя скованной, неизвестно в чем разоблаченной, заранее проклятой и опозоренной.

Предчувствия не обманули ее. Выходя на кухню, чтобы перекурить, Милицер конкретно спросил у Довнара:

— Кто она тебе, эта задрыга?

Довнар не лишил себя удовольствия предстать перед сокурсником бывалым мужчиной, пресыщенным женщинами.

— Да так... живем, — равнодушно изрек он.

Милицер стряхнул пепел папиросы в красивую сахарницу (и на эту деталь я прошу читателей обратить внимание).

— Опасное занятие: жить вот так, как вы живете, — сказал Милицер, выпуская табачный дым прямо в лицо Довнара. — Не лучше ли развязаться с ней сразу, чтобы сохранить себя ради идеальной чистоты своего служебного формуляра.

— До этого далеко! Я ведь еще студент.

— А случись, она забеременеет — тогда не развяжешься.

— Ольга пользуется кружкой Эсмарха.

— А, ерунда! — отмахнулся Милицер, гася окурок папиросы в тарелке с рыбным салатом. — Все ею пользуются и все ходят с животами аж до самого носа... Догадываюсь, что ты уже наобещал ей с три короба счастья, еще не зная, как эта бабенка способна испортить тебе положение в обществе.

— Пока она мне не мешает, — отвечал Довнар.

— Но еще станет мешать. Посуди сам: дворянин, инженер, солидное жалованье, а жена... аристократка из Бердичева.

— Из Симферополя, — машинально поправил его Довнар.

— А какая разница? Они уже сожрали великую Речь Посполитую, а теперь принимаются обгладывать великую Российскую империю. Этим легендарным Саломеям, танцующим в неглиже, не следует доверять. Ты об этом, кажется, не подумал!

Ольга Палем не могла знать о сути этого разговора, но женский инстинкт подсказал ей, что Милицера надо бояться.

Проводив гостей, она спросила Довнара:

— О чем вы там говорили?

— Где?

— На кухне.

— Да так. О разном.

— Лучше сознайся сразу, что речь шла обо мне, и, конечно, я не заслужила от вас ни единого доброго слова...

Возник очередной скандал. Случилось невероятное, но точно подсказанное из глубины женского сердца: Ольга Палем настаивала, чтобы Довнар оставил дружбу с Милицером. Получалось несуразное положение: Милицер советовал Довнару избавиться от нее, а она требовала от него изгнания Милицера.

— Это очень пакостный человек, — доказывала она.

— Чем ты это докажешь?

— Он смотрит на меня так, словно я перед ним голая. И не спорь! Это вы глупцы, а мы, женщины, умеем читать во взорах мужчин даже то, в чем они никогда не сознаются.

— Что же ты прочла в глазах Стася?

— Не знаю — что. Но мне страшно.

— За кого? За себя?

— Не за себя, а за тебя, дурака...

Я давно уже склонен думать, что Ольга Палем была намного умнее Александра Довнара.

Вива был ею пристроен в подготовительный пансионат г-на Ивановского, обещавшего втемяшить в него то, чего не могла вдолбить гимназия. Ольга хлопотала по дому, подруг у нее не было, а на одиночество она никогда не жаловалась.

Сейчас ее угнетало другое. Ее любимейший изверг, общаясь с Милицером, обрел в своем характере, и до этого-то отнюдь не золотом, то, чего раньше в нем не замечалось. Теперь, набравшись «мудрости» у того же Милицера, он начал выставлять наружу цинизм — грубый, беспардонный. На смену интимной деликатности в любви пришло откровенное хамство.

Если раньше он во всем подчинялся мамочке, то отныне целиком подпал под влияние Милицера — а он был куда опасней, хитрей.

Желая исправить сильно пошатнувшееся «семейное» положение, Ольга Палем поступила чисто по-женски. Она решила перетянуть Милицера на свою сторону, дабы сделать из него союзника — в борьбе за Довнара (и против того же Милицера). Ради этого она решилась даже на то, чтобы пококетничать с врагом, делая вид, что он ей безумно нравится, и однажды с гитарой в руках исполнила персонально для него, как бы намекая:

Мне не нужен старый муж,
Утоплю в одной из луж.
Обобью я гроб батистом,
А сама сбегу с артистом...

С риском для себя она давала повод для ревности Довнару, но тот лишь зловеще усмехался, наблюдая за ее ухищрениями, а Милицер оставался равнодушен к таким женским фокусам.

— Все-таки, — сказал он, — вы стараетесь напрасно. Я никак не похож на Иосифа прекрасного, а вы плохая жена вот этому глупому Потифару, — указал он на Довнара.

Милицер был из числа людей, опасных для тех, чья воля оказывалась слабее его воли. Такие люди, вольно или невольно, вносят в чужие союзы хаос и разрушение. Люди, подобные Милицеру, суть диктаторы по натуре, природа словно заранее готовит их повелевать, и они, эти мелкотравчатые Нероны, всюду отыскивают слабейшие места в человеческих отношениях, чтобы встрять между людьми, а потом насыщать свое тщеславие властью разрушителя их союза. Люди такого сорта испытывают отвращение к любой гармонии, к любому проявлению красоты, и Милицер — тоже! — не выносил вида даже красивой безделушки — в нем сразу просыпалось желание изуродовать ее, испакостить, уничтожить. Так же поступал он и с людьми, натравливая одного на другого, глумился над ними, круто подчиняя их себе.

Он сделал все, чтобы заодно опорочить и князя Туманова:

— Да гони ты от себя этого грузинского голодранца, который возомнил из себя какого-то Гомера... А сам-то?.. Садится за стол, даже не помыв рук. Ольга Васильевна, в следующий раз, когда придет князь Туманов, вы не давайте ему вина, а угостите отваром цитварного семени.

Впервые Ольга Палем ощутила свое бессилие, а Довнар все далее отходил от нее — днями пропадал в институте, вечерами у Милицера на Николаевской улице. Презирая себя, женщина простаивала напротив дома, где проживал Милицер, ожидая появления Сашеньки, а он все не шел; было холодно стоять на одном и том же месте, валил снег, прохожие мужчины оглядывались на нее с тем особым интересом, с каким оглядывают проституток, жаждущих приглашения до ближайшего трактира...

— С нетерпением жду лета, — однажды сказала она Довнару.

— Чтобы не мерзнуть? — засмеялся он.

— Нет, чтобы уехать туда, где нет Милицера.

Близились летние вакации (каникулы, как говорят ныне). Заранее они сняли дачу в Шувалово, пригороде Петербурга, а Вива с пансионатом Ивановского выехал на станцию Сиверская, и начался безмятежный период жизни... последний!

Александра Михайловна Шмидт писала Ольге Палем, что смело вверяет двух своих сыновей ее заботам. «Уважаемая Ольга Васильевна» — таким обращением она начинала свои письма к ней...

Не спорю, у всех матерей есть материнское сердце, но что делать, если эти сердца бьются по-разному?

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ольга Палем стала панически бояться перемен — даже самых пустячных.

Дачный поезд отходил в полдень, и за час до отправления они придирчиво осматривали комнаты — все ли взяли, не забыли ли чего из вещей?

— Ключи оставим у швейцара, — заметил Довнар. — Ты долго еще будешь копаться? Что ты ковыряешься там в комоде?

В руке Ольги Палем блеснул револьвер.

— Брать на дачу? — спросила она.

— Оставь... На кой он там?

Она спрятала «бульдог» между складками белья в комоде, повернулась к нему — такая жалкая, растерянная...

— Саша, — трагически дрогнул ее голос, — ты не оставишь меня? Ты ведь обещал... обещал!

— Что я тебе обещал?

— Жениться на мне. Не обманешь?

— Послушай, — возмутился Довнар, — вот именно сейчас, перед самым отъездом на дачу, тебе вдруг приспичило знать, оставлю я тебя или сохраню верность до гроба.

— Не отвергай меня никогда, — жалобно просила она. — Ты еще не знаешь, на что я способна... не знаешь, как сильно могу я любить... только не уходи от меня — заклинаю!

Поехали. Справа остались парковые кущи Лесного институтв, слева протянулись поля столичного ипподрома, мелькнула станция Удельная с одинокой фигурой зевающего жандарма. Довнар,

чтобы не терять времени даром, вычитывал из газеты статистику несчастных случаев в Санкт-Петербурге:

— Слушай: каждый год в столице империи умирают от пьянства триста тридцать пять человек, тонут двести тридцать два, при пожарах погибают шестнадцать... Страшно!

Ольга Палем, думая о своем, спросила:

— Там не пишут, сколько в году самоубийств?

— Много! Сто тридцать восемь.

— А сколько каждый год убивают?

— Куда меньше. Всего двадцать четыре человека...

Приехали.

Шувалово — не для богатых, здесь отдыхала публика умеренного достатка. Однако со времен Екатерины Великой полиция надзирала, чтобы на окраинах Петербурга плохих дач не строили, а потому и здесь все дома выглядели нарядно, над верандами упруго выгибались под ветром красочные паласы. Молодые поселились близ Озерков, и на другой день Ольга Палем проснулась, вся осиянная солнцем. Разбудили ее горластые выкрики торговок:

— Красная смородина! А кому тут малины?

— Свежая корюшка! Кому живых раков?

— А вот печенка! У кого кошки, берите печенку!

— Топленое молоко. Прямо из печи! С пенкой...

Кажется, и сам Довнар радовался, что на даче он избавлен от пастырной опеки Милицера, угнетавшего и его своим беспрекословным диктатом. Жизнь потекла лениво-размеренно, без скандалов, не случалось даже мелких причин для обычных раздоров.

— Наверное, — говорила Ольга Палем, — во многом виноваты не мы, а люди, вмешивающиеся в нашу жизнь. Если бы мы, как Адам и Ева, были всегда одни — мы бы и не ссорились... Я проклинаю людей, мешающих мне любить тебя!

Здесь она наслаждалась летним теплом, в Озерках они катались на лодке, молодо дурачились. Мимо их дачи катили семейные ландо, проносились кавалькады хохочущих всадниц, дачные компании женщин издали казались похожими на букеты цветов. А кавалеры исподтишка оглядывали ладную фигуру Ольги Палем.

— Не смей оборачиваться, — шипел на нее Довнар. — Просто бесит, как на тебя смотрят посторонние мужчины... Ты слишком похорошела за эти дни! Тебя надо бы изуродовать, чтоб одним своим видом ты внушала физическое отвращение.

— Ревнуешь? Мне это нравится...

Каждое проявление чувства в Довнаре, даже его злоба от ревности, приносили ей сердечную радость. Ольгу вдруг потянуло

к детям, она стала щедрее в подаче милостыни старухам, кормила бездомных собак, вилявших хвостами в знак благодарности. В один из дней Довнар с утра уехал в Петербург. Ольга просила его не искать встреч с Милицером.

— Возвращайся скорее. Буду ждать...

Весь день провела она в комнатах, вслушиваясь в крикливые голоса дачных поездов. У соседей плакал ребенок, где-то играли на рояле, надсадно скрипели детские качели, с дачных кухонь доносился бойкий перестук ножей. Наконец протяжно заскрипела калитка, но явился... князь Туманов.

— Вы одна? — спросил Жорж. — Тем лучше. Давно хотел поговорить с вами, хотя вряд ли имею на это моральное право.

— Я рада вам. Говорите...

Было видно, что князю нелегко начинать свою речь, он расстегнул верхнюю пуговицу на студенческом белоснежном мундире, попросил разрешения курить.

— Ольга Васильевна, я не раз становился свидетелем вашей жизни с Довнаром, и не всегда в самые светлые ее моменты. Не хотелось бы выражать вам сочувствие, для вас, наверно, это будет обидно, однако я вынужден это сделать. Мне жаль вас, — со значением произнес Туманов, — жаль еще и потому, что вы не заслуживаете той доли, какая вам выпала...

Это не удивило Ольгу Палем, напротив, даже порадовало:

— Князь, вы, случайно, не влюблены ли в меня?

— Случайно я никогда не влюбляюсь. Прошу понять меня правильно. Я человек для вас посторонний, но даже мне, постороннему, иногда тяжко видеть, какому глумлению вы подвергаетесь. До каких же пор вы можете сносить унижение своего женского и человеческого достоинства?

Возникла долгая пауза, неловкая для обоих.

Если бы все это князь высказал в худшую пору ее жизни, она бы выпила его слова, как целебный яд, но сейчас, когда дачный сезон был доверху наполнен медоточивым и сладостным миролюбием, этот обличительный монолог показался ей попросту неуместным. Но приличия требовали как-то ему ответить.

— Что же вы, князь, могли бы мне посоветовать?

Любой ответ был бы ей сейчас безразличен.

— Довнар недостоин вашей любви. В нем отсутствует то благородство, какое необходимо каждому мужчине в его отношениях с женщиной. Довнар переступил все мыслимые и немыслимые границы дозволенного. В институте он изображает фата, имеющего на содержании покорную любовницу. Все ваши слова, что расточаются вами перед ним, известны и нам, его коллегам,

словно выставленные Довнаром на всеобщее осмеяние... Потому и говорю, что мне вас искренне жаль.

— Довнар хвастунишка, — Ольга Палем оправдывала его даже в подлости. — Ему приятно хвастать моей любовью. Спасибо вам, Жорж, за то, что вы столь откровенны. Но мои отношения с ним уже настолько запутаны, что мне самой трудно разобраться, кто из нас порой прав, кто виноват...

Туманов долго застегивал пуговицу на мундире.

— Уважаю вас и ваше чувство, — сказал он, поднимаясь. — Для меня вы всегда останетесь святою женщиной. Но, будь я на месте Довнара, я счел бы своим долгом завтра же предложить вам свои руку и сердце. Хотя, если до конца говорить правду, вам нужны рука и сердце более порядочного человека.

Только теперь Ольга Палем начала понимать, что князь Туманов завел этот рискованный разговор не ради досужих сплетен, а душевно переживая за ее обиды — и те, что уже отболели в ней заодно с синяками, и те, которые, возможно, скоро придется претерпеть.

Она остановила вопросом уже уходящего князя:

— Мы разве никогда более не увидимся?

— Нет. Потому и говорю вам — прощайте...

Довнар вернулся, когда из комнаты еще не успел выветриться дым от тумановской папиросы.

— Кто у тебя был?

— Это столь важно?

— Признавайся сейчас же, стерва!

— Заходил штабс-капитан Филиппов с соседней дачи. Искал партнера для игры в карты.

— Я знаю его. Филиппов не курит.

— Но после него забегал на минутку князь Туманов...

— Вот оно что! Значит, пока меня нет дома, ты принимаешь любовников? Конечно, он красивый да еще стихоплет — тебе, паршивке, мало одного меня, еще и князя захотелось! Подыхай, подыхай, подыхай...

С этими словами Довнар обхватил ее шею, сдавив горло до хруста, и голова Ольги Палем моталась, словно пышный бутон на тонком стебле. Из горла вырвалось сдавленное хрипение:

— Ревнуешь, да? Значит, любишь, да?

— Дура! — выкрикнул Довнар, разведя на ее шее пальцы. — Сейчас же подавай на стол. Я голоден...

«Ревнует — любит», — решила она. О, жалкое ослепление великого множества женщин! Вот ведь и в русских деревнях молодые бабы, пока не исколотит их суженый, не уверены в его любви.

С блаженной улыбкой Ольга Палем подавала ужин своему любимому Сашеньке... Стоило ли Туманову говорить ей то, что она и без него знала? Знала даже больше Туманова.

Близилась осень. Перед отъездом Довнар спросил:

— Надеюсь, ты довольна летним сезоном?

— Очень. И спасибо тебе, что с нами не было Милицера.

Вернувшись в город, они сразу перебрались с Кирочной ближе к Институту путей сообщения, для чего наняли квартиру в доме богача Ратькова-Рожнова возле Кокушкина моста на Екатерининском канале. Ванны в квартире не было, зато в вестибюле дома уже позванивал телефон — большая новинка по тому времени. Швейцар Игнат Садовский помог молодым поднять вещи на пятый этаж, за что и получил рубль от Ольги Палем.

Подходящей служанки не нашлось, все заботы по дому взяла на себя Ольга; по субботам их навещал балбес Вива, никогда не страдавший отсутствием аппетита, так что приходилось варить, печь, жарить, а потом по ночам перемывать посуду.

— Глаза боятся, а руки делают, — удивлялась Ольга Палем. — Вот уж не думала, что стану такой хозяйкой... Скажи, я сегодня не пересолила котлеты?

— Ты у нас молодец, — нахваливал ее Довнар...

Все дни одна-одинешенька, то и дело поглядывая на часы в ожидании Довнара, женщина без устали стирала, готовила, прихорашивала квартиру. Ожидать помощи от Довнара не следовало — Ольга Палем сама, неумело орудуя молотком, приколачивала гардины, любовно развешивала оконные занавеси. Наверное, не без умысла на самом видном месте укрепила она рядышком на стене две фотографии — свою и довнарскую.

На усталость не жаловалась, ибо во всем, даже в скользящем отражении зеркального трюмо, купленного по дешевке, ей мерещилось нечто теплое и волнующее, приятно ее ласкающее если не счастьем, то хотя бы счастьицем обыденного бытия...

Ах, как ей хотелось быть хорошей женой!

В один из дней она сказала Довнару:

— Все хорошо, пока хорошо. Но если меня обманешь, то в статистике Петербурга одним самоубийством станет больше.

— Застрелишься? Из своего «бульдога»? Ха-ха-ха!.. Не болтай глупостей. Из него даже мухи не шлепнуть.

Ольга Палем выждала, когда он перестанет смеяться:

— Тебе весело? А ведь я даже не улыбнулась.

— Ладно, — пошел он на мировую. — Знаю я тебе цену и знаю цену твоим словам... комедиантка! Не так-то легко покончить с собой, как тебе это кажется...

Был уже сентябрь, дождевые тучи низко проползали над кры-

шами. Ольга Палем иногда выходила на балкон, с высоты пятого этажа смотрела, как жутко темнеют воды канала, суетятся внизу фигурки пешеходов... Вдруг становилось страшно, и она торопливо закрывала балконную дверь.

Дурные предчувствия угнетали ее:

— Как трудно жить, все время ожидая беды. И откуда она придет — неизвестно... может, от Милицера?

Милицер все эти дни не появлялся, и порою уже казалось, что она навсегда избавлена от его издевочек и намеков, больно ранящих ее женское самолюбие. Как наглядный, но молчаливый укор Довнару, Ольга Палем выставила поверх комода фарфоровую безделушку, изображавшую французскую маркизу, которой не так давно Милицер с наслаждением отломал правую руку...

Долгий-долгий звонок с лестницы — вот он и появился!

— Вас только и ждали, — зло выговорила она.

— Сашки нет? — как бы не услышав ее реплики, Милицер проследовал в комнаты, даже не снимая галош. — Впрочем, он мне и не нужен... Ольга Васильевна, — бухнулся за стол, не снимая шинели. Фуражкой, мокрой от дождя, накрыл красивую вазу с натюрмортом из фруктов, — может быть, вы объясните, что заставило вас сделать подлейший донос на меня в институте?

Ольга Палем вспыхнула — от смущения и гнева.

Да, перед самым отъездом на дачу она действительно повидалась с инспектором Кухарским, умоляя его оградить Довнара от жестокой опеки Милицера. Может, именно по этой причине злодей и не появлялся в Шувалове...

— Я заявила инспектору, что ваше влияние на Сашу делается невыносимым. Если вы действительно щирый варшавянин, то как же можете требовать от Саши, например, чтобы он разговаривал с вами обязательно на польском языке, которого Довнар не учил и не знает.

— Но как шляхтич древнего рода Довнар-Запольских, он обязан знать язык своих предков, — внушительно заметил Милицер. — Однако вы, барыня или барышня, не знаю, как точнее определить ваше положение в этом доме, сумели внушить идиоту Кухарскому, будто я действую из иных побуждений, желая вызвать в Довнаре угасшую любовь к Речи Посполитой и возбудить в нем законное презрение к России... Именно так и понял вас инспектор Кухарский! Всего доброго. Не смею более задерживать столь почтенную даму, щеки которой пылают огнем, словно заранее предвкушают презрение моих пощечин...

И, наследив галошами, он удалился, треснув выходной дверью с такой силой, что звякнул колокольчик звонка.

— С-сволочь! — сказала вслед ему Ольга.

Вечером того же дня швейцар Игнат Садовский с поклоном вручил Довнару телеграмму от матери.

— Ну, наконец-то! — обрадовался тот. — Надо срочно готовить для нее комнату. Займись этим сама, чтобы мамочка осталась довольна. Представь себя в самом лучшем свете.

Ольга Палем обещала сделать все, чтобы Александре Михайловне понравилось. В день приезда будущей свекрови она совсем разволновалась, боясь опоздать на вокзал:

— Ты проверил, когда приходит одесский поезд? Хорошо бы заранее заказать пролетку, чтобы встретить мамочку.

— Не беспокойся. Я просил Милицера встретить мамулю на вокзале, он и подвезет ее к дому.

Ольга Палем, ничего не сказав в ответ, мучительно долго взирала на обезображенную статуэтку нарядной маркизы.

— Умнее ты ничего не мог придумать, — произнесла она наконец. — Тебе, наверное, нравится, когда меня оскорбляют. Воображаю, как вам бывает весело сообща обсуждать эпизоды из моей жизни, которые вряд ли позволительно выставлять на всеобщее обозрение.

— Слушай! — взорвался Довнар. — Не начинай скандала хотя бы сейчас, в день приезда моей мамочки.

— Ладно. Молчу.

Продолжение следует

НАШ КАЛЕНДАРЬ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ИСАКОВСКОГО

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

«Катюшу» Исаковского поет весь мир. Может быть, это первая русская песня, что вылетела из родного гнезда вестью об открытой, верной и чистой русской душе. Она пришла к человечеству вместе с освобождением его от фашизма. Это событие отечественной литературы.

А ведь в ней все удивительно просто. Но простота здесь, я бы сказал, первоосновна. Земли разделена на государства, и у каждого есть границы, их стерегут молодые солдаты. А где-то ждет девушка... Она грустит о любимом, и в ее песне — те самые слова о верности, о сбереженной любви, которые так ждет сердце солдата: «А любовь Катюша сбережет». Песню эту бойцы понесли на фронт вместе с грозным оружием. Вестницей мира стала она. Ведь это песня весны, распахнутых просторов, яблоневого цвета, так любвмого поэтом, песня, льющаяся с кручи.

Все в этой знаменитой песне русское. В образе Катюши окликается Ярославна, в пейзаже — канонические традиции выхода героини на простор, на берег, такие герои, как ветер, солнце, туманы над рекой, любимый — степной орел... Михаилу Васильевичу Исаковскому не надо было изучать фольклор — он вырос на народной поэзии. Это была его художественная школа, его родовая память. Он сразу запел по-русски, и не мог иначе.

О чем он пел? Вопрос, конечно, риторический, ибо я не могу поверить, что песен Исаковского не помнят, не знают. И все-таки, о чем? О самом заветном, родниково-чистом в людских чувствах, о прекрасном, высоком и героическом. Все у поэта высшей пробы. Патриотизм и счастье труда, ожидание любви и встреча влюбленных навеки, горе, радость, родная природа — все, что составляет крепость жизни. Вот такой духовный стереофонический эффект присущ песням Исаковского.

Поэт жил вековыми, тысячелетними интересами крестьянства, горячо желая вместе с ним лучшей доли. Оттого их не коснулось, к ним не прилипло все позорное и грязное, от чего «отмываться» приходится немалому числу литературных деятелей целого ряда эпох в истории нашей страны. Песни Исаковского чисты, благородны, находят мгновенный путь к сердцам. Сегодня, когда русский дух пробивается к своему истинному возрождению, поднимается и интерес к ним, яростно заглушаемый в течение более чем десятилетия. Да, Исаковский не был популярным автором в эпоху застоя, что, замечу, лишний раз свидетельствует о том, что время было глухое и непесенное. В сегодняшней схватке — рок или Исаковский, — похоже, Исаковский все-таки выстоит. Даже и потому, что без настоящей, народной песни уже невмоготу. И потому, что пока еще «цветет калина в поле у ручья...».

Мое первое впечатление от стихов Исаковского — из «Родной речи» для четвертого класса. Стихотворение «Вишня». Помните — нес старик молодое деревце домой, а посадил его у дороги для людей.

Младенческой чистотой поэзии дышит чувство старика, а сколько в народных недрах сбереженного благородства в его поступке. И главное, он совершенно естествен, он в обычае нашего народа. Сберечь такое чувство, воспитать на нем поколения не значит ли сберечь и природу, и человечность. А разве это стихотворение мы не можем явить миру как свою изначальную суть?

И еще помню. Война разлучила меня с моей смоленской деревней Заболотье. После долгого перерыва уже студентом Литературного института я первый раз приехал в край моего детства. Стоял па запыленной площади райцентра, напротив, через дорогу — спеющее поле... И тут из репродуктора на столбе полилась песня:

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Прийти сюда вечернею порой,
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дороги полевой...

И я понял, что вернулся на родину.

Исаковский... Он будто бы существовал всегда. Его пели и в радости и в печали. Пели, порой даже не зная фамилии автора. Характернейшая особенность: М. В. Исаковский, при всей его популярности, никогда не воспринимался как некая ярко выделенная из толпы лирическая индивидуальность. Он весь раство-

рился в своих героях и русской природе. И через них оказывал сильнейшее воздействие на воспитание чувств сограждан. Прежде всего — огромной любовью к человеку.

«Словно ищет в потемках кого-то и не может никак отыскать...» Какая пронзительная струна одиночества зазвенела сразу от припоминания этих строк! Но какого одиночества — исполненного надежды, не нарушающего красоты и гармонии мира, овеянного теплом летней ночи, утешенного сердечными звуками гармони. Да, гармонь Исаковского — сама удивительная героиня всей нашей поэзии. Это гениальный образ. Сказал — и вроде какое-то смущение испытал. Определения «гениальный», «великий» в обращении к Исаковскому звучат напыщенно и словно даже в чем-то унижают его, оскорбляют его русскую простоту. Исаковский — поэт народный, плоть от плоти той поэзии, в которой нет ничего самодовольно-эгоистического. Все мастерство его, громадный литературный опыт, ювелирный труд над словом были направлены на то, чтобы приблизить все пережитое и перечувствованное им самим, современниками к идеалу народного слова, вечного и безымянного. Даже когда он в стихах говорил «я»: «Летят перелетные птицы, а я не хочу улетать...» Так и тянет продолжить: «А я остаюся с тобою, родная моя сторона. Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». Невозможно проще выразить владеющее нами чувство, определившее облик нашей страны, не позволяющее нам и помыслить покинуть Родину, возвращающее старых эмигрантов к родному порогу, поднимающее в грозный миг защиты Отечества. А ведь поэт говорил только о себе.

Тайна лиризма Исаковского, наверное, в том, что он умел жить чувствами родных ему людей. Сам первый до сердечных глубин переживал любое событие, оживавшее в его поэзии. От всей широты чувства выдыхал: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет...»

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем...

Такой миг неповторим. Для каждого. Он настолько стыдливо-таинственен, что, кажется, не только взгляда — помысла стороннего боится. И вот об этом люди поют, что называется, во все горло. А чистота и тайна остаются. И ведь не затрепали песню, не захватали — с той же природной, душисто-травяной, июльским теплом пропитанной, кружащей голову силой обрушивается она на нас и увлекает на праздник жизни.

И люди, и природа, и события под пером Исаковского выходят яркими, красивыми. Если же вдуматься, нет у поэта ни расписных красавиц, ни каких-то необыкновенных происшествий. Сила любви поэта озаряет все, к чему он ни прикоснется словом.

Мало кто знает, каким был Михаил Васильевич в жизни. Он себя напоказ не выставлял. Когда я впервые позвонил ему и по приглашению пришел в его дом, в ту пору он жил строгой сосредоточенной жизнью мастера, да и от природы был благородно-застенчив. Но в его отношении я сразу почувствовал теплоту и доброжелательность. Меня он назвал «землячок». Предложил напутственное слово к моим стихам. А когда я сказал, что мне его уже дал Н. Рыленков, то услышал, что раз не нужно именно

его слово, то и не нужно; это ничего не значит, пусть будет Рыленков. Покорил он меня тогда этой своей добросердечностью, отсутствием всяких амбиций «метра». Чем помог мне в литературе Исаковский? Тем, что он присутствовал в литературной жизни авторитетом настоящего поэта.

И еще одно, последнее воспоминание... В послевоенные сиротские годы довелось мне подростком зарабатывать хлеб пением по выгонам. Тогда-то я впервые и услышал запрещенную к исполнению песню «Враги сожгли родную хату...». Я повидал немало горя людского, сам старался петь о веселом, о красивой жизни. И вот настигло меня солдатское горе, которого не развеять доныне на перекрестках российских дорог. Свежа эта рана, эта боль, что идет, кажется, еще со времени древних битв:

И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Это вино с печалью пивала еще дружина князя Игоря... И как выстрел долетает в сегодняшний день:

И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Русский солдат, русский человек вошел в судьбы народов мира. Вошел с русской песней, раскрыл свою душу планете в незабываемых строках замечательного поэта Михаила Исаковского. Мы пели его, и песни дойдут до наших потомков.

Владимир ФИРСОВ,
лауреат премии Ленинского комсомола,
Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького

12*

РОДИНА — РОССИЯ!

«...Стихи Б. Пастернака сразу производят впечатление чего-то свежего, еще небывалого: у него всегда своеобразный подход к теме, способность все видеть по-своему.

...Пастернак, несомненно, — поэт-интеллигент. Частью это приводит к широте в его творческом захвате: история и современность, данные науки и злобы дня, книги и жизнь — все на равных правах входит в стихи Пастернака, располагаясь, по особенному свойству его мироощущения, как бы на одной плоскости...

...У Пастернака нет отдельных стихотворений о революции, но его стихи, может быть, без ведома автора, пропитаны духом современности, психология Пастернака не заимствована из старых книг, она выражает существо свмого поэта и могла сложиться только в условиях нашей жизни».

Б. Брюсов

«Пастернак чист, Пастернак прям...»

Вс. Вишневский

«Пастернак — большой поэт».

М. Цветаева

«Господи, у меня голова кружится от счастья! Я вернусь на родину; и эта родина — Россия...»

Б. Пастернак, Марбург
(из письма А. Л. Штиху), 1912 г.

«В тридцатых годах его (Пастернака. — Ред.) положение становилось все более невыносимое, и он начал «свою многолетнюю молчаливую дуэль» со Сталиным».

The Oxford Reference Dictionary, Oxford, 1986, p. 614

Борис ПАСТЕРНАК

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И, чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок.
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей махиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

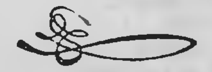
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

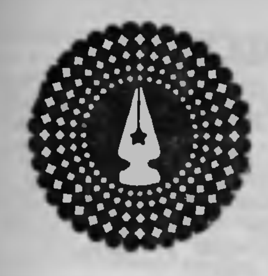
В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходящем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.





ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ПАРТИЙНЫМ СЪЕЗДОМ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Читатели хорошо знают, что до недавнего времени материалы, публикуемые под рубрикой «Навстречу съезду», отличались известной нормативностью, проблематика их сводилась к концепциям, заведомо укладывающимся в русло решений, принимаемых на партийных форумах. Иначе говоря, все это было одним из проявлений застоя в партийной жизни.

Время перестройки обязывает нас круто изменить подходы, обязывает ставить в повестку дня вопросы самые жгучие, проблемы самые острые, с тем, чтобы до минимума свести разрыв между словом и делом, между теорией и реальной жизнью.

В последнее время в широких общественных кругах все чаще, все настойчивее обсуждается вопрос о концепции власти в стране, и вопрос этот, видимо, не может пройти мимо внимания делегатов предстоящего съезда партии.

Не случайно М. С. Горбачев в статье «Социалистическая идея и революционная перестройка» («Правда», 1989, 26 ноября, № 330) подчеркивал, имея в виду партию, ее Центральный Комитет, что «мы не следуем какой-то извне навязываемой, абстрактно сформулированной догме, а анализируем и обобщаем то, что складывается в самой жизни как результат творчества миллионов».

Выступления кандидата технических наук В. Зазнобина и инженера Ю. Вровко, публикуемые сегодня, конечно же, не претендуют на выражение конечной истины, они полемичны, но в них затрагиваются, на наш взгляд, важные проблемы, требующие изучения и осмысления.

Редакция будет признательна тем авторам и читателям, которые, располагая большей полнотой информации по затронутым проблемам, захотят продолжить разговор.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Случаен или закономерен итог 30-летнего периода нашей истории, поверхностно называемый застоем, в течение которого страна, располагающая богатейшими материальными и интеллектуальными ресурсами, фактически стала сырьевым придатком Западе, без войны превратившись по многим покезетелям в «послевоенную»? Этот вопрос волнует сегодня многих людей.

Обратимся к директиве Совета национальной безопасности США № 2011 от 18 августа 1948 года: «Речь прежде всего идет о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля (...) не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались это сделать в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией», то «...мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нем режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в политическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на «железный занавес».

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

Даже человеку, не искушенному в политике, видно, как точно описано в директиве нынешнее положение СССР. Пожалуй, лишь последний абзац этого документа требует некоторых пояснений.

Известно, что 2,3 процента населения нашей страны имеют 80, а по некоторым данным — 90 процентов всех вкладов в сберкассе. Сбережения граждан в условиях товарного голода — не отложенный спрос, а долг общества самому себе. Но очевидно, что в таком случае все общество должно этим 2,3 процента своих граждан. Из них же только 0,7 процента, по свидетельству еженедельника «Аргументы и факты», имеют законные источники дохода.

И вот Аганбегян, Абалкин, Шмелев, Попов, Заславская и К° предлагают насытить рынок товарами и услугами без изъятия состояний у 2,3 процента, предлагают широкий выпуск акций и прочих ценных бумаг. То есть на самом деле эти представители «народной интеллигенции» предлагают народные средства производства продавать этим 2,3 процента населения страны и иностранному капиталу, которые сразу же сядут на шею народу. Поскольку классовой оценки этим предложениям не дано, то Совет национальной безопасности (СНБ) США должен считать подобную экономическую политику в СССР враждебной социализму и коммунизму. Это находит свое подтверждение и в теории: перестройка по рецептам Аганбегяна и К° имеет корни в работах Дюринга и Каутского, а с научным коммунизмом у нее только общая фразеология. Не отсюда ли гром аплодисментов нашей перестройке на Западе?

Много лет нам твердили о решающей роли ядерного и других видов оружия массового поражения в глобальном противоборстве двух систем. Теперь ясно, что это неверно.

Если под оружием понимать любые средства борьбы противостоящих общественных групп, в том числе и государств, и расставить его приоритеты в порядке убывания губительности, мы получим следующее.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ: 1. Информация философского, мировоззренческого, методологического характера. 2. Информация летописного, исторического, хронологического характера каждой отрасли знания. 3. Информация прикладного фактологического характера отраслей знания (идеология, технология и т. п.).

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ: 4. Экономика и международная торговля. Борьба за мировые деньги. 5. Угроза применения оружия массового поражения (не уничтожения, а поражения!). 6. Прочие виды оружия.

По первому приоритету в официальной науке мы не имеем ничего, кроме высокопарных слов типа: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

По второму приоритету мы не знаем о себе и окружающих странах ничего, что выходит за пределы памяти одного поколения.

По третьему приоритету существующая система режима секретности работ не позволяет нам самим знать о себе ничего, но позволяет получать с Запада до 80 процентов наших разработок спустя 10—15 лет после их завершения в СССР.

По четвертому приоритету мы ограничивались только восторгами по поводу поднятия отдельных разработок нашей промышленности и науки на уровень мировых образцов и выше, хотя покупают у нас только сырье.

По пятому и шестому приоритетам мы разорили страну и народ, создав иллюзорную мощь своих вооруженных сил. Нежелание США сократить свои вооружения свидетельствует об этой иллюзорности и прежде всего о грубейших «проколах» в деле строительства Военно-Морского Флота. В итоге после прогноза «ядерной зимы» пятый приоритет вообще бессмыслен. Не надо обольщаться. Время, когда оборонные отрасли можно было развивать вне зависимости от остального народного хозяйства, давно прошло. Если мы не в состоянии серийно делать хорошую технику для мирного труда, то есть все основания предполагать, что военную технику, которую делают те же люди, делают так же плохо.

О правильности такой расстановки приоритетов свидетельствует история Японии, которая через 40 лет после военного разгрома и безоговорочной капитуляции стала, по своим собственным оценкам, сверхдержавой № 1 (об этом ЦТ сообщило в начале апреля 1989 года). Несмотря на оккупацию Японии Соединенными Штатами, которые продиктовали ей конституцию и длительное время вмешивались в ее внутренние дела, лидер компании «Тосиба» в начале 60-х годов сказал: «Мы поручили американцам охранять Японию от вас (то есть русских. — В. З.), а на сэкономленные

деньги мы будем вести экономическую войну против Соединенных Штатов. И в этой войне, будьте уверены, у нас больше шансов на победу, чем у наших заокеанских друзей...»

Он оказался прав: в настоящее время из 10 крупнейших мировых банков — 8 японские.

Как осуществлялось управление? «Командно-административным способом», — кричит пресса. Но это пустые слова, тем более что и при «рыночной» экономике управление носит все тот же «командно-административный характер», так как управление — это конкретные мероприятия организационного и технологического характера, преследующие определенные цели. И по мере развития капитализма в развитых странах роль рынка в качестве регулятора падает.

Причина этого падения связана со способом замыкания обратных связей в процессе управления. Известно, что управление адаптирующимися системами без обратных связей невозможно.

В рыночной экономике обратные связи замыкаются главным образом через сферу материального производства, что ведет к неизбежному превышению предложения над спросом всех товаров, включая и рабочую силу. Чем большую роль играет рынок, тем больше растрачиваются в непроизводительном труде трудовые ресурсы любой системы, в том числе и капиталистической. Рост эффективности капиталистического производства сопровождается падением роли рынка и уменьшением доли предложения, необеспеченного спросом.

Падение роли рынка как регулятора отражает процесс постепенного перехода от рыночной экономики к плановой: переносу обратных связей из сферы материального в сферу интеллектуального производства, то есть в сферу обработки информации. В этом проявляется повышение качества управления по мере развития производительных сил и производственных отношений. Идет централизация управления, но не в вульгарно понимаемой и навязываемой у нас средствами массовой информации форме, когда производство каждого болта планируется из одного центра, а централизация при одновременном распределении по уровням иерархии целей управления и ресурсов, находящихся под их контролем. «Децентрализация» в этом процессе проявляется в повышении уровня организации периферии системы до уровня организации «центра» — это не разрушение связей между центром и периферией, а постоянная перестройка системы в целях повышения качества управления.

Управляющее воздействие вырабатывается и проводится в жизнь в любом случае «командно-административным» способом. Но вырабатывается оно по-разному. При рыночной экономике администраторы анализируют текущую конъюнктуру рынка и реагируют на его текущее состояние. При стихии рынка роль прогноза в формировании управляющих воздействий относительно невелика из-за большого количества конкурентов, что обусловливает низкую достоверность детального прогноза.

По мере необходимости повышения качества управления любой системой роль прогноза в формировании управляющего воздействия возрастает. Плановое ведение экономики — это и есть система общественного производства, управляемая по схеме, которая сводится к непрерывному прогнозированию развития системы и постоянному корректированию прогноза (плана) по текущему и

прошлому состоянию системы. Переход к управлению по схеме «предиктор (предсказатель) — корректор» обеспечивает более высокое качество управления любой сложной системой.

Если речь заходит об управлении обществом, то разговор всегда переходит к теме власти. И все готовы поспорить о распределении функции управления между различными видами власти: политической, законодательной, исполнительной, судебной. А с началом эпохи «гласности» споры эти на страницах прессы приобрели особенно бурный характер. Но нигде ни слова о КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ВЛАСТИ! Между тем реализованная директива американского СНБ едва ли не является концепцией развития СССР.

Концептуальная власть является предиктором при управлении общественно-экономической формацией по схеме «предиктор — корректор». Концептуальная власть автократична по своей природе: то есть она порождает себя сама, выйдя на определенный уровень миропонимания вне зависимости от «демократических процедур» общества. Это высший уровень иерархии системы управления обществом. Вольный или невольный факт реализации в СССР пусть даже некоторых положений директивы американского СНБ говорит о замыкании нашей политической, законодательной и исполнительной властей не внешнюю, враждебную социализму, концептуальную власть!

Плановое управление экономикой без концептуальной власти невозможно. Те, кто утверждает, что опыт СССР показал невозможность планового социализма, боятся смотреть правде в глаза по причине верноподданности. Бравый солдат Швейк был признан идиотом тремя враждующими школами психиатрии после того, как они убедились в его абсолютной верноподданности. Реальные факты деградации экономики и общества в нашей стране свидетельствуют о том, что наличие концептуальной власти — предиктора — позволяет управлять планово не только своими, но и чужими производительными силами. Чтобы понять это, следует рассматривать историю СССР не изолированно от истории остального мира, а с учетом целостности истории всего Человечества. Наша социалистическая государственность, замкнутая на предиктор мировой системы капитализма европейского типа, враждебного нашему обществу, перестает быть социалистической и обращается в свою противоположность.

Без становления в СССР собственной концептуальной власти мы по-прежнему будем работать не чуждые нам цели: другое дело — несколько эффективно. Подсознательное понимание народом этого факта отражается в пробуксовке предлагаемой ему группой Аганбегяна и К° перестройки по рецептам Дюринга и Каутского.

Концептуальная власть формирует концепцию развития. Политическая облекает ее в притягательные для народа формы, не всегда соответствующие ее реальному содержанию. Да и содержание, завуалированное концептуальной властью, не обязательно должно быть понятно власти политической. Законодательная власть облекает концепцию в юридические формы и так далее...

Все действуют в большинстве своем искренне в меру понимания, а на выходе получается то, что вообще не входило в планы никого, кроме концептуальной власти. И реальность такого хода событий подтверждается, несмотря на то, что хотя все наши руководители в один голос скажут, что они никогда не руководству-

ются в своей деятельности этой и подобной ей директивами, а, наоборот, противостоят им.

Реальность рассмотренного явления лишь одна из многих сторон борьбы двух систем с использованием информационного оружия — первых трех приоритетов.

Успешность работы «предикатора» в значительной мере определяется понятием «социального времени» (есть еще понятия физического, биологического времени и т. д.) в общественном сознании и представлениями о характере развития процессов во времени. Понятие социального времени связано с периодичностью процессов, определяющих жизнь общества. Это понятие меняется по мере развития производительных сил общества и смены «эталонных» частот социального времени при жизни, основанной на сельскохозяйственном производстве. В наши дни, когда, по мнению японцев, фактология частных отраслей Знания стареет в течение 5—8 лет, именно периодичность обновления фактологии практически используемого Знания и определяет эталонную частоту, с которой связано понятие социального времени. При таком положении вещей фактология науки обесценивается, но резко возрастает общественная значимость методологии, в том числе методологии поиска Знания, необходимого для прогноза развития любой общественной системы.

Есть научно-технические вопросы, на которые можно дать правильные ответы, не выходя за пределы узкой отрасли знания. Например: «Как построить атомную электростанцию или создать космический корабль для полета на Марс?» Но на вопрос: «Надо ли строить атомную электростанцию и посылать на Марс космические корабли?» — не следует искать ответа в области технического и даже экономического знания. Для ответа на такие вопросы необходимо найти место прикладного фактологического материала частной отрасли знания в общей фактологии истории. Только при этом условии можно построить прогноз развития частной отрасли науки и техники и получить достоверные ответы на такого рода вопросы, то есть ответы, подкрепляемые практикой с течением времени. Данные утверждения предполагают, что История не является цепью случайно следующих друг за другом фактов, а что через цепь случайностей пролагает себе дорогу закономерность. Эта закономерность Истории познаваема, объективна (то есть независима от сознания). Понимание разного рода объективных закономерностей и позволяет «пророчить» варианты устойчивого будущего с точностью до общественного явления, а в отдельных случаях — с точностью до исторического факта. Это и дает возможность направлять производительные силы общества на реализацию предпочтительного для концептуальной власти варианта устойчивого будущего. Осознание этого факта чуждой нам концептуальной властью при упорном нежелании понять его нашей политической, законодательной и исполнительной властью и обеспечивает столь высокое совпадение с вышерассмотренными американскими прогнозами 40-летней давности.

В. ЗАЗНОБИН,
кандидат технических наук
Ленинград

РАЗБОЙНЫЙ ПАСЬЯНС

Факт старый — по данным американских специалистов, в 1977 году США бесполезно израсходовали нефти больше, чем импортировали.

Факт новый — в 1986 году с учетом затрат на содержание воинских частей на Ближнем Востоке каждый баррель нефти обошелся США в 180 долларов при ее цене на рынке в 18 долларов. В это же время энергорасточительство в самих США отнюдь не прекратилось. Если исходить из афоризма: «капиталисты в отличие от нас зря доллары не тратят», то чем же объяснить столь странное швыряние миллиардами? Для этого есть причины внутренние и внешние.

Внутренние причины следующие. Первое, каждая тонна импортной нефти до 1973 года давала США лишь в форме госдохода 55 долларов, а после повышения цен на нефть в 1973 году — уже 68 долларов. Второе, «защита жизненных интересов» США на Ближнем Востоке является наглядной и убедительной иллюстрацией необходимости затрат на развитие военно-промышленного комплекса. Третье, каждый доллар, проходя через стадии обращения (нефть — транспорт — переработка — распределение), приносит весьма ощутимую прибыль международным банковским монополиям. Четвертое, каждый нефтедоллар, пущенный государством в военный комплекс, приносит солидные прибыли не только производителям оружия, но и тем же банкам. Пятое, контроль над источниками нефти в сочетании с имеющейся в нужных регионах военной силой позволяет проводить политику «разделяй и властвуй» и легко наказывать «ослушников». В силу этого оказывается, что абсурдное с научно-технической и экономической точек зрения является весьма полезным с точки зрения политической.

Внешние причины подобного расточительства нельзя понять, не рассмотрев положение дел в нашей энергетике. Поэтому, оставив в покое политику транснациональных нефтяных и банковских картелей, отметим попутно, что она имеет такое же отношение к рыночной экономике, как бузина к известному киевскому дядьке — перейдем к нашим отечественным бедам.

На основе материалов, опубликованных в последнее время нашей публицистикой, можно сделать следующие выводы. Положение дел с энергоресурсами архивозмутительно (более 50 процентов добываемого топлива бездарно теряется). Традиционное развитие гидроэнергетики и АЭС смертельно опасно для общества. Традиционное развитие теплоэнергетики неприемлемо экологически. Исчерпала себя концепция централизации в развитии и создании энергосистем. Традиционное развитие энерготехнологий в промышленности представляет собой не что иное, как необъявленную войну, где только человеческие жертвы превышают все известные до сих пор. Проиллюстрирую сказанное.

В связи с известными событиями в Кузбассе печать наконец-то опубликовала некоторые данные по экологической ситуации в этом регионе. Оказывается, что 50 процентов трудящихся болеют хроническими заболеваниями (в среднем по стране — 8 процентов), а онкологические заболевания превышают средний уровень в 12,5 раза. И самое страшное — 87 процентов детей рождаются с умственными и физическими аномалиями...

Посмотрим, к чему привела концепция создания Единой энергосистемы страны, когда все генерирующие мощности связаны линиями электропередачи (ЛЭП). Общие потери электроэнергии в ЛЭП (от шин станции до щитов предприятий) составляют 30—35 процентов. В 1987 году это составило 420 миллиардов киловатт-часов товарной электроэнергии. Для сравнения — это на 10 процентов больше, чем товарная энергия ГЭС и АЭС, вместе взятых. Но это, так сказать, результат технически закономерный, обусловленный техническими свойствами ЛЭП. Если же к этому добавить еще и казусы в развитии самой энергосистемы, то итог будет еще непригляднее. Например, Минэнерго, сделавшее ставку на создание гидромастодонтов в Сибири, несколько пятилеток регулярно срывало планы создания мощных ТЭС на базе дешевых углей Кузбасса, Экибастуза, Канско-Ачинска. В итоге — острейший дефицит энергии на Урале. Как следствие — топливо из Сибири везут в европейскую часть, а полученную энергию гонят по ЛЭП назад в Сибирь. Так, может быть, подобный абсурд выгоден Минэнерго?

Как известно, Минэнерго получает значительные дотации по топливу. Известно также, что предприятия идут на сознательное завышение себестоимости продукции, лишь бы сохранить дотационный характер производства. Вот здесь и разгадка.

Тепловые станции работают на угле, газе, торфе, мазуте. Причем ведь и уголь углю рознь. Чтобы привести всех под единый знаменатель, работа ТЭС оценивается по так называемому условному топливу (это некий эталон, имеющий теплоту сгорания 7000 килокалорий на килограмм). А так как энергетики получают натуральные тонны, то при переходе от одного к другому они заинтересованы снизить качество получаемых углей. И действительно, по данным энергетиков, все последние 70 лет теплотворная способность углей (одних и тех же марок по месторождениям) неуклонно снижалась. И это снижение не зависит от времени и степени эксплуатации месторождений. При этом если сравнить данные Минэнерго с данными Минуглепрома, то у первых теплота сгорания всех углей всегда меньше (до 20 процентов), чем у вторых. Значит, в теплоэнергетике неизбежно должны накапливаться ненужные излишки. И действительно, еще до перестройки «Правда» опубликовала две внешне странные истории. Суть первой в том, что с одного карьера уголь отвозился на 60—100 километров и там валился под откос. Угольщики же молчали, так как исправно получали денежки. И вот один машинист тепловоза и член ЦК добился (побегав несколько лет по инстанциям и исписав кучу бумаги), чтобы безобразие прекратилось. Правда, это вовсе не означает, что этот уголь не стали валить под откос где-нибудь за 500—700 километров, ведь он по-прежнему был никому не нужен.

Суть второй истории — наказали бригаду шагающего экскаватора из Экибастуза, которая недопоставила мощной ТЭС три миллиона тонн угля. Однако за целый год со стороны энергетиков не было ни малейших претензий. Так откуда же топливо?

К этому следует присовокупить «законные» потери, оплачиваемые энергетиками, — например, почти 10 процентов угля теряется при перевозке (выдувается, просыпается). Но несмотря ни на что, теплоэнергетика планомерно снижает расход топлива. Так как же реально обстоит дело с расходом топлива? Вопрос сложный, и

крайне трудно привести четкую, бесспорную цифру, но дать объективную оценку можно.

В сборнике ЦСУ за 1973 год были в последний раз опубликованы данные межотраслевого баланса за 1972 год. Согласно этим данным (ЦСУ-73, с. 121), полные затраты угля в теплоэнергетике составили 0,253 кг на кВт · ч. Если по принятым ЦСУ коэффициентам перейти от натурального топлива к условному, то окажется, что в 1972 году теплоэнергетика расходовала 0,178 кг условного топлива (кгут) на кВт · ч. В это же время официально Минэнерго показывало 0,354 кгут на кВт · ч. Для контроля сравним ведомственные и межотраслевые данные за 1959 год. Оказывается, что в 1959 году, по данным межотраслевого баланса (ЦСУ-60, с. 151), расход составил 0,434, а по ведомственным — 0,477 кгут на кВт · ч (то есть «химичили» в меру). Разумеется, приведенные за 1972 год цифры отнюдь не бесспорные, но, по-моему, они дают наглядное представление об уровне разбазаривания энергоресурсов в нашей энергетике.

Справки же о потерях, обусловленных отсталыми технологиями в промышленности и просто расточительным использованием энергии, можно приводить томами. Например, японские специалисты подсчитали, что только в металлургии мы бесполезно расходуем энергии больше, чем ее вырабатывают все наши АЭС. Подведем итог сказанному.

С экономической точки зрения развитие энергетики убыточно, и эти затраты никогда не могут окупиться. Судите сами, за период 1980—1987 годов общая прибыль топливно-энергетического комплекса составила 130 миллиардов рублей (энергетика — 49,5, топливная — 80,4). На развитие же этих отраслей за этот период было направлено 184 миллиарда, или на 54 миллиарда рублей больше. Если же дополнительно учесть дотации Минэнерго, расходы на ликвидацию аварий на АЭС (во что нам обойдется Чернобыль?), ущерб от разрушения экологии, то картина вообще будет удручающей. Эта разорительность развития наглядно доказывает несостоятельность проводимой технической политики. Рассмотрим некоторые частные результаты.

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. За период 1966—1984 годов было введено мощностей по добыче угля на 344 миллиона тонн в год. Прирост же годовой добычи за это время составил лишь 135 миллионов тонн. Но вместо того, чтобы, используя этот колоссальный задел, переключить ресурсы на решение социальных задач, мы продолжаем наращивать ввод производственных мощностей. Так, за 1985—1987 годы было еще введено мощностей по добыче угля на 62 миллиона тонн в год при росте годовой добычи лишь на 26 миллионов тонн. А ведь забастовка шахтеров заставила признать кризисное положение в социальной сфере угледобывающих районов. Так чем же можно объяснить проведение подобной политики? — искусственным созданием «революционной» ситуации?

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА. Энергомонополисты, говоря о целесообразности создания новых гидромастодонтов, обычно приводят два аргумента — экологичны и незаменимы при регулировании пика нагрузки. Однако, если взять работы специалистов (например: П. К. Аксютин и др. Энергетика СССР в 1981—1985 гг. М., 1982, с. 207), то окажется, что до 1990 года плановый удельный вес ГЭС в регулировании пика нагрузки не будет превышать 12 процентов.

Остальное покрывают ТЭС и АЭС. Так что же лучше — построить требуемое количество маневренных парогазовых турбин, имеющих КПД 65 процентов, или окончательно разорить землю? Да и экологичность ГЭС также весьма своеобразна — заражение водохранилищ синезелеными водорослями приводит к отравлению источников пресной воды. По данным специалистов НИИ химии воды АН УССР, продукты распада этих водорослей делают воду токсичной, а традиционные методы хлорирования дают в результате еще более высокотоксичные соединения. Чтобы избежать этого, нужны миллиарды на создание принципиально новых технологий подготовки питьевой воды. С учетом этого энергия ГЭС оказывается не только весьма дорогой, но и экологически опасной.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА. Отмолчавшись после Чернобыля и опираясь на интеллектуальную экспансию Запада, сегодня наши аэсовцы вновь пытаются перейти в наступление, прикрываясь фиговым листком экологичности АЭС. Именно поэтому есть нужда еще раз напомнить об известных авариях.

1957 год. В Челябинской области происходит авария, в результате которой 2,1 миллиона кюри выпадают на площадь 15 тысяч квадратных километров, или более 140 кюри/км². Рассекретив по требованию общественности эти данные, аэсовцы и Минздрав сегодня пытаются утверждать, что никакого вреда здоровью людей это не причинило. Увы, тривиальный расчет на доверчивость — возьмите статью Предгоскомгидромета Ю. Израэля («Правда», 1989, 20 марта) и убедитесь, что предельно допустимая концентрация радиоизотопов (по цезию-137) не должна превышать 15 кюри/км². Стало быть, и сегодня атомщики безбоязненно лгут. Тогда чем же этот обман общества (неважно — вольный или подневольный) отличается от проведения испытаний на людях?

1974—1975 годы. Последовали три аварии на Ленинградской АЭС. Вначале взорвался газгольдер с радиоактивными газами, затем в окружающую среду были сброшены высокоактивные воды. Объем и радиоактивность выбросов не приведены. Наконец, при продувке аварийного реактора в атмосферу «ушло» 1,5 миллиона кюри. Сколько при этом попало на Питер, а сколько и куда — на область, остается только гадать. Так с какой же целью нам навязывают программу строительства АЭС вблизи всех промышленных центров?

1982 год. Авария в том же Чернобыле (на первом блоке АЭС) с выбросом радиоактивности на город и промзону. Других данных нет.

Апрель 1986 года. Крупнейшая в истории АЭС авария, когда на огромный регион было выброшено более 50 миллионов кюри. И вновь та же странная ситуация — проведя некоторый объем работ по дезактивации (подчас формально) и отселив некоторую часть людей, работы потихоньку начали сворачивать. Большинство же осталось на сильно пораженной местности. «Правда» (1989, 24 июля) расценила это просто как испытания человека на прочность. Однако непредвзятый анализ политики Минздрава и Академии медицинских наук СССР, проведенный учеными и общественностью Белоруссии («Поиск», 1989, № 17), показывает, что речь идет о святотатственном кощунстве. По сути дела, на славянах **проводится широкомасштабный эксперимент по изучению отдаленных последствий воздействия радиации и возможности проведения ограниченной атомной войны.** Только с этой позиции становятся понятными и объяснимыми «теоретические доказательства» нашими академиками от медицины безвредности радиации и безопасности длительного проживания на зараженной местности.

Хотелось бы также отметить следующее. В публикациях специалистов об аварии в Чернобыле присутствуют аргументы и размышления, что в методику проведения эксперимента (совершенно нелепого) была заложена установка на ядерный взрыв. Прочтите еще раз соответствующие страницы из «Чернобыльской тетради» Г. Медведева («Новый мир», 1989, № 6) — ну и чем же можно объяснить отключение всех защитных и аварийных систем реактора? Приведу также выдержку из статьи доктора физматнаук Ю. Соколова из многотиражной газеты Института имени И. В. Курчатова («Советский физик», 1989, 14 марта): «Однако на Чернобыльской АЭС было решено провести эксперимент, смысл которого я так и не смог понять... Не могу отделаться от мысли, что во всей этой затее было что-то явно нелепое» (опущено обсуждение смысла эксперимента. — Ю. Б.). По-моему, **в совокупности вся эта безответственность и головотяпство мало чем отличаются от создания условий для изучения на большой статистической модели отдаленных последствий ограниченной атомной войны.**

Так откуде же следует, что АЭС — это наше безопасное, экологически чистое и сияющее огнями будущее, которому нет альтернативы? И чем больше я размышляю о проблемах энергетики, тем прочнее мое убеждение, что в АЭС заложено что-то весьма и явно нелепое. Например, разве можно объяснить, почему же в стране, где больше всех в мире ученых и специалистов по атомной и ядерной физике, генеральным проектировщиком Чернобыльской АЭС был печально известный Гидропроект? Чем можно объяснить, что сектором проектирования АЭС в нем руководил некто В. Конвиз, возможно, хорошо знающий гидротехнику, но заведомо не знающий ядерную физику? Разве общество еще не поняло, что такое Гидропроект? И где же тогда хоть какая-то гарантия от завтрашних Чернобылей?

Таким образом, ситуация с развитием энергетики плачевная. А что же нам предлагается в перспективе?

Рассмотрим основную концепцию развития энергетики, выдвинутую НИИ Энергосетьпроект. Суть: в Сибири, ценой ее тотального разорения, построить систему гигантских ГЭС и не менее гигантских ЛЭП, по которым гнать энергию в центр. При этом ни малейших упоминаний о протестах общественности — словно их и вовсе не было. Согласитесь, что на фоне перечисленных выше потерь энергоресурсов и повальной бесхозяйственности в их использовании объяснить сочинение подобных планов можно лишь с политической точки зрения.

В 1980 году был опубликован вывод, что к 1990 году для обеспечения нормального промышленного развития соцстранами не будет хватать 50 процентов первичных энергоносителей. Россия уже не сможет (главным образом из-за губительной бесхозяйственности) перекрыть этот дефицит. Из-за отсутствия стабильных и мощных источников валюты соцстраны не могут покупать энергоресурсы на международном рынке. Валютные же долги закономерно приведут к полуколониальной зависимости с плохо предсказуемыми политическими катаклизмами. Вскоре после этого появилось постановление, призывающее и обязывающее экономить каждый килограмм энергосырья, каждый киловатт-час электроэнергии.

Из сказанного выше понятно, что все эти призывы пропали втуне, а практике стала еще более расточительной.

Казалось бы, в условиях, когда обеспеченность первичными энергоресурсами определяет судьбу политической системы, основанной на командно-бюрократическом фундаменте, она должна была бы жестко навести порядок в их расходовании, принять меры к сохранению уникальных месторождений, заставить внедрить наконец-то двойной крекинг нефти, почти в 1,5 раза увеличивающий выход моторных топлив, и весьма экономичные новые типы двигателей. Однако факт: непробиваемая стена стоит на пути реализации любых решений по использованию попутного нефтяного газа и конденсата — постановления пишутся более 30 лет, но до сих пор мы в факелах сжигаем 17 миллиардов кубов в год этого уникальнейшего энергосырья. Стране навязывают разорительнейшие планы форсированного развития газовой промышленности — резко довести добычу газа до триллиона (!) кубиков в год, хотя потребности в этом нет. Стране навязывают кабальный вариант окончательного разорения энергокладовых Тюмени на основе строительства пяти гигантских нефтехимических предприятий. Заманивают посулами постоянных источников валюты, обеспечения потребностей внутреннего рынка в пластмассах и пр. и пр.

В наши перспективные планы развития топливно-энергетического комплекса целеустремленно закладывается курс на разбазаривание энергосырья, на разорение кладовых. Вместе с тем столь четко и непоколебимо проводящаяся установка на разорение энергоресурсов должна же иметь и разумное целевое объяснение? Посмотрим, что получается, если увязать некоторые факты.

Наверное, многие еще помнят нашумевшую книгу: «Генералы за мир» (М., 1982). Примерно за год до того в еженедельнике «За рубежом» была помещена статья под аналогичным названием. В ней приводилось высказывание одного высокопоставленного американского генерала. Суть его сводилась к тому, что, сохраняя свои запасы энергосырья за счет импорта и навязав миру энергорасточительную техническую и военную политику, США подождут, пока другие страны исчерпают свои запасы, а затем продиктуют условия беспомощному миру. К своему удивлению, в вышедшей позже книге этой генеральской сентенции я не обнаружил — стало быть, было сказано что-то существенное. И здесь нужно привести выдержку из старой работы американского политолога Людвелла Денни: «Америка завоевывает Британию» (перевод с английского А. Гинзбурга с предисловием К. Радека. М., 1930), являющейся апофеозом победному шествию американского капитала (с. 414): «Империалистические тенденции бедного британского острова можно до некоторой степени извинить. Но нет такого оправдания для нас, располагающих почти целым континентом, за счет которого можно богатеть. Но мы не лишены хитрости. Мы не повторим ошибки Великобритании. Слишком умные, чтобы пытаться управлять миром, мы просто будем владеть им. Ничто не может остановить нас. Ничто — до тех пор, пока не загниет сердце нашей финансовой империи, как это обычно бывает со всеми империями... Конечно, американская мировая гегемония довольно страшна, когда о ней подумаешь... Но американская гегемония вряд ли может быть хуже, чем британская гегемония и гегемония прочих предшествовавших нам наций. Наше оружие — деньги и машины. ...Вот почему наш триумф так легок и так неизбежен. Что может Великобритания противопоставить Америке? И что может противопоставить Америке весь мир?» Легко видеть, что генеральские сентенции 1980 года имеют весьма глубокие корни и действительно раскрывают долговременную политическую стратегию. Но мало ли кто что планирует и говорит — а есть ли основания для того, чтобы США могли продиктовать свою волю России?

В последних оценках западных экспертов уже прозвучал первый «звонок». В марте 1989 года был опубликован доклад комитета по природным ресурсам Экономического и социального совета при ООН. В нем дается анализ тенденций, основных проблем и содержатся прогнозные оценки в области энергоресурсов. В их числе и прогноз ситуации с энергоресурсами к 2000 году: «Страны же с централизованным плановым хозяйством превратятся из чистых экспортеров в чистых импортеров нефти. ...Главным источником импорта будет Ближний Восток». **Вот наконец-то мы и нашли логичное объяснение, казалось бы, совершенно необъяснимым сверхзатратам США на импорт нефти. Когда, согласно планам, разработанным в штаб-квартирах нефтяных и банковских ТКН, будут разорены и исчерпаны все месторождения нефти и газа в России, то при полном военном контроле США над месторождениями на Ближнем Востоке ей останется лишь одно — смиренно принять продиктованные условия. В свете этого находят свое законченное объяснение и разорение уникальных месторождений, и энергорасточительство, и срыв внедрения энергосберегающих технологий и экономичных двигателей, и навязывание планов строительства гигантских нефтехимических предприятий (и т. д., и т. п.). Пасьянс, как говорится, сошелся.**

Понятно, что наши энергомонополии стремятся сохранить свое материальное и социальное положение. Конечно, они будут утверждать, что альтернативы ГЭС и АЭС не существует и что именно их планы и есть светлая столбовая дорога в наше будущее. А как же поступим мы, читатель, обеспокоенные судьбой Отечества и будущим наших детей?

Юрий БРОВКО,
инженер

Евгений НЕМОВ

ЛИС НА ОХОТЕ

КТО И КАК ГРАБИТ НАШУ СТРАНУ

Мы не благотворительное общество, а группа транснациональных корпораций. Наша цель — получение прибыли.

А. Хаммер, председатель совета директоров «Оксидентал петролеум»

НА НЕСЧАСТЬЕ РОССИИ

За 90 лет жизни опубликовано несколько автобиографий известного американского богача Хаммера, в том числе и на русском языке в Советском Союзе. В каждой апологетика бизнесмена не знает границ. Даже среди арабов, весьма искушенных в торговле и бизнесе, имя Хаммера прочно ассоциируется с идеалом человеческой личности, а его восхваление переходит границы дозволенного Кораном и порой превращается в святотатство. «Посланцем аллаха» называл Хаммера ливийский монарх Идрис Первый, принимая его во дворце в Тобруке в 1966 году. Седовласый эмир, глава ордена сенуситов, явно забыл при этом главную заповедь правоверного мусульманина, что нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед его посланец.

Его биографы трактуют многие операции капиталиста как благодеяния и альтруизм. На самом же деле из несчастий людей он извлек наиболее крупную долю своего баснословного состояния. Примером тому Россия. В начале деловой карьеры 23-летний внук херсонского торговца содрал, в буквальном смысле этого слова, с погибающей от голода и болезней страны не семь, а гораздо более шкур.

Свои операции в разрушенной революцией и гражданской войной России Хаммер начал с торговли медикаментами (миллионы людей страдали тогда в стране от ран и тяжелых заболеваний). В начале лета 1921 года молодой коммерсант, отдыхавший в Баварских Альпах, получил из Москвы телеграмму от известного дипломата Максима Литвинова (настоящее имя — Макс Валлах), извещающую о том, что въездная виза в Советскую Россию оформлена. Хаммер прибыл в Москву, где влиятельный работник Народного комиссариата иностранных дел Григорий Вайнштейн устроил встречу с Николаем Семашко, наркомом здравоохранения. Семашко рассказал Хаммеру о тяжелом положении в стране, о нехватке медикаментов, вызванной европейской блокадой. Из-за отсутствия эфира и хлороформа операции приходилось делать без наркоза, а когда пациент выписывался из больницы, его бинты после стерилизации использовались вторично.

Внимательно изучая рынок сбыта медицинских и прочих товаров, Хаммер предпринял тогда поездку на поезде в глубь России. Он писал в своем путевом дневнике, что в стране с невероятной быстротой распространяются холера, тиф, эпидемии детских болезней. Он упоминает о поезде, в котором из города Самары выехала тысяча пассажиров. После нескольких дней пути до Екатеринбурга в живых осталось не более двухсот самых сильных из них. Большинство умерло от болезней.

Хаммер собственными глазами видел, что такое голод. Сотни исхудавших детей с раздутыми животами стучали в окна его поезда, умоляя дать им еды. Санитары-носильщики перетаскивали мертвых из поезда в общую могилу — непрерывно горящий костер. Ужасающую сцену дополняли одичавшие собаки и кружащие черные вороны. Однажды поезд остановился на несколько часов на маленьком полустанке. Довольные возможностью размяться, несколько человек решили пройтись по грязной дороге, ведущей в расположенную в трех-четырех километрах деревню. На полпути между деревней и станцией экскурсанты наткнулись на одинокую избушку. Во дворе старик с седой бородой старательно распиливал сосну на доски.

— Что это вы делаете? — спросил один из попутчиков.

— Дерево пилю, — лаконично ответил старик.

— А зачем вам доски? — спросили его. — Дрова так не пилят.

Старик посмотрел странным взглядом.

— На гроб, — просто ответил он. — Один я тут. Еды осталось всего недели на три, а потом надо помирать. Будет у меня гроб, лягу в него и буду смерти ждать. Тогда меня похоронят по чести, а не бросят в сырую землю, как собаку.

Положение было парадоксальным. На Урале был голод, и в то же время земля здесь хранила величайшие сокровища. На расположенных поблизости заводах, фабриках и рудниках рассматривал Хаммер демонстрируемые ему запасы платины, уральских изумрудов, полудрагоценных камней и минералов, а в Екатеринбурге — груды мехов. С помощью таких богатств можно было нажить огромное состояние.

Арманд Хаммер предложил русским зерно за эти сокровища. Он подсчитал, что населению Урала нужно до следующего урожая по крайней мере миллион бушелей* пшеницы. В Соединенных Штатах в тот год был небывалый урожай зерна, и цена упала до одного доллара за бушель. Фермеры предпочитали сжигать зерно, чем продавать его за такую цену.

Для заключения контракта было срочно созвано экстренное заседание местного городского Совета. Хаммер послал телеграмму своему старшему брату Гарри с просьбой закупить миллион бушелей зерна и отправить первыми свободными судами в Петроград, где представители из Екатеринбурга должны были получить и распределить его по назначению. В телеграмме Арманд сообщал, что обратным рейсом на этих судах из России прибудут меха, кожи и другие товары.

Тогда же «благодетель» произнес в Екатеринбурге речь, за которой последовали оглушительные аплодисменты. Повернувшись к говорящему по-английски русскому, Хаммер сказал: «Я благодарен вашим соотечественникам, не смеявшимся над моим неправильным произношением и ошибками. Очевидно, они понимают, что я стараюсь им помочь».

Русский засмеялся. «Они ничего не поняли. Они думали, что вы говорили по-английски, — сказал он. — Вы слышите шум? Это просят перевести вашу речь на русский». Речь перевели как надо. И перевод ее был тут же послан в Москву, где друзья Хаммера доложили о ней в Кремле.

Вскоре во время остановки поезда Людвига Мартенса, бывшего гидом Хаммера, позвали к телеграфу и сказали, что его вызывает Ленин.

После напряженного ожидания из аппарата появилась тонкая лента с вопросом: верно ли, что Хаммер зафрахтовал судно с зерном для голодающих на Урале?

Мартенс продиктовал телеграфисту:

— Верно. Доктор Арманд Хаммер поручил своим компаньонам в Нью-Йорке немедленно отправить в Петроград зерно с условием, подтвержденным Екатеринбургским Советом, что для оплаты полученного зерна обратным рейсом будет отправлена партия мехов.

Пауза. Затем снова появились слова Ленина:

— Вы лично это одобряете?

Мартенс улыбнулся, посмотрел на Хаммера и продиктовал:

— Да, я это настоятельно рекомендую.

Более длинная пауза. У Хаммера перехватило дыхание. Еще бы. Ведь стоимость выторгованных у Советов собольих шкур и других мехов во много раз превышала цену зерна. Но голод не тетка...

— Очень хорошо: я дам указание Внешторгу подтвердить сделку. Пожалуйста, возвращайтесь в Москву немедленно.

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

На другой день после возвращения из голодающих районов Урала Хаммер был срочно вызван в Наркоминдел.

«Ленин, — вспоминает он (сомневаюсь, что беспристрастно. — Авт.), — говорил о том, что Соединенные Штаты и Россия дополняют друг друга. Россия — отсталая страна, обладающая огромными неразработанными природными богатствами. Соединенные Штаты могли бы найти здесь сырье и рынок, сначала для машин, а позже и для промышленных товаров. Прежде всего Россия нуждается в американской технике и технологии, американских инженерах и специалистах. Ленин взял в руки номер журнала «Сайентифик американ».

«Взгляните, — говорил он, быстро перелистывая страницы, — вот чего достиг ваш народ. Вот что значит прогресс: строительство, изобретения, машины, механизация, облегчающая человеческий труд. Россия сейчас похожа на вашу страну во времена первооткрывателей».

Разговор несколько раз прерывался секретарями, приносившими документы. Ленин жестом просил их не прерывать беседу.

«Вы ездили по России?» — внезапно спросил он. Я ответил, что только что провел месяц на Урале и в голодающих районах.

Лицо его изменилось, острый интерес в его глазах сменился выражением глубокой печали.

«Да, — немедленно произнес он, — голод... Я слышал, вы хотите помочь нам со здравоохранением... Да... Это — хорошее и очень нужное дело. Но... врачей у нас хватает, а вот кто нам действительно здесь нужен, так это американские бизнесмены с вашими методами работы. Отправив нам суда с зерном, вы спасли жизнь людям, которые без вашей помощи погибли бы этой зимой. К благодарности этих переживающих агонию людей я добавляю свое скромное спасибо от имени правительства. — Ленин неожиданно замолчал, очевидно, борясь с волнением. — Что нам действительно нужно, — его голос звучал громче, и глаза оживились, — так это американский капитал и техническая помощь, чтобы вновь завертелось колесо нашей экономики».

Я сказал, что после поездки по Уралу у меня создалось впечатление, что в стране нет недостатка в сырье и рабочей силе. Многие заводы оказались в гораздо лучшем состоянии, чем я ожидал.

«В том-то и дело, — кивнул головой Ленин, — гражданская война все застопорила, и теперь надо начинать сначала. Новая экономическая политика стимулирует развитие экономики. Мы надеемся ускорить этот процесс введением промышленных и торговых концессий иностранцам. Это открывает огромные возможности для Соединенных Штатов. Думали ли вы об этом?»

Я рассказал, что один из моих попутчиков, горный инженер, хотел заинтересовать меня асбестовыми рудниками, у которых, судя по всему, большое будущее. И добавил, что не считаю возможным занимать время Ленина личными делами.

Ленин остановил меня. «Вовсе нет, — сказал он, — не в этом дело. Кто-то должен сделать первый шаг. Почему бы вам и не взять асбестовую концессию?» Я удивился. Из того, что мне было известно о русских методах, предварительные переговоры о такого рода сделке могли затянуться на месяцы. И я сказал ему что-то в этом смысле.

Ленин мгновенно понял, что я имел в виду. «Бюрократия, — сказал он, — одно из наших проклятий. Я все время говорю об этом. Но сейчас я сделаю вот что. Назначу специальный комитет из двух человек, один будет связан с Рабоче-крестьянской инспекцией,

* Бушель — единица объема жидкостей и сыпучих тел. В США 1 Б = 35,2391 л.

другой — с Всероссийской чрезвычайной комиссией, «Чека», чтобы они этим делом занялись и оказали вам всю необходимую помощь. Можете быть уверены, они будут действовать без промедления. Все будет сделано сразу же».

Так в моем присутствии было положено начало организации, которая впоследствии выросла в Концессионную комиссию Советского Союза.

«Вы будете договариваться с ними, — быстро продолжал Ленин, — и, когда придете к какому-нибудь предварительному соглашению, дайте мне знать. Мы понимаем, что концессионерам должны быть созданы условия, чтобы получать прибыль. Бизнесмены не филантропы, с их стороны было бы глупо вкладывать свой капитал в России без уверенности в получении прибыли». Я сказал Ленину, что у меня есть сомнение в отношении возможности действовать, не возбуждая трений с русскими профсоюзами, поскольку они привыкли смотреть на капиталиста как на своего врага.

«Наши рабочие будут рады получить работу и хорошую зарплату, — быстро ответил Ленин, — с их стороны было бы глупо подрубать сук, на котором сидишь. Хотя наше правительство не может приказывать профсоюзам, все же, как правительство рабочих, мы обладаем достаточным влиянием, чтобы профсоюзы полностью соблюдали условия своих коллективных договоров с вами. Необходимо прежде всего, чтобы вы хорошо знали наше трудовое законодательство. Если вы будете его соблюдать, то встретите полную поддержку правительства». В заключение он добавил: «О деталях не беспокойтесь, я позабочусь о том, чтобы к вам отнеслись справедливо. Если что-нибудь понадобится, пишите и сообщайте мне. Когда составите проект контракта, мы без промедления одобрим его в Совете Народных Комиссаров. Как вы знаете, наши решения осуществляются, — и он снова сделал правой рукой энергичный рубящий жест. — А такой вопрос можно легко решить даже по телефону».

Ленин сдержал слово. Очень скоро Хаммер стал первым американским концессионером. В Полном собрании сочинений Ленина опубликована руколисная записка, датированная 14 октября 1921 года и адресованная членам Центрального Комитета РКП(б). В ней Ленин пересказывает условия контракта с Хаммером на поставку уральским рабочим миллиона пудов хлеба в обмен на уральские драгоценности, которые будут проданы в Соединенных Штатах за комиссионные на очень льготных условиях.

В главном офисе «Оксидентал петролеум» в Лос-Анджелесе в кабинете Хаммера и сегодня стоит в рамке фотография Ленина с надписью на английском языке: «Товарищу Арманду Хаммеру от Вл. Ульянова (Ленина). 10.XI.1921».

В кабинете Ленина в Кремле, который стал теперь государственным музеем и в котором все осталось точно в таком же виде, как было при его жизни, гиды обращают внимание туристов на стоящую на столе маленькую бронзовую статуэтку обезьяны, сидящей на книге «Происхождение видов» Чарлза Дарвина и рассматривающей человеческий череп. Эта статуэтка — подарок Арманда Хаммера. Он купил ее в Лондоне и подарил вождю Октября во время встречи с ним в сентябре 1922 года. Тогда Хаммер рассказал Ленину об успехах асбестовой концессии и развитии торговли между Советской Россией и Соединенными Штатами. Ленин заинтересовался символикой этой бронзовой статуэтки, и

«известный борец за мир» Хаммер, конечно же, теперь вспоминает его замечание о том, что в век, когда орудия войны становятся все более разрушительными, цивилизация может быть уничтожена, если человечество не научится жить в мире. «Может наступить такое время, — сказал он, — когда обезьяна поднимет с земли человеческий череп, удивляясь, откуда он взялся». Ленин распорядился не убирать бронзовую статуэтку с его стола.

РАСПРОДАЖА СОКРОВИЩ РОССИИ

После приема и беседы в Кремле Хаммеру было предложено переселиться из довольно заурядного отеля «Савой» в фешенебельную гостиницу «Гранд отель». Это был знак внимания и гостеприимства.

«Неожиданно я очутился в хоромах с ванной, чистой, как стеклышко, где из кранов действительно текла холодная и горячая вода и — о, чудо из чудес, — большой удобной кроватью с настоящими простынями и одеялами, — пишет А. Хаммер в своей биографии. — Был здесь и хорошо обученный персонал, и великолепная кухня, а при необходимости и бутылка старого французского вина из полного погреба. Этот особняк использовался правительством для приема иностранных гостей. После «Савоя» я не мог поверить в реальность такого жилья. Вот какое магическое действие оказывало имя Ленина и мое новое положение потенциального концессионера».

«Эллайд америкен корпорейшн», как называлась фирма Хаммера, процветала. Она выполняла роль посредника для трех десятков американских фирм, торговавших с необъятной и еще недостаточно экономически развитой страной. После нескольких трудных лет на мировом рынке снова повысился спрос на асбест, и асбестовая концессия Хаммера начала приносить большую прибыль. К этому времени Хаммер продолжал заниматься и мехами, и его пункты скупки пушнины можно было найти в самых отдаленных уголках Советского Союза. Экспортно-импортные операции разрослись до такой степени, что пришлось открыть отделения в Лондоне и Берлине со штабом в Нью-Йорке. Хаммер даже открыл банк в Ревеле, в Эстонии, сделав своего дядю его президентом. На счета в московских банках поступали кипы рублей (Хаммер стал первым иностранным вкладчиком в советский государственный банк и обладателем сберегательной книжки, свидетельствовавшей об этом). По советским законам на него распространялись только два ограничения: 1) он не имел права покупать землю и 2) имел право обменивать рубли на доллары только один раз в год, когда, после проверки баланса, ему разрешалось экспортировать полученную прибыль.

Чтобы иметь возможность принимать все увеличивающееся количество посетителей и гостей, он снял пустовавший двадцатичетырехкомнатный дом № 14 на Садово-Самотечной улице в Москве, построенный до революции текстильным фабрикантом. Со временем «коричневый дом», как называли его американцы, превратился в неофициальный дом приемов американского посольства. Семья Хаммер, увеличившаяся после прибытия из Нью-Йорка новых членов, принимала здесь Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса, Аверелла Гарримана, ставшего через много лет послом США в Совет-

ском Союзе, членов конгресса и других видных американских политических и общественных деятелей. Им очень нравилась атмосфера этого не ведавшего нужды, напоминающего пансионат, роскошного дома. Однажды рано утром, спустившись в столовую к завтраку, Арманд обнаружил там свою мамашу, которая черпала ложкой черную икру из большой банки и маленькими глоточками запивала ее водкой. «Ведь водка сделана из того же зерна, что и каша», — улыбаясь, пошутила она. В эти дни за тарелку каши известные русские художники отдавали свои полотна, которые за границей стоили тысячи долларов.

Как-то Хаммер зашел в магазин канцтоваров купить карандаш. Продавец показал ему обыкновенный карандаш немецкого производства, который в Америке стоил бы два-три цента. Цена за него была пятьдесят копеек, то есть двадцать шесть центов.

«Простите, но мне нужен химический карандаш», — попросил Хаммер.

Продавец сначала отрицательно покачал головой, но затем смягчился. «Раз вы иностранец, я продам вам один, — сказал он. — Но карандашей у нас так мало, что, как правило, мы продаем их только постоянным покупателям, которые берут также бумагу и тетради».

За два рубля (один доллар) Хаммер купил химический карандаш, который открыл ему совершенно новую область деятельности.

Хаммер пошел к Красину, наркому внешней торговли.

— Правда ли, что ваше правительство ставит цель научить каждого советского гражданина читать и писать? — спросил он.

— Безусловно. Мы считаем это нашей основной задачей.

— В таком случае, — сказал Хаммер, — мне бы хотелось получить лицензию на производство карандашей.

Его просьба была удовлетворена. Хаммер начал производство карандашей и в первый год выпустил их на миллион долларов. Описывая свой завод, Хаммер вспоминал:

«С самого начала передо мной стояла задача увеличить производство для удовлетворения спроса. Начав с одной смены, мы вскоре были вынуждены перейти на двухсменную, а на некоторых участках и на трехсменную работу. Работать приходилось с большим напряжением, но производство постепенно росло. В первый год нам удалось выпустить карандашей на два с половиной миллиона долларов вместо одного миллиона, как было предусмотрено концессионным соглашением. Во второй год мы увеличили эту цифру до четырех миллионов. В результате импорт карандашей был запрещен, что стало для нас дополнительным стимулом. Фактически мы заняли монопольное положение. Большая часть нашей продукции шла государственным организациям и кооперативам, но нам не запрещалось заключать сделки и с частниками».

Хаммер увеличил производительность на своем предприятии путем введения сдельной оплаты труда, применявшейся в то время в Америке. К 1926 году производство карандашей приближалось к 100 миллионам штук в год, а количество выпускаемых в год стальных перьев подпрыгнуло за один год с 10 до 95 миллионов. Хаммеру удавалось не только удовлетворять постоянно растущий спрос в Советской России, но и экспортировать около 20 процентов продукции, произведенной нашими рабочими, в Англию, Турцию, Китай, Иран и десяток других стран. И это, когда он вывозил из России собольи, норковые, бобровые и беличьи шкурки, козлиные, свиные и телячьи кожи, бочонки с черной икрой и десятки тысяч кубометров леса. Одной американской фирме, выпускавшей сосиски, он отправлял даже километрами овечьи кишки.

Однажды морозным воскресеньем 1923 года Арманд с братом Виктором отправились на московскую барахолку. По существу, она ничем не отличалась от барахолок Парижа, Лондона и Мадрида, но в те времена среди никчемного барахла здесь можно было наткнуться на интересные предметы, связанные с русской историей, настоящий антиквариат.

В тот день на глаза Хаммерам попалось фарфоровое блюдо удивительной красоты. Всего за несколько рублей оно перешло в их собственность.

«Это было первой искрой», — говорил Виктор, оглядываясь назад, на полвека жизни, посвященные коллекционированию и торговле произведениями искусства. Оказалось, что блюдо — из царского дворца. Так было положено начало новому бизнесу Хаммеров.

Со временем в доме Хаммера появилось довольно большое количество предметов старины и искусства, приобретенных за мизерную цену. Однажды американский антиквар Е. Сахо, едва переступив порог дома Хаммера, пришел в неописуемый восторг от собранных в нем сокровищ и предложил партнерство по продаже русских драгоценностей в США.

«Я об этом никогда не думал, — поскромничал бизнесмен. — Мне надо получить разрешение правительства». Так он и сделал и на следующий день был готов дать ответ Сахо. Хаммерам разрешили отправить собранную ими коллекцию в Америку после уплаты 15 процентов экспортного налога, за исключением предметов, которые советские искусствоведы решат купить для музеев. Доктор принял предложение Сахо и поручил Виктору представлять интересы братьев Хаммер.

В то время в советских газетах начали появляться статьи об «эксплуатации рабочих на асбестовых рудниках» и «чрезмерных прибылях карандашной фабрики Хаммера». Старые друзья старались успокоить Хаммера, заверяя, что отношение к нему не изменилось. Однажды вечером, во время обеда в честь наркома просвещения Анатолия Луначарского, нарком, неклонившись к Хаммеру, тихо произнес: «Я слежу за нападками на вас в прессе. Не расстраивайтесь». Тем не менее прибыль, получаемую на предприятиях Хаммером, можно было сравнивать лишь с грабежом. Бесконечно он продолжаться не мог. И капиталист начал потихоньку сматывать удочки.

Весной 1930 года в Москве был организован комитет для определения стоимости собственности Хаммеров; капиталист получил часть платежей наличными, а остальное — долговыми обязательствами советского Банка для внешней торговли со сроком погашения в течение тридцати шести месяцев. Кроме того, он получил разрешение вывезти из России добытые им здесь предметы искусства.

Перед отправкой домой, в США, Хаммер, считавший себя в долгу перед Франклином Рузвельтом, подобрал и для него подходящий подарок. Это была двадцатичетырехдюймовая модель волжского парохода, изготовленная в 1913 году из золота, платины и

серебра замечательным придворным ювелиром русских царей Карлом Фаберже. Она предназначалась для подарка зверски убитому в ипатьевском доме вместе с родителями царевичу Алексею по случаю 300-й годовщины династии Романовых. Хаммеры купили ее в московском комиссионном магазине в конце 20-х годов и привезли в Америку вместе с другими предметами, украшавшими «коричневый дом». Виктор оценил ее в двадцать пять тысяч — одну четвертую часть суммы, которую заплатил Николай II.

Хаммер вернулся в Америку в 1931 году, в разгар жестокого экономического кризиса. В Нью-Йорке обанкротившиеся держатели акций выбрасывались из окон или шли на улицу торговать овощами. Все эти страсти Хаммеру не грозили — в его руках теперь находилось не только многомиллионное состояние, но и приобретенные за бесценок в России сокровища русских царей и знати. Их распродажи Хаммер устраивал в огромных универсальных магазинах, чему предшествовала широкая реклама. Особенно старался тут его ежемесячный журнал, посвященный искусству, под названием «Коллекционер». Большинство статей Хаммер писал сам, подписываясь псевдонимами. По совпадению имя редактора журнала было Брасе Марто, что в переводе с французского на английский звучит как имя и фамилия Хаммера, то есть рука и молоток.

Меньше чем за год Хаммер сколотил только на русском антиквариате одиннадцать миллионов долларов!

ПУТЬ К СЕРДЦУ КОРОЛЯ

Антикварное дело помогло ловкому бизнесмену найти путь к сердцу и казне египетского короля Фарука. Заказ того был поистине необычным. Во время второй мировой войны он пожелал не оружия для защиты родины, а... одно из сокровищ русского императора — платиновое пасхальное яйцо с бриллиантами. Это яйцо, размером не меньше страусиного, сделал по заказу Николая II мастер Фаберже для подарка царице на пасху в 1906 году. Когда оно открывалось, то внутри можно было видеть платинового лебедя, плавающего по миниатюрному аквамариновому озеру. В яйце имелся пружинный механизм. Когда его заводили, лебедь начинал двигаться, расправлять крылья и вращать головой. Фарук узнал о существовании этой вещицы от своего агента, которому показали яйцо в магазине Хаммеров и помогли привезти домой цветной кинофильм и его описание. Не желавший себе ни в чем отказывать, Фарук телеграфировал Хаммеру: «Пришлите немедленно яйцо с лебедем». Хаммер поручил это дело своему брату Виктору со строгими инструкциями доставить яйцо и получить сто тысяч долларов.

Перед поездкой тот вместе со старшим братом навел о Фаруке справки и узнал, что король обожает показывать фокусы и получает самое большое удовольствие, когда ему удается поставить в тупик своих льстивых придворных. Поэтому, отправляясь в путешествие, Виктор захватил с собой еще и чемодан, набитый всевозможными приспособлениями для иллюзиониста, и еще несколько русских шедевров фирмы Фаберже, которые могли бы прийтись по вкусу пресыщенному монарху.

Приземлившись в Египте, Виктор, глядя в окно самолета, пытался определить, кому из пассажиров оказываются все эти почести: почетный караул перед аэровокзалом и делегация египетских сановников. К полному удивлению Виктора, делегация направилась к нему и вручила отлитый из чистого золота молоток в футляре с бархатной подкладкой. На молотке была надпись: «Добро пожаловать в Египет» и подпись короля. В сопровождении полицейского эскорта Виктор прибыл во дворец Абдин. В Каире он провел неделю в качестве гостя Фарука. Подарки, привезенные Виктором, имели огромный успех у короля. Игнорируя остальные события, включая приближение танков Роммеля, он без устали показывал фокусы своим министрам и приближенным. Во время обеда с королевской семьей на плывущей по Нилу яхте Виктор получил королевский приказ: «Когда вернетесь, скажите вашему брату Арманду, что я о нем слышал и собираюсь назначить его своим финансовым советником и личным представителем в Соединенных Штатах».

Фарук едва ли войдет в анналы истории Египта. Это был король-самодур. О его эстетических вкусах свидетельствуют часы, рабочий механизм которых изображал непрерывный половой акт. У Фарука был также гараж, полный красных «роллс-ройсов». Сигнал одного из них имитировал вой попавшей под машину собаки.

До того, как 23 июля 1952 года Египетское общество свободных офицеров заставило Фарука отречься от престола, король послал Арманду Хаммеру два заказа, из которых один доктор так и не смог выполнить.

Первый был передан простой телеграммой. В ней говорилось: «Купите мне бакелитовый завод. Фарук». Второй пришел в письме и содержал вырезку из киножурнала с грудастой красавицей и короткую записку. В записке говорилось: «Пришлите мне Лану Тэрнер из Голливуда».

Любовный роман короля Фарука с Ланой Тэрнер и деловой роман с Хаммером были пресечены июльской революцией в Египте 1952 года. Ее вождь Гамаль Абдель Насер не волочился за женщинами и был яростным врагом сионизма. Зная это, Арманд Хаммер, как когда-то в СССР, сумел вовремя свернуть свой бизнес в Каире. На очереди была Ливия, где был подобран ключ к королю Идрису I, тоже благоволившему к американскому бизнесмену.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО ЛИВИИ

«Красно-зелено-черные национальные флаги развевались на ветру, — писал журнал «Форчун». — Отряды ливийцев на верблюдах патрулировали дюны вокруг буровой установки, оркестранты в алых одеждах стояли стройными рядами с инструментами, сверкающими на полуденном солнце. Кровь принесенных в жертву ягнят окрасила песок пустыни. Около восьмисот человек — министры кабинета, местные вожди в длинных одеждах, религиозные лидеры, дипломаты, сенатор Соединенных Штатов и другие гости и слуги заполнили прекрасный павильон, сооруженный специально для проведения получасовой церемонии».

Празднование обошлось фирме Хаммера ОКСИ в добрый миллион долларов. Оно было посвящено открытию нефтепровода, по которому Хаммер перекачивал сокровища ливийских недр в свои собственные хранилища.

Чтобы ублажить ливийского короля, Хаммер накануне попросил его разрешения назвать огромный нефтеносный пласт месторождением Идриса. Король согласился.

«Когда Хаммер решил отправиться на поиски нефти в Ливию, он оказался в очень сложной ситуации, — писал американский журнал «Форчун». — В дни, когда ветры не гнали из пустыни пески в город, сам воздух, казалось, был пропитан духом купли и продажи, успехами и поражениями. Две конкурирующие столицы — Триполи и Бенгази — напоминали огромные базары, где происходила азартная игра. Участвовали в ней все, кто интересовался нефтью: представители правительств, нефтяные гиганты, независимые фирмы и аферисты. Министры и их подчиненные, бывшие министры и бывшие их подчиненные, их родственники и друзья, а также рой авантюристов, старавшихся через политических деятелей получить доступ к королю, французский лжегенерал и видный американский ученый, в прошлом профессор Колумбийского университета, — все старались заполучить концессии, выудить данные геологических изысканий, уловить намеки, разузнать секретные сведения и проверить слухи». Были среди них и люди Хаммера. Один из них, советник доктор Джакоби, докладывал тогда своему шефу: «Если вы хотите получить от иностранного правительства концессию, необходимо вначале «обработать» его, на что частенько уходят годы. Вам нужно провести подготовительную работу, установить контакты и вести переговоры. Принимая все это во внимание, можно сказать, что в Ливии наши дела продвигались с невероятной быстротой».

Свое предложение о концессии Хаммер оформил на свитке из овечьей кожи, обвязав его шелковыми лентами национальных цветов Ливии: красной, зеленой и черной. К стандартному тексту предложений он добавил статью, в которой обещал Ливии пять процентов прибыли до выплаты налогов, с тем чтобы эта сумма была использована для развития сельского хозяйства. Кроме того, он обещал произвести поиск воды около оазиса Куфра — места рождения короля и королевы и могилы отца короля. Отборочной комиссии подбросил еще одну приманку — дал слово проанализировать экономическую целесообразность строительства вредного для окружающей природы и здоровья живущих поблизости людей аммиачного завода и, если будет обнаружена нефть, построить его совместно с правительством.

В марте 1966 года Хаммер получил две концессии. В середине ноября бур ОКСИ пробился к нефти. На так называемом Огильском месторождении пробурили еще восемь дополнительных скважин, успех был обеспечен — производительность месторождения составила 100 тысяч баррелей в день. Нефть была очень высокого качества, с низким содержанием серы. Более того, месторождение находилось к западу от Суэцкого канала. Это значило, что меньше чем за десять дней ее можно было доставлять по Средиземному морю через Гибралтар в бедную нефтью Европу.

К тому же представитель «Эссо», одной из крупнейших нефтяных монополий, входящих в число так называемых «семи сестер», предложил ОКСИ сто миллионов долларов и половину доходов от добычи, очистки и распределения нефти предприятиями, принадлежавшими «Эссо». Ливии же ничего не полагалось.

Первая скважина фонтанировала с мощностью 42 тысяч баррелей в день. ОКСИ наткнулась на так называемый риф, первый риф, обнаруженный в Ливии. С геологической точки зрения — риф — это нефтяное месторождение, настолько обильное, что нефть вытекает из него почти непрерывно без применения насосов. Наткнувшись рядом на второй риф, ОКСИ стала владельцем крупнейшей скважины страны производительностью 72 тысячи баррелей в день.

Ливийское «черное золото» позволило Хаммеру провести несколько крупных приобретений в Соединенных Штатах. В январе 1968 года ОКСИ за 150 миллионов долларов купили третью по добыче угля в США фирму «Айланд крик коал компани». Его годовая выручка составляла почти столько же, а запасы угля равнялись трем с половиной миллиардам тонн.

Еще раньше, в 1966 и 1967 годах, за 88 миллионов долларов ОКСИ купила корпорации «Пермиан» и «Маквуд». За этим последовало приобретение фирмы «Гаррет рисерч энд девелопмент компани», которая разработала уникальные методы экономичного превращения угля в газ и получения нефти из сланцев «внутри горы».

Затем в июле 1968 года Хаммер за ошеломляющую цену — 800 миллионов долларов — купил фирму «Хукер кемиклс энд пластикс». Говорят, в то время это была самая крупная сделка подобного рода. Продукцией фирмы пользуется каждый американец.

Революция и свержение короля Идриса I в сентябре 1969 года поставили, казалось, под угрозу концессии ОКСИ в Ливии. Но когда здесь объявили о национализации нефти, Хаммер не стал разделять волнений других американских нефтепромышленников. Он был уверен, что его фирма сможет выполнить требования революционного правительства. Ливия будет владеть и продавать 51 процент всей нефти, добытой в Сахаре ценным оборудованием ОКСИ и перекачанной по трубам к морю. Представитель Хаммера в Ливии Джордж Вильямсон, получивший право подписывать договоры с правительством, после выхода декрета о национализации нефтяной промышленности немедленно согласился разделить собственность ОКСИ на условиях 51—49 процентов и получил наличными 136 миллионов — компенсацию за 51 процент собственности ОКСИ, в основном буровое оборудование и установку для сжижения газа.

СНОВА В РОССИИ

«В 1930 году мои деловые контакты с Россией фактически прекратились, — сказал Арманд Хаммер корреспонденту газеты «Правда» в ноябре 1987 года. — В качестве бизнесмена я вернулся в Россию только в 1972 году. Тогда мы заключили первое соглашение о поставке химических удобрений». «Нью-Йорк таймс» назвала это соглашение крупнейшей промышленной сделкой в истории советско-американской торговли.

Хаммер тогда, казалось, был довольно откровенен с репортерами. На одной из встреч с ними он сказал: «...Говоря откровенно, я слишком давно занимаюсь международной торговлей, чтобы не понимать, что две великие державы все еще могут разойтись.

С идеологической точки зрения мы никогда не станем партнерами.

...Нам, американцам, не следует забывать, что в Советском Союзе мы, конкурирующие компании, имеем дело не с отдельной фирмой, а с правительством.

...Если бы я смог в одном предложении сформулировать мой совет всем американским бизнесменам, я бы выразил его так: «Составляйте ваш контракт тщательно, ибо, как только он будет подписан, советская сторона заставит вас выполнить его до последней буквы, точно так же, как она сама выполняет свои обязательства.

...Я лично уверен, что наше соглашение об обмене минеральными удобрениями будет выполняться в соответствии с планом и к 1978 году начнет действовать в полную силу. По этому соглашению мы должны обеспечить Советский Союз американской технологией и оборудованием для десяти заводов: восьми — по производству аммиака и двух — карбамида, с общей годовой производительностью приблизительно четыре миллиона метрических тонн жидкого аммиака и один миллион метрических тонн карбамида. Их строительство необходимо для выполнения всего соглашения, в которое, кроме того, включен договор о продаже Советскому Союзу суперфосфорной кислоты в течение двадцати лет, начиная с 1978 и кончая 1998 годом».

В день окончания действия соглашения доктору Хаммеру будет около ста лет. Однако ни в Советском Союзе, ни в Америке сегодня нет человека, который готов побиться об заклад, что ему не дожить до этого дня. Другое дело жители нашей страны. Ведь даже при всем своем красноречии доктор не рассказал тогда о главном — о сути многомиллиардной сделки. Да и не мог он заявить на весь мир, что строительство заводов по производству жидкого аммиака в самих США запрещено правительством. Оно рекомендует размещать подобные предприятия прежде всего в бывших колониальных, слаборазвитых странах и вывозить оттуда уже готовую продукцию. Подобные химические производства чрезвычайно опасны для жизни и здоровья людей. И то, что опасения заокеанских «добродетелей» не лишены основания, доказывает печальный пример нашей страны.

Крупнейший в мире завод по производству жидкого аммиака расположен на волжском берегу Куйбышевской области. Он соединен с Одесским специализированным морским портом по переработке химических грузов аммиакопроводом протяженностью около двух с половиной тысяч километров. Оба предприятия по соглашению 1972 года построены при участии Хаммера и его фирмы «Оксидентал», оснащены поставленным этой фирмой оборудованием. И заводы, и порт, и трубопровод — источник повышенной опасности. Вблизи их перепуганные жители держат в своих домах и квартирах противогазы. И не напрасно. Даже в обычных условиях одесский припортовый завод, например, выбрасывает в атмосферу более пяти тысяч тонн карбамидовой и аммиачной пыли, вызывающей рвоту, резь в глазах, сильные головные боли у жителей черноморского города-курорта. То же самое происходит во время эксплуатации хаммеровского оборудования на горловском производственном объединении «Стирол», специализирующемся на производстве все того же аммиака и карбамида. Концентрация аммиака и окислов азота в окружении предприятия превышает допустимые пределы в шесть раз! Превышение так называемого «нормативного загрязнения сточных вод» аммонийным азотом было здесь в прошлом году тринадцатикратным!

Очень впечатляющи и последствия аварий, случающихся на хаммеровских предприятиях. В марте этого года на производственном объединении «Азот» в Йонаве Литовской ССР взорвалась емкость с аммиаком. Произошел выброс семи тысяч тонн удушливого газа. Ядовитое облако распространилось к северо-востоку от Литвы. Пришлось срочно эвакуировать из района поражения около 30 тысяч жителей. Среди них были многие десятки тяжело пострадавших.

Смешанное предприятие по эксплуатации Тенгизского газоконденсатного месторождения в Прикаспии, создаваемое при участии А. Хаммера, еще пример, согласно оценкам специалистов, относится к разряду особо опасных для экологии производств. Произведенное им горючее и сера пойдут опять-таки за границу, на Запад и в Японию. И почему так? А потому, что таким образом будут погашаться кредиты на закупку оборудования. А что же останется у нас? Естественно, вредные отходы, грозящие полным отравлением всей (в-с-е-й!!!) Прикаспийской низменности. Более того, при подъеме уровня воды в Каспийском море может произойти катастрофа мирового масштаба. И без специальной экспертизы видно, что и этот «проект» отвечает только хищническим интересам Хаммера и его компаньонов.

Примеров того, как Советский Союз благодаря «сделке века» расплачивается с американским дельцом не только продукцией химических заводов, но и здоровьем своих граждан, — предостаточно. Другое дело — каким образом удалось Хаммеру, по его же заявлению, «забрать у нас часть биосферы»?

Попытаемся восстановить некоторые события, без которых трудно понять головокружительный успех и необъяснимый на первый взгляд взлет этого удачливого коммерсанта, оказавшегося вновь, после того, как Сталин пресек его деятельность в 1931 году, допущенным к кремлевским лидерам, которые после смерти Иосифа Виссарионовича стали делать то, что сильно тому не нравилось.

Меньше чем через месяц после того, как Джон Кеннеди въехал в Белый дом, он назначил Арманда Хаммера своим представителем с особыми полномочиями по вопросам экономики, отдав распоряжение министру финансов Л. Ходжесу организовать его поездку в Англию, Францию, ФРГ, Италию, Ливию, Советский Союз, Индию и Японию. Европейская поездка Хаммера была, по всей видимости, лишь прикрытием главной цели — легальное проникновение в Москву, откуда Хаммер едва унес ноги три десятилетия назад. В Москве в Министерстве иностранных дел начальником отдела США был Анатолий Добрынин, всегдашний сторонник хороших отношений с Америкой, противник критики американского империализма и большой жизнелюб. Так что получение визы для очередной жертвы «сталинских репрессий» стало совсем несложной проблемой.

Первая встреча официального характера состоялась у Хаммера в СССР с начальником Управления МВТ СССР В. Виноградовым и начальником отдела торговли с Америкой М. Грибковым 14 февраля 1961 года. На следующий день Хаммер огорошил американского посла, заявив, что хочет повидать еще и Микояна, в то время заместителя Председателя Совета Министров СССР и фактиче-

ского заместителя Н. С. Хрущева по торговым и экономическим вопросам. Посол США принял это пожелание за плохую шутку и выразил твердую уверенность в невозможности такой встречи:

— Вы шутите, Микоян не принимает американских бизнесменов.

— Я познакомился с ним в 1923 году в Ростове, когда привез туда тракторы с заводов Форда. Я немедленно пошлю Микояну записку, сообщу, что я в Москве, хочу с ним повидаться и объяснить цель и причины моего появления в СССР, — парировал «стосковавшийся» по давнему знакомому Хаммер.

Посольство доставило записку в МИД СССР для передачи Микояну. Через два часа из Кремля позвонили в посольство США и уведомили о приеме Хаммера Микояном в тот же день, сообщив, что машина за гостем уже выслана. Удивлению американских дипломатов, не избалованных оперативностью официальных представителей США, не было предела.

На встрече в Кремле, запечатленной в фотографиях, в воспоминаниях о прошлом двух давних знакомцев недостатка не было. Она прошла, как принято говорить в таких случаях, в дружественной обстановке.

«В целях улучшения отношений между нашими странами, — вспоминает Хаммер, — я предложил Микояну организовать в США выставку картин из ведущих советских музеев. Значение такой выставки, скажем, из ленинградского Эрмитажа, было бы огромным». (Хаммер знал, что говорил. Именно он в 20-е голодные годы за бесценок скупал и вывозил сокровища из того же Эрмитажа.) По мысли Хаммера, следовало придать таким выставкам строго некоммерческий и неполитический характер. И чтобы все прошло без сучка и задоринки, он пообещал сделать жену покойного американского президента Элеонору Рузвельт председателем организационного комитета, а деньги, вырученные от продажи билетов за вход, передать фонду по борьбе с раком, основанному той же миссис Рузвельт. Микояну, «клюнувшему» на эту удочку, идея пришлось по вкусу, он обещал обсудить ее с кремлевскими руководителями.

На следующий день состоялся прием Хаммера у самого Никиты Сергеевича. Боб Консидайн очень подробно осветил в биографической книге о Хаммере его беседы с советским лидером. Насколько его повествование соответствует истине, судить не нам, ибо Хрущева давно нет, а живые часто пользуются тем, что их нельзя опровергнуть собеседникам, уже отошедшим в мир иной. Если же верить Бобу Консидайну, беседы Хаммера с Хрущевым были весьма плодотворными и способствовали потеплению отношений между Москвой и Вашингтоном.

Хаммер умел ждать. В начале своего романа с Хрущевым он выступал не более как сторонник хороших отношений между СССР и США, затем как любитель и коллекционер предметов искусства. Благодаря «магии встреч», которые всегда составляли коронную сторону бизнеса Хаммера, американец добился у советских лидеров поддержки своих «культурных начинаний». Он организовал несколько выставок в картинных галереях Советского Союза, легализовал в глазах советских людей те сокровища, которые некогда братья Хаммеры благополучно умыкнули из СССР, избежав конфискаций многих предметов старины и драгоценностей, подлинного национального достояния русского народа. Симпатии советского руководства были обеспечены и щедрыми сувенирами, и памятными подарками. Арманд Хаммер еще по прошлым временам знал, сколь важно вовремя преподнести какой-нибудь подарок советским чиновникам. Это было выгодным помещением капитала. Очень часто за сувениры бюрократы любого ведомства — от Внешторга до Центросоюза — готовы были заключить сделки, даже такие, которые заведомо были невыгодны для их собственной страны.

Очень помогали ему продвигаться к цели и «исторические» подарки. В Москве любят и уважают тех, кто может предложить какие-нибудь неизвестные документы, письма и другие реликвии революционного прошлого. Хаммеру удалось разыскать несколько писем Клары Цеткин, известной в прошлом немецкой социал-демократки, умершей под Москвой в 1933 году. Они представляли интерес для изучения в Институте марксизма-ленинизма. Фотокопии этих и других бумаг Хаммер передал тогдашнему министру культуры СССР и члену Президиума ЦК КПСС Екатерине Фурцевой, тем самым разжег интерес к себе со стороны тех, кто был призван собирать биографические материалы о Ленине. Вскоре имя Хаммера зазвучало в коридорах и в особняках советских лидеров уже совсем привычно. Еще бы. Он не скупится на подарки, знал и любил Ленина и даже помогает собирать материалы о нем. Так, видимо, у нас пришли к мысли: почему бы не начать с ним деловые отношения, ведь это же очень реалистически мыслящий капиталист, он знает всю выгоду, но явно симпатизирует нам и акулой империализма не является.

Потратив два года на то, чтобы убедить московских лидеров в искренности и бескорыстии своей дружбы к России, в начале 1963 года Хаммер предложил наконец-то многомиллионную сделку «по обмену удобрениями» с использованием внешнеторговых кредитов. Дело было уже на мази. Да только вот случилось непредвиденное — из Кремля был удален Хрущев, «волюнтарист» и «кукурузник». Страну и партию возглавил Леонид Ильич Брежнев.

Это событие несколько застопорило осуществление планов миллиардера. Только в 1972 году Арманд поставил-таки свою подпись под соглашением, сулившим ему гарантированную Советским государством баснословную прибыль.

Соглашение сроком на 20 лет на сумму 20 миллиардов долларов открыло деловому человеку двери не только Министерства внешней торговли, но и государственные границы Советского Союза. Без таможенных досмотров и других формальностей Хаммер стал летать в СССР на собственном реактивном лайнере, словно к себе домой или в международный аэропорт имени Бен-Гуриона в Израиле. На борту своего «Боинга-727» он начал вывозить из Москвы известных сионистских активистов, которым застойные советские власти упорно отказывали в выездных визах.

Он настолько сумел понравиться Леониду Брежневу, что получил из рук этого добряка за народный и государственный счет высокую правительственную награду в связи с 80-летием. Хаммер был награжден в мае 1978 года орденом «Дружбы народов». «Эта награда, — говорилось в письме, подписанном Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым, — есть выражение признания советскими людьми Вашей многолетней деятельности по укреплению взаимопонимания и доверия между народами наших стран, по развитию

между ними взаимовыгодного сотрудничества. Советские люди это должным образом ценят».

Те, кто бывал в 70-е годы в рабочем кабинете Хаммера в штаб-квартире «Оксидентал петролеум корпорейшн» в Вествуде, в районе Беверли-хиллз, входящем в состав Большого Лос-Анджелеса, могли заметить на столике (как бы невзначай), стоящем позади письменного стола, две специально поставленные рядом фотографии двух тезок по отцу — Владимира Ильича Ленина и Леонида Ильича Брежнева. О первой фотографии мы уже говорили. Надпись на второй гласит: «Г-ну Хаммеру, с уважением. Л. Брежнев». Поглядывая на снимки, Хаммер иногда говорит, что если его первые шаги на деловом поприще в России были сделаны под руководством В. И. Ленина, то последние — при непосредственном участии Л. И. Брежнева.

Первая встреча Хаммера с ним состоялась в феврале 1973 года в кремлевском кабинете. «Вы мне очень напоминаете Ленина, с которым я встречался в этом самом здании 52 года тому назад», — льстиво сказал тогда Брежневу Арманд, точно рассчитав время и место своих исторических реминисценций.

Во время этой встречи, когда американец передал в дар советскому народу несколько писем Ленина, Брежнев с чувством сказал: «Я не приготовил ответного подарка. Вот, возьмите на память мои часы». (Это был подарок, не предусмотренный протоколом. — **Авт.**)

Вскоре последовал еще один жест расположения к бизнесмену. Престижному советскому скульптору Николаю Томскому за большие деньги был заказан портрет Хаммера. Бюст был преподнесен американскому негоцианту с новым личным посланием Л. И. Брежнева, который «от имени» советских людей писал следующее: «Советский народ высоко оценивает Вашу энергию и разнообразные инициативы по развитию и углублению добрых отношений между СССР и США».

В число этих инициатив по-прежнему входил организованный Хаммером обмен художественными выставками. В 1975—1976 годах в Америку посылали выставки картин импрессионистов и постимпрессионистов из таких сокровищниц, как Эрмитаж и Государственный Русский музей. В 1979 году была организована выставка работ мастеров итальянского Ренессанса из других крупных музеев СССР.

Словом, бравируя своим прошлым, Хаммер предложил советским людям посмотреть на его коллекцию шедевров мирового искусства, охватывающую пять веков, составленную, как мы теперь знаем, не всегда праведными путями, но всегда оформленными «по закону».

Организованные Хаммером выставки экспонировались в Ленинграде, Москве, Минске и Одессе...

Сегодня не любят вспоминать, что начало коллекциям Хаммера было положено в годы нэпа, во времена всеобщего нигилизма и насильственно насаждавшегося безразличия, равнодушия к художественному наследию прошлого, когда бесценные творения мастеров объявлялись ненужным хламом. Комиссары от культуры требовали заменить это наследие произведениями нового искусства Советской России. Сегодня такой «хлам», некогда вывезенный братьями Хаммер из Советского Союза, просто не имеет цены, ибо эти сокровища бесценны...

В 1973 году во время съемок часового документального фильма о Хаммере под названием «Торговля с русскими» для телевизионной компании Эн-би-си стало очевидным, что этому красочному фильму недостает подобающего финала. Съемочной группе необходимо было получить разрешение для работы в кабинете главы Советского государства. Хаммер рассказал об этом Л. И. Брежневу. Тот тут же вызвал секретаря и через несколько минут в отеле «Националь», в номере режиссера-постановщика фильма Люси Джарвис зазвонил телефон. Ее просили «немедленно приехать и привезти с собой остальных членов съемочной группы». Достойный финал телевизионного рассказа о многолетних связях Хаммера с русскими был заснят.

В конце фильма Л. И. Брежнев передает из своего кабинета привет и добрые пожелания американскому народу. Затем звучит голос диктора и автора текста Эда Ньюмена: «Как в 20-е годы Ленин при содействии Хаммера старался установить торговые отношения с американскими бизнесменами, так в 70-е годы с той же целью Брежнев сотрудничает с Хаммером». Затем на экране снова появляется Л. И. Брежнев. Согласно задуманному за океаном сценарию он говорит: «Арманд Хаммер делает очень большое дело. Я помогаю ему, он помогает мне. У нас нет «заговора», только деловые отношения». После слов главы Советского правительства вновь звучит голос диктора: «Имеющий за плечами полувековой опыт работы с русскими, Хаммер пользуется поддержкой Л. И. Брежнева. Его деловые связи с Россией — это образец торговых взаимоотношений с русскими». А потом многомиллионная аудитория телезрителей видит Арманда Хаммера в элегантной собольей шапке, идущего по набережной Москвы-реки на фоне золотых кремлевских куполов...

В наши дни дружба с Брежневым — не козырная карта при сделках в Москве. Время Брежнева называют застойным, а презрительный термин «брежневщина» символизирует взяточничество, очковтирательство, разбазаривание народного добра, разрушение национальных богатств и другие пороки. Но, как и в былое время, Арманд Хаммер может вам повстречаться в собольей шапке у стен Кремля, его по-прежнему славят во многих наших газетах и журналах, бизнесмена можно увидеть на советском телеэкране рядом с видными деятелями «новой весны». И хотя среди них уже нет тех, кто стоял у истоков знаменитой 20-миллиардной сделки — кто умер, кто на отдыхе, кто сидит в тюрьме за взятки от иностранных фирм, — Хаммер по-прежнему не испытывает недостатка в друзьях.

●

ОБРАЩЕНИЕ К ИЗБИРАТЕЛЯМ РОССИИ

Дорогие соотечественники! Россияне!

Трудно предположить, что выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов пройдут в республике так же активно, как и выборы народных депутатов СССР. Кризис в экономике, в межнациональных отношениях лишь обострился. Все меньше уверенности в том, что созданы условия оздоровления общей ситуации в ближайшем будущем. Более того, деятельность новых законодательных органов способствовала росту открытой, узаконенной спекуляции, наращиванию темпов в развитии теневой экономики, и по-прежнему не созданы необходимые правовые и другие условия для крестьянина, который, взяв землю в аренду, смог бы не только хорошо зарабатывать, но и сделать богаче наш стол. Решена проблема воссоединения наших граждан с родственниками, живущими за рубежом, но, например, житель Волгограда так и не получил права воссоединиться с родственником, живущим в Ленинграде...

Нам, к сожалению, пришлось убедиться и в том, что кандидаты в народные депутаты СССР, представившие во время избирательной кампании столь «демократические» программы, став депутатами, не защитили не только интересы простых тружеников, но и интересы России. Даже после того, как некоторые республики открыто заявили о своем намерении выйти из состава СССР, Россия осталась в роли донора, из своего бюджета мы отдаем — в том числе и в Прибалтику — столько средств, что хватило бы их для выплаты ежемесячных пособий всем российским женщинам на каждого ребенка до 16 лет в размере месячного оклада!

Но разве не мы сами виноваты в собственной незащищенности, в неспособности распоряжаться своими национальными ресурсами? И не ухудшим ли мы свое положение еще более, если не преодолеем состояние апатии и не придем к избирательным урнам?

Общественно-патриотические движения России, представляющие все социальные слои общества, объединились сегодня для того, чтобы противостоять элитарно-бюрократическим, «леворадикальным» силам, призывают Вас в столь ответственный для нашей Родины час отдать свои голоса за кандидатов, поддерживающих политику народного согласия и российского Возрождения, провозглашенную нашим блоком в предвыборной платформе и опубликованной в газетах: «Литературная Россия» № 52 от 29.12.89, «Советская Россия» от 30.12.89, «Ветеран» 1990, № 3.

Средства массовой информации, в основном контролируемые космополитическими силами общества, которые фактически уже представляют собой реальную политическую партию, и под прикрытием борьбы с деформациями социализма и со сталинизмом очерняют и перечеркивают драматический и одновременно великий путь страны и народа после Октября 1917 года. Они подменяют интересы России интересами аполитичного обывателя, лишают нас общего будущего, нашей общей цели, способной вдохновить народ на титанический подвиг по воскрешенью бедствующей Отчизны. Под предлогом борьбы с административной системой идет борьба против социалистической государственности, порочатся армия и правоохранительные органы. Все эти силы под лозунгом «Чем хуже, тем лучше» ведут дело к безвластию и разрушению народного хозяйства, порождают управленческий хаос в экономике. Открытым саботажем усугубляют положение человека труда в обществе, социальное расслоение, усиливают социальную напряженность, бедность, побуждают население к забастовкам, внушают комплекс неполноценности русскому народу, устраивают судилища русской истории, русскому характеру, делают из русских ответчиков за кризис в стране.

Ознакомьтесь сами с предвыборной платформой нашего блока. Не спешите принять на веру все то, что сообщает вам о наших кандидатах так называемая «левая» пресса, уже начавшая свою привычную разрушительную работу. И вспомните также о том, как эта пресса создавала для вас «прорабов перестройки» из Ю. Афанасьева или Т. Заславской, еще недавно бывших — без кавычек! — истинными прорабами застоя.

Наших оппонентов не пугает рост национального движения других народов, они достаточно спокойно взирают на дискриминацию русскоязычного населения в ряде союзных республик. Особенно остро это проявляется в республиках Прибалтики и Молдавии. Провокационные действия сепаратистских коррумпированных и националистических сил в республиках Армении и Азербайджана уже поставили страну перед фактом начала гражданской войны. Опасность для себя они видят лишь в российском патриотическом движении, ибо истинная перестройка в стране станет возможной лишь тогда, когда каждый русский, и вместе с ним каждый россиянин, каждый гражданин нашего многонационального общероссийского Дома захочет добиться для себя, для своего народа не мнимых, не декларируемых сверху, а самой историей ему предназначенных прав и свобод. Желание русского народа стать хозяином в своей стране они называют «шовинизмом» и даже «антисемитизмом». Но пусть не смущают Вас эти злобные ярлыки. Каждый из нас знает собственные помыслы, каждый из нас понимает, что лишь до тех пор мы достойны зваться русскими, пока хочется нам жить правдой, любить справедливость, пока есть в нас приветливое чувство к другим, стремящимся к правде и справедливости народам.

Россия исторически складывалась как русо-центристское государство. Русские, украинцы, белорусы составляли его ядро. Для понимания происходящих в стране процессов нужно исходить из этой реальности. Мы обращаемся ко всем народам, истинным патриотам России с призывом крепить наше общее единство во имя интересов России и каждого народа.

Дорогие соотечественники! Из кризиса еще можно выйти. Российское возрождение зависит от каждого из нас, от нашего самоотверженного труда, высокой самодисциплины и ответственности. Возродим славное имя русского и россиянина, человеческое до-

стоинство всех народов нашего многонационального Отечества! Блок российских общественно-патриотических движений призывает в духе Народного Согласия поддержать его кандидатов в депутаты ради того, чтобы это возрождение состоялось.

Все на выборы!

Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Советская Россия!

Нет сепаратизму, хаосу, национальной вражде и междоусобице!

За народное согласие, за интересы людей труда!

Ассоциация «Объединенный Совет России» (Народное Согласие)
Ассоциация любителей российской словесности и искусства (Единство)
Клуб народных депутатов СССР и избирателей «Россия»
Всероссийский фонд культуры
Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
Объединенный фронт трудящихся России
Общественный комитет спасения Волги
Товарищество русских художников
Российское отделение Международного фонда славянской письменности и славянских культур
Союз духовного возрождения Отечества
Добровольное общество любителей книги РСФСР
Фонд восстановления Храма Христа Спасителя

Евгений ОВАНЕСЯН

«СЕКС-РЕВОЛЮЦИЯ» ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Сексологи пошли по Руси, сексологи!

В. Белов. Все впереди

РОК — УНИЧТОЖЕНИЕ ДУШИ И РАЗУМА

Не так давно в нашей прессе промелькнули сообщения о 100-летнем юбилее эсперанто. Этот универсальный «международный язык», изобретенный варшавским врачом-полиглотом Л. Заменгофом, чье имя носит одна из центральных улиц Тель-Авива, так и не получил у нас широкого распространения, оставшись чем-то вроде интеллектуальной забавы. Главной «помехой» внедрению эсперанто, лишенного национальных признаков, явился, несомненно, наш родной язык, заключающий в себе мощное самоохранительное духовное ядро.

В иной же, чувственной сфере, ткань нашей нравственности, претерпевшей сокрушительное воздействие политических, социальных и других потрясений, видимо, утратила прочность, чем незамедлительно воспользовались наши идеологические противники, и не только зарубежные.

Вот уже и ручеек рок-музыки, поначалу казавшийся безобидным, вырос в бур-

ный поток, сметающий все на своем пути, — в полном соответствии с инструкцией Совета по вопросам молодежи НАТО: «Особое внимание в нынешний период следует обратить на молодое поколение, не обладающее еще жизненным опытом, легко восприимчивое ко всему новому, необычному, красочному, броскому в материальном и техническом отношении. Увлечь молодежь СССР идеалами Запада — наша задача» («Советская культура», 28.4.1988).

Рок во всех его ипостасях, вдохновленные им «хиппизм» и «панкизм», «сатанизм» и «некроэстетика», вылезший из канализационных люков «андерграунд», «авангард» в кино, поэзии, живописи, театре, — это своего рода новое эсперанто, воздействующее прежде всего на чувственное восприятие. Язык самой примитивной формы (как и эсперанто, насчитывающий всего 16 правил), язык, в котором стерты все родовые признаки, язык уничтожения душ и разума.

За каких-то три-четыре года мы пробежали дистанцию, которая на Западе растянулась на десятилетия: от буги-вуги конца 40-х годов и вывода на орбиту рок-н-роллов Хэйли и Пресли — до конца 80-х с бесчисленной сменой наркотизированных ансамблей. В невообразимом хаосе, где смешались течения, стили, тенденции, возникла та чудовищная по своему бескультурью гидра, которую назвали «советским», а потом и «русским» роком.

Что может быть нелепее подобного сочетания? Русские песенные и плясовые ритмы плохо «переводятся» даже на язык простейшего джаза, а вспомним, сколько было попыток создать так называемый «русский джаз»!.. Первооснова джаза, а потом и рока — синкопа, то есть резкие ударения между тактами, чего русская музыка органически не приемлет. Создание «русского джаза» свелось к элементарному синкопированию русских мелодий, что и повлекло за собой спотыкания и раскачивания (в ритме «свинга») наших эстрадных песен и оркестровых композиций.

В свою очередь, это неизбежно привело к соответствующей хирургической операции над родной речью: она приобрела отрывистые, лающие интонации, дробления, рваную скороговорку, — все, что так свойственно джазовой и особенно рок-песне, — все, что, казалось бы, непереносимо для русского слуха.

Произнесенное слово и выраженное им понятие на Руси всегда были слиты воедино, наполнены глубоким внутренним смыслом. Понятие и слово «любовь» нельзя было провыть или провизжать, как это происходило на западной эстраде со словом «лав»!.. Русский человек не мог завопить во всю глотку «хочу-у-у тебя!..» — сам язык и мораль, заключенная в нем, не допускали кощунства, запрещали похабить высокое чувство.

Теперь же мы рискуем опустошить духовную и культурную жизнь. Умело направляемый и извне, и изнутри таран рока уже пробил основательную брешь в «бастионах морали» нашей страны.

В эту брешь и устремилась волна «сексуальной революции».

ГОЛЫЕ ДЕВИЦЫ И ИДЕИ... ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ

Начало было столь же безобидным, как и журчание первых ручейков рок-музыки, столь же заманчивым и приятно щекочущим воображение самой широкой публики, в особенности молодежной. Ожидаемая новинка к тому же обещала удачно вписаться в общую атмосферу праздника жизни, создаваемую средствами массовой информации... Да, как ни странно это выглядит, буря гласности и демократии, нагромоздив перед ошеломленным народом пирамиды проблем, в то же самое время как бы стремится настроить нас на благодушно-развлекательный лад, словно единственная наша задача — как можно веселее убить время.

Раздумывая над этим парадоксом, невольно приходишь к выводу, что если мрачные пророчества о грядущей экономической катастрофе способны убить веру в счастливый исход, то призывы к мирским наслаждениям могут парализовать наши конкретные действия по выходу из кризиса. Таким образом, противоположные полюса имеют загадочную точку соприкосновения...

Поистине историческим событием стало проведение в июне 1988 года первого московского «конкурса красоты»! Все газеты наперебой расписывали это небывалое в культурной жизни страны мероприятие. Подобные зрелища доселе ласкали взоры лишь зарубежных ценителей женских прелестей, у нас же отвергались как явление сугубо буржуазное, возбуждающее низменные страсти, унижающее, наконец, женщину, а потому и порочное. Теперь же идея «конкурсов» не только реабилитирована, но и получила идеологическую базу.

Насколько она прочна, можно увидеть из высказываний главного режиссера представления М. Злотникова: «В отличие от распространенных на Западе конкурсов «Мисс»... мы не следовали так называемым мировым стандартам. В конкурсе могла принять участие девушка с любой фигурой (не правда ли, грандиозное отличие от западных шоу?.. — Е. О.)... Главная задача, которую мы перед собой ставили, показать, что советская женщина может быть не только решительной, деловой и сильной. Она обязательно должна быть еще и красивой» («Советская Россия», 12.6.1988).

Газета «Советская культура» выставила еще более глубокомысленную платформу: «В ходе соревнований девушкам пришлось демонстрировать не только грацию и красоту, но и эрудицию (каким же образом? — Е. О.), ритмические данные, умение двигаться...» (14.6.1988).

Зрителям, собравшимся в Лужниках и затаившим дыхание у телевизионных экранов, предстояло увидеть, как едва прикрытые полосками ткани девицы, старательно улыбаясь, фланировали взад-вперед по сцене то в одиночку, то шеренгой, как послушные лошадки на цирковой арене... Этому довольно убогому зрелищу предшествовали многочасовые тренировки и прочие тяжкие испытания на протяжение двух месяцев. И ради чего?

Понятно, какие цели преследовали западные фирмы, финансируя конкурс, — коммерция. Правда, сначала коммерческая подоплека всячески отрицалась и замалчивалась, лишь спустя несколько дней газета «Труд» сообщила, что «журнал «Бурда моден» подписал с 36 участницами вполне жесткий коммерческий договор. Девушек готовили к рекламной работе» (17.6.1988). Корреспондент не удержался от смакования зарубежных подарков и призов: «В платье от «Бурда моден», перехваченная триумфальной лентой французской фирмы «Ив Сен-Лоран», в короне, изготовленной чехословацким «Яблонексом», очаровательная школьница Маша Калинина поднималась на «трон» конкурса красоты... Наиболее дорогие награды в целях рекламы своей продукции выносили зарубежные спонсоры, вложившие деньги в проведение

конкурса. Их набрался добрый десяток. Западногерманская фирма «Нивеа» преподнесла чемодан косметики...» и т. п.

Легко представить, какой восторженно-завистливый девичий вздох облетит всю страну, сколько будет разговоров и пересудов, с каким трепетом будут произноситься эти завораживающие слова: макияжный набор от «Сан-Суси»!.. Круиз по Средиземноморью!.. И все это можно получить только за то, что у тебя приличная фигурка, смазливое личико и ты умеешь «двигаться»! Чье сердечко не дрогнет при виде головокружительной перспективы подняться на «трон»?.. И попробуй объясни девчонке, трясущейся в кузове грузовика в четыре утра на птицеферму, или ее сверстнице, спешащей тем же утром на завод или фабрику, — в чем благо подлинное и мнимое, где ценности вечные, а где — преходящие!..

Вряд ли тебя правильно поймут. Вирус «шикарной жизни» уже начал свою кропотливую разрушительную работу.

На удивление беспомощную попытку выявить сущность конкурса делают «полемические заметки» в «Правде» (26.6.1988). Выясняется, что зрелище было «синтезом» западного варианта конкурса с неким отечественным вариантом, в котором учитывались наши «условия и традиции» (какие же это традиции? откуда взялись?), а также стремление «петь гимн женской красоте своим голосом...». Ну, насчет «гимна», пожалуй, чересчур сильно сказано, а вот что касается «своего голоса», то не получится ли так же, как и с «переводом» рока на русский язык?

Авторы озабоченно вопрошают, не породят ли всевозможные дорогие подарки «нездоровый ажиотаж, не создадут ли атмосферу ипподромных скачек»? Безусловно, создадут. Как же быть? Вместо ответа следует энергичное заявление: «Будущее наших юных красавиц, в большинстве своем не сформировавшихся еще в сильные и цельные личности, важнее для нас всех призов, вместе взятых. Об этом нельзя забывать».

Что ж, не забудем. Но где же вывод? Допускать к участию в конкурсах только «идейно зрелых» красавиц? Не придется ли тогда создать специальные питомники для выращивания патентованных прелестниц? Думается, зарубежные спонсоры охотно откликнутся на это предложение: «ведь больно лакомый кусок: сама Россия, извечно считавшаяся дикаркой своей скромностью и стыдливостью, публично пала, — как с горечью писал В. Распутин, — перед богатым соблазнителем. Это стоит денег» («Советская культура», 27.5.1989).

Между тем волна «конкурсов красоты», приобретая глобальное значение, покатилась по стране. Замельтешили фотографии всевозможных «Мисс Хибины», «Мисс Кривой Рог», «Мисс Сыктывкар»...

Журнал «Студенческий меридиан» в нескольких номерах 1988 года радует читателей красочными изображениями «чудо-студенток» (так называется общевузовский конкурс), которые, разумеется, обнажены с предельной допустимостью, дабы не оставалось сомнений в их телесных достоинствах. Наряду с этим девушки поражают и раскрепощенностью суждений: возмущенные «боязливостью» устроителей, «как бы их не обвинили в том, что они находятся под влиянием идеологии Запада», они настаивают на выступлениях исключительно в купальных костюмах. «Какая же красота, если фигуры не видно!..»

Довольно скоро напрочь исчезли даже робкие попытки придать конкурсам хоть какой-то интеллектуальный оттенок. Забавный эпизод случился в Ташкенте: когда кто-то из членов жюри задал вопрос по истории Узбекистана, «раздался хор возражений: это же конкурс красоты, а не интеллекта!» («Комсомольская правда», 22.12.1988).

Крупной вехой в истории отечественных конкурсов стало проведение международного шоу «Мисс Очарование-89», которому, сообразно своим возможностям, уделили внимание все центральные газеты. «Наш конкурс — это новая форма познания мира, новая форма дипломатии», — заявил без обиняков пресс-секретарь оргкомитета корреспонденту «Советской России». При этом цены на билеты без всякой дипломатии колебались от 12 до 25 (!) рублей, а «с рук» вздымались и до двухсот!..

Не удержался даже некогда аскетичный «Советский воин», щегольнув цветными фотографиями полуобнаженных красоток на развороте (№ 7, 1989). Ничего не поделаешь, «наш солдат должен знать, кого он защищает, стремиться к красивому, возвышенному», — с доблестной прямотой высказался по этому поводу член жюри конкурса летчик-космонавт Г. Береговой...

Против такого преломления идеи обороноспособности, пожалуй, возразить нечего, хотя и не совсем ясно, каким образом наш солдат должен защищать красавиц из Гонконга, Бирмы, Туниса, Израиля и прочих стран... Но гораздо более важной, по мысли другого члена жюри, пламенного сатирика М. Жванецкого, является большая работа «духа и тела, которого мы почему-то не стесняемся на куда более оголенных пляжах. Освобождение от ханжеского отношения тоже входит в перечень необходимого для демократизации» («Правда», 24.1.1989). Здесь уже отчетливо просматривается тенденция, прикрытая удобной формулой: борьба с ханжеством как элемент перестройки сознания. Если следовать за ходом мысли сатирика, то вскоре окажется, что пляжная оголенность вполне допустима и в концертном зале, и в школе... да и мало ли где еще?..

НЕ ЗАГНАТЬ ЛИ ВСЕХ ПОГОЛОВНО В ИНТИМНЫЙ ПОЛУМРАК?

Итак, перестроив наше дремучее домостроевское сознание, мы одним махом преодолели досадное отставание от цивилизованного Запада и успешно ликвидировали многие родимые пятна нашей пуританской идеологии. И было бы странно, конечно, если бы прогрессивная часть интеллигенции остановилась на достигнутом.

Первый залп нового мощного удара по «бастионам морали» прозвучал под сводами экспериментального театра А. Васильева, где состоялись «Вечера эротического искусства». Сначала телевидение, а потом и пресса с восторгом откликнулись на это, что и говорить, неслыханное событие.

«...Голландская галерея «Три грации»... стала спонсором «Вечера эротического искусства», который проходил в ноябре в Москве», — сообщала на своей юмористической полосе, впрочем, без всякого юмора, «Литературная газета» (14.12.1988). В этом представлении принимал также участие таинственный ансамбль «Оберманекен», ласкавший «слух присутствующих эротической

музыкой». Но и это лишь гоголь-моголь перед главным номером программы: «обнаженное тело одной молодой дамы несколько лиц, не лишенных художественной фантазии, принялись украшать кондитерским кремом...»

Спустя неделю появляется статья в «Советской культуре», полная декадентского тумана и неги. Вначале автор почему-то усердно убеждает нас в том, что вообще ничего не было: «представление как представление», — но потом, не в силах, видимо, избавиться от сладострастного воспоминания, признается: «Нет, нет, была, конечно, минута, когда в интимном полумраке под звуки саксофона несколько человек волховали вокруг обнаженного тела... Волнующая, незабываемая минута...»

Удивляют скорее даже не сами «вечера» — мало ли подобных вечеринок проводилось подпольно для «избранной» публики? Тот же ансамбль «Оберманекен», оказывается, не первый год услаждал слух неких участников «интимных оргий», о чем теперь пишется открыто... Удивления достойно то, что произошла откровенная легализация зрелищ, способствующих падению нравов. Стенобитная машина рок-н-ролла уступает место фаллическому тарану эротизма.

Здесь уместно задать вопрос нашим религиозным деятелям, вроде бы получившим свободу высказываний: каково их мнение о широкой распродаже женской красоты? Полагают ли священнослужители, что пересадка эротизма на российскую почву будет способствовать нравственному возрождению народа?.. А если нет, то почему их странное молчание продолжается?

Пока молчат иерархи и священники, пока в общем гомоне тонут духовные проповеди писателей В. Белова, В. Распутина, Ю. Бондарева, В. Астафьева, — говорят и действуют другие.

Газета «Советская культура» первой перебросила теоретический мост между конкурсами красоты и эротикой: «Ведь девушка, однажды вставшая перед фотообъективом в купальнике, через какое-то время обязательно снимет этот купальник. А трусики на танцовщицах варьете (прибежище многих, не попавших в финал!), постепенно укорачиваясь, однажды исчезнут совсем» (31.1.1989). Отсюда вывод: «И раз уж этот процесс неизбежен, хорошо бы сделать его явлением искусства».

Самоуверенная осведомленность и веселый цинизм, с какими автор описывает пикантные трансформации, говорят и о том, что в определенной среде давно уже стерты все границы пристойного и непристойного, теперь требуется охватить этим процессом все общество.

Утверждая, что «эротические вечера» должны были «напомнить о том, что поклонение Эросу во все времена было частью искусства», журналист совершает трудноуловимую для взбудораженной публики подмену, благодаря которой Эрос, чья роль непомерно возвеличена, вытесняет Любовь. Сама же любовь, как мы увидим в дальнейшем, лишенная высоких побуждений, все больше низводится до уровня примитивной эротики, когда человек провоцируется на возбуждение полового чувства вообще...

Вскоре журнал «Родина» (№ 2, 1989), само название которого, очевидно, должно обязывать к определенной строгости, помещает серию цветных фотографий и репортаж все о тех же «эротических вечерах». Ощутимо меняется тон: твердый и властный, он не терпит возражений и заранее клеймит несогласных.

Одна из целей очерка А. Амлинского — убедить читателей в том, что эротика не только пронизывает лучшие произведения мирового искусства, но и лежит в русле отечественных традиций. Те же, кто отрицает столь бесспорный факт, «знают Пушкина в пределах школьной программы», то есть слишком однобоко!

Среди поэтов, достойно подхвативших эротическую эстафету, называются Блок и Бальмонт... Увы, эта животворящая струя была «насильственно прервана» — заканчивает свой экскурс в историю русского искусства бойкий журналист. Ясно, конечно, чьих рук было дело. Не пора ли подумать о монографии «Сталинизм и эротизм»?..

ВСЕНАРОДНОЕ РАСТЛЕНИЕ

Застоявшаяся в известные годы энергия хлынула через край. Совсем недавно, кажется, сетовал М. Жванецкий на ханжество в сфере стриптиза, но вот уже вовсю развернута кампания против чувства стыдливости. По всей стране пронеслась волна всевозможных «эротических выставок» — от Москвы и Риги до Одессы и Челябинска, причем и эротика, и откровенная порнография зачастую маскируются жанром «ню», который в своем классическом виде абсолютно лишен сексуального смысла и, напротив, наполнен чувством эстетического восхищения обнаженным человеческим телом. Сотни и тысячи полотен и скульптур хранят на себе печать высокого духа. Нет, не Эрос, а Любовь создавала неувядающие шедевры мирового искусства!

Сегодняшняя обстановка не способствует верной нравственной ориентации. В журналах и даже в газетах — фотографии эротического характера, поток информации о многочисленных конкурсах «Мисс эротика»... Витрины кооперативных киосков и, увы, государственной «Союзпечати» пестрят открытками и календарями с обнаженными красотками, подчас в самых непристойных, похотливых позах... «Целесообразность» наводнения рынка подобной продукцией как бы подтверждается письмами юных читателей о необходимости всяческого распространения плакатов и снимков эротического содержания для... стимуляции уважительного отношения к сверстницам!..

Может быть, и простительно слышать такое от юных эротоманов, но почему же взрослые дяди и тети поощряют всенародное растление?

Практические дела время от времени подкрепляются теоретическими наставлениями. Вот молодежный еженедельник «Собеседник» публикует интервью с неким болгарским сексологом (а это очень хорошо действует, когда советы даются из соцстран: друзья, мол, почему бы и не прислушаться?..), который исследует исключительно важную для нашей перестройки проблему «натуризма» (№ 47, 1988). Читатель узнает, что это течение (иначе — «нудизм») возникло в начале века в Германии и происходит от простого, как правда, латинского «голый». Но он остается в неведении относительно того, что и на Западе, и в России конца прошлого века и первого десятилетия нынешнего в художественной среде господствовали декадентство и нигилизм, а новое течение родилось вовсе не из стремления к нравственному усовершенствованию (да и не к телесному), а именно как само-

цельный, эпатирующий протест против общепризнанной морали. (Кстати, и кондитерский крем на женском теле попал в театр А. Васильева именно из той далекой эпохи...)

Приведем характеристику этого бурного периода, данную И. Буниным в октябре 1913 года: «...Морем разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый... Мы пережили и декаданс, и символизм, и неонатурализм, и порнографию — называвшуюся разрешением «проблемы пола», и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона... и садизм, и снобизм...»

Целомудрие и сдержанность всегда были присущи нашему народу во всем, что касалось вопросов пола, а уж выставление их напоказ считалось делом греховным и низким. Четкие границы отделяли чистоту от блуда, любовь от похоти, добро от зла.

Испокон веков у нас считалось, что человеческое развитие должно идти в соответствии с гармоничными законами природы. Никому не приходило в голову о б у ч а т ь тому, что является сильнейшим природным инстинктом, — да и было бы это сочтено безусловным грехом. Обучали другому, понимая, что здорового во всех отношениях человека можно сформировать, лишь заложив в него здоровое духовное ядро. Именно этим и определялась на всю жизнь культура поведения в любви!

Поголовное же обучение «сексу», да еще с самого раннего возраста, при полнейшем отсутствии воспитания духа, чревато печальными и даже трагическими последствиями. Мы рискуем взрастить нивелированное племя роботов, запрограммированных на чувственные наслаждения и готовых к любым действиям, в том числе и преступным, для достижения своих целей, — роботов, не ведающих любви, жалости и стыда.

Именно чувство стыда изначально отсутствует у племени нынешних сексологов, настаивающих на введении «уроков секса» чуть ли не с дошкольного возраста. Не секрет, что эротический интерес возникает довольно рано, но поэтому нетрудно предположить, что ранняя осведомленность, вместо того, чтобы нормализовать детскую психику, будет усиленно подогревать интерес к сексуальным отношениям — вначале чужим, а потом и к собственным, тоже недопустимо более ранним, чем это было у поколения, которого не коснулись «сексологические» эксперименты.

Впрочем, ошибочно думать, будто подобные опыты являются каким-то новым словом в общественной жизни. Еще с середины 20-х годов «по всей территории Советского Союза», «во всех группах населения», как писал «Женский журнал» в мае 1926 года, развернулась широкая кампания по изучению «проблемы пола».

Разумеется, этот процесс и тогда не мог обойтись без надлежащей политической платформы и громких лозунгов. Если нынешние «просветители» провозгласили сексологию панацеей от многих социальных недугов, то их предшественники действовали под ширмой строительства новой жизни, семьи и быта.

«Это — острый и значительный вопрос нашей п о л и т и к и и нашей о б щ е с т в е н н о с т и» (разрядка автора статьи в том же номере журнала). А «повышенный интерес» к означенной проблеме объявлялся «вполне естественным и здоровым явлением».

Не был обойден и «половой вопрос в детском возрасте» — так и называется статья анонимного автора в «Женском журнале» за ноябрь 1928 года. «Неужели же с годами пропадает у детей интерес к половой жизни?» — ставится глубокомысленный вопрос, будто дети, едва отнятые от материнской груди, тут же принимаются вести эту пресловутую половую жизнь, отсюда, видимо, и опасения, как бы они «с годами» не выдохлись... Ответ решителен: «Нет, интерес к этой области по миновании дошкольного периода не проходит, а, наоборот, возрастает». Ну а вдруг угаснет в начальных классах?.. Но как раз этого и не допустят бдительные просветители.

Объективности ради отметим, что тогдашние сексологи, не успевшие как следует развернуть свою деятельность, все же предостерегали взрослых от ведения «разговоров на сексуальные темы», а также от «бесцеремонных» раздеваний в присутствии детей. Сохранилась еще какая-то стыдливость, безвозвратно испарившаяся у сексологов конца 80-х годов.... И, кстати, не странно ли, что фактически они присвоили себе пальму первенства, нигде не упоминая о своих отважных предшественниках? Этично ли это — особенно на фоне обильной литературы, существовавшей в 20-е годы по данной теме?.. Восстанавливая хоть в малой степени историческую справедливость, назовем и несколько книг, признанных в те годы наиболее полезными и необходимыми: А. Б. Залкинд, «Половое воспитание»; Виген, «Душевная и половая жизнь юношества»; И. Гельман, «Половая жизнь современной молодежи»; А. Л. Рабинович, «Как предупредить беременность».

Столь успешно начатое дело через некоторое время захлебнулось, чтобы возродиться на Западе. Смелые преобразования, коснувшиеся, в частности, французских школ, опередили мечты наших сексологов лет приблизительно на тридцать! Сексуальным воспитанием были охвачены именно начальные классы. Педагоги рисовали на досках смешные фигурки мужчин и женщин, у которых — хотя и схематично, но вполне узнаваемо — присутствовали все признаки полового различия. С помощью этих забавных рисунков дети узнавали, что и как нужно делать, дабы получились такие же чудесные мальчики и девочки...

Примитив, конечно! Ныне технические средства сексологов усовершенствовались. В Австрии, например, детям показывают мультфильмы, в которых деревянные куколки мужчин и женщин демонстрируют весь комплекс любовных занятий, то бишь сексуальных актов. Делаются, правда, слабые попытки запретить подобные «киносеансы», ибо «слишком это напоминает государственную порнографию» («Комсомольская правда», 12.4.1989).

Министр здравоохранения СССР Е. Чазов, не желая прослыть ретроградом, заявил как-то журналистам: «Во всем мире уже в 7—8-х классах школьники изучают такой предмет, как сексология. У нас же это считается запретной темой. Почему? Не знаю. Мы считаем, это тоже важная область формирования здорового человека» («Аргументы и факты», № 31, 1987).

Что-то не верится сейчас в существование этих глупых запретов! Особенно когда берешь в руки несколько номеров еженедельника «Семья», где опубликована французская «Энциклопедия сексуальной жизни» для... детей 7—9 лет! Читательские отзывы в последующих выпусках должны были создать впечатление, что «Семье» удалось совершить чрезвычайно важное дело. Проскочило одно письмецо, оспаривающее такую точку зрения, да и то

его обнародовали лишь для того, чтобы сурово одернуть на примере этой читательницы всех сомневающихся: она-де просто еще не готова «выполнить свой родительский долг»! (№ 33, 1989) — как будто напичкать детей сексуальной стряпней и означает выполнение святого долга.

«Неловко смотреть на эти рисунки, — пишет заблудшая мать. — Ведь это может вызвать нездоровый интерес к интимной жизни родителей. Должна же быть какая-то тайна отношений».

СЕКСОЛОГИЯ — НАУКА ИЛИ ШАРЛАТАНСТВО?

Своим робко высказанным предположением читательница «Семьи» попала в самую точку. Не является ли подспудной целью сексологов всех мастей именно это разрушение одной из великих тайн человечества — Любви?.. Вывернутая наизнанку, многократно препарированная и отраженная витринами кино, телевидения и прессы, она неизбежно потеряет свой сокровенный смысл, вслед за чем произойдет и крушение веры в ее созидающие силы.

Исчезает и возвышенная тайна отношений двух влюбленных существ, Дафнис и Хлоя превращаются в случайную парочку, соединенную гостиничным номером, — на наших глазах рушится феномен Любви как сплава духовного с телесным.

Немудрено, что на первый план все откровеннее выходит механика эротических упражнений, отчего и сама эротика превращается в заурядный спорт, приносящий удовлетворение все равно с кем, где и когда.

Главная ошибка — или умысел? — «специалистов по сексу» заключается в том, что они надеются создать некий иммунитет против неправильного, с сексуальной стороны, образа жизни. Но результатом их «просветительной» работы может стать скорее пресыщенность, вызванная и ранними половыми связями, и частой сменой партнеров в поисках «научно обоснованных» удовольствий. Совершенно не выдерживают критики и ссылки на Запад как на образец для подражания: несмотря на широчайшую сеть сексуального обучения, дела любовные хромают там на обе ноги.

Наши сексологи, в частности, особенно упирают на то, что хорошо поставленное воспитание будет способствовать уменьшению числа разводов, которые якобы в основном происходят из-за сексуальной неудовлетворенности супругов. Но почему же в США разводом заканчивается «каждый второй брак в течение четырех лет»? («Неделя», № 32, 1989). Почему в тех же США существует устойчивое мнение, что одна из главных причин разводов — это интимные отношения, которые п е р е с т а л и доставлять радость?! И это при их-то просвещенности в сексуальных вопросах!..

Так же безосновательно выглядят и уверения в том, что по мере углубления сексуальных знаний резко пойдут на убыль преступления на сексуальной почве. Не странно ли, что правительство США, как сообщает «Нью-Йорк таймс», серьезно обеспокоено «нарастающими проблемами, связанными с половыми извращениями, болезнями, передаваемыми с помощью секса (прежде всего СПИД), ранними беременностями, принуждением к сексу детей со стороны взрослых, изнасилованиями и разводами» («Советская Россия», 12.8.1989).

Ничуть не лучше обстоят дела и в Швеции, одной из самых, как известно, процветающих стран. Писатель Л. Хеслинд в заочном диалоге с Л. Жуховицким, проповедуя «свободную сексуальность как предпосылку истинной любви», тем не менее, оценивает ситуацию в стране достаточно трезво: «Принес ли свободный показ разнообразной сексуальности что-либо хорошее и плодотворное шведскому народу? Число преступлений на сексуальной почве у нас не снизилось. Случаев изнасилования и кровосмешения — не меньше прежнего: Судя по полицейским отчетам, женщин насилуют с еще большей жестокостью» («Иностранная литература», № 2, 1989).

Не пора ли сделать вывод, что сексуальная просвещенность только способствует разложению общества? Нет, ни одна морщинка не легла на высокоученые лбы! Давно напрашивается и другой вопрос: не маловато ли оснований у сексологов называть себя учеными, а свое занятие — наукой? Поражает та кипучая энергия, с какой они выдают за науку десяток-другой замусоленных истин или пересказ сведений, почерпнутых из еще не изданных у нас книг!..

Попробуем хотя бы вкратце проанализировать опубликованные «Неделей» очерки одного из самых активных проповедников сексуального воспитания профессора И. Кона: «Настоящий мужчина» и «Настоящая женщина». В предисловии повторяется назойливый тезис о нашей сексуальной безграмотности, которая «зачастую приводит к развалу семьи» (№ 14, 1989). В то же время из другой статьи (№ 16) мы с удивлением узнаем, что «чистая», то есть без измен, супружеская жизнь «не доставляет мужчине особой радости, неизбежно дополняется связями с проститутками». Выходит, что сексуальные познания необходимы именно для этих побочных связей?.. Не верится, что уважаемый профессор искренне озабочен состоянием советской семьи!

Как тут не задуматься над тем, что н и г д е, н и к о г д а ни один из сексологов не призвал на помощь нравственное чувство. Более того, оно ими бесцеремонно отвергалось. Тот же И. Кон двумя годами раньше снисходительно заявил: «Нравственные наставления сами по себе... не заменяют сведений по физиологии и психологии половой жизни» («Аргументы и факты», № 31, 1987). Да ведь никто, кажется, и не собирается заменять? Подмена совершается именно профессором, ибо в контексте его высказывания получается, что «нравственные наставления» вообще нужно отбросить! Иными словами, задача духовного совершенствования — важнейшая в воспитании — вытесняется ничтожно малой, но искусственно раздутой до глобальных размеров «проблемой секса».

Внимательное прочтение статей И. Кона может открыть нам, помимо удручающей легковесности «научного текста», пестрящего юмором типа: «сексологи шутят, что мужской «прибор» — самый ленивый», — еще и какое-то настойчиво-маниакальное стремление внушить мужчине... неуверенность в своих силах. Судите сами: «Мысль о возможной сексуальной опытности женщины вызывает у них (у мужчин. — Е. О.) панический ужас...» Ну зачем же так паниковать?

В другом месте профессор утверждает, что мужчины «сплошь и

рядом изменяют женам... ради проверки и самоутверждения: я не хуже других... я могу...». Опять звучит мотив сомнения в своих силах и опять при полном игнорировании нравственного начала. Еще: «Чтобы угодить партнеру, некоторые женщины вынуждены симулировать переживание оргазма», — разумеется, чтобы пощадить самолюбие мужчины. Любопытную компанию исследует И. Кон, ничего не скажешь! Мужчина не только не в состоянии доставить женщине плотскую радость, но и, как сказано в другом месте, «смертельно боится женской сексуальной активности»! Ну уж и смертельно! Начитается иной подросток такой чепухи, да и в самом деле усомнится в своем мужском достоинстве!..

Не без чувства облегчения отодвинув очерки И. Кона, мы наконец зададим вопрос, который давно уже вертится на языке: как же это наш бедный темный народ столько веков умудрялся обходиться без такой важной науки? И семьи были крепче, не в пример нынешним, и дети вырастали здоровыми, без всяких эротических отклонений, и мужчины откуда-то знали, как любить своих верных жен!..

И при этом никаких, как бы это выразиться поделикатнее, технических средств, острая нехватка которых создала в наши дни неразрешимую проблему, особенно для преждевременно созревшей поросли «до 16 лет». На вопрос, нужно ли информировать старшеклассников о противозачаточных средствах, сексологи, не задумываясь, дают утвердительный ответ. Но ведь этим фактом половая жизнь подростков признается **нормальным** явлением! Лишь бы, выходит, детей не плодили!..

В чем же тогда благородные функции сексологии, о которых нам прожужжали все уши? Невелика заслуга — прочесть лекцию о презервативе! Суть-то именно в насаждении новой моды не зря ведь сексологи утверждают, что и взрослые не умеют пользоваться означенным средством!.. До чего же мы дикий народ! Поневоле прислушаешься к мнению девятиклассницы из Минска Наташи Р., состоящей в переписке с сексофилами из «Недели»: «...Мы в развитии отстали от Запада. Мы патриархальные по всем статьям. Ну ничего, лет через десять все изменится, и мы заживем полной человеческой жизнью» (№ 32, 1989).

Да, вот только ликвидируем наше досадное отставание в области СПИДа, а там чего не зажить? Заживем!..

Кстати, а как насчет лучшего средства от СПИДа? Того самого, чем мы не умеем пользоваться и чего катастрофически не хватает! «Комсомолка» дает конкретный совет: «Может быть, стоит выдавать презервативы по талонам, как сахар и мыло? Чем плохое предложение?» (12.2.1989). А что, нормально! Ну а как за границей? «В Южной Корее (продолжает газета) автоматы по продаже интимного товара развешаны в самых немыслимых местах — от общественного туалета до шикарного ресторана. В Будапеште презервативы лежат в любом магазине перед кассиром...»

И лишь в нашем убогом по части сексуального просвещения государстве днем с огнем не найдешь этого простейшего изделия! А как можно было бы украсить им не только рестораны и туалеты, а, скажем, театральные гардеробы, платформы метро, салоны такси — да и мало ли что еще!..

Ну а в ожидании рывка резиновой промышленности не мешало бы загодя устроить телевизионные курсы — к их окончанию, глядишь, и подоспело бы насыщение рынка. Правда, телевидение уже пропагандировало вожделенную игрушку, но, как с сожалением отмечал Л. Жуховицкий в упоминавшемся диалоге с коллегой из Швеции, «не столь наглядно, как, например, датский телеэкран, где мужчина и женщина демонстрируют этот полезный инструмент в действии».

А еще говорят, что мы темные! Наверное, и датчане не слишком блещут смекалкой, если приходится им все разжевывать!..

ЗАДОХНЕТСЯ ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА БЕЗ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА?

Окрыленные успехами на ниве «сексуализации» общества, наши сексологи предпринимают все новые акции по дальнейшему «раскрепощению» нравов. Настала очередь реабилитировать... гомосексуализм. Все силы массовой информации были брошены на это благородное дело. Нашлись, конечно, отдельные невежественные люди, которых эта кампания, мягко говоря, покоробила. Пенсионерка Б. Артамонова из Риги отважилась даже послать гневное письмо в «Правду», а редакция отважилась его напечатать. Думаете, легко в наше время пойти против плюрализма и демократии? Не зря же авторы подобных «писем протеста» — сплошь отставные полковники (сиречь сталинисты), полуграмотные колхозники (вот, мол, **кто** протестует против либеральных начинаний!), ну, и бедные пенсионеры, с которых спрос невелик...

Вот мы и читаем: «Недавно московское телевидение посвятило целую передачу гомосексуалистам. Даже показали таких и взяли у них интервью. А ученые мужи прокомментировали все это с научной точки зрения... На мой взгляд, подобное «забавление» широкой аудитории... возмутительно! Это не метод борьбы... не боль за наших юношей и девушек...» («Правда», 11.9.1988).

Вероятно, гнев затмил очи патриархально настроенной пенсионерке. Иначе бы она увидела и поняла, что на экране происходило вовсе не «забавление» и отнюдь не борьба. Наоборот, на наших глазах шел очередной акт «демократизации» еще одной сферы человеческого общения.

С подробным разъяснением выступил уже знакомый нам профессор И. Кон в «Литературной газете» (29.3.1989). С ходу заявив, что в «подавляющем большинстве цивилизованных государств» гомосексуализм не является преступлением, он тем самым отнес нашу страну к числу наиболее варварских, ибо мы еще не отказались от соответствующей статьи Уголовного кодекса.

Наукообразную теорию, которую профессор обрушивает на наши непросвещенные головы, даже как-то стыдно читать. Оказывается, что «ненависть к гомосексуалистам имеет несколько причин. Во-первых, она вытекает из общей нетерпимости к различиям авторитарного стиля мышления и жизни». Ну а если кому-то нравится, извините, мочиться посреди людной площади (судебная психиатрия знает и такие случаи), — значит, в эпоху перестройки мы должны быть к этому терпимы?.. Уж не придет ли очередной профессор с доказательством особой биологии данного субъекта?..

«Во-вторых, тут сказываются очень древние, уходящие в глубь веков табу и запреты». Но если древние, то не абсурдно ли их

разрушать? Ведь они сохранили нравственную чистоту сотен и сотен поколений! Так же, как «не укради», «не убий», — неужели и эти заповеди со временем попадут в разряд отменяемых?..

«В-третьих, действуют бессознательные механизмы психологической защиты: выражая ненависть к гомосексуалистам, люди отгораживаются от собственных сексуальных страхов (вот это самое замечательное! Почему это И. Кону всюду мерещатся сексуальные страхи? — Е. О.), включая неуверенность в своей сексуальной «благонадежности».

Профессор не уточняет, с какой это стати мы должны усомниться, — уж не гомосексуалисты ли мы? — но странно, что ему даже в голову не приходит, какова истинная причина неприязни большинства к «сексуальным меньшинствам», — а именно элементарное, пожалуй, и врожденное чувство брезгливости к любому нравственно нечистоплотному явлению.

Впрочем, призыв к разрушению морали явственно звучит в резюме сексолога: «У нас же ко всему этому еще прибавляется неискоренимая любовь к морализированию».

Свою посильную лепту в процесс искоренения морали внес и театр, успешно легализовавший ту же тему гомосексуализма. Много восторгов вызвал «изысканный эротизм» спектакля «Служанки», где все женские роли исполнялись мужчинами. Из статьи корреспондента «Юманите» Б. Фредерика в «Театральной жизни» (№ 16, 1989) мы можем узнать, что драматург Жене был еще недавно «проклятым» автором даже во Франции и что постановка его пьесы в Москве — это настоящий подвиг режиссеров и актеров театра «Сатирикон», которые «возобладали над моральным табу, сразили, подобно Георгию Победоносцу, чудовищного змия косности».

Все перевернуто с ног на голову! Думается, что св. Георгий сразил бы именно гидру разврата (причем в данном случае двойного, ибо мужчины изображают женскую сексуальность!), к которому толкает и себя, и зрителей коллектив театра.

Достигнутый ныне уровень гласности позволяет без стеснения публиковать немыслимые раньше откровения как нечто совершенно обыденное; указывается, например, что упомянутый драматург был гомосексуалистом, чем, собственно, и вызван подбор исполнителей...

Не будем утомлять читателей безвкусной заумью впечатлений французского наблюдателя, приведем только его мнение о публике: «Она все еще пребывает во власти ложного целомудрия — и ложно оно, поскольку ущербно».

Не так уж и зазорно, на наш взгляд, пребывать во власти целомудрия, ущерб скорее в том, что все-таки мы принялись активно высвобождаться от этой власти.

ПРОЧЬ МОРАЛЬ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОРНОГРАФИЯ!

Лидирующая роль в «эротизации» общества принадлежит, без сомнения, кинематографу, вокруг которого сплотилась когорта многочисленных деятелей либерального крыла интеллигенции, прекрасно понимающих, что личность, ослабленную антидуховной пропагандой, гораздо проще подчинить самой левой политической идее.

Одной из первых попыток узаконить эротику в киноискусстве

явилась статья Е. Додолева и А. Кучерова в «Смене» (№ 5—6, 1988) под характерным названием «На белой простыне экрана» — привычное «полотно» заменяется постельной принадлежностью.

Авторы уверяют, что «речь вовсе не идет о разнузданном сексе или порнографии, речь идет о нормальной чувственной привлекательности лица и тела...».

Уже в середине 1988 года в «Собеседнике» (№ 30) появляется статья А. Дрознина «В интимном полумраке кинозала», которая содержит весьма четкую формулировку: «Эротическое кино» — это «такой вид кинозрелища, смыслом и содержанием которого является изображение на экране эротических образов, а целью — эротическое воздействие на психику зрителя. Собственно, от порнографического кино эротическое отличается лишь некоторой «стыдливостью» и большим «эстетством», но цели у них едины».

Хоть автор статьи и не причисляет себя к поклонникам порнографии, нетрудно видеть, что данное им определение можно трактовать двояко, в том числе и как сигнал к действию. В том числе и как призыв: «Прочь мораль, да здравствует порнография!»

В дискуссиях о видеопродукции особенно заметна трансформация мнений. Еще в 1987 году пресса занимала обличительную позицию: «Мы сейчас с тревогой говорим о наркомании, токсикомании. Но эта видеолихорадка — не менее опасная болезнь для духовного и морального сознания. Страшно то состояние жестокого цинизма, в котором люди находятся после просмотра» («Студенческий меридиан», № 8, 1987). Немало дельцов «видеобизнеса» было отдано под суд, ибо официальные инстанции признавали те или иные фильмы порнографическими или пропагандирующими насилие.

Но проходит каких-то полтора года, и оценка этого явления резко меняется. Журнал «Смена» (№ 6, 1989) приводит длинный список лиц, «пострадавших» за демонстрацию порнопродукции, — что с сегодняшней точки зрения выглядит вопиющей несправедливостью. В самом деле: осудить человека за то, что он показывал фильм «Греческая смоковница»? — да ведь «наиболее пикантные моменты из этой ленты» ныне уже обнародованы ленинградской телепрограммой «Пятое колесо»!

Председатель экспертной комиссии по уголовным делам, связанным с видеопродукцией, В. Борев дает следующее определение порнографической картины: «Самоцельность показа сексуальных сцен вне какой-либо художественной задачи (поди разберись, «вне» ли они? — Е. О.), то есть отсутствие концепции фильма... основное экранное время уделено показу в натуралистической форме физиологии совокупления... детализированная разработка и преимущественное использование крупного плана и направленного освещения при показе сцен полового акта... демонстрация эрекции, оргазма и других физиологических состояний» (там же).

На все это наложен и (пока что) еще действует запрет. Но не надо обладать особо пытливым умом, чтобы обнаружить, какое количество лазеек открывается этой наукообразной инструкцией. Скажем, сцена совокупления минут так на пять — не основное же это экранное время? — да и без яркого света или крупных планов наши зрители как-нибудь обойдутся...

Бросается в глаза и то, что отношение эксперта к собственно

порнографии отнюдь не выглядит непримиримым: «Статистика показывает, что каждый владелец видеомагнитофона видел, волею судеб (прямо-таки «судьбы скрещенья»! — Е. О.), три-четыре порнографических фильма. И если учесть, что сейчас в индивидуальном пользовании находятся до двух миллионов видеомагнитофонов, то невольно напрашивается вопрос: неужели все эти люди стали сексуальными маньяками или извращенцами?!».

Эксперт делает вид, что не знает ни об обмене видеокассетами, ни о том, что никто эти картины в одиночку не смотрит, а число «сеансов» никак не лимитировано, — так что приблизительные один-два миллиона зрителей следует увеличить во множество раз!.. К этому не мешает прибавить и сотни тысяч посетителей расплодившихся по всей стране «видеосалонов», не брезгующих самой низкопробной продукцией. И никто не скажет, сколько подростков уже приобщилось к духовной отраве.

В какой-то степени эту тайну могут приоткрыть данные о росте преступности и венерических заболеваний среди несовершеннолетних. Разумеется, речь не идет о прямой зависимости, но только слепец или равнодушный не увидит связи между негативными явлениями в молодежной среде и активным, по выражению В. Распутина, «растлением умов и душ».

* * *

Индустрия эротизма уже запущена на полную мощность. Множится число самодеятельных «эротических театров», захлестывает эротомания и профессиональные сцены, в то время как с одной журнальной обложки кочуют на другую всевозможные нагие «фотомадонны», снабженные коммерческой рекламой типа «Женщина — она денег стоит!»...

Статьи, осуждающие разгул секса, ровным счетом ничего не меняют (разгуливала себе по сцене МТЮЗа голая девица в спектакле «Записки из подполья» — и продолжает это успешно делать...). Ни к чему не привели и попытки В. Белова на первой сессии Верховного Совета СССР выявить, кто несет ответственность «за массовое развращение наших детей и юношества»...

Кинематограф тем временем выдал эротическую экранизацию Н. Лескова и сверхэротическую Г. Флобера... Даже конкурсы красоты — эта предтеча всесоюзного стриптиза — вроде бы потускнели в сравнении, хотя... Вот уже появился гениальный реформатор купальных костюмов для «мисс», — судя по фотографиям, переходных моделей к «костюму Евы»...

Но неужели мы и дальше будем впустую брюзжать и морализировать? Неужели ничему не научил нас пройденный путь?..

«Мы стоим теперь как раз на том круговороте и пучине, где встретились два противоположных течения, и очутились мы на том рубеже, где старая изъезженная дорога начала уже затягиваться мохом и зарастать травой, а взрытая новая еще не укатана». Так писал сто лет назад выдающийся знаток России, ученый и писатель С. В. Максимов.

Другой сейчас круговорот, и другое распутье, но все так же мы стоим перед ним, раздираемые противоречиями и все ниже оседая на четвереньки. И только найдя в себе разумение прильнуть к нашим духовным истокам, мы сможем подняться во весь рост и избавиться от опутавшей нас скверны.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ!..

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ О СТАТЬЕ В. ЯКУШЕВА «НУЖНА ЛИ ВЧК ПЕРЕСТРОЙКЕ?»

С ВЧК ПОГОДИМ

В последние годы официальная обществоведческая наука медленно, но упорно, по ступенечкам стаскивает наше общество в обратном от коммунизма направлении, ученые-«рыночники» умело выдают свои рекомендации руководству страной и партией, а сами, незаметно уходя от ответственности, готовят что-то новое, более коварное и непоправимое. Возможно, меня обвинят в домысле, но тревожные мысли сами лезут в голову, так как окружающая меня жизнь в последние годы идет наперекосяк.

Мне как практику нужна точная наука, дающая правильные прогнозы. Вначале «рыночники» обещали ускорение. Им поверили, последовали их рекомендациям. Но они обманули. Теперь говорят, что ничего такого, мол, они и не обещали, и предрекают ухудшение и даже экономическую катастрофу. Когда видишь «рыночников» по телевизору, того же Г. Попова, Н. Шмелева, П. Бунича, невольно спрашиваешь, чего они добивают-

ся: полного развала, после того как добились полного застоя? Вот уж действительно тысячу раз прав великий Фурье, говоря, что наука не может развиваться без движущей силы — оппозиции. А в экономической науке абсолютная монополия академиков-«рыночников». Необходимо сломать эту монополию.

Что касается ВЧК, то нам, коммунистам, она пока без надобности. И пусть ее боятся те, кто предлагает ее учредить. Тот же Н. Шмелев. Ну а если «рыночники» доведут наше общество до баррикад с помощью своих «умных» рекомендаций, то я, как коммунист, офицер запаса автомобильных войск, привезу воинские грузы на ту сторону, где будет развеваться Красное знамя Маркса — Энгельса — Ленина, а не флаг анархо-синдикалистов Прудона — Дюринга.

В. ПАЩЕНКО,
секретарь парткома совхоза «Ястребовский»,
Ачинский район Красноярского края

НЕОБХОДИМА ДИСКУССИЯ

Нельзя не согласиться с выводом В. Якушева, что нетоварность социалистической экономики была предусмотрена основоположниками марксизма, и предпринимаемые попытки лечения нашей экономики элементами товарного производства, то есть попытки соединения антитоварной экономической системы с товарной, заведомо обречены на неудачу и провал, что и подтверждается практикой, поскольку в каждой системе все элементы должны соответствовать друг другу. Но не могу согласиться с его предложением о сохранении существующей административно-командной системы и необходимости ее дальнейшего совершенствования. Во-первых, в действующей экономике и в предложениях В. Якушева нет диалектики, не действуют и не предусматривается действие природных законов развития. Во-вторых, семидесятилетняя наша практика и практика всех других народов, пытающихся строить свое развитие на принципах нашей экономической системы, то есть на базе государственной собственности на средства производства, со всей очевидностью подтверждает тщетность многочисленных попыток совершенствования или реформирования данной системы. Как мне представляется, В. И. Ленин понял тщетность реформ созданной системы, говоря, что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 376).

С предложением «товарников» Г. Х. Попова, Н. П. Шмелева и других о введении рыночной экономики также невозможно согласиться, ибо это приведет к разрушительному хаосу. Выход только в одном — в создании новой экономической системы, но не вслепую, не методом проб и ошибок. Необходима широкая дискуссия о путях и закономерностях развития человеческой цивилизации.

В. ТИХОНОВ,
заместитель генерального директора
производственного объединения Енисейлесосплав,
Красноярск

БЕЗ ВЧК НЕ ОБОЙТИСЬ

Статья В. Якушева «Нужна ли ВЧК перестройке?» («МГ», № 7 за 1989 г.) позволяет понять, что альтернатива той перестройке в экономике, которая у нас реализуется, существует, имеет под собой научную основу. Не отрицая самого движения вперед, перестройки как составляющей общественного прогресса, автор статьи показывает необходимость правильно, адекватно учитывать тенденции и потребности развития производительных сил. Но в чем разница между той перестройкой, которая осуществляется сейчас, и той, о которой говорится в статье В. Якушева? Первая из них — это «самая настоящая революция», хоть и со знаком минус, но именно революция. Как известно, во всякой социальной революции один класс отбирает власть у другого класса, что мы и наблюдаем сейчас. Та же перестройка, о которой пишет В. Якушев, — это не революция. Она предполагает, что власть остается в руках рабочего класса и всех трудящихся и что обеспечивается более быстрое развитие производительных сил.

На первый взгляд научная позиция В. Якушева совпадает с позицией так называемых антитоварников шестидесятых годов. Но они ограничивались отстаиванием положения, что рабочая сила при социализме перестала быть товаром, и не сумели обобщить факты, свидетельствующие об отмирании уже на стадии социализма товарно-денежной формы продукта, а значит, и товарно-денежного обращения, как это и предвидели основоположники научного коммунизма. В. Якушев обратил внимание на эти факты. Его утверждение, что купюры, которыми выдается заработная плата, уже превратились в «трудовые деньги», то есть в свидетельства, удостоверяющие вклад человека в общие результаты труда и его право на получение части общественного продукта, предназначенного для индивидуального потребления, и что наряду с ними в хозяйственном обороте используются «счетные деньги», — основано на экономическом анализе и подтверждается хозяйственной практикой, хотя и отрицается доминирующей сейчас экономической теорией.

Система производственных отношений потому и называется системой, что представляет собой единое целое. Если же в эту систему впихнуть чужеродные элементы, то, естественно, она начнет сбоить. В статье В. Якушева для иллюстрации сказанного приведен очень наглядный пример, когда в действующий механизм подсыпают песочка. Понятно, что в такой ситуации механизм в конце концов сломается или будет совершенно неэффективен. Но из этого никак не следует, что механизм порочен в основе своей. Просто в него подсыпали песочка. И таким песочком является внедрение в экономическую практику во времена хрущевской «оттепели» товарно-денежных отношений, чуждых социализму как фазе коммунизма. Любым другим «социализмам» это не противоречит, а вот для коммунистического способа производства это неприемлемо.

Однако «прорабы перестройки» утверждают обратное и делают это не как-нибудь, а со ссылкой на В. И. Ленина. К примеру, один из оголтелых перестройщиков, Л. И. Абалкин, разыскал у Ленина и объяснил всем, что нужно использовать «все и всяческие, новые и старые формы», но не для того, чтобы с ними по-

мириться, а для того, чтобы сделать их «орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма». (Телеинтервью программе «Время» Л. И. Абалкина в день принятия Закона СССР об индивидуальной трудовой деятельности. Ну а на основании вышесказанного теперешние академики и политические деятели сделали вывод, что Лениным обоснована множественность форм собственности и многоукладность экономики. А ведь Ленин-то говорил об использовании «всех и всяческих» форм не экономической организации общества, а политической борьбы пролетариата за взятие власти (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 89). Вот так и делается перестройка, вот так в подсыпается «песочек». И ссылки на нэп тоже здесь совершенно неуместны, поскольку нэп проводился в условиях диктатуры пролетариата, которой в настоящее время нет и которую вожди перестройки в отличие от Ленина, конечно, стремятся ни в коем случае не допустить.

В силу ограниченности объема данной публикации я не могу подробно показать, насколько близки взгляды того же Абалкина со взглядами признанного отца антикоммунизма Жоржа Гурвича, и разъяснить читателю, как эти взгляды реализованы в «целостной концепции перестройки» и как они влияют на повседневную жизнь народных масс. Небезынтересно было бы также проследить влияние на жизнь общества такой, казалось бы, отвлеченной от окружающей нас реальности вещи, как метод политической экономии, навязанный научной общественности «в новой редакции» Л. И. Абалкина (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. 1975, т. 2, с. 477—480), хоть в общем-то сейчас все больше и больше людей начинают понимать, что от теории до практики один шаг. Можно было бы показать и то, насколько близки взгляды нынешних перестройщиков не только Бухарину — признанному апологету капиталистических форм хозяйствования, но и Лассалю, Прудону, Дюрингу и т. д. — этим также признанным идеологам мелкобуржуазного социализма, то есть социализма мелких лавочников, на которых в дальнейшем опирался Гитлер.

Таким образом, можно и нужно было бы вскрыть подоплеку всей той лжи, которая называется перестройкой, и показать, что все, что сейчас происходит в нашей стране, было вполне предсказуемо с позиций марксизма-ленинизма, и нужно быть именно оголтелыми антикоммунистами, чтобы отрицать это. Но таков социальный заказ. И они его выполняют, клеймя всех несогласных с ними догматиками, твердолобыми, консерваторами и т. п., хоть эпитет «правые», по сути, относится к ним самим — апологетам капитализма.

Именно открытие новой, нетоварной формы экономической связи, зародившейся в недрах капиталистического способа производства, явилось основанием для научного предвидения коммунистического способа производства. В отмирании товарной формы продукта В. И. Ленин видел экономическое обоснование социализма, коммунизма. Однако начиная с реформы 1965 года у нас пытаются, вопреки направленности исторического процесса, реанимировать товарно-денежное обращение. А отсюда и застой. Теперь «прорабы перестройки» — Шмелев, Попов, Аганбегян и другие — возрождают товарное хозяйство. Результат — закономерный

развал экономики. Ученые, знающие марксизм, предупреждали об этом исходе, но к ним не прислушались. Догматики, мол.

«Прорабы перестройки» очень любят цитировать работу В. И. Ленина «О кооперации», особенно такие слова: «...вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 376). Эти слова используются как обоснование необходимости отказа от марксистских взглядов на социализм. Ведь сам Ленин якобы понял их ущербность. Но продолжим цитату: «Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» (там же, с. 376). Как легко заметить «невооруженным глазом», Ленин своих взглядов на социализм не менял, но «прорабы» намеренно вырывают часть фразы из контекста и интерпретируют ее в угодном им смысле. Действительный же смысл приведенного высказывания Ленина сводится лишь к новой расстановке акцентов при сохранении всех принципиальных, классовых подходов. Так что взгляд «прорабов перестройки» сверхвооруженный, но отнюдь не марксизмом-ленинизмом. Цель такого цитирования — обмануть трудящихся, чтобы осуществлять свою «самую настоящую революцию», прикрывшись именем В. И. Ленина.

В одном я не согласна с В. Якушевым. Если один класс берет власть у другого класса — а именно так характеризует перестройку та же академик Т. И. Заславская, — то без ВЧК не обойтись. Класс, отбирающий «власть, права и свободы» (Т. И. Заславская), обязан подавить класс, у которого эти власть, права и свободы отбираются. А какой именно класс в нашей стране сейчас рвется к власти. «об этом говорит... вся наука политической экономии, все содержание марксизма, выясняющего экономическую неизбежность при всяком товарном хозяйстве диктатуры буржуазии...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 498). В вопросе о ВЧК я согласна с Н. Шмелевым, только он хочет использовать ее для восстановления власти буржуазии. Этому, кстати, служит и требование «железной руки», высказанное на страницах «Литературной газеты» 16 августа 1989 года. Я же считаю, что ВЧК должна быть задействована, но в интересах другой перестройки, чтобы трудящиеся смогли удержать власть и чтобы, в частности, вернуть народу уворованные у него всякого рода «дельцами» миллиарды.

То, что нынешняя перестройка есть самая настоящая революция, не подлежит сомнению. Не случайно в ходе этой перестройки созданы все условия для спекуляции и узаконенного воровства под видом кооперации, а государственные предприятия объявлены обособленными товаропроизводителями. Не случайно также через Верховный Совет проталкивается закон о собственности. Под прикрытием всякого рода демагогии и фальшивых векселей о будущих распрекрасных результатах перестройки делается все, чтобы удовлетворить притязания мафии и дельцов теневой экономики, чтобы возродить класс собственников средств производства, чтобы психология наживы была привита как можно большему числу людей, чтобы индивидуальный и групповой эгоизм пропитал массы, чтобы при помощи этого эгоизма расчленить общество, разъединить рабочий класс и тружеников сель-

ского хозяйства, перессорить различные отряды рабочего класса, вообще, создать много, много маленьких эгоизмов, а тогда уж буржуазия купит каждый из них в отдельности. Что такое аренда с правом выкупа арендованных средств производства, как не способ формирования класса частных собственников? И что такое акции, как не отказ от принципа социализма распределения по труду и переход к распределению по вложенному капиталу? Отсюда хорошо видно. что в перестройке-революции выполняется социальный заказ буржуазии.

В. И. Ленин говорил: «...Собственность разъединяет и превращает людей в зверей, а труд объединяет» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 356). Эти слова верны и сейчас. Ведь в чем суть межнациональных конфликтов в нашей стране? По моему глубокому убеждению, их корни в новых, а на самом деле что ни на есть старых условиях хозяйствования, которые разобщают людей и порождают буржуазию, а всякая буржуазия националистична (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 146, 273—274). Естественно, что воссозданная перестройкой-революцией буржуазия с помощью межнациональных конфликтов спешит поделить области влияния, как кланы мафии делят сферы своего контроля. Собственность, ее дух, ее забрезжившие невдалеке очертания влекут этих зверей к себе и толкают на преступления, будь то резня по национальному признаку, ограничение избирательного права или просто сепаратистские тенденции. Конечно, они прикрываются сетованиями по поводу судьбы национальной культуры, национального языка или даже исторической судьбы народа, источают крокодиловы слезы по поводу и без повода, а в действительности они хотят только одного — наживаться и ни с кем не делиться. Они боятся соперничества со стороны буржуазии другой нации. В. И. Ленин подчеркивал, что «буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций» (Полн. собр. соч., т. 25, с. 274).

На мой взгляд, все жертвы межнациональной розни, все жертвы роста преступности и разгула мафии, все потери от стачек и забастовок и многое что другое — всего не перечислишь, например разложение и развращение молодежи, — результат движения в сторону рыночной экономики.

Но есть другой путь, о котором пишет В. Якушев. Этот путь указан марксизмом-ленинизмом и адекватно учитывает тенденции и потребности развития производительных сил на современном этапе.

Е. СУХАРЕВА,
кандидат экономических наук,
доцент,
Москва

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО!

В статье В. Якушева обоснованно прозвучало предостережение о вполне реальной угрозе реставрации капитализма в нашей стране. Пока «прорабы перестройки» и «товарищи» из левобуржуазного лагеря намеренно и умело отвлекают общественное мнение от насущных экономических проблем, любители прибылей, а точнее, наживы делают свое черное дело, стремятся подточить и разрушить всю социалистическую систему. Уже случилось то, о чем предупреждает В. Якушев, — продукт общественного труда превращается в товар, то есть становится частной собственностью, переходит из рук государственных предприятий не в сферу потребления, а в трясущиеся от алчности руки неправедных, хищнических кооперативов. Взять хотя бы то же мыло для примера. В Ленинграде в канун введения талонов на мыло некоторые кооперативы скупали дешевое туалетное мыло, переплавляли его в различные фигурки и продавали по два рубля за штуку. То есть мыло изымалось из сферы потребления и поступало в сферу денежно-товарного оборота, становясь средством чудовищной эксплуатации с неслыханным коэффициентом. Этот пример касается мелких кооператоров. А что будет, когда такие «ерши» вырастут в крупных, зубастых акул? Да еще начнут сливать свои «капиталы» с западным?! А ведь это уже происходит, и процесс будет остановить все труднее и труднее.

Наши необуржуазные идеологи всеми силами отвлекают общественное мнение от этих проблем. Пока телезрители охают и ахают от умопомрачительных «разоблачений» и «воспоминаний», а читатели «Огонька» в сотый раз убеждаются, какой плохой был Сталин, пока «коты» витийствуют, мелкие грызуны-псевдоперестройщики расшатывают социалистическую экономику.

В. И. Ленин учил разбираться в сложных ситуациях с помощью вопроса — «кому это выгодно?». Кому выгоден необуржуазный крен перестройки? Бешеный рост цен, новый рост дефицита, отток производительных сил в частный сектор, денационализация? Только не трудящемуся люду. А на всякий случай, если не удастся восстановить капитализм, «прорабы» перестройки из левобуржуазного лагеря держат про запас возрождение троцкизма с его террором и концлагерями. В любом случае, победит ли «неокапитализм» или «неотроцкизм», болтовня о гласности окончится неслыханным террором и введением новых тоталитарных режимов. Они уже сегодня требуют ВЧК для перестройки, «железной руки», прекрасно понимая, что нельзя перейти к рыночной, то есть капиталистической, экономике, опираясь на массы. 80 процентов населения, по их оценкам (см. «Литературная газета» от 16 августа 1989 года, с. 10), рынок не примут, поэтому нужна диктатура.

Все тяготы новых переворотов — а они грядут, если общество не опомнится, — лягут снова и снова прежде всего на плечи трудового народа России. Верно говорит Нина Андреева: «Не пора ли остановить псевдоперестроечников». Считаю — давно пора. Скоро будет поздно. Пора остановить также безответственность и псевдодеятельность иных наших ученых-экономистов, фальсифицирующих подлинную экономическую науку, — это их прежде всего мы должны «благодарить» за все «крены» социалистической системы.

Как писатель, я много ездила в шестидесятые годы по деревням Ленинградской области и по целине. Я видела воочию, в какую поистине народную трагедию вылилась ликвидация МТС. Бедные колхозы, убыточные, вынуждены были держать технику годами под открытым небом, она ржавела и выходила из строя — колхозы не были готовы к принятию ее под свой кров. Я видела эти чудовищные кладбища сельскохозяйственной техники — сердце сжималось от боли. Сжималось оно и у колхозников, возмущению их не было предела. Механизаторы, до этого занятые на

работах в МТС, лишились этой работы, они срывались с места, начинали скитаться по стране в качестве сезонников, а точнее — бичей, ни в каких урожаях не заинтересованных. Они собирались целыми стаями, как голодная саранча, появляясь то тут, то там, ставя свои категорические условия хозяйствам на период сезонных работ, будь то пахота или уборка. Колхозы же не успели еще вырастить и обучить свои собственные кадры. Сезонники жили на целине в ужасных условиях, в нетопленых времянках и бараках, озлобленные, они все терпели ради заработка, и если становилось невмоготу, снова срывались с места, превращаясь в деклассированные группы бичей «перекати-поле». Так «эксперименты» горе-экономистов разрушали производительные силы нашего общества. Кто-нибудь когда-нибудь, может быть, подсчитает убытки, нанесенные одной хотя бы этой акцией — ликвидацией МТС — народному хозяйству. А ликвидация «неперспективных» деревень?! Во что обошлась она? А нынешняя псевдоперестройка в экономике?! А ведь за всем стоят «научно обоснованные» рекомендации академиков. Кто же они?

Своевременно появившаяся статья В. Якушева обнадеживает. Она помогает бороться с теми, кто хочет погубить нас, наш строй, нашу государственность.

Э. ДУБРОВИНА,
член Союза писателей СССР,
Ленинград

ТЕПЕРЬ Я НЕОДИНОК

С 1981 года я в одиночку выступаю против искажения ведущими экономическими изданиями страны марксистско-ленинской теории. Получив отрицательный ответ на мои докладные записки в ЦК КПСС, подготовленные, без сомнения, теми же экономистами, на ошибки которых указывалось в записках, я засел за изучение теории по первоисточникам и пришел к выводу, что практика реального хозяйствования в нашей стране подтверждает правоту марксистско-ленинского учения. Застой в экономике есть результат отступления от учения, а не следования ему, как это сегодня утверждают некоторые экономисты. С фактами в руках, с помощью математического аппарата я доказывал в своих рукописях правоту марксистско-ленинской теории. Но редакции журналов не решились и не захотели опубликовать ни одну из моих работ. Тогда я разработал прогноз развития народного хозяйства нашей страны до 1995 года. Что может еще лучше подтвердить правоту теории, чем осуществление прогноза, сделанного на ее основе. И практика подтвердила. Однако и на этот раз центральные органы страны и печати оказались глухи к моим призывам пересмотреть ошибочные взгляды на развитие социалистической экономики.

Из статьи В. Якушева «Нужна ли ВЧК перестройке?» я понял, что в своих выводах неодинок. Наконец-то здоровые силы нашего общества переходят в наступление на диссидентствующую оппозицию, свернувшую долгожданную перестройку с правильного пути в рыночное болото. Не социализм, не марксизм виноват в том положении, в котором мы оказались, а ревизионистская сущность экономического сознания некоторых профессионалов, посредством прямого плагиата привнесших в марксистско-ленинскую теорию чуждые ей положения антисоциалистического характера. Вот почему, будучи приближены к высшему руководству страны, они обвиняют в неудачах доперестроечного и перестроечного периодов кого угодно, только не самих себя, тщательно оберегая свое реноме от яркого луча прожектора перестройки.

Е. ИВАНОВ,
главный технолог треста Горловскжилстрой,
Горловка

«ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС» ЭКОНОМИКИ

Соглашаясь с В. Якушевым практически по всем основным пунктам и поддерживая в целом его трактовку, я высказала бы лишь одно соображение. На мой взгляд, он излишне круто «расправляется», так сказать, с прибылью и товарными отношениями при социализме. О товарных (стоимостных) отношениях следует говорить не «вообще», а брать их всегда в той конкретно-исторической модификации, которая соответствует рассматриваемому способу производства. О буржуазной (капиталистической) модификации стоимости у нас издавна рассуждают вполне уверенно. Но вот существование не только буржуазной, а и социалистической модификации стоимости является камнем преткновения.

По моему убеждению, искомая социалистическая модификация стоимости была в общих, принципиальных местах «нащупана» у нас в послевоенный период. «Звездным часом» советской экономики явился отрезок 1947—1954 годов, когда удалось привести в действие адекватный социализму механизм быстрого повышения материального и культурного уровня трудящихся через регулярное снижение розничных цен, последовательное расширение ассортимента и улучшение качества товаров.

Главной ошибкой хрущевского, а затем брежневского руководства, — ошибкой, нашедшей свое прискорбное завершение в пресловутой «хозяйственной реформе» 1965 года, — выступил бездумный и некомпетентный слом фактически уже достигнутой социалистической модификации стоимости и насильственное «вколачивание» в нашу экономику элементов буржуазной модификации. Вот отсюда и начал нарастать снежный ком того социально-экономического «торможения», которое сегодня загнало нас в опаснейший народнохозяйственный и политический тупик.

Нынешняя «радикальная экономическая реформа» есть возведение в квадрат и в куб экономических нелепостей, восходящих к 1965 году. Она не только не может оздоровить наше народное хозяйство, но представляет собой прямой и кратчайший путь к экономической катастрофе и к соответствующему политическому взрыву.

Для выхода из тупика нужно не «радикализировать» вредоносные, социально «злокачественные» новообразования, которыми мы обязаны реформе 1965 года и которые сегодня получили мощную подпитку, а тщательно и аккуратно вырезать их из нашего экономического организма и восстановить в правах социалистическую модификацию собственности, предусматривающую повсеместное снижение затрат по всему народнохозяйственному комп-

лексу и снижение на этой основе розничных цен на товары народного потребления.

Считаю, что предложения В. Якушева могли бы составить весьма существенную часть искомой подлинно социалистической программы оздоровления народного хозяйства. Это относится в особенности к идее распределения по труду на основе социалистического соревнования, к идее «кваливала», то есть выявления «полезностной плотности» стоимостного объема реализации, и недопустимости смешения в социалистической экономике «трудовых» и «счетных» денег. Ведь именно перекачка средств безналичного оборота в наличные «потребительские» рубли служит причиной нарастающей разбалансированности рынка. Особо хочу подчеркнуть, что социалистическая модификация стоимости для обеспечения эффективности экономики не нуждается в неполной занятости трудоспособного населения и в «устрашении» трудящихся безработицей.

Т. ХАБАРОВА,
кандидат философских наук,
Москва

АЛЬТЕРНАТИВА ЕСТЬ

В последние годы явно потерян компас, необходимый для правильного определения пути движения к цели коммунистического строительства. Отсюда шарахания из крайности в крайность. Появились силы, подталкивающие нашу экономику на путь давно известной, ревизионистской концепции «рыночного социализма». В результате движения к этой ложной цели стал весьма быстро терять рычаги управления экономикой общеэкономический центр, стала расти социальная напряженность в обществе. От периода, который назвали застойным, страна вошла в полосу экономического кризиса — ничего иного не могла дать безграмотная, бессистемная нынешняя «радикальная хозяйственная реформа», ухудшенный вариант реформы 1965 года, которая, собственно, и привела экономику в застойное состояние. Естествен был отказ от лозунга «ускорения социально-экономического развития», которое невозможно при усилении стихийных начал в экономике и спекулятивной погоне за призрачным обогащением. На основе стихийности крепнет мелкобуржуазная идеология, индивидуальный и групповой эгоизм, расцветает преступность, развиваются сепаратистские националистические движения. Расшатывание единого народнохозяйственного комплекса делает реальным развал Советского Союза. Не случайно наше нынешнее состояние и хозяйственная реформа радуют идеологов капитализма, которые, потирая руки, открыто говорят «о победе над социализмом без войны».

Прошедший первый Съезд народных депутатов не дал оценки всей тревожной ситуации в жизни страны, а тем более не поставил вопрос о преодолении антисоциалистических тенденций. Несмотря на то, что на Съезде откровенно правые силы (которые сами себя почему-то именуют левыми) оказались в меньшинстве, тем не менее в целом преобладал курс на создание допотопного рыночного механизма, присущего давним этапам частнособственнической экономики. Если три-четыре года назад речь публично шла лишь о некой «радикальной реформе», без детализации, то теперь открыто ставится вопрос об изменении самой сущности социалистического строя, реанимации частной собственности на средства производства. На Съезде предлагались соответствующие рецепты: или, сократив госсектор до половины, оставить центру 10 процентов экономики (Г. Х. Попов), или через аренду вообще превратить государственные предприятия в кооперативные и частные (П. Г. Бунич).

Съезд фактически прошел мимо этих планов ликвидации социализма. Не ревизуется ли и тут Программа КПСС, исходящая из использования преимуществ общенародной собственности, поскольку сквозь нее отчетливо видна прагматическая фальшь и лозунга — «Больше социализма!»? Размывание общенародных начал естественно сопровождается ставкой на рыночное регулирование общественного производства, хотя производительные силы страны давно переросли то состояние, когда они могли развиваться под воздействием сил рынка. Слово «рынок» становится все более сладким в лексиконе некоторых народных депутатов, хотя рынок — это вовсе не демократия, а власть денег, наживы, это усиление неравенства, разорение одних ради обогащения других, распыление общественных сил, массовая безработица, неизбежная эксплуатация (которую уже легализовали Законом о кооперации). Наоборот, словосочетание «плановое хозяйство» исчезает из официального лексикона, исчезают и какие-либо серьезные идеи о его совершенствовании. Исчезла из поля зрения проблема планового управления научно-техническим прогрессом, а без него невозможно никакое ускорение социально-экономического развития, невозможен рост производительности труда, а следовательно, и повышение уровня народного благосостояния.

Курс на рыночную социалистическую экономику не только безграмотен теоретически, но и давно опровергнут опытом других стран. Двадцатилетние рыночные «эксперименты» в СФРЮ и ВНР привели их к зависимости от капитализма, стремительному росту инфляции, бьющей прежде всего по трудящимся, падению жизненного уровня основной массы населения, резкому усилению социального неравенства и т. п. Усиление зависимости от международного капитала порождает и политическую зависимость. Зачем же нашу экономику подстраивать в хвост этим «образцам»?

Ложно утверждение, будто бы альтернативы рыночной экономике нет. Социалистическая альтернатива усилению разобщенности, растаскиванию народного хозяйства, идеалам лавочника, бездуховности, безусловно, есть, и статья В. Якушева — одно из проявлений альтернативного мышления. В стране есть научные силы, способные предложить стратегию и тактику выхода из экономического кризиса, сформировать программу социалистического развития, основанную на общенародной собственности, общенародном интересе. Если бы не засилье сторонников «безальтернативности» (иного не дано), перекрывших возможность широких дискуссий и творческих обсуждений, такая программа уже давно была бы представлена общественности.

А. ЕРЕМИН,
доктор экономических наук,
профессор,
Москва

Нина АНДРЕЕВА

СТРЕМЛЕНИЕ К ПРАВДЕ ЕЩЕ НЕ ПОДАВЛЕНО

В нашей стране сегодня все — от Генерального до секретаря первичной парторганизации, от министра до рабочего, от академика до лаборанта — негласно сдают экзамен на верность марксизму-ленинизму. Успешно выдерживают этот экзамен отнюдь не обязательно обладатели высоких постов, ученых степеней и званий, лауреатских и других государственных знаков отличия. Многие из них, привыкшие всуе клясться в верности научно-пролетарскому мировоззрению, нередко объективно оказываются на противоположной стороне исторической баррикады, пролегшей между трудящимся и трутнем. Нашлось достаточно и таких, кто ищет социализм в Дании и Швеции, кто «облагораживает» гитлеризм, ставя знак равенства между ним и «феодальным социализмом». Далеко не социалистический плюрализм открыл шлюзы, через которые хлынули идеологические и политические идеи разрушения, чреватые бедствиями для людей труда.

Серьезные опасения за судьбы Родины тревожат многих и многих советских людей, часть которых обращаются и ко мне. Будучи не в силах отвечать каждому (хотя и стремлюсь это делать), я была вынуждена обратиться в апреле 1989 года с письмом в редакцию журнала «Молодая гвардия», которое и было напечатано в седьмой книжке за этот год. Вполне отдавала себе отчет, что редакторам этого молодежного журнала далеко не просто было пойти на публикацию моего письма, учитывая опыт газеты «Советская Россия». Реакция «Огонька», «Московских новостей», радиостанции «Свобода» и ряда западных органов печати не заставила долго ждать. Ответить на их критику считаю своим гражданским и партийным долгом.

Одним из первых отозвался на публикацию моего письма в «Молодой гвардии» народный депутат, доктор экономических наук Геннадий Лисичкин — видный «архитектор» нынешней экономической реформы. В своей статье «Нина Андреева: PRO и CONTRA», напечатанной в «Московских новостях» (№ 33, 13 августа 1989 г.), критик сделал во многих отношениях интересную попытку проанализировать причины «правоты оптимизма» сторонников моих взглядов. К сожалению, видный ученый не удержался от утверждений, которые его не украшают.

Но гораздо важнее у Г. Лисичкина то, что со многими положениями его статьи вполне можно согласиться. Что касается меня, то я бы даже могла под некоторыми из них подписаться. Кто, в частности, возьмется возражать доктору экономических наук, «что мировой опыт свидетельствует, что при правильно выбранной стратегии и тактике экономического развития результаты дают себя знать незамедлительно». Или отвергнет давно возникшую в нашей стране тоску «по таким общественным деятелям, которые имеют собственное лицо и мнение по всем важным делам и не меняют его при первом удобном случае». Подобные совпадения взглядов автора письма в «Молодой гвардии» и ее критика можно было бы продолжать, но гораздо важнее остановиться на поставленных им проблемных вопросах.

Понятно неприятие творцом модели «рыночного социализма» традиционализма «антирыночников». Сегодня, поскольку последних не пускают в массовую печать, безопасно приписывать им уравниловку, огульное охаивание аренды, кооперативов и многое другое, несовместимое с «высокой наукой», которая за четыре года немало сделала, чтобы превратить «отдельные кризисные явления» застойного периода в глубокий экономический. социальный, политический и идеологический кризис настоящего времени. И потом, случай давал доктору наук Г. Лисичкину возможность на равных научно посчитаться со взглядами «антирыночника» В. Якушева, интереснейшая статья которого «Нужна ли ВЧК перестройке?» была напечатана в том же номере журнала, что и мое письмо.

Народный депутат обвинил меня в том, что я приукрашаю не только прошлое, но и настоящее, приведя выдержку из моего письма в «Молодую гвардию», предварительно сократив ее. Данному выводу, вероятно, способствовало то, что ввиду превышения имеющейся в журнале «площади» редакция с моего согласия несколько сократила мое письмо. В частности, это сокращение коснулось характеристики некоторых черт «национальной революции» в Венгрии 1956 года и «пражской весны» в Чехословакии 1968 года. Последнее позволяет мне воспроизвести опущенный текст по данному вопросу: «Как и в названных странах, поводом и зацепкой атак на социализм послужили чрезмерно драматизированные экономические трудности, неумение руководства данных государств

эффективно и своевременно справиться с возникающими проблемами. Движущими силами процессов в этих странах стали антисоветские группы, создавшие зачатки политических партий, пользующихся помощью из-за рубежа и поддержкой ревизионистских и неустойчивых элементов в партийно-государственном аппарате. Роль «ударной силы» возлагалась в Венгрии и ЧССР на не имеющую жизненного опыта и политической закалки молодежь и студенчество. Точкой отсчета и «завязкой» этих процессов стали литературные кружки и писательские съезды, а также активизация накопившихся в средствах массовой информации просионистских элементов, которые были сориентированы на манипуляцию общественным сознанием, обман народа, отвлечение трудящихся от решения насущных задач социально-экономического обновления и развития социализма. Широко использовались националистические тенденции и предрассудки». Согласитесь, много сходного здесь с кризисом, охватившим сегодня нашу страну.

Яростный «застрельщик перестройки» явно переборщил, утверждая, что я предлагаю не драматизировать достигший ныне значительной глубины экономический кризис. В то же время, сам мастерски «драматизировав» экономическую ситуацию, Г. Лисичкин требует от читателей понять, «что все эти недостатки — результат не перестройки, а накопления предыдущих десятилетий». Но как быть с его же утверждением, что «при правильно выбранной стратегии и тактике экономического развития результаты дают о себе знать незамедлительно»? Сегодня же на календаре пятый год перестройки! Отсюда и стремление вывести из-под критики своих коллег-экономистов, рекомендации которых якобы «не реализуются или реализуются так, что дискредитируется сама идея». Иными словами, во всем виновны Совмин, Госплан, министерства, хозяйственные органы, которые-де не спешат воплотить в жизнь предначертания шмелевых, абалкиных и заславских. А может быть, наоборот, руководители промышленности, сельского хозяйства, науки, органов управления, не утратившие чувства ответственности за судьбы социалистического Отечества, на практике видя гибельность для страны прожектов нынешних экономистов-реформаторов, не дают горе-экспериментаторам вконец развалить дело, окончательно пустить под откос экономику страны, а заодно и надежды народа на успех социалистической перестройки?

С большим интересом читатели «МН» узнали из статьи Г. Лисичкина, что на сегодня государственный долг у нас составляет 312 миллиардов рублей (!), но, к сожалению, автор не отметил, что одна треть этой гигантской суммы является «достижением» последнего года перестройки, а накопление дефицита годовых бюджетов началось лишь с начала 80-х годов. И уж совсем курьезно выглядит попытка уважаемого ученого защитить честь мундира представителей «рыночной экономики» ссылкой на репрессии 30-х годов. Это направление, подчеркивает он, «преследовалось так же, как в свое время генетика, кибернетика», поскольку «бюрократам нужны не ученые, а льстивые лакеи от науки». Однако с тех пор прошло полвека, и не собираются ли наши славные профессора и академики-экономисты уподобляться той старушке из народной пословицы, которая до восьмидесяти лет называла себя сироткой? Если же народный депутат считает, что представляемая им и его коллегами экономика «рыночного социализма» по каким-то причинам не выросла из коротких штанишек дилетантства, то

вачем в качестве «застрельщиков» вводить в заблуждение своими рекомендациями и программами правительство и народ?

Целиком и полностью согласна с народным депутатом, который пишет: «Мало радости в том, что об очередной катастрофе мне скажут не через месяц-два после того, как она произошла, а в тот же день... Все это утешает, если вслед за гласной констатацией отрицательных фактов следует принятие быстрых и эффективных мер». Здесь поставлен вопрос о практической результативности гласности, значение которого трудно переоценить. Представляется, что мы находимся на самых дальних подступах к решению этой проблемы. В моем же письме в «Молодую гвардию» ставился вопрос об информативной ценности гласности в ее гносеологическом (истинность, достоверность, доказательность) и нравственном (социальная ответственность) аспектах, которые в наших условиях чрезвычайно актуальны для некоторых органов печати. К сожалению, мой уважаемый критик счел возможным обойти этот, на мой взгляд, более важный вопрос.

Остается в заключение поблагодарить доктора экономических наук и редакцию «Московских новостей» за внимание к моему письму, напечатанному в «Молодой гвардии». Нельзя также с удовлетворением не отметить, что народный депутат Г. Лисичкин не унизил себя навешиванием бездоказательных ярлыков на критикуемого автора, хотя и придерживается позиций, «диаметрально противоположных тем, которые укрепляют Андреева и ее сторонники».

Совершенно другой характер имеет статья «Разъяренный критик Горбачева», напечатанная в 33-м номере «Огонька». Задавшись благостной целью «пресечения кривотолков и отсебятины», готовивший эту статью к печати С. М. Лямкин нижайше благодарит корреспондента «Вашингтон пост» Дэвида Рэмника, «передавшего текст упомянутой беседы». Пока мне трудно судить, кому принадлежат ковбойские приемы — самому интервьюеру или переводчикам и редакторам «Огонька». Трудно здесь сказать, кто у кого заимствовал бесчисленные фантазии, исказившие, начиная с моих биографических данных, все и вся, низведя в целом серьезную беседу до уровня низкопробных сенсаций и приписываемых мне непривычных и считающихся неприличными у нас суждений, которые, правда, имеют широкое хождение в американской прессе. Цель подобной публикации, по моему мнению, может быть лишь одна — морально раздавить и уничтожить человека. Характерно, что Дэвид Рэмник, неоднократно просивший, чтобы я встретилась с ним и дала интервью, в своей первой публикации по моей единственной с ним беседе «Новая советская политическая организация, выступающая за возврат к коммунистическим идеалам» («Вашингтон пост» от 28 июня 1989 г.) в основном объективно излагал взгляды своих собеседников. Разумеется, со своей, антикоммунистической позиции.

Опровергать, поправлять, уточнять бесконечные выдумки, искажения, подтасовки в статье «Огонька» дело не только бесперспективное и бессмысленное, но и ненужное. Если правду можно лишь убить, то ложь имеет ту особенность, что она умирает сама, не имея живительной почвы в действительности. Однако, чтобы у читателя «Огонька» не сложилось мнение, будто в интервью речь только и шла о рок-н-ролле, кулинарии, «шпионах-космополитах», тайных взглядах «лидеров Кремля», «сексуальной животности»

мужчин или пресловутом «еврейском вопросе» в СССР, а самой «высокой темой» якобы был вопрос о том, что «государство — прежде всего порядок», считаю необходимым теперь ознакомить с некоторыми своими ответами на заданные накануне американским корреспондентом по телефону вопросы. Эти ответы записывались им на пленку. Знакомство с ними позволит желающим составить свое мнение о содержании статьи «Огонька» и самому судить о ее объективности. Вот эти вопросы и ответы.

«Как вы оцениваете ситуацию в стране и итоги первого Съезда народных депутатов СССР?..

Можно ли нынешний ход перестройки рассматривать как ускорение в развитии советского общества?

Считаю, что нельзя. Скорее наоборот. Наши перестроечные успехи настолько скромны и мизерны, что о них почти не говорилось в выступлениях народных депутатов на съезде. Зато провалы, ошибки и вызванные ими потрясения освещались со всех сторон, нередко со смакованием.

На самом деле, разве могут не разочаровывать дальнейшее отставание развития материально-технической базы по внедрению новой техники и технологии, разрастание «теневой экономики», «черного» рынка, спекуляции, расширение сферы нетрудовых доходов, извращения в кооперативном строительстве... невиданный даже для военных лет дефицит государственного бюджета и внешней государственной задолженности, галопирующая инфляция, обесценивание рубля, снижение реального жизненного уровня советских людей, 43 млн. которых живут за чертой бедности, легализация так называемых «социалистических» миллионеров и дельцов, оборотные средства которых, вторгаясь в сферу государственных приоритетов, деформируют экономику.

Идет формирование политической структуры антисоциалистических сил вроде «демократических союзов» и «народных фронтов», растет число экологических катастроф и трудностей. Удручает упадок нравственности, культуры поведения, особенно в среде молодежи, разгул преступности, культ наживы, взлет национализма, породившего сепаратистские центробежные тенденции, и многое другое. И самое страшное, по-моему, заключается в том, что подорван престиж честного производительного труда.

Мы в последние годы явно способствовали кризису в мировом рабочем и коммунистическом движении, осложнили положение в социалистической системе государств. Охвачены глубоким кризисом и «бегут» впереди нас к пропасти Польша, Венгрия, в которой, как справедливо заметил секретарь ЦК КПЧ Ян Фойтик, похоронили не только Имре Надя, но и коммунизм. К псевдоперестройке такого же типа мы объективно спешим подтолкнуть ГДР, ЧССР, Болгарию. Но, как видно, на этом поприще пока не добились успеха...

Все это приводит к тому, что КПСС постепенно утрачивает авангардную роль в мировом революционном и коммунистическом движении, намереваясь, по-видимому, передать ее Коммунистической партии Китая, лидеры которого давно претендуют на это. Представляется, что своеобразной их заявкой был решительный, может быть, доходящий до жестокости разгром контрреволюционных выступлений в Пекине, перестановки в китайском руководстве и осуждение тех, кто потворствовал противоправной подрывной деятельности на площади Тяньаньмэнь.

Сложившаяся в нашей стране ситуация подтвердила высказанные мной в свое время опасения по поводу смысла утверждения М. С. Горбачева, а именно — что в процессе перестройки мы сперва должны «расшатать старое дерево, потом выкорчевать его, взрастить новый лес и плоды получить» («Правда», 25.09.88 г.). Подобные установки на расшатывание социализма и «выкорчевывание» его корней, очевидно, и толкнули американского советолога О. Шабада заявить за «круглым столом» журнала «Огонек», что «если Горбачев победит, то в СССР восторжествует капитализм». И редактор журнала с коллегами даже не попытались возразить против такой трактовки перестройки, которая, получается, их устраивает.

Таким образом, в перестройке у нас сложились и проявились два взаимопротивоположных, взаимоисключающих по своему содержанию процесса, противоборство которых определяет характер и перспективы политической и социально-экономической обстановки в стране. И не только в нашей стране.

Повторюсь, именно противоборство, а не совмещение, не консолидация, не гармония, не «взаимообогащение», как утверждают наши «буржуазные неолибералы». Противоречивость процессов и тенденций перестройки подчеркивают у нас и «прорабы духа», но при этом пытаются замаскировать, затенить подлинно противоборствующие силы, смазать их классовое содержание, подменить их противостоянием «сталинистов» и «антисталинистов», сионистов и антисионистов, русофобов и русофилов, «консерваторов» и «революционеров», «демократов» и «бюрократов», «правых» и «левых», националистов и шовинистов и т. п.

В действительности на арене современной социально-политической борьбы в стране столкнулись, с одной стороны, сравнительно немногочисленные, но хорошо организованные, поднаторевшие в демагогии, имеющие поддержку за рубежом и со стороны ревизионистских элементов во всех эшелонах партийно-государственного аппарата антисоциалистические силы и, с другой стороны, огромные массы тех, кому дороги социалистический выбор и коммунистическая перспектива страны.

Последних абсолютное большинство, но они разобщены, неорганизованны, подвергаются идеологическому прессингу со стороны пропагандистов антикоммунистической платформы, захвативших значительную часть средств массовой информации. Они дезориентированы также непоследовательной позицией деморализованного партийно-советского аппарата. Стихийным протестом «молчаливого большинства» являются не только массовые выступления против кооператоров, но и многочисленные забастовки почти во всех регионах страны, нередко перерастающие в политические стачки, что особенно проявилось в республиках Прибалтики, угольных бассейнах страны, в деятельности интерфронтов».

Позволю себе несколько дополнить данный ответ американскому корреспонденту. Наши «застрельщики перестройки» любят пофлиртовать с диалектикой, нередко подменяя ее плоским эволюционизмом. Из «живой души марксизма» ими незаметно выхолощен тот закон, который Ленин назвал ядром и сутью диалектики: именно закон единства и борьбы противоположностей.

Возьмем перестройку как закономерный этап развития нашего общества. Первые пару лет процесс перестройки выступал у нас как единый поток, который практически не знал противников, противоречий и сомнений. Однако к концу 1987 года проявились различия во взглядах, преимущественно через различие оценок социалистического прошлого страны. В дальнейшем эти различия стали отражать современность и принимать весьма существенный характер, вызывая тревоги и опасения советских людей. Последние, в частности, отразились в моем письме, напечатанном 13 марта 1988 года газетой «Советская Россия». Последующие события подтвердили, что мои сомнения отнюдь не беспочвенны. Пользуясь философской терминологией, можно сказать, что возникшие в лоне перестройки различия ныне «заострились до противоположностей», носящих антагонистический, взаимоисключающий характер. Разве можно совместить дальнейшее развитие социализма с любыми формами реставрации капитализма, интересы доморощенных миллионеров и кооперативных нуворишей с интересами широких масс трудящихся, эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных, национализм и интернационализм, патриотизм и космополитизм и многое другое, что пытаются делать люди, самонадеянно называющие себя учениками и последователями Ленина. Лишь идеологическая и социально-политическая борьба определит, по какому руслу в дальнейшем пойдет поток перестройки. Эта же борьба объективно выступает как источник и движущая сила преобразований в нашем обществе, обоснования перспектив его дальнейшего развития. Однако достаточно теоретизирований... перейдем к тексту интервью, данного 24 июня 1989 г.

Антагонистические тенденции процессов перестройки, искаженные средствами массовой информации, нашли свое столь же искаженное отражение и в дебатах на первом Съезде народных депутатов СССР. Еще при подготовке этого съезда сформировалось и разработало свою программу так называемое «сильное демократическое меньшинство», составившее около 20 процентов от всех депутатов. В него вошли преимущественно депутаты Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Молдавии и некоторых других регионов. Некоторые из них для обмена опытом буржуазного парламентаризма успели до съезда побывать за рубежом, получить на Западе надлежащие «пожелания». Буквально с первых минут работы съезда они небезуспешно пытались взять в свои руки инициативу. Им удалось поглотить более 60 процентов дебатного времени, что, разумеется, не соответствовало ни их численности на съезде, ни той социальной базе в обществе, которую они представляли..

Ирония судьбы заключается в том, что наши средства массовой информации идеологов «сильного демократического меньшинства» стали называть почему-то «левыми». Однако известно, что в международном рабочем и коммунистическом движении изменивших своему классу, сползающих с научно-пролетарских позиций, ратующих за буржуазный образ жизни и отношения деятелей всегда квалифицировали как правых оппортунистов и ревизионистов. Туда же принято относить и тех лидеров, которые так или иначе своей «плавающей» позицией потворствуют ренегатем.

Как видно, критерием здесь являются не слова, а дела и в конечном счете вектор социально-политических устремлений. Поэтому «сильное демократическое меньшинство», которое Сахаров обещал вскорости превратить в «большинство», по своим устремлениям является правооппортунистическим. Называть же «правыми» большинство съезда, защищавшего социализм и коммунистические ориентиры перестройки, по сути, провокационно. Какой же «правый», к примеру, бывший воин-афганец, секретарь Черкасского горкома комсомола, депутат Сергей Червонопиский, главными жизненными принципами которого являются «Держава, Родина, Коммунизм!». Вот Б. Ельцина вполне можно было бы причислить к правым, как и порожденный им, так называемый «ельцинизм», или авантюрно-демагогическое, авторитарное политиканство.

Какая из двух противоположных тенденций одержалв победу на первом Съезде народных депутатов?

Думаю, что полной победы не одержал никто. На первый взгляд многое удалось «сильному демократическому меньшинству». Они успешно использовали для пропаганды своих реставраторских идей самую высокую трибуну страны. Под их нажимом сдвинуты «вправо» некоторые политические формулировки, завоеваны посты в Верховном Совете, его комиссиях, в правительстве. Однако им явно не хватило кинетической энергии для существенного запланированного движения вправо. Потенциальная энергия социализма в массах в целом оказалась непреодолимой для «застрельщиков». И это не случайно. При всех издержках послеоктябрьское семидесятилетие создало новое «качество массы», которое сразу не преодолеть манипулированием сознания людей труда.

Исторический опыт показал, что переход от частной собственности на средства производства к общественной возможен только через диктатуру пролетариата, рабоче-крестьянское государство, которые выступали, выступают и будут выступать в самой различной форме. Наивно думать, что обратный переход собственности в частные руки возможен без политических структур, суть которых — диктатура необуржуазии, той самой, доморощенной, формирование которой ныне у нас успешно продвигается. Совершенствуют «прорабы духа» и идеологическую платформу новой политической системы, предав предварительно анафеме само понятие идеологии. Видимо, они рассчитывали, что Съезд народных депутатов СССР ознаменует переход к их диктатуре, которая была бы возможна в буржуазно-демократической или авторитарной форме. Последняя их пугает не только тем, что может принять крайние формации, но и неопределенностью ответа на вопрос: в чьих руках может оказаться власть? Этот страх нередко присутствовал в их выступлениях. (Выплеснулся он и на последующие претенциозные митинги «народных фронтов» и «демократических союзов».)

Иными словами, «либеральное меньшинство» на первый взгляд вроде бы победило, но главной своей стратегической цели не достигло, о чем так эмоционально ныне сокрушаются его представители. Позволю себе привести историческую аналогию с Бородинским сражением 1812 года, которое в конечном счете явилось победой русской армии, несмотря на отступление и сдачу Москвы. Думаю, что так же можно оценить и Съезд народных депутатов, где победа осталась за здоровыми социалистическими силами общества, которому так и не удалось навязать «неолиберальные» концепции реставрации капитализма. Более того, в обще-

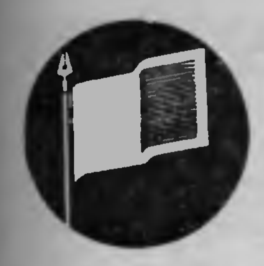
ственном сознании советских людей повсеместно произошел явный поворот в сторону понимания опасности, нависшей над социализмом, над коммунистической перспективой развития человечества.

Первой это усмотрела чувствительная к конъюнктуре московсквя интеллигенция, пустившая в оборот словечки вроде «абалканизация» и «г-поповизация» экономики, «гельманизация» и «гроссманизация» культуры. Очнулись от летаргии многие советские и партийные работники, активизировались теоретики антирыночной экономики, которых не допускают к печати. Но главное, в широких слоях народа стали понимать, что борьба в стране вновь идет по принципу: кто — кого? Как это было в первые десятилетия Советской власти. Отсюда меняются вопросы, задаваемые на лекциях, оценки политических деятелей, характер писем, направляемых в редакции. Возникают новые общества вроде Объединенного фронта трудящихся или Всесоюзного общества «Единство. За ленинизм и коммунистические идеалы». Избавляются от «детских болезней», перестраиваются, обретают зрелость патриотические общества и объединения.

Это и многое другое дает сегодня возможность заявить: реставрации капитализма в СССР не будет, ползучая контрреволюция не пройдет!

На чем основывалась я, говоря обо всем об этом своему «гостю», московскому репортеру влиятельной американской газеты Дэвиду Рэмнику, с которым после его четвертой настоятельной просьбы согласилась встретиться? Прежде всего на бурном росте политического сознания трудящихся, которые сегодня всерьез задумываются над долгосрочными и ближайшими перспективами развития своей страны. Как любил повторять Максим Горький, «лишь бы люди начали думать, до правды они всегда додумаются».

г. Ленинград



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор ЛЕВЧЕНКО

ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМАЯ

(Послание из Тмутаракани)

> И начаша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себъ крамолу ковати. А пгании съ всъхъ странъ прихождаху съ побъдами на землю Рускую.
>
> «Слово о плъку Игоревъ».

I

Для меня всегда оставалось тайной, почему кровью умытая Кубань не дала своего гениального писателя уровня Михаила Шолохова. Ведь были в XVIII и XIX веках в среде кубанского казачества великие таланты: знаменитый поэт — войсковой судья Антон Андреевич Головатый, которым заслушивались Петербург и сам Григорий Александрович Потемкин-Таврический, не лишенный эстетического вкуса и поэтического дарования; прозаик и поэт — наказной атаман Черноморского войска Яков Герасимович Кухаренко, чье творчество высоко ценил его друг Тарас Григорьевич Шевченко. Были историки европейского уровня: генерал-лейтенант, предводитель дворянства Ставропольской губернии (с областями Терской и Кубанской) Иван Диомидович Попко, удостоенный за свой вдохновенный труд о Черномории бриллиантового перстня; действительный член Петербургской Академии наук Федор Андреевич Щербина, прославившийся своей двухтомною «Историей Кубанского казачьего войска»...

Впервые побывавший в 1988 году на родине Юрия Селезнева Михаил Лобанов воскликнул: «Мы как-то забываем, где, на какой земле живем. А ведь Краснодар, кубанская земля, так же, как и донская земля, — это без преувеличения ось мировой истории XX века. Из Ростова начался в феврале 1918 года «ледяной поход» малочисленной Добровольческой армии Корнилова, от судьбы, конечного результата этого похода во многом зависело — быть или не быть кардинальной социальной перелицовке мира. 13 апреля (по новому стилю) того же года при очередном штурме Екатеринодара Корнилов был убит, принявший на себя командование генерал Деникин отошел от города, но вскоре, летом того же года, Екатеринодар был взят белогвардейскими войсками. Численность их стремительно росла, достигнув вскоре сотен тысяч человек. Гражданская война перекинулась на всю страну, охватив Сибирь (Колчак), Дальний Восток».

Пролитая кровь не выцвела, не выветрилась, не забылась. Она словно бы проступила в самих названиях произведений, написанных на кубанской земле. Это «Закат в крови» Георгия Степанова, роман многострадальный, пролежавший в столе писателя больше двадцати лет и чудом увидевший свет — незадолго до смерти автора — в Воениздате. Роман Виктора Лихоносова «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», наконец, дилогия Анатолия Знаменского «Красные дни» — о трагической судьбе командарма 2-й Конной (бывшего войскового старшины — подполковника) Миронова, боровшегося против расказачивания и погибшего от рук троцкистов.

Нет надобности, вероятно, в связи с появлением трех этих книг о гражданской войне говорить о южной, ну, например, «азово-черноморской» школе — с Шолоховым во главе (до 1937 года Дон и Кубань составляли единую Азово-Черноморскую республику, переименованную затем в Азово-Черноморский край). Но понять суть, причины, вызвавшие к жизни заметное явление в литературе, необходимо. Особенно (как бы сказать помягче?) в эпоху нашей безгласной, однобокой. избирательной гласности, обходящей хорошо отрепетированным молчанием значительные произведения в литературе, если они не укладываются в «разоблачительные концепции»...

Роман Виктора Лихоносова охватывает несколько столетий; его герои в своих воспоминаниях нам возвращают и полузабытую уже историю переселения запорожцев на Кубань в 1792 году, и переезд бывших белоэмигрантов из-за рубежа в 60-е годы, и саму з е м л ю н е з н а е м у ю первых русских людей, живших на территории Кубани во времена князя Святослава и основавших здесь знаменитое Тмутараканское княжество, во времена Никона Великого, и Олега Гориславича ставшее могучим центром оппозиции древней русской столице, средоточием мятежных сил. Волею судеб на какое-то время таким же центром оппозиционных сил стала земля Кубани и в 1918 году, когда сюда «схлынули» сразу две русские столицы.

Но не историю Кубани писал в своем романе Лихоносов!

Несмотря на глубокий и, главное, естественный историзм повествования, «Ненаписанные воспоминания...» нельзя назвать романом историческим; писатель целеустремленно преодолевает условность жанра, выводя тысячелетнюю историю в наш день, заставляя ее служить нам, современникам. Роман, словно древний

кряжистый платан, посаженный в Краснодаре на улице Красной славными запорожцами, уходит старыми корнями в неизмеримые глубины родной почвы. А пышной кроной радует, веселит наш день.

Не сразу, но все же понимаешь: не для себя лично, а скорее ради юной героини романа — маленькой Настеньки, ради помешанного на родной истории краеведа Лисевицкого, ради самого же Виктора Лихоносова — и вернулся из эмиграции на родину один из главных героев романа русский офицер, казак Петр Толстопят, как возвращались старые казаки «с турецкого плена домой...».

Книга пробуждает печаль по невозвратному, утраченному времени... по уходящей в прошлое родине...

Еще лет двадцать-тридцать назад Кубань была не та; в Краснодаре, возле Сенного рынка, можно было увидеть блиставшего казачьей выправкой бывшего белого генерала... в простом костюме, с авоськой в руке; когда-то знаменитого адъютанта Главкома Северо-Кавказской армии, идущего неспешно по улице Красной с батоном под мышкой; новоприбывшего из Турции казака-некрасовца с крашеной бородой — да мало ль кого можно было «перестреть» на улочках старинного казачьего городка!.. А сколько было в нем таинственного, сокровенного, ярко выразительного!

Теперь Краснодар словно бы поменял казачий свой убор на европейский костюм, так что трудно сказать, когда — сейчас или в прежние времена — казачий город больше похож на маленький Париж...

Старинные газеты и журналы, устные полуиссохшие источники — все это, разумеется, не материал для возрождения. Недаром та, будто приснившаяся жизнь воспринимается теперь как небыль, как «ненаписанные воспоминания»...

Пожалуй, только в романе, в причудливо привольном сочетании времени и пространства, и может она, эта овеянная преданием жизнь, возродиться. Одна лишь память сердца может восстановить теперь распавшуюся связь времен, и это, вероятно, главное, что открывается приехавшему из Парижа в Краснодар в июне 1964 года лихоносовскому Дементию Бурсаку. В Художественном музее он видит портрет своей бывшей жены с табличкой: «Портрет неизвестной», а побродив по городу, замечает — только одна улица Красная осталась непереименованной. Мало кто помнит и старый город, и старую историю Кубанской Сечи, и его самого, либерального адвоката, разве что сверстник его — бывший духовник кубанских казаков в Париже архиепископ Ювеналий, узнавший его в краснодарском соборе св. Екатерины...

В противоположность путешественнику Бурсаку друг его юности Петр Толстопят возвращается на родину насовсем — доживать свой век — по принципу: «Будем жить, не будем вспоминать, чтобы больно не было опять...»

Сразу же, однако, возникают сомнения: мог ли отважиться на такой шаг бывший белогвардеец? — вернуться, а не приехать побродить туристом по новому Екатеринодару, ставшему, как сказано в романе, во всех отношениях Краснодаром?..

У наших либеральных критиков может закрасться подозрение: а не использовал ли Виктор Лихоносов трогательное возвращение русского эмигранта в романе как ловкий контрпропаган-

дистский шаг, противопоставив нынешним, продающим Русь добровольцам — несчастных беженцев из России, поставленных судьбой перед проклятым выбором булгаковского Хлудова: там маяться или здесь принять покаяние?

Что сразу же бросается в глаза? Лихоносовский Толстопят не был репрессирован; его не направляют ни на лесоповал в Сибирь, ни на поселение в Коми АССР. Он остается в Краснодаре, свободно ходит в гости, присутствует на первомайской демонстрации трудящихся, беседует со всеми, и в том числе с самим Лихоносовым (как одним из второстепенных героев романа), интересующимися историей Кубани, и никто не укоряет, не донимает его ненужными расспросами.

Легко вообразить, что если бы писатель сосредоточил свое внимание на абакумовских и бериевских репрессиях по отношению к вернувшимся на родину эмигрантам, показал после скитаний на чужбине — в духе «Эмигрантов» А. Толстого — их новые хождения по мукам, но уже после возвращения, роман имел бы шумный успех (отвоевав часть славы у «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына).

Но Лихоносов ставил перед собой иную цель. Он взял не лагерную или эмигрантскую сторону русской трагедии, а жизнь на Родине и возвращение на Родину русских людей, наше — теперь уже вполне осознаваемое — сиротство без всех погибших на полях сражений или уехавших на чужбину сынов Отечества: без Бунина, Шаляпина, историка кубанского казачества Щербины (умершего в Праге в 1936 году); нашу безродинность, безродность — без всех этих людей. О ностальгии эмигрантов достаточно писали! А Лихоносов написал о нашей ностальгии, нашей тоске по унесенной ветром революции казачьей родине! — исследуя истоки и последствия великого раскола на Руси.

Теперь мы говорим открыто, что в эмиграции после революции и гражданской войны оказалось два миллиона русских интеллигентов, которых никто не заменил. Много это или мало?

Такой трагедии не пережил ни один народ в мире, обезглавленный и вновь оживающий, восстанавливающий свои духовные и нравственные силы.

В последние годы усилиями таких подвижников культуры, как Анатолий Афанасьев — (написал книгу «Полынь в чужих краях»), специалист по русскому зарубежью Олег Михайлов, американист Петр Паламарчук, духовная история Отечества мало-помалу восстанавливается, по крайней мере, мы начинаем замечать и заполнять пустоты, казалось бы, оставленные нами позади, на самом деле — впереди, вокруг нас и в нас самих.

Как ни гордимся мы своим самообразованием, а вынуждены признать, что классическая культура — не сумма знаний и представлений о мире, какие можно усвоить и перенять, прежде всего это о б р а з мыслей и чувств, исчезнувший вместе с разрушенным укладом жизни.

Только художник способен воссоздать этот особый мир. Не покривлю душой: не знай я, что Лихоносов — сын рабочего с сибирской станции Топки, мог бы легко принять его за внука Толстопята или Диониса Костогрыза, за внука офицера Конвоя Его Императорского Величества... Настолько вжился он и в жизнь Санкт-Петербурга, и в жизнь Екатеринодара, и в жизнь мне бесконечно дорогих станиц и хуторов Кубани!..

А главное — он тонко чувствует, как бы это сказать, дух, цвет времени, перепады настроений в обществе на всех уровнях — от столицы до станицы.

До февраля 17-го года герои Лихоносова живут словно в тургеневском тумане — г л я д я з а д у м ч и в о в н е б о ш и р о к о е. Они томятся, страстно взыскуют правды; натуры более совершенные, совестливые терзаются от своего собственного несовершенства, продолжая, впрочем, жить по заведенному порядку...

Жизнь идет, порой начинает подхлестывать своими нерешенными вопросами: а как же дальше? Куда идти? Что свято? И в чем искать спасения?.. Кому верить? Какому старцу — яснополянскому или Кронштадтскому?..

Словом, разворачиваются события, знакомые по классике — начальным главам «Хождения по мукам», столичным сценам «Тихого Дона», «Жизни Арсеньева» и т. д. Лихоносов лишь вносит в эти страницы кубанский колорит, нередко споря с великими предшественниками — чаще подспудно (заставляя героев со всею строгостью судить «властителей дум» от Толстого до Чехова), а иногда открыто (как в описании казачьего войскового праздника в Тамани). Вступая поневоле в единоборство даже с непревзойденным «кавказским пленником», впрочем, пробывшим в Тамани всего три дня *, Лихоносов легко одолевает его в любви к «самому скверному городишке» и его славной истории, простирающейся до времен Тмутараканского княжества и Боспорского царства...

Почти невообразимая для современного писателя цель достигнута — герои Лихоносова, ничуть не умнея задним числом, живут своими устоявшимися представлениями о мире, о любви, о Боге, о судьбе, о милосердии. Как, вероятно, и жили в начале века русские люди, с тревогой внимая страшным пророчествам и все же не подозревая, что дни их с о ч т е н ы, что время их ушло безвозвратно...

Февраль 17-го года для многих наступил неожиданно, сметан старый порядок и даже внешнюю обрядовость: государственный гимн, написанный на стихи Жуковского «Боже, Царя храни», — и это тоже отмечено в романе, — сменяя на прежде менее распространенный «Коль славен наш Господь в Сионе...».

Суть февраля способны понять немногие герои романа, проходя испытания надеждами на перемены, на новые свободы и т. д. Лишь единицы видят суть, будучи не в силах остановить распад великой многонациональной империи.

Державные и многосведущие в государственных делах люди, такие, как, например, царица, в волнениях на Руси видят масонское движение (попутно замечу, сам государь, по свидетельству князя В. Н. Орлова, тоже считал масонство причиной революции, но о царе у Лихоносова в этой связи не говорится), другие лица до поры до времени (речь именно о героях «Ненаписанных воспоминаний...», а не обо всей Руси Великой) как будто бы и

* По непроверенным и неточным сведениям, ибо знатоки-краеведы и по сей день спорят, два дня и две ночи или два дня и три ночи провел в Тамани Лермонтов.

мысли не допускают о некой мировой закулисной силе, поставившей цель — столкнуть и уничтожить в междоусобии Россию, дворянство и крестьянство, купечество и интеллигенцию, и в том числе казачью, веками нарождавшуюся в народных недрах, в военном противостоянии внешним врагам и внутренним.

Впрочем, есть исключение — Дионис Костогрыз, видящий спасение России в возврате из междоусобицы к прежним порядкам. Программа его проста: «— А без Царя жить нельзя! — закричал Дионис. — Нема нашего заступника. Он же казачий старшина. Казачество держится на царской милости. И как он, бедняжка, поддался Алексееву? Нас там не было. Не дали б ни за что! Теперь: жди горя да беды».

Справедливости ради скажу, что кубанский казак, пусть даже бывший офицер Конвоя Его Императорского Величества, пусть даже крайне правый монархист, никогда таких слов о «царской милости» не скажет; от отца, деда, прадеда он хорошо знает, какими милостями одаривал их предков, запорожцев «Белый Царь» Петр I — не хуже, чем донцов, кровью расплачивавшихся за свое право на самостоятельность: «С Дону выдачи нет!»; как упекла Екатерина II последнего запорожского атамана Кальнишевского на Соловки на пожизненное смирение, там он и умер; какую честь — охраны самой опасной границы — оказала «верным» черноморцам; как подавлялся Персидский бунт при Павле, когда казачьих депутатов заключили в Петропавловскую крепость; как не жалел никто дешевой казачьей крови! Такое не забывается и не прощается. Так на своем поле и своими руками засевается буря, а когда она разразится, решает время.

По сути дела, один Дионис в романе Лихоносова своею верностью царской присяге напоминает пушкинского Гринева. Должно быть, были и такие — отчаянные монархисты — среди кубанского казачества, особенно среди конвойцев Царя, за время службы в столице поднимавшиеся над сословными предрассудками основной массы черноморцев-самостийников. И все же я очень сомневаюсь, что один кубанец мог прокричать другому (либерально настроенному Дементию Бурсаку), восхитившемуся «Марсельезой» на станции Кореновская: «— Я верноподданный Государя Императора Николая Александровича!»

Верю, пощечину оскорбленный патриот Отечества мог дать болтливому либералу, для которого «коронная служба» не более чем дикий пережиток. Но раболепной фразой отстаивать монархические принципы потомок запорожца не стал бы...

Или прав Лихоносов? И в среде кубанского казачества и в самом деле не было умнее монархиста?

Дементию Бурсаку дал пощечину; едва не пристрелил в споре другого демократа, но более безобидного, — Попсуйшапку (родственника по сестре), — и «шлепнул» бы, если бы не вмешался — дед его — Лука Костогрыз. А защитить царя, как дед, уже не может. Как и не в состоянии отстоять сам принцип монархизма в спорах с либералами и демократами, да с тем же Попсуйшапкой, который резонно, с одесским юморком замечает: «Я вашего Царя не знал».

Что в этой стычке интересно? — разводя незадачливых спорщиков, старый конвоец Лука Минаевич Костогрыз обнимается с шапочных дел мастером, иногородним, а внука, казака-конвойца, обзывает дураком. Истинно классовый подход!..

II

Сознательная установка Виктора Лихоносова — писать роман судеб, а не хронику последовательно развивающихся событий — дает писателю возможность свободно обращаться с материалом, избирательно — вслед за движением судьбы или души героя — высвечивать те или иные факты эпохи, нередко обрывая свой рассказ на самом интересном месте и внезапно переходя к той исторической реальности, какая в данный момент вдруг настигает героя. Не думаю, чтобы писатель намеренно оставлял какие-то события «за кадром». Автор всего лишь идет вслед за героями — и в понимании, и в осмыслении эпохи.

Повествование на первый взгляд строится сумбурно. Фон еще только развивается, готовясь выйти на первый план по своей важности в истории, а герой уже испытывает свою судьбу в другом месте, на фоне других судеб.

Ведь посмотрите: поступают кубанские казаки Петр Толстопят и Дионис Костогрыз в Конвой, и вмиг, как будто за околицей станицы, появляется в романе Царское Село; Кубань, как в сказке, отдаляется в воспоминания, хотя мы там как следует еще и не пожили, а приезжает к Дионису дед, старый конвоец Лука Костогрыз, охранявший Александра III, — и на первый план уже выступает одновременно станичная и столичная старина, будто ее привозит дед Лука в Петербург в своей торбе. Невольно и мы заглядываем в прошлое, чтобы оттуда лучше увидеть настоящее, понять казачье отношение к войне, царям и революциям.

Что примечательно — как ни богата, ни интересна столетняя история Конвоя, служба в котором была почетнейшей обязанностью для избранных казаков, — а к ней мы больше не возвращаемся в романе — не потому что она исчерпана, а потому что наши кубанцы из нее выпадают: Толстопят изгнан из Конвоя после скандальной истории с некой мадам В., Дионис сам сбежал на фронт против германца с такими же, как сам, сорвиголовами...

Остался ли Конвой возле Царя-Батюшки, ставшего Верховным Главнокомандующим всех войск в России, или весь разбежался, нас это больше как будто бы и не интересует! Не до Конвоя нам, когда в войне решается судьба России, судьба многострадальной Родины. И вдруг, как на пожаре, спохватившись, мы вспоминаем о Конвое, — а что с ним сталось? — из-за одной лишь фразы, брошенной Дионисом словно на ветер — об отречении царя и генерале Алексееве: «Нас там не было. Не дали б ни за что!»

Кого же все-таки не было рядом с царем 2 февраля 1917 года, когда его окольцевали, окружили — невидимым, как нити заговора, — конвоем генералы, требовавшие отречения? Кубанского атамана Бабыча? Донского — Каледина?

Вопрос, без понимания которого не ясно, как и зачем на нашей южной земле оказались Алексеев и Корнилов с горсткою офицеров, на что рассчитывали?

Выясняются потрясающие обстоятельства: пьяный конвоец буквально угадывает, едва ли не повторяет заветные мысли царя о верности ему казачества, оброненные в день отречения.

Испытывая на себе мощное и хорошо согласованное давление

из разных сфер, царь на требование генерала Рузского отречься отвечает заставляющей о многом задуматься фразой:

«— Не приведет ли это к гражданской войне? Это было бы ужасно во время войны внешней! А что скажет юг России? Казачество? Ведь они пойдут войной на Питер и Москву!

— Что вы, государь! Вы знаете, по слухам даже Собственный Его Величества Конвой перешел на сторону революции!

— Не может быть!

— Ей-богу!» и т. д.

Знал ли об этом бывший конвоец Дионис Костогрыз?

После очередной, объединенной атаки генералов Рузского, Данилова и Савича, обеспеченной «артиллерийской подготовкой» Главнокомандующих фронтами во главе с генералом Алексеевым, вежливо требовавшими в телеграммах отречения, Николай II вновь пустил в ход свой главный козырь:

«...Боюсь, что Юг России не примет моего решения и не простит его. Он будет бороться. Казаки еще, как я вам говорил. Да, и забыл вам сказать о старообрядцах. Они не простят мне, что я изменил своей клятве в деле священного коронования. И ведь, заметьте, я Верховный Главнокомандующий! Люди будут говорить, что я дезертир, что я бросил фронт!»

Самое удивительное, что царь верит казачеству, даже успев уже узнать, — и не по слухам (должно быть, сам запрашивал), — о переходе своего Конвоя на сторону восставших солдат и матросов.

Не знаю, пел ли царский Конвой «Марсельезу» по пути из Царского Села в Петроград, но достоверно известно, что 1 марта 1917 года поутру конвойцы, оставив посты у царскосельского Александровского дворца, явились в Таврический дворец, чтобы объявить в штабе восставших о переходе на сторону революции. Неясно было только одно, кого революционный царский Конвой будет теперь охранять — Керенского, Родзянко, Таврический дворец?..

Все самые доверенные лица — генералы, конвойцы-телохранители — отреклись от царя, сам царь отрекся от престола, и лишь один бывший конвоец не изменил своей присяге!

Таких пределов обреченности российская история не знала.

Бог с ней, конечно же, с историей Конвоя, не доведенной Виктором Лихоносовым до конца! Эта история превосходно изложена другим автором на 500 страницах.

Бог с ним, с царем! О его отречении тоже можно почитать в книге: «Отречение Николая II», а о закате империи в книге «Падение царского режима».

Беда в том, что испаряющаяся в романе историческая реальность порой уносит с собой и сокровенный смысл эпохи — ощущение предельной, фатальной, поистине роковой обреченности монарха и монархии, и страшные, надрывные, пронзительные выкрики полусмешного в общем-то (без этого фона), наивного монархиста — Диониса Костогрыза, чем-то похожего на своего болтливого правдолюбца деда: «Сволочи, подлецы», — эти слова в его устах кажутся и не столь трагичными: обычным пьяным бредом, на какой и внимания обращать не стоит, а их ведь произносил на каждом митинге перед казаками сам Корнилов...

Чем обернулась измена генералов царю?..

В секретном письме начальнику французской военной миссии в Киеве от 27 января 1918 года (письмо было изъято у курьера, следовавшего из Ростова-на-Дону в Киев, и переправлено Ленину) генерал Алексеев жалуется: «...Кубанское войско выдерживает натиск большевиков только при помощи добровольческих частей: так как и кубанские казаки (как и донские. — **В. Л.**) нравственно разложились».

Увы, ни царь, ни белые генералы — заговорщики против власти царя, вскоре оказавшиеся в его же положении и почти чудом вырвавшиеся в южные степи, — не могли и предположить, что казачеству чужд монархизм, что не пойдет оно гражданской войной ни за царя, ни за его ненадежных генералов.

В душах кубанцев — потомков своевольных запорожцев, на веки вечные обидевшихся на «вражу мать Катэрыну» за то, что она разрушила, прислав генерала Теккеля, их первую военную христианскую республику — Запорожскую Сечь, — живы были идеалы республики. Республики, реально просуществовавшей несколько веков, а не провозглашенной на бумаге. Отчего же было не помечтать им о второй такой же или похожей? Зачем сразу да еще самим надевать на шею ярмо самодержавной власти?

Именно эти республиканские идеалы затаившегося в казачестве удельно-вечевого устройства Древней Руси Запорожской Сечи и одержали верх в народе в момент крушения монархии.

Надо ли говорить, какую сторону поддерживали красные в своих листовках?..

Лихоносов нигде впрямую не пишет ни о размежевании белогвардейцев и кубанцев, ни о последующем, хотя и под давлением обстоятельств, сближении сторон после начавшегося воспитательного отстрела казаков, с одной стороны, белыми, с другой — красными (под руководством Предреввоенсоветв республики Льва Троцкого).

Автор, кажется, хотел бы всех помирить и призвать к милосердию. По крайней мере, он усиленно ищет и пытается выделить идеи сближения, где только можно.

Глава «Станичный приговор» состоит всего лишь из письма казаков станицы Марьянской, раскаивающихся в своей измене делу Добровольческой армии и дающих клятву верности в общей борьбе.

Казалось бы, все ясно, легковерные изменники вину свою загладили (после того, как Троцкий своей «теорией расказачивания» продемонстрировал на деле основополагающие принципы новой военной, но отнюдь не христианской — республики), переметнувшиеся было к красным или державшие нейтралитет казаки заметно побелели и теперь будут вместе с добровольцами верно служить идее «русской Вандеи». Но вот что интересно: в этом временном перемирии сторон зреет, усиливаясь, нарастая, взаимная вражда, и затаенные истоки ее видны. Даже раскаиваясь, кубанцы невольно, еще только давая клятву, предают общие цели, наивно выдвигая свой, резко враждебный белому движению лозунг: «Да здравствует единое казачество!»

Чем обернулось, какой новой трагедией это вынужденное сближение не понимающих друг друга сторон — поборников республиканской самостийности из Кубанской Рады и генералов,

пришедших на Кубань устанавливать свой порядок, — мы узнаем в подробностях из романа Георгия Степанова «Закат в крови». Преданием военно-полевому суду двенадцати «апостолов» из Рады, изменников «Единой и Неделимой». Казнью Калабухова: «Есаул Романенко с казаками-конвойцами повез осужденного к месту казни, на Крепостную площадь, где при свете факелов у двух столбов с перекладиной уже выстроился наряд из батальона корниловцев» («Закат в крови»). У Лихоносова таких картин борьбы добровольцев с самостийниками нет. Но он дает одну деталь, и точная характеристика заложенного в сближении непонимания — ненависти готова! (Беда лишь в том, что мы ее можем попросту не заметить...)

Так исподволь, подспудно проступает в романе то новое, что внес в русскую жизнь самый насыщенный трагедиями XX век — цепная реакция размежевания, раскола — не только на эксплуататорские и эксплуатируемые классы, но и внутри классов, групп, сословий, — реакция распада, не преодолимая, кажется, уже ничем: ни христианской проповедью единения, ни страхом смерти, ни мыслью об утрате самого смысла борьбы. Борьба сметает все заповеди и заветы, оставляя неоспоримым, пожалуй, одно лишь пушкинское печальное пророчество о русском бунте — бессмысленном и беспощадном, захватывающем не только народ, но и интеллигенцию...

Невольно напрашивается сопоставление методов подхода к материалу — а не уровней реализации, конечно — в «Ненаписанных воспоминаниях...» и «Тихом Доне».

Если первопроходец русской литературы XX столетия говорил, что трудность для него была в показе борьбы белых с красными (а не наоборот, как это делали писатели, удовлетворявшиеся показом правды с одной стороны, односторонней правдой), Лихоносов мог бы сказать о себе уже и несколько иначе: трудность для него состояла в том, чтобы показать борьбу *внутри белого стана* — как внутри дворянской и казачьей интеллигенции, так и внутри той части казачества, которая не пошла за красными.

И Толстопят, и Бурсак, и Дионис Костогрыз на службу к красным не пошли... Но разве можно сказать, что они были когда-нибудь единомышленниками? Они объединились лишь тогда, когда оказались вне Родины, да и то в весьма условное понятие «русских эмигрантов». Ведь и спустя годы «Толстопят и Бурсак не примирились:

— Ты добрый, честный, но ты, Дементий Павлович, вечный либерал. Как писали про вас в «Новом времени», такие вы и нынче.

— А ты, кажется, все еще монархист.

— Я — Толстопят! Я всю жизнь проигрывал, на фронте с турками (как мы их ни били), я подавал заявление во французскую армию, а они сдали немцам Париж. Я казак, а с самостийниками разминулся, и меня ненавидели. Но я вернулся домой, и это все... Я был в пекле, а вы, мои умные беспочвенные милюковы, всю жизнь только рассуждали и кривили губы... Ваша участь — быть всегда — *чем-нибудь* недовольным».

Этот чересчур запоздалый спор Бурсака и Толстопята дает в

какой-то мере представление о разногласиях между той частью общества, что шла за республиканцами в духе Керенского, Некрасова, Терещенко и Милюкова, осуществлявшими либеральное порабощение России, и теми патриотически настроенными офицерами русской армии, кто вынужден был пойти за белыми республиканцами — в духе генерала Корнилова, — утешая себя «в годину смуты и разврата» зыбкой идеей всенародного Учредительного собрания.

Версия — белогвардейского, белоказачьего, — монархизма и по сей день умело пропагандируется такими теоретиками «русской Вандеи», как либеральный адвокат Дема Бурсак — этот прилежный ученик другого адвоката — генерального секретаря масонского «Верховного совета народов России» Керенского... Для либералов подобного толка и республиканцы-корниловцы, поднявшие мятеж против Керенского и кучки масонов, захвативших власть в России в феврале 1917-го, были не кем иными, как контрреволюционерами, против которых в ход пускалось одно из самых бранных слов в то время — монархист. И часть казачества, восставшая в 1919 году против «троцкистских перегибов», против сознательного истребления казачьего Юга России, именовалась не иначе, как контрреволюционной. Зачем? В пользу все той же идеи «русской Вандеи», какую необходимо «расказачить», уничтожить, истребить. Хотя ни о какой монархии казачество и не мечтало!

Сталкивая Толстопята и Костогрыза с либералом Дементием Бурсаком и оставляя отношения между Толстопятом и Костогрызом невыясненными (словно наши гвардейцы все еще служат в одном Конвое Его Императорского Величества), писатель невольно может склонить нас к мысли о бесконфликтности отношений Диониса Костогрыза и Петра Толстопята и, главное, стоящих за ними сил. А ведь на самом деле было несколько иначе... И споры были. И легко догадаться, какие!.. Но, конечно же, не иногороднему, шапочных дел мастеру Попсуйшапке, которому плевать на судьбу империи, а именно конвойцу — Толстопяту и должен был бы бросить в лицо Дионис слова о бедняжке царе и обманувшем его Алексееве («Нас там не было!»).

Промахнулся тут Лихоносов... Судите сами: Толстопят одним уж тем виновен в глазах Костогрыза, что не был рядом с царем, что, в сущности, его «на бабу променял» (мадам В., из-за которой вылетел из Конвоя), что и теперь нет ему дела до царя, как и ведущим его в Ледяной поход на Кубань белым генералам.

Но ведь и сам-то Дионис должен бы чувствовать угрызения совести, не только других укорять в измене! Сам же царя оставил, да еще добровольно, хоть в патриотическом порыве, значит, нарушил свой воинский долг еще раньше, чем вождь белого движения Алексеев. Значит, и он предал и не тянет на Гринева...

Хотел ли эту мысль внушить нам автор? Или мы вычитали ее вопреки авторским намерениям, привнесли в «Ненаписанные воспоминания»?

Но так ведь и построены они, словно бы из обрывков и кусков чужой рукописи, из фрагментарных, случайных эпизодов гражданской войны, данных с разных сторон глазами участников и

очевидцев; стычек и столкновений; из описаний штурма Екатеринодара, гибели генерала Корнилова и т. д., чтобы в нашей душе выстроить многомерный взгляд на события. На какие-то, пусть не всегда и предусмотренные, раздумья и размышления эти осколки разных правд наводят, но все же не дают ответа на многие проклятые вопросы забытой родной истории, которую писатель пытается объяснить.

Или слишком много темных пятен, чтобы их высветить в одном романе? И нужен в самом деле эпос наподобие шолоховского — многомерный и многослойный, избирательный, разумеется, но не утаивающий главного, первостепенного. Вернее — и строящийся так, по этому «просветительскому» принципу, как признался однажды сам Михаил Александрович Шолохов. «Привлекала задача показать казачество, — вспоминал писатель в 1937 году, — в революции. Начал я с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Донские казаки были в этом походе в составе 3-го конного корпуса... Начал с этого... Написал листов 5—6 печатных. Когда написал, почувствовал: что-то не то. Для читателя остается непонятным: почему казачество приняло участие в подавлении революции? Что это за казаки? Что это за Область войска Донского? Не выглядит ли она для читателя некой terra incognita. Поэтому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе».

У Лихоносова многое объясняется в романе, и все же, прежде чем Лавр Корнилов окажется на Кубани, хотелось бы хотя бы в скороговорке услышать: а как вспыхнул корниловский мятеж против Керенского, ведь вроде бы Корнилов поддержан был Родзянко и т. д., какие верноподданнические силы, кроме крикливого Диониса Костогрыза, могли быть на Кубани, были ли они?

Увы, монархические возгласы Диониса в общем-то мало что проясняют в его позиции. А согласитесь, готовность отдать жизнь за царя во время расширяющейся отовсюду республиканизации империи — нешуточное дело, также и крикливые лозунги екатеринодарских так называемых «союзников» ничего не дают для понимания «идейных» защитников трона. И в самом деле, одну «крикливую бестолочь» мы видим в Екатеринодаре, изображенную как будто не Лихоносовым, а каким-нибудь Касвиновым и Елениным. Видим лишь отношение писателя к несимпатичным ему людям. Но за подобным памфлетным отношением, увы, не узнаем главного — фактов, условий, обстоятельств, какие подтолкнули часть царских верноподданных на «крайние» меры защиты престола.

Дело художника не в том, чтобы оправдывать своих героев или порицать, или не ссылаться на местную специфику, опровергающую созидательную концепцию романа о казачьей интеллигенции: «Такая ли тут была сроду закваска или мало еще наросло интеллигенции?»

Существенно дополняют роман Виктора Лихоносова в описании гражданской войны на Кубани романы Степанова и Знаменского. Каждый, со своей стороны, выстраиваясь в моем воображении в некую своеобразную трилогию — со «сквозными» историческими личностями, они восполняют то, что оказалось не по силам одному автору.

Не повторяясь, не сливаясь, эти романы для меня все же не существуют друг без друга.

Как без романа Георгия Степанова «Закат в крови» не понять фразы Диониса Костогрыза о государе и генерале Алексееве (который в романе Лихоносова лишь упоминается, будто известен нам, как генерал Брусилов), не осознать суть русской смуты, истоки роковых противоречий в белом стане во всей их зловещей перспективе, так же и без романа Анатолия Знаменского «Красные дни» не осмыслить глубину той гражданской войны, какая велась между русскими людьми в лагере красных — трагедии Думенко, Миронова, Ивана Лукича Сорокина.

Читатель если что-то и знает о трагической судьбе Главнокомандующего Северо-Кавказской Красной армии, так только, боюсь, из романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» (а то и вовсе из фильма!), где сложная, противоречивая фигура народного полководца дана по меркам троцкистских комиссаров. А значит, простое, безоценочное, упоминание Сорокина в романе Виктора Лихоносова продолжает служить все той же талантливой лжи Алексея Толстого. Эпопеи же Попсуйшапки и Акима Скибы в приближении понимания смысла трагедии гражданской войны внутри красного лагеря так же мало дают, как и известные нам «цельные» образы двадцатых годов из книг Серафимовича, Фадеева, Островского, Фурманова...

У Шолохова как передний план, так и исторический фон оценены весьма определенно, точно, так что если и упомянут вскользь Миронов, ясно, к кому он ближе — Григорию Мелехову или Митьке Коршунову...

У Лихоносова Сорокин вполне обходится без Акима Скибы. Вернее — Аким Скиба без Сорокина... Нет зеркала, нет переклички героев разных уровней.

Есть, правда, в романе и нечто настолько свежее, нечто настолько новое в подходе к человеку, что ставит «Ненаписанные воспоминания» в прямое продолжение «Тихого Дона», с оговорками, разумеется (какие адресуются, например, «Белой гвардии»), и все же!

III

В недавно вышедшей книге Виктора Лихоносова «Волшебные дни» есть статья, в которой он, и я уверен, не в пику Э. Гринвуду, писавшему о «свирепом реализме» Шолохова, признается в том, что «...не без уроков шолоховского милосердия к человеку писал свой роман о кубанских казаках».

Уроки, к счастью, не бросаются в глаза. И даже не всегда понятно: а в чем же, в сущности, они? Может быть, в споре с непревзойденным учителем о сути милосердия?..

Вспомним слова, брошенные Григорием Мелеховым в конце романа некоему Капарину: «От вас, от ученых людей, всего можно ждать...»

Доверия нет ни к кому. Ни к своим «ученым людям» из природного казачества, вроде Листницкого и Кошевого (не зря Григорий их сводит — «им с самого начала все было ясно...»), ни к пришлым умникам вроде Штокмана, Малкина, Троцкого, сеющим бурю. По воле тех и других он оказался, как загнанный волк, в банде Фомина, на острове, в тупике.

Дальше зайти — как Толстопят и Бурсак, в эмиграцию — Григорию Мелехову не пришлось. Но и того ему не простили!

Те же «ученые люди», но уже из среды природных литераторов, яростно начнут потом завлекать загнанного Мелехова в свои «передовые» концепции, отказывая, впрочем, герою в самом необходимом — в своем доверии (как это случилось даже с таким широко мыслящим гуманистом, как Алексей Толстой) словно бы для того, чтобы еще раз подтвердить верность приговора Григория Мелехова: «От вас, ученых людей, всего можно ждать...»

Время продолжило великий мелеховский разбор, показало, кто были эти «ученые люди»... Чего от них можно было ждать.

Героям Лихоносова суждено увидеть великую трагедию русской, в том числе и казачьей, интеллигенции на исходе. И на фоне этой изжитой и забытой трагедии — напомнить об утраченных высотах духа, о благородстве и милосердии, о поиске пути, перед которым встал, в сущности, весь русский народ.

Бурсак и Толстопят, уходя в эмиграцию, в какой-то мере шли тем же путем изгнания с родной земли, что и Григорий Мелехов... Вспомним — Григорий мог и сесть на пароход в Новороссийске. Но он бросил оружие и вернулся в семью. Вслед за его создателем и мы сочувствуем ему, надеемся: вдруг не расстреляют...

Так же и Толстопят прощается: возвращаясь на Родину, в свой дом, которого уже и нет, по сути дела, для него... И все же возвращается! На землю предков, к отеческим гробам... И этот суд, это размежевание на тех, кто вернулся и не вернулся, — уже важнее прежнего, классово беспощадного разделения и изгнании русских людей с родной, обильно кровью пропитанной земли!

Мы долго заклинали себя: кто не с нами, тот против нас. Пора бы вспомнить и о другой истине: кто не против нас, тот с нами! — к чему и призывает вернуться Виктор Лихоносов.

Прощения заслуживают многие — из разных лагерей. Но всепрощение не отменяет высшего суда, каким Родина судит прощеных своих детей.

Бесплоден монархический патриотизм Диониса Костогрыза, чем-то напоминающий патриотизм шолоховского штабс-капитана Капарина, сумевшего прочитать задом наперед слова: м о л о т — с е р п — как: п р е с т о л о м и вывести отсюда мистическое предсказание того, чем на Руси кончится смута. Но не имевшего сил остаться человеком и вернуться в свой дом, как Мелехов.

Бесплодны, хотя и не лишены смысла беседы, какие ведут корниловские офицеры на могиле вождя. И все же извозчик Терешка, наверное, более прав, чем все эти «ученые люди», ругавшие темный русский народ, поддавшийся революции, когда бросает с облучка свою бесхитростную фразу: «— А чем вам плохой русский народ?.. Он виноват? Значит, довели...»

Что могли сделать для Родины, для нас все эти дионисы костогрызы и петры толстопяты?

Они могли сделать главное — умереть за Родину, а уж кому решать, правы они иль нет, — такие люди всегда найдутся и находились. Другое дело, что сам же Петр Толстопят, этот бесстрашный казачий офицер, так рассуждает об истинном своем назначении: «Офицер был носителем души армии. Теперешний же офицер сам умрет героем, но не может воспитать «желание умереть», он ничего не может дать взамен инстинкта жизни. Теперь я понял, почему настоящие кадровые офицеры старой русской армии сейчас вне армии (Толстопят пишет свое письмо с границы Сербии. — В. Л.). Они ждут времени, когда пойдут воевать в Россию и за Россию. Тогда будет идея, около нее можно будет начать жить армии, быть Русской Армией, для которой должно жертвовать всем, так как она станет действительностью, а не мифом...» Они мечтали вернуться воевать в Россию и за Россию; мечты их не сбылись. Но против России с немцами они не пошли.

Потери — не будем утешать и обольщать себя! — конечно, велики и ужасны. Рассеченной России срастаться не так просто, не так легко.

Не шибко ученый Лука Костогрыз завещает нам не только своего внука — Диониса, — но и некоего Лисевицкого, этого ученого чудака, любовью к старине, увы, похожего на гоголевскую Коробочку...

С такими вот «учеными людьми» Кубань осталась... С одной стороны, нелепый, неподдельный патриот Кубани Лисевицкий, с другой — не помнящий родства космополит Дементий Бурсак, а с третьей — выросший на пустыре родной истории профессор-выродок, эксплуатирующий в истории свой классовый подход, преподающий «расказачивание». «Все разговариваете о патриархальщине, господа? О казаках? Мало их постреляли!»

Вот почему воспоминания многих исконных кубанцев остались ненаписанными: мало кому довелось вспоминать старое время.

Но волею судеб в забывшем свою историю казачьем городке оказался такой же смешной чудак, как Лисевицкий, некто Валентин Т., тамбовец, занесенный случайным ветром на Кубань и записавший ненаписанные воспоминания старожилов.

...Свою правду, пусть мелкую, ничтожную, на свет выносит каждый, не только Бурсак и Толстопят, Дионис Костогрыз и Аким Скиба, но и Терешка, и даже нелепый Лисевицкий, этот своеобразный тип «лишнего человека», «героя нашего времени», живущего не в своем времени, а в чужом, дедовом, — «преданиями старины глубокой»...

Все эти герои вступают в многосложный хор романа порой случайно и, я бы сказал, противозаконно, в чем автор признается, пожалуй, с излишним простодушием в главе «Из моего дневника»: «Выбор героев зависел от самой судьбы: на страницы романа взошли те люди, которые пережили других и больше всего мне рассказали». И это обстоятельство сказалось на поэтике и тональности произведения, напоминающего элегические поездки Лихоносова на родину Есенина в Константиново и к Юхиму Коростылю в Тамань — прямому литературному предшественнику Луки Костогрыза; эти «лукавые» и чересчур велеречивые запорожцы едва ль не вышли в главные герои романов, но оттеснены были и там и тут в глубину исторического фона.

Места не всем хватает в печатной истории Кубани, но те, кто попадает в нее, часто ведут себя, как на народном вече, где собирались граждане, а не представленная в лицах покорная толпа: традиция, идущая еще от древнерусской жизни и литературы, с усилением самодержавия все больше отступавшая в казачество.

«Ученые люди» в «Ненаписанных воспоминаниях» вершат свои дела не на безликом фоне традиционно темного казачества (как

Рощин утверждается на постаменте оклеветанного Сорокина в «Хождении по мукам» или как волевой вожак железного потока возвышается на фоне бабки Горпыны); часто они меняются местами, как будто для того, чтобы мы поняли: народный фон и есть не что иное, как незнакомые пока еще нам личности, которые при приближении к ним действия и авторского внимания становятся героями романа. Хотя одной истории решать, кто и кого потеснил в разверзшейся бездне вечности: Лисевицкий Толстопята или Сорокин Лавра Корнилова? Кто герой вечности? — кто герой времени? — лермонтовский слепой звонарь или атаман Бабыч, своими же руками роющий себе могилу?.. Или три казачка, безмятежно ищущие в мировой буре бычков симментальской породы?

Роман складывается как будто бы из ничего, из оживающей в воспоминаниях пустоты.

...Мне повезло, еще в восьмидесятом Лихоносов зачитывал мне из записных книжечек свои рабочие заметки о кубанских казаках: оставшихся на родине и живших в эмиграции, о мученической смерти атамана Бабыча, вырывшего себе могилу и ритуально убитого комиссарами. Потом под вечер, помню, как ошалелый, я шел мимо звеневшего скоростного трамвая на улице Коммунаров, мимо Красного собора с голубями и старушками в платочках за каменной оградой; по шумной, праздничной Красной с фонтанами, клумбами цветов, зелеными кустами и скамейками и молоденькими по-весеннему полураздетыми девушками, которые заняты были своею молодостью и красотой, сновали по бульвару, щебетали, строили глазки, не зная и не догадываясь о своих дедах, потопленных в крови, — что это были за инопланетяне — и куда подевались.

И ведь ни крикнуть, ни объяснить, какую трагедию пережил народ, — жизнь новая, прекрасная и равнодушная, как эти разноцветные чайные розы на бульваре, к преданьям старины глубокой, — неслась навстречу вечернему ласковому солнышку и теплой ночи по улицам южного городка; не помню, как я забрел в район бывшего Черноморского вокзала, откуда стреляла пушка, убившая генерала Корнилова, и лишь тогда опомнился.

Потом, читая роман и слушая рассказы писателя о себе, я познакомился воистину с ненаписанными воспоминаниями Виктора Лихоносова о том, как он решился, не будучи кубанским казаком, писать о казаках (тут помогли ему запорожские корни); как не пустили его собраться по перу в Париж, а теперь ежели пустят, что толку, когда все перегорело и как-то само собой сложилось, а туристом, ротозеем ехать не хочется...

Он нашел выход для себя: живя на деньги от переизданий своих ранних рассказов и повестей, заперся в госархиве и подбирал материалы к историческому роману, какой думал написать к старости, и объезжал по станицам доживавших свой век стариков... Воистину был занят ловлей ветра в поле!

«...Сижу. Ночь. Все давно спят. Люди живут с людьми, а я с героями. Какое роковое счастливое наказание мне — писать о том, что должны писать прирожденные кубанцы! Рок выбрал меня. Сижу, разговариваю с Толстопятом, Костогрызом, Попсуйшапкой. Чаю им налью. Попсуйшапка не курит, а с Костогрызом можно и люльку запалить. Так будет до того часа, пока не закончу роман...»

Есть ли у Лихоносова любимый герой, со всей определенностью сказать трудно. Быть может, это исчезнувшее время?

С высоты требований XIX века можно сказать, что такое вредящее гармонии увлечение фоном есть существенный недостаток.

Минувший век, однако, не задавал писателям и таких «просветительских», внеэстетических задач, как наш, ибо реалии, фон, табель о рангах оставались устойчивыми, узнаваемыми.

Если Лермонтов оставлял всю Кавказскую войну за пределами «Героя нашего времени», читатель все же легко мог догадаться, в каких «экспедициях» побывал его герой на Кавказе. Писателю не нужно было утруждать себя тем, что за него воссоздавали второстепенные писатели, мемуаристы, журналисты.

Меж нами и Толстопятом пролегла пропасть. Казачья старина ушла в небытие — двенадцати казачьих войск как не бывало. Какой была в подробностях и мелочах, в живом течении жизни Казакия — нам не понять. Нам нужно слишком многое объяснить, чтобы мы поняли ту действительность, те нравы и обычаи, тот этикет. Ну, например, поверили хотя бы в то, что офицер Конвоя мог пить чай в одной комнате с царем и оставаться внутренне независимым, зная и уважая свое место в обществе и на государевой службе. Да что там говорить!..

Если б мы знали и держали в голове необходимый минимум литературы о кубанском казачестве — воспоминания Петина о Конвое или обстоятельное исследование Галушкина «Конвой Его Императорского Величества», вышедшее в 1961 году в Сан-Франциско; двухтомник профессора Щербины о кубанском казачестве; книгу И. Д. Попко «Черноморцы в военном и гражданском быту», «Черноморский побит» атамана Кубанского войска Якова Кухаренко, очерки В. Пассека, Квитки-Основьяненко, если бы знали хоть одно стихотворение Головатого, написанное белой краской на памятнике запорожцам-переселенцам в Тамани «Ой, годи нам журитися, пора перестати...», — роман Виктора Лихоносова был бы изящнее, стройнее, Луке Костогрызу не пришлось бы порой не в меру щедро одаривать нас историческими побрехоньками!..

Кто услышит его? Кому нужна эта запутанная, темная Кубанская история? Лихоносовской Настеньке?.. Не проще ли отмести ее и погрузиться — мы же интеллигентные люди! — в Карамзина, Ключевского и Костомарова, а для поддержания местного патриотизма отыскать в «Повести временных лет» место о храбром Мстиславе Тмутараканском, победившем Редедю в этих краях, о летописце Никоне, неплохо писавшем о Кубани-Тмутаракани (как нас учили в средней школе).

И кому посочувствует она, эта милая девочка, — Бабычу, Сорокину, Лавру Корнилову или царской семье?

Да и нужно ли ей возвращаться по выжженному пустырю к первоистокам нашего беспамятства?

Казачий уклад рухнул, нить памяти истончилась настолько, что ныне казачий фольклор собирают, а казачьи обычаи изучают. Куда уж дальше!

Все распадается у нас на глазах и возрождается лишь в грезах, в каком-то торжестве, будь то открытие памятника запорож-

ским переселенцам в Тамани или первомайский парад в Краснодаре.

Единство размытой жизни размытому сюжету придает лишь разнонаправленная устремленность действия из крайних точек к некоему духовному источнику, сплетающему линии и лица. эпохи и, словно через выжженный пустырь беспамятства, ведущему к иным, открывшимся пределам, каким не страшен и огонь, — к овеянной преданием родной истории.

Искусно, по-гётевски, приглушаемая поэзией правда предстает перед читателем как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», вместо реальной, страшной, кровавой истории Кубани дается опоэтизированная, осмысленная по-лихоносовски, в элегически приподнятом ключе жизнь; и этой поэтической подменой действительности, этим заманиванием в некую тайну, как «Портрет неизвестной», достигается разрядка действия — катарсис, но не трагический, как у Шолохова, или комический, как в «Конармии» или «Свадьбе в Малиновке», а гармонический — в духе «Фауста» Гёте, «Бедной Лизы» Карамзина, «Капитанской дочки» Пушкина. Времена соединяются из верхнего и нижнего рядов — аккордом, уничтожая контрапункт.

Разматывая клубок русской истории на Юге России, не отменяя ни строгий суд Григория Мелехова, ни приговор извозчика Терешки, ни самоприговоры Бурсака и Толстопята, ни прежние оценки знаменитых пролетарских писателей, прозревая и видя, а вернее — не пытаясь уже не замечать н а р о д н ы е страдания по обе стороны баррикад, вслед за Манечкой Толстопят сочувствуем даже нередко едва ль не третьей стороне, мы все-таки никак не можем уйти от приговора самой реальности, от страшного суда истории, от имени которой в числе немногих имел право говорить Николай Рерих. В пьесе «Милосердие», написанной в период с 1 по 12 ноября 1917 года на вечный для литературы и интеллигенции вопрос о преступлении и наказании, Николай Рерих ответил: «Преступление противу знания самое тяжкое. После него молчит милосердие».

Вслед за великим Шолоховым Виктор Лихоносов — вместе с Георгием Степановым и Анатолием Знаменским — в меру сил и возможностей, в меру открывшегося им знания попытались искупить одно из самых страшных наших преступлений на земле — против знания, после которого молчит милосердие. Но разговор о двух других романах, дополнивших лихоносовский (или, наоборот, как будет угодно), — впереди!

Двадцатый век милосердие — отменил. Что ждет нас, будет видно.

19 $\frac{17}{X}$ 88. ст. Тамань — Краснодар — ст. Новокорсунская

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

От героической эпохи Отечественной войны 1812 года нас отделяет уже более 175 лет. Страна наша за эти почти два столетия пережила очень многое, была и новая Отечественная война, несравнимо более страшная и опустошительная. В эти суровые годы, когда нужно было стоять насмерть и победить, защитники Родины брали на вооружение не только автоматы и пушки, самолеты и танки, но и — свою Историю, прошлое народа, подвиги его сынов и дочерей. Солдат и генералов Отечественной вели в атаку на врага любовь к отчизне, образы героев-предков, и среди них — гренадеров и кирасиров, егерей и гусар Кутузова и Барклая де Толли, Багратиона и Дохтурова, Раевского и Неверовского. Солдаты дивизии Полосухина, вставшие при Бородине на пути новых завоевателей, с гордостью могут считать себя правнуками героев 1812 года.

К юбилею 175-летия славного подвига опубликовано немало книг и статей; среди них обращают на себя внимание два сборника издательства «Молодая гвардия». В одном из них — он назван составителями (В. Володин и В. Левченко) «Недаром помнит вся Россия» — словами знаменитого лермонтовского стихотворения «Бородино» — собраны отрывки из воспоминаний, писем, литературных произведений участников, современников событий. Олег Михайлов во вводной статье подчеркнул принципиальную разницу двух личностей и военных стратегий — Кутузова и Наполеона. Французский император, полководец и государственный деятель, — деспот, глубоко презиравший людей, в том числе и боготворивших его солдат. Что стоят, например, его слова, сказанные провожатому во время бегства из России, при виде тонущих в Березине

Недаром помнит вся Россия. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., «Молодая гвардия», 1987.

Герои 1812 года. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1987.

французских солдат: «Посмотрите на этих жаб!»

Неудивительно, что и сам император, и его маршалы были уверены в быстрой победе над Россией и своем триумфальном шествии по улицам Москвы и Петербурга с ключами от города, поднесенными «московскими боярами». Ведь подобные сцены не раз сопровождали их в других странах Европы, молниеносно разгромленных и поверженных в прах.

В России их ждало совсем другое — народ, вставший грудью на защиту своих очагов и святынь, армия и выдающиеся полководцы, истинные сыны России, во главе со старым и мудрым Кутузовым. С полным основанием называет его народ Спасителем Отечества. Во время войны с нашествием «двунадесяти языков» он опирался на полное доверие народа и пользовался неограниченной властью. Соединение осторожности и хитрости, интуиции и расчета, мудрого, чисто народного ума достаточно ярко характеризует его личность, незаурядную натуру.

То, что Кутузов делал в 1812 году, он обдумывал, «репетировал» задолго до этого — например, в войнах с тем же Наполеоном в позорные дни Аустерлица (1805 г.), когда император Александр I, «властитель слабый и лукавый» (Пушкин), возомнивший себя полководцем, не послушал мудрого совета Кутузова («Дайте мне отвести войска к границам России, и там, на полях Галиции, я погребу кости французов») и проиграл сражение в полях Австрии. Эта кутузовская стратегия хорошо «сработала» в кампании против турок в 1811—1812 годах — полководец, разбив армию великого визиря Ахмед-паши, не стал ее преследовать, даже приказал русской армии отойти на левый берег Дуная. Отступление русских ввело турецкого главнокомандующего в заблуждение и искушение: Ахмед-паша переправил свою армию через Дунай и попал в окружение под Слободзеей. Последовали болезни и голод. Окончилось все капитуляцией.

Кутузов, отличавшийся, помимо прочего, чувствительностью и сентиментальностью, «часто плакал, — по его словам, — из-за турок», умиравших от голода. «Но, признаюсь, — продолжал он в письме к дочери, — из-за французов не проливал ни одной слезы»; сказано это в ту пору, когда русская армия гнала на запад «супостатов», и они массами гибли, в том числе и от голода. Полководец, ставший в это время, по сути, представителем народа, выражал его отношение к захватчикам, вторгшимся в Россию. Материалы сборника, будь то воспоминания русских современников или французов — участников похода в составе «Великой армии» Наполеона, с самого начала дают представление об этой позиции народа, его твердой решимости дать отпор непрошеным пришельцам. Французам, перешедшим Неман 12 июня 1812 года, казалось, что их будут встречать как освободителей. Но они не услышали, как писал Ф.-П. Сегюр, один из наполеоновских генералов, «радостные клики литовцев»; «день наступил! Он осветил только горячий пустынный песок и угрюмые темные леса!». Другой генерал, Г. А. де Дедем, записал в своих мемуарах, что среди генералов главной квартиры императора во время переправы «царило мертвое молчание, походившее на мрачное отчаяние. Я позволил себе сказать какую-то шутку, но генерал Коленкур, брат обер-шталмейстера, впоследствии убитый при Бородине, сказал мне: «Здесь не смеются, это великий день». Вместе с тем он указал на противоположный берег, как бы желая прибавить: «Там наша могила».

Свидетельства, приводимые в сборнике, шаг за шагом описывают отход русской армии на восток, героические оборонительные сражения, в том числе у Смоленска, Бородинскую битву, оставление Москвы и тарутинский марш-маневр, преследование остатков «Великой армии», ее поражение и гибель в полях и лесах России, ставших могилой захватчиков. Победа была подвигом народа. Об этом написал другой француз, Г. Фабер, правда, служивший не Наполеону, а России, в ее МИДе: «Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она — вся в ощущении... Решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение-молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом; вот в чем сила этой молнии... Победить или быть побежденным, середины для русских не существует».

Любовь к Отечеству, стремление победить «супостата» или умереть на поле брани подвигали всех — от солдата до фельдмаршала — на священную войну с наполеоновским нашествием. Об их подвигах мы знаем со школьной скамьи, в ленинградском Эрмитаже в волнении стоим перед портретами героев в Галерее 1812 года. О них написаны научные труды и романы, и самый великий из них — «Война и мир» Льва Толстого. Немало создано биографических произведений, фонд которых недавно пополнен новой книгой — серией биографических очерков о выдающихся полководцах, командирах, партизанах той незабываемой эпохи «Герои 1812 года».

Один из очерков рассказывает о Михаиле Богдановиче Барклае де Толли — замечательном полководце и человеке, мужественном и честном, суровом и прямодушном. Его величие и трагедия — в подвиге во славу России, не во всем оцененном современниками. Потомок шотландских баронов Беркли оф Толли, род которых прослеживается с XI века, в России, на верность которой присягнул прадед Михаила Богдановича во время Северной войны, они стали Барклаями де Толли. Участник войн с Турцией, Швецией, он проявил себя как храбрый командир, демократически настроенный, убежденный противник палочной дисциплины. В войнах против Наполеона он показал себя с самой лучшей стороны — бесстрашным, хладнокровным, верным долгу. В битве у Прейсиш-Эйлау 1807 года был тяжело ранен. Год лечился в Мемеле, и здесь, во время вынужденного бездействия, он, как и Кутузов, размышляя о будущей новой войне с Наполеоном, приходит к выводу, что тактикой борьбы с ним должно быть заманивание вражеской армии в глубь России, распыление ее сил, разгром захватчиков по частям. Об этом

плане и пророчестве Барклая (французы получат, мол, вторую Полтаву) стало известно Наполеону.

Пророчества о новой Полтаве как результате отступательной тактики русских Наполеон, его маршалы и министры слышали не раз перед началом «русского похода». Но победная звезда императора, как им всем казалось, вела его вперед, к очередному триумфу. Героическое же сопротивление русского народа, бесстрашие и несгибаемость солдат и генералов привели «Великую армию» и ее полководцев к позорному поражению. В победный исход Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813 года внес достойный вклад и Барклай де Толли.

Величественная и трагическая фигура Барклая де Толли не может не вызывать, говоря словами А. С. Пушкина, «удивления и поклонения», которых он «вечно достоин». Он же сказал о нем: «Барклай... останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»; «стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории».

Это «замечательное лицо» открывает в рецензируемом сборнике целую галерею полководцев, героев Отечественной войны 1812 года. Среди них — донской атаман Платов, лихой кавалерист, выдающийся военачальник. Авторы очерка (М. Астапенко, В. Левченко) рассказывают о его службе, подвигах в войнах с Турцией и с Наполеоном. Как и у других героев (а их эпоха Суворова и Кутузова породила немало), вершиной его военной службы и доблести стали Отечественная война и заграничный поход. Уже в самом начале войны, в июне, он громит шесть полков французской кавалерии у местечка Мир. Участвует, и очень успешно, в других сражениях. При Бородине фланговый удар его полков и кавалерии Уварова принес немало хлопот и беспокойства Наполеону, сыграл немалую роль в исходе битвы. И впоследствии казаки Платова до отчаянности храбро сражались в арьергарде при отступлении русской армии через Москву и Тарутино, во время контрнаступления — под Малоярославцем и Ельней, Вязьмой и Духовщиной, Красным и Вильно. Сила их ударов была такова, что Наполеон, бросивший свою армию, признал:

— Дайте мне одних лишь казаков — и я покорю всю Европу.

После окончания войны на Платова посыпались награды и почести чуть ли не всех стран Европы. Популярность его была исключительной.

В последующих очерках столь же живо и интересно описаны подвиги других полководцев. Генерал Дохтуров, отличившийся уже в войне со Швецией в конце XVIII века, во время кампании 1805 года против Наполеона разгромил вместе с корпусом Милорадовича войска маршала Мортье у австрийского города Кремса. Позднее храбро и умело действовал у Аустерлица, Прейсиш-Эйлау и Фридланде, сыграв большую роль в спасении главных сил русской армии. В начале Отечественной войны Дохтуров, командуя корпусом, стоявшим на левом крыле 1-й армии, с боями отступал на восток, героически дрался у Смоленска, где он сменил корпус Раевского и дивизию Неверовского, которая незадолго перед тем в кровопролитных сражениях у Красного сдерживала натиск всей армии Наполеона. В Бородинском сражении именно он, после смертельного ранения Багратиона, принял командование левым флангом русской армии.

Насмерть стояли Дохтуров и солдаты его дивизий в кровопролитнейшем сражении у Малоярославца. Восемь раз город переходил из рук в руки. Дохтуров был в самых «горячих точках». Адъютант, который просил его поберечь себя, подумать о жене и детях, услышал от него:

— Моя жена — это честь, а дети — солдаты. Наполеон хочет пробиться, но он не успеет или пройдет по моему трупу.

Сегюр, упомянутый выше, позднее напишет: бой под Малоярославцем развеял наполеоновские планы «завоевания вселенной». Сам Дохтуров, преследовавший врага во главе одной из колонн русской армии, с гордостью сообщал домой после победы под Красным:

— Мы преследуем неприятеля, который бежит как заяц.

— Великий Наполеон бежит, как никто еще не бежал.

Нельзя без волнения читать очерки о легендарных подвигах Раевского и Остермана-Толстого, Коновницына и братьев Тучковых, Кульнева и Неверовского, партизан Сеславина и Курина. Их бесстрашие и любовь к Отечеству, честь и благородство, высокий патриотический порыв вписали незабываемые страницы в летопись истории России. Сборник, в котором все авторы — молодые литераторы, пришедшие в литературу в восьмидесятые годы, — новое и важное пополнение литературной портретной галереи героев 1812 года, дань восхищения и благодарности потомков нашим великим предкам.

В. БУГАНОВ

БУДУЩЕЕ КОМИССАРА ЛАВРОВА

Семен Акимович Лавров, замещая военкома уезда, приказал выставить пушки против взбунтовавшихся крестьян из села Красная поляна. Накануне краснополянцами был перебит продотряд — «терпенья не хватило вытерпеть», — и теперь возбужденная толпа чем попало вооруженных бунтовщиков шла на уездный городок. И вот — «пулеметная очередь, треск залпа. Пушка выстрелила. На мосту и перед ним будто кто-то прокатил по толпе катком. Давка. Пулемет продолжает стрелять. Пушка подпрыгивает, снова бьет. На мосту уже ни одного живого нет. Огонь переносится глубже, бьет по лугу». Это были односельчане Семена Лаврова.

Представленное в первых главах романа С. Рыбаса «Крепость» побоище было, если так можно выразиться, рядовым и, по-видимому, не самым драматичным из бес-

Святослав Рыбас. Крепость. Роман. М., «Советский писатель». 1988.

численных столкновений русских людей между собой в период становления нового строя.

В бегущей на него толпе Лавров видел родственников и многих знакомых, «с кем когда-то рос».

Молодой комиссар не был ни оголтелым леваком, ни мстительным изгоем. Выходец из батраков, он учился «по агрономической части», сразу принял идеи революции и теперь выполнял гражданский долг, как его понимал. Революция гибла от голода, надо было добыть хлеб. «Сможет Красная поляна стать выше страны? — вопрошал он «жалельщиков» и твердо отвечал: — Никогда не сможет! И тысяча таких Красных полян не сможет». Для того времени было характерно, когда один убежден, что он более прав, чем остальные восемьсот. Семен Лавров не раскаивался в своих действиях, но и односельчан особо не винил — знал, как тяжело крестьянину отрывать от себя нажитое. Врагом была собственность, она мешала «темному мужицкому миру» понять необходимость социальных изменений. «Мы научим, что нельзя цепляться за родной угол», — энергично и искренне обещал Семен Акимович мужицкому миру. Будущее, несомненно, должно было подтвердить историческую правоту Лаврова.

В романе «Крепость» мы имеем возможность посмотреть на это будущее: сюжет довольно скоро переносит нас в знакомые обстоятельства последних двух десятилетий, изображенные автором без всякой оглядки на давние драматические события (что даже странно), то есть без малейшей назидательной указки. Надо думать, что пять, шесть десятилетий достаточно, чтобы определились самые дальновидные социальные предположения, что именно во внуках и правнуках Лаврова проявилась «будущая жизнь», ради которой молодой комиссар навел артиллерийские орудия на Красную поляну. Но сначала о нашем герое. В произведении опущен «сталинский период» его жизни — эпоха эта, по общепринятому разумению, не способна оправдать никакие цели. Теперь все более распространяется мнение, что 30—40—50-е и т. д. вплоть до середины 50-х — это время извращений изначально светлых и верных социальных и экономических идей. Но взгляните на престарелого Лаврова: он все тот же «железный революционер», каких немало было в его поколении. Семен Акимович и не подозревал об «извращениях», словно и не видел их. За долгую жизнь он ни разу не усомнился в верности о б щ е й л и н и и и ни разу не изменил своим убеждениям. Будучи секретарем райкома, на протяжении десятилетий он последовательно добивал однажды выявленного врага, а именно, без устали, сначала пушками, затем райкомовскими полномочиями штурмовал и разрушал крепость крестьянской собственности. Когда-то ее называли рассадником мелкобуржуазной заразы, потом перестали называть, но л и н и я осталась. Этих устремлений и связанных с ними идеалов оказалось вполне достаточно, чтобы оправдать существование, образовать стержень лавровской жизни. Однако этот идейный стержень нисколько не крепил потомков Семена Акимовича. Поколения младших Лавровых идут по жизни известным, обычным для нашего современника путем: в юности «бесятся», «выказывают характер», потом женятся, служат: заканчивают институты, строят дачи. О них нечего было бы сказать, если бы рядом не присутствовала целеустремленная фигура старика, «вечного комиссара». Ощущение пустоты, отсутствие смысловой опоры, большой захватывающей цели — вот с чем сталкиваются потомки Лаврова, едва они начинают осознавать себя. Истины и идеи, открытые и принятые для себя патриархом большой семьи, не годились его внукам. Их судьба — это цепь случайных событий. Они все «выбиваются в люди». Внук Владимир становится инженером-строителем, его жена — юристом. Другой внук — врачом и т. д. Но в институты они идут не по осознанному призванию, не по гражданским устремлениям, а скорее из чувства самосохранения, от неприкаянности — надо же занять какое-то место в обществе, не идти же землю копать. Следует заметить, что люди эти по природе своей весьма деятельны. Они энергично берутся за всякое новое дело и почти всегда доводят его до конца. (Вообще говоря, энергичный человек очень характерен для прозы С. Рыбаса.) Строитель Владимир Лавров вводит на своем участке бригадный подряд, когда это новшество еще зажимали со всех сторон. Председатель совхоза Сергей Сенаторов наживает шишки в экспериментах с посевными площадями. Журналист районки Игорь Жуков едет в Москву, чтобы помочь Сенаторову. Но стоит им остановиться, оглядеться, как этих деятельных людей настигают мысли, совершенно чуждые комиссару Лаврову.

«Зачем я живу? — думал Игорь. — Есть я или нет меня, это важно только моим близким, особенно дочке, потому что она еще беспомощна. А любовь? Ты хочешь любви? Но ведь главное не любовь, что-то другое».

Подобные сокровенные ощущения, что «жить нужно как-то иначе» (Сенаторов), что «работа почему-то мало задевает основу их жизни» (Геннадий Козловцев), что нет в жизни «главного» и оттого томительно «хочется чего-то», все это говорит о том, что из жизни вынут мобилизующий, выстраивающий человеческую судьбу идеал, что под ногами нет сколь-нибудь твердой почвы и что на пространстве вокруг них царит плоское, обывательское, бесцельное существование. Дельные и беспокойные натуры, они могли бы принести обществу много пользы, но ведь невозможно отдавать делу все силы и в то же время вопрошать, подобно Сергею Сенаторову, руководителю огромного коллектива работников: «Покажите, куда мы идем!» И это все не худшие, достаточно образованные, осознающие себя и общественную атмосферу личности. Общий же социальный климат оценивается ими довольно мрачно (и, надо сказать, справедливо): «Все шире распространялось мнение, что абсолютных ценностей нет, что все в мире относительно и небесконечно от самой Солнечной системы и до существования человечества. Все больше появлялось людей, живущих одним днем, подобно не отягощенным никаким

прошлым бройлерам. Все заметнее делалась практическая бесполезность многих человеческих привязанностей, из числа которых привязанность родственная, потеряв функцию помощи в трудную минуту, стала чуть ли не пережитком патриархальщины».

По книге нельзя, однако, заключить, что С. Рыбас задался погрузить читателя в беспросветное отчаяние, что создавалась она лишь ради горькой, жестокой правды. Скорее напротив, писатель спешит если не обнадежить современника, то поделиться с ним наблюдениями над живыми, здоровыми, на его взгляд, явлениями, которые то там, то здесь взламывают тягостную беспросветность. Правда, наблюдения эти очень обрывочны, мимолетны. Повествование знакомит нас, например, с сельским пареньком Альбертом Горячевым — вначале хулиганом и пьяницей, потом организовавшим из своей «пропащей компании» подрядное звено и ставшим на своих полях «настоящим хозяином». Роман «Крепость» был закончен, как указывает автор, в 1985 году. За три последних года явления, описанные в романе, разрослись, занимают особое место в нашей действительности. Высказывания, произнесенные героями «Крепости» декларативно по поводу перемен в селе, вроде «Дайте народу землю, наступит очищение», — эти соображения принимаются обществом теперь почти безусловно. Приходится по камешку восстанавливать ту крепость крестьянского мира, которую всю жизнь разрушал комиссар Лавров.

Евгений БУЛИН

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ, Т. КОРСУНСКИЙ Б. Л.?

В № 11 за 1989 год редколлегия, редакция и партийная организация журнала «Молодая гвардия» напечатали «Открытое письмо тов. Б. Л. Корсунскому, первому сакратарю обкома КПСС Еврейской автономной области» по поводу его выступления на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, в котором он обвинил наш журнал в пропаганде антисемитизма. Обвинение это Корсунский Б. Л. не подкрепил ни единым фактом, ибо сдалать это было невозможно, так как журнал никогда не занимался и не занимается таким грязным делом. Поэтому мы с полным основанием назвали Корсунского Б. Л., использовавшего высокую партийную трибуну для своих голословных, абсолютно бездоказательных обвинений журнала в антисемитизме, клеветником.

Тов. Корсунский Б. Л. на это совершенно логичное и точное определение его сути почаму-то обиделся, что стало ясно из его «Ответа» в редакцию на наше «Открытое письмо». Ответ Корсунского Б. Л. мы публикуем от буквы до буквы, позволив себе прокомментировать некоторые особенно демагогичаские и снова клеветнические места.

г. Биробиджан Хабаровского крвв № 200 от 2 декабрв 1989 г.

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ, РЕДАКЦИИ, ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Уважаемые товарищи! Очень жаль, если опубликованные в вашем журнале (№ 11 за 1989 г.) телеграмма в Политбюро ЦК КПСС и открытое письмо в свпзи с моим выступпением на сентябрьском Пленуме ЦК нашей пертии являютсв выражением мне-

ния всех коммунистов и членов творческого коллектива «Молодой гвардии». Но скажу прямо и откровенно, меня это нисколько не удивило. Было бы политической наивностью ожидать, что руководство журнала откажется от линии, последовательно проводимой в течение длительного времени, несмотря на осуждение ее в широких кругах советской общественности».

Это от какой же линии мы, т. Корсунский Б. Л., по-вашему, не хотим отказаться? Снова пропаганду антисемитизма имеете в виду? Да приведите же доказательства! Ну хотя бы один факт. Если он у Вас есть, что же Вы держите его, как горячую картофелину во рту? Выплюньте ее, а то ведь обожжет...

Но Корсунский Б. Л. не «выплевывает», ибо нет у него такого факта.

Далее, пишете Вы, эту линию (несуществующую! — если говорить о той «линии», которую Вы, т. Корсунский, имеете в виду, осуждают «широкие круги советской общественности». «Широкие» — и все тут! Ну а насколько — широкие? И насколько — советские? Если бы Вы написали: «широкие круги сионистской общественности» — это было бы верным. Сионисты действительно осуждают интернационалистическую, патриотическую, гражданственную, партийную, если хотите, т. Корсунский Б. Л. (ведь Вы все же партийный работник, да не какой-нибудь там рядовой), линию нашего журнала.

А что касается советских кругов — так линию нашего журнала особенно яростно осуждает сейчас вся подведомственная, подчиненная Вам — как в старые времена! — областная пресса, которая в связи с публикацией нами «Открытого письма», как по команде, подняла откровенный русофобский шабаш. И тон ему задал не кто-нибудь, а второй секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Р. Сандик своей статьей в газете «Биробиджанская звезда» от 10.12.89 г., озаглавленной: «И все-таки верю: разум победит!»

И мы верим в это, тов. Сандик.

Но вернемся к «Ответу» т. Корсунского Б. Л.

«Более того, возражения против предъявленного обвинения вы использовали как очередной повод для того, чтобы повторить свои выпады и оскорбления в мой адрес, вновь продемонстрировать предубежденность, предвзятость и враждебность к евреям нашей многонациональной страны».

Из этого места Вашего «Ответа» видно, что Вы, т. Корсунский Б. Л., упорствуете в своей лжи, сознательно выдавая собственные клеветнические заявления за обвинения в наш адрес. Более того, Вы как бы отождествляете себя с евреями, к которым мы, по Вашему мнению, продемонстрировали «предубежденность, предвзятость и враждебность». Не слишком ли смелые выводы Вы делаете?

Вы, как известно, русский (см. «Известия ЦК КПСС» № 9 за 1989 г.). Но это почему-то не стало основанием утверждать, что мы предвзяты и враждебны к русскому народу. Что ж не порезвились, что помешало Вам, т. Корсунский Б. Л.? Осторожность, перестраховка или понимание того, что подобная провокация не пройдет и будет поднята на смех читателями всех национальностей нашей страны? Однако, если бы Вы были и евреем, почему

любое неугодное Вам, т. Корсунский Б. Л., слово правды или слово критики в Ваш адрес непременно должно тем самым бросать тень на других евреев? А ведь иной логики Вы не признаете.

Задавая эти вопросы, мы как прежде, так и теперь не допускаем мысли, что наш журнал может позволить себе выпады или оскорбления по отношению к еврейскому народу. Не хотим мы этого и в отношении Вас, т. Корсунский Б. Л. Но задумайтесь, не демонстрируют ли Ваши, т. Корсунский Б. Л., рассуждения весьма устойчивый в обывательской среде, весьма распространенный стереотип не еврейского, а именно сионистского мышления? Сионистам неважно, кто вы по национальности, но важно любое критическое замечание в адрес конкретного еврея преподнести как хулу на весь еврейский народ. Так разжигается русофобия. Неужели Вы, т. Корсунский Б. Л., не понимаете этого?

Далее Вы пишете:

«Тенденциозность, односторонность приводимых цифр и фактов бросаются в глаза любому беспристрастному читателю. Они заводят так далеко, что, говоря о репрессиях 37—40-х годов, вы не упоминаете даже ни Сталина, ни большинство его соратников, ни одиозное имя Ежова».

В нашем «Открытом письме», мы, повторяем, назвали Вас тем, кем Вы предстали перед всеми в своем выступлении на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. И Ваши новые утверждения, т. Корсунский Б. Л., что приводимые нами цифры и факты тенденциозны, — тоже плод Вашего больного или весьма раздраженного воображения. Мы ведь привели реальные факты и конкретные цифры национального состава правительств послереволюционного и предвоенного периодов, ответственных за массовые репрессии, за моря пролитой человеческой крови, в которых лица еврейской национальности составляли не просто большинство, а абсолютное, подавляющее, преступное, если хотите, большинство. Историю ведь не переделаешь, так было! А т. Корсунский Б. Л. все трендит (есть такое русское выражение!) одно и то же — «тенденциозность, односторонность приводимых цифр и фактов», которые-де «бросаются в глаза любому беспристрастному читателю».

Нет, «любому беспристрастному читателю» бросается в глаза другое — т. Корсунскому Б. Л. почему-то сильно не нравится обнародование подобных цифр и фактов. Так-то он вроде и за гласность, провозглашенную ныне партией и народом, но только, как видим, не в этом специфическом почему-то для него вопросе.

Ну и нелеп, конечно, упрек, что мы-де, говоря о репрессиях, не упоминаем Сталина, ни большинство его соратников, ни одиозное имя Ежова...

Большинство соратников Сталина, ответственных за кровавые репрессии, за геноцид народов, прежде всего русского народа, мы как раз назвали. Повторить? Это... Ну, ладно, на сей раз не будем. Скажем лишь, что это в подавляющем большинстве лица еврейской национальности. Что же делать, если это было именно так?! Опять кроить и перелицовывать историю на Ваш, что ли, вкус, т. Корсунский Б. Л.? Тогда не лучше ли было Вам с трибуны Пленума ЦК КПСС открыто заявить, что Вы являетесь противником гласности, что Вам не по нутру разоблачения преступлений «тира-

ив всех времен и народов» и его, по сути, однонациональной клики? Может быть, тогда «широкие круги советской общественности» лучше бы поняли, чего Вы хотите, т. Корсунский Б. Л., чего добиваетесь.

А Сталина и Ежова в том «Открытом письме» мы действительно не назвапи. Нам как-то не пришло в голову, что отсутствие этих имен в нашем письме даст т. Корсунскому Б. Л. повод обвинить нас в антисемитизме. Извиняемся перед т. Корсунским Б. Л., хотя в десятках других публикаций Сталин и Ежов за совершенные ими преступления разоблачаются нами так же беспощадно.

Вернемся, однако, к цитированию «Ответа» т. Корсунского Б. Л.

«Не стану полемизировать по отдельным вашим утверждениям. «Документальные факты», как вы выражаетесь, которые подкрепляют мои выводы, в избытке представлены на страницах «Молодой гвардии», и вам о них известно лучше, чем кому-либо.

И все-таки не могу удержаться от реплики и согласиться с тем, что «у этого народа, как известно (!), нет своего рабочего класса и трудового крестьянства» («Молодая гвардия» № 5, 1989 г.). Могу только предложить автору его — Г. В. Матвеец повторить эти слова перед рабочими объединений «Дальсельмаш», «Биробиджанстрой» и чулочно-трикотажного, завода силовых трансформаторов, в колхозе «Заветы Ильича» и других».

Вот ведь как! Не станет, то есть не хочет, не желает полемизировать т. Корсунский Б. Л. с нами, ибо «документальные факты», которые подтверждают (якобы!) его выводы («его выводы» — где? на Пленуме ЦК? В его «Ответе»? Впрочем, это одно и то же, ибо и то и другое равно бездоказательно), в избытке представлены на страницах «Молодой гвардии».

Получается, по Корсунскому, что на страницах журнала эти факты представлены. Да еще в избытке. В природе же таких фактов нет. Ни одного!

В своем «Ответе» — поясним это читателям — т. Корсунский Б. Л. не соглашается с высказыванием одного из наших авторов, что у евреев нет своего рабочего класса и трудового крестьянства. Предлагая «повторить эти слова перед рабочими объединений «Дальсельмаш», «Биробиджанстрой», чулочно-трикотажного, завода силовых трансформаторов, в колхозе «Заветы Ильича»... и других», т. Корсунский довольно угрожающе намекает, то там-то, мол, и предстанут перед вами необозримые, во всяком случае — внушительные массы рабочих и крестьян еврейского происхождения.

От такого угрожающего предложения мы, признаемся, оторопели, даже испуганно затоптались на месте. А если в самом деле автор наш не прав — куда же журналу от стыда деваться? Но все-таки поинтересовапись конкретным положением дел. И что же выяснилось? А выяснилось, что, по данным 1989 года, рабочих еврейской национальности было: на заводе «Дальсельмаш» — 346 человек, или 11,5% от всех работающих на этом предприятии, на объединении «Биробиджанстрой» — 287 человек, или 9% всего коллектива, на чулочно-трикотажной фабрике — 223 человека, или тоже 9%, на заводе силовых трансформаторов что-то около 200 человек. Такая же картина и на других предприятиях. Так что зря мы слова т. Корсунского Б. Л. приняли за чистую монету.

А вот за колхоз «Заветы Ильича» пока ничего сказать не можем. Не могли мы установить, сколько там сельхозтружеников еврейского происхождения. Известно, только из данных переписи 1979 года, что всего в области числилось тогда колхозниками 74 еврея, что составляло 2,7% от всех колхозников области. Из них овощеводов-бахчевиков аж 14 человек, доярок — 6, телятниц — 5, свинарок — 1, пчеловодов — тоже 1. Остальные — руководящие работники.

Еще нам стало известно, что в 1989 году из Биробиджанской области выехало в Израиль 13 человек. Кто конкретно выехал, мы уточнять не стали, но вполне могло случиться, что область теперь осталась без единственной свинарки и могучие ряды других животноводов поредели.

«Полемику с вами полагаю бесцельной, — заявляет далее т. Корсунский Б. Л. в своем «Ответе», **— и вот почему. Любой спор имеет смысл, если участники его готовы слушать не только себя, но и оппонента. В данном случае этого необходимого условия нет: ваша позиция определена, и ее, как видно, поколебать трудно.**

Остается только выяснить главный вопрос: кому она выгодна? В чем ее политический смысл и цель? Неужто в том, чтобы вести дело к «возникновению острых коллизий», как говорится в приведенной вами цитате из платформы КПСС по национальной политике! Мой ответ таков. Под прикрытием гласности, под флагом борьбы с русофобией ваш журнал ведет непристойную политику, истинной целью которой является: помешать революционной перестройке нашего общества на началах демократии, социализма и подлинного интернационализма. Но такая политика, как и всякий национализм, в конечном счете противоречит интересам того народа, который она вкобы представляет.

Как коммунист, отвергаю любые формы национализма и шовинизма, в том числе русофобии и антисемитизма, от представителей какой бы нации и народности они ни исходили».

Ну, насчет нашей позиции это Вы, т. Корсунский Б. Л., правильно, она еще раз определена нами выше, и Вам не просто трудно, но вообще ее не поколебать. А все остальное в последней цитате вашего «Ответа» — сплошная и высокопарная демагогия. Ишь какие там, в этой зловредной «Молодой гвардии», деятели собрались — и непристойную политику ведут, и цель свою упрямо держат — помешать, да и все, революционной перестройке. Слышали мы все это уже. И читали не раз. В «Огоньке», например. Наверное, т. Корсунский Б. Л., Вы являетесь его постоянным подписчиком...

Как коммунист, говорите, Вы отвергаете любые формы национализма и шовинизма, в том числе русофобии... Ну, т. Корсунский Б. Л.! Зачем уж так картинно бить себя кулачком в грудь? Ежели отвергаете — что же тогда не уймете националистический, русофобский шабаш в вашей областной прессе? Так что, скажем мы Вам на это — увы...

«Хочу еще раз повторить слова, сказанные на Пленуме ЦК. Пора всем нам понять, что мы дети одной великой страны, вносящие свой посильный вклад в ее развитие и во благо ее. Пасынков и отверженных в ней быть не может, ибо это противоречит прин-

ципвм гуманного, цивилизованного обществв, и тем более партии коммунистов, членами которой мы с вами являемся. Это мое твердое убеждение, моя жизненная, партийнвв позиция».

Вот тут Вы, т. Корсунский Б. Л., правы — пасынков и отверженных в нашей стране быть не должно. Правы, опять же, только на словах. А на деле? Ух, как Вы рассердились, когда «Молодая гвардия» в одном из материалов покритиковала некоего поэта В. Халуповича за то, что он в своих виршах обозвал русских пасынками своей земли. А нет, чтобы взять, да и отчитать этого, с позволения сказать, поэта. Тем более, что Вы, как коммунист, противник русофобии. Так нет же, Бы все на русский национализм сворачиваете, пытаетесь обвинить русских в том, чего в них нет.

А что есть? Да, есть обиды за то, что русские, Россия отдавала и отдает все другим нациям и народам, а сама нищает и нищает. Есть горькая неудовлетворенность своим политическим, экономическим, культурным состоянием. И своего ЦК партии у России нет, нет своего радио, телевидения, Академии наук. И никому нет дела, что на 1000 русских всего-то приходится 76 человек с высшим образованием. Это сколько же у русских погибло интеллигенции, потенциальных художников, писателей, ученых, среди которых могли быть и выдающиеся, гениальные... И есть острая боль за то, что иные народы, спасенные когда-то Россией от гибели, от исчезновения, ныне Россию же обвиняют в оккупации, в каком-то мифическом угнетении, всячески оскорбляют. А стоит русским чуть возразить против этого — тотчас же клеятся ярлыки националистов, шовинистов, антисемитов.

«Что касаетсв лартийной оценни, — пишете Вы далее, т. Корсунский Б. Л., — **то согласен: настапа лора назвать вещи своими именами, дать принципиальную политическую оценку той позиции, тем настроениям, которые вы нвсвждаете. Непьзя дальше закрывать глаза на то, что возмущает и все серьезнее беспокоит всех честных людей, лрогрессивную общественность нашей стрвны и лрежде всего коммунистов».**

Верно, пора дать партийную оценку нашей позиции, нельзя дальше закрывать глаза на то, что все серьезнее беспокоит прогрессивную общественность и прежде всего коммунистов. И оценка такая дана Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в его докладе на декабрьском Пленуме ЦК КПСС. Вот она, эта оценка: «Обострение межнациональных отношений в разных регионах страны вывело на поверхность копившуюся десятилетиями неудовлетворенность многих народов и народностей своим политическим, социально-экономическим и культурным состоянием. Демократизация общества дала возможность высказать эту неудовлетворенность открыто, выплеснуть боль за старые обиды, повести активную агитацию за национальное возрождение».

Вот мы и высказываем зту свою неудовлетворенность открыто — и о небывалом засилье евреев в руководящих органах партии, в правительстве в довоенное время, в ущемлении русских и других народов в их правах, в их социальном развитии, а Вы, т. Корсунский Б. Л., кричите с трибуны Пленума ЦК КПСС: это антисемитизм!

Вот за зту клевету и Вам давно пора дать партийную оценку,

что мы и просили сделать Политбюро ЦК КПСС в своей телеграмме в его адрес.

И, наконец, последние строчки Вашего ответа:

«Нвдеюсь, что это письмо будет олубликоввно, его не постигнет учвсть моего ответа на телегрвмму секретариатв прввленив Союза писателей РСФСР, направленного вашим коллегам из «Литературной России» и который вопреки всем настояниям твк и не был налечатвн. В этой связи оствляю за собой право поместить его в других оргвнах печати.

С уважением Б. Корсунский».

Как видите, Ваши надежды оправдались. Ваш «Ответ» на наше «Открытое письмо» мы опубликовали от буквы до буквы, до этого самого — «с уважением...», в которое мы не верим, да и не хотим его от клеветника. А права поместить свой «Ответ» в других органах печати мы у Вас не отнимаем. Помещайте, дискредитируйте, разоблачайте, позорьте себя дальше... Сейчас самое время — ведь, кажется, Вы являетесь кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Пусть избиратели еще лучше узнают Вашу истинную суть.

Впрочем, стоп... «Куда уж дальше-то?!» — подумали мы, когда нам стало известно кое-что из Вашей, т. Корсунский Б. Л., биографии.

Сначала из биографической справки как кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, помещенной в газете «Биробиджанская звезда» за 12 февраля 1989 года, мы узнали, что Вам, т. Корсунский Б. Л., «присущи черты подлинного партийного лидера», что Вы «всегда в гуще масс», умеете «убеждать и вести за собой людей», что Вас «отличает высокая ответственность к порученному делу, принципиальность и требовательность, широта кругозора, способность видеть перспективу, выделять главные ключевые проблемы, нацелить и мобилизовать на их решения коммунистов, трудящихся...» Ну и прочее и прочее, в таком же духе.

Но, подумали мы, почему же, в таком случае, в прошлую избирательную кампанию трудящиеся, которых Вы «умеете убеждать и вести за собой», дружно проголосовали против Вас? А не потому ли, что в области смутно ходили слухи кое о каких Ваших, ну скромно говоря, шалостях, будто Вы служебным положением злоупотребляли, сына от призыва в армию незаконно освободили, какие-то доходы от партии утаивали и что Вас будто бы собираются даже за это освободить от должности.

Но, опять же подумали мы, — мало ли что говорят недоброжелатели. Раз человека не освободили от должности, значит все это наговоры злопыхателей.

Но вот познакомились мы в газете «Биробиджанская звезда» за 17 декабря 1989 года со статьей некоего М. Заридера под названием «Какие у вас вопросы? По поводу одного открытого письма». Это как раз одно из тех русофобских выступлений, которыми, как мы говорили выше, сейчас переполнена вся областная пресса. Досадно, конечно, что многие читатели Еврейской автономной области с нашим «Открытым письмом» незнакомы — ни одна газета области не осмелилась перепечатать его. А может, им это и не было позволено? Так или иначе, но в этой статье М. Заридера есть

такой пассаж, обращенный к нам, работникам и коммунистам журнала «Молодая гвардия»: «В конце своего письма вы просите коммунистов области дать оценку нравственному и политическому облику секретаря областного партийного комитета. **Зачем же брать так широко? У каждого человека, конечно же, есть недостатки»** (Разрядка наша. — «М. Г.»).

Господи, думаем, что здесь к чему? Мы-то в «Открытом письме» просили коммунистов области дать оценку нравственного и политического облика первого секретаря своего обкома лишь в связи с его клеветой на нас на Пленуме ЦК КПСС. А этот М. Заридер, из всех сил защищая Корсунского Б. Л., тут явственно проговаривается о каких-то иных его недостатках. Да уж не о тех ли, за которые избиратели в прошлый раз отказали т. Корсунскому Б. Л. в доверии? И вот теперь, когда Корсунский Б. Л. хочет стать депутатом Верховного Совета России, сей адвокат его как бы убеждает избирателей: люди, ведь мы же все люди — с кем не бывает! А так-то т. Корсунский Б. Л. человек хороший...

Ну и, заинтригованные этим газетным выступлением, поинтересовались мы поглубже биографией тов. Корсунского Б. Л., этого «подлинного партийного лидера», которого «отличает высокая ответственность к порученному делу, принципиальность и требовательность». И что же мы выяснили?

Еще недавно публикация партийного документа, который мы помещаем ниже, была невозможна. Но ныне времена иные, как сказал М. С. Горбачев в своем докладе «Об образовании Российского Бюро ЦК КПСС», произнесенном им на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 года: «Все сферы партийной жизни открыты для критики».

Итак, вот этот документ:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ БЮРО ХАБАРОВСКОГО КРАЙКОМА КПСС

30 августа 1983 г. Протокол № 76 § 42

О тов. Корсунском Б. Л.

Проверкой сигналов, поступивших в крайком КПСС, установлено, что первый секретарь Биробиджанского горкома КПСС Корсунский Б. Л. во время своего отпуска допустил факты злоупотребления служебным положением в личных целях: незаконно, без оплаты использовал для организации свадьбы своего сына служебный автотранспорт. В течение шести суток в г. Хабаровске находились две автомашины горкома КПСС и пять суток автомашина Биробиджанского горисполкома. Стоимость эксплуатации автомашин за это время составляет 487 руб. 48 коп.

Кроме того, водителям под предлогом поездки в крайком КПСС незаконно выплачены командировочные на общую сумму 89 руб. 55 коп.

Корсунский Б. Л. не пресек неправильных действий жены, добившейся незаконной отсрочки от призыва на действительную военную службу сына, студента института инженеров железнодорожного транспорта Корсунского Ю. Б., который потерял право на отсрочку от призыва в связи с исключением из института за академическую неуспеваемость.

Корсунский Б. Л. неоднократно нарушал установленный порядок уплаты членских партийных взносов. С января 1982 года он в восьми случаях недоплатил взносы с премиальных вознаграждений и гонораров.

В ходе проверки Корсунский Б. Л. возместил стоимость эксплуатации автомашин Биробиджанского горкома КПСС и горисполкома, погасил недоплату по членским партийным взносам. Железнодорожным райвоенноматом решен вопрос о призыве на действительную военную службу Корсунского Ю. Б. осенью 1983 года.

Бюро крайкома КПСС постановляет:

Отметить, что за допущенное злоупотребление служебным положением, выразившееся в незаконном использовании служебного автотранспорта в личных целях, факты недоплаты членских партийных взносов, первый секретарь Биробиджанского горкома КПСС т. Корсунский Б. Л. заслуживает освобождения от занимаемой должности, но, учитывая его чистосердечное осуждение своих поступков и непродолжительный период работы в занимаемой должности, объявить члену КПСС т. Корсунскому Б. Л. выговор с занесением в учетную карточку.

Секретарь Хабаровского крайкома КПСС — **В. Черный**

Вот, оказывается, каков нравственный и политический облик т. Корсунского Б. Л., «подлинного партийного лидера», ныне кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР. Смело, товарищи избиратели, отдавайте свои голоса за т. Корсунского Б. Л. Он достойно будет представлять ваши интересы, интересы всей России в высшем органе республики.

Что еще сказать о т. Корсунском Б. Л. в связи со всей этой историей? В 1983 году он заслуживал снятия с должности первого секретаря Биробиджанского горкома КПСС. Тогда были времена проклятого застоя, но наш герой, которому «присущи черты подлинного партийного лидера», нисколько не застоялся. И вместо изгнания с партработы навсегда, чего он, по определению бюро Хабаровского крайкома КПСС, заслуживает, т. Корсунский Б. Л. все возвышается и возвышается: в 1985 году он уже второй секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области, а с 1987 года — первый секретарь обкома партии. Словом, растет и растет, как колхозный колос на тучных полях родной области. И кто знает, до чего дорастет?!

Мы представляем, какой шквал обвинений в антисемитизме мог бы обрушиться на нас в связи с этой публикацией, рисующей подлинный облик первого секретаря обкома КПСС Еврейской автономной области т. Корсунского Б. Л. Но мы спокойны: мог бы, да не обрушится. Ведь это уже проверено: русских можно критиковать как угодно, сколько угодно и где угодно.

И последнее. В «Открытом письме» к Вам, т. Корсунский Б. Л., мы предъявили Вам обвинение в клевете на журнал и его авторов. Ваш «Ответ», который мы опубликовали выше, этих обвинений не опроверг.

Ныне, как видно из вышеопубликованного, перед читателями открылись новые стороны вашего политического и нравственного облика. Так как же Вас теперь называть, т. Корсунский Л. Б.? *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ,
редакция, партийная организация
журнала «Молодая гвардия»

* Еще не успели высохнуть чернила на «Ответе», направленном т. Корсунским Б. Л. из Биробиджана в «Молодую гвардию», как он, будучи в Москве в канун новогодних праздников, стал проявлять в определенных общественных кругах беспокойство и недовольство тем, что его «Ответ» все еще не опубликован... Конечно, московская медлительность в этом деле ни в какое сравнение с биробиджанской оперативностью не идет. В свое время из редакции было отправлено письмо т. Корсунскому Б. Л., уведомляющее, что его «Ответ» будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала. Учитывая беспокойство и недовольство т. Корсунского Б. Л., мы решили ускорить столь ожидаемую им публикацию.

Мы считаем необходимым заявить, что неспособность т. Корсунского Б. Л. вести конструктивный диалог, его очевидное нежелание искать истину, если не сказать сильнее, делают нашу дальнейшую переписку с т. Корсунским Б. Л. бесплодной.

Письма же наших читателей, высказывающих свое отношение к выступлению т. Корсунского Б. Л. на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС и в связи с этим дающих ему партийно-политическую и нравственную оценку, мы предполагаем опубликовать в следующем номере («М. Г.»).

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 19.12.89. Подп. в печ. 02.02.90. А02247.
Формат 84×108 1/16. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15.12. Усл. кр.-отт. 21.0. Уч.-изд. л. 19.7.
Тираж 750 000 экз. Заказ [illegible]. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

«КАНТАТА - 205 - СТЕРЕО»